

The book cover features a close-up portrait of a woman with long, dark, wavy hair and light-colored eyes. She has a serious expression and is wearing a dark, possibly black, corset-style top with lace and a small brooch at the waist. Her left arm is visible, showing a large, intricate tattoo of a floral or vine-like design. The background is dark and moody, with silhouettes of trees and what appear to be birds or bats flying in the upper left corner. The title is written in a large, stylized font with red and white colors, and the author's name is at the top in white. A red banner with white text is on the right side.

РАЙЧЕЛ МИД

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

КНИГА ПЯТАЯ

ОКОВЫ ДЛЯ ПРИЗРАКА

Annotation

Позади выпускные испытания в Академии вампиров, и неукротимая Роза Хэзевей получает наконец официальное звание стража. Целый мир раскрыт перед ней отныне, но первое, что делают Роза и ее подруга принцесса Лисса после прибытия к королевскому двору, — это организуют побег из тюрьмы Виктора Дашкова, одного из самых опасных преступников вампирского мира. Ибо только он может указать путь к тому, чтобы спасти от страшной участи Дмитрия, любовь к которому в душе Розы оказалась сильнее смерти... Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров!

- [Райчел Мид](#)
  - [Один](#)
  - [Два](#)
  - [Три](#)
  - [Четыре](#)
  - [Пять](#)
  - [Шесть](#)
  - [Семь](#)
  - [Восемь](#)
  - [Девять](#)
  - [Десять](#)
  - [Одиннадцать](#)
  - [Двенадцать](#)
  - [Тринадцать](#)
  - [Четырнадцать](#)
  - [Пятнадцать](#)
  - [Шестнадцать](#)
  - [Семнадцать](#)
  - [Восемнадцать](#)
  - [Девятнадцать](#)
  - [Двадцать](#)
  - [Двадцать один](#)
  - [Двадцать два](#)
  - [Двадцать три](#)
  - [Двадцать четыре](#)

- [Двадцать пять](#)
  - [Двадцать шесть](#)
  - [Двадцать семь](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Райчел Мид

ОКОВЫ ДЛЯ ПРИЗРАКА

*Моему агенту, Джиму Маккартни.
Спасибо тебе за то, что взял на себя
всю самую трудную работу.
Без тебя этих книг не было бы!*

Один

Одно дело — получать любовные письма, и совершенно другое — смертельные угрозы, даже при условии, что смертельная угроза содержится в любовном письме. Хотя, возможно, не мне судить его автора, поскольку я сама пыталась убить того, кого люблю.

Появление сегодняшнего письма было превосходно рассчитано по времени; впрочем, ничего другого я и не ожидала. Я прочитала его четыре раза, а потом, хотя и опаздывала, не смогла удержаться, чтобы не перечитать и в пятый.

Моя дорогая Роза!

Одна из немногих отрицательных сторон пробуждения состоит в том, что у нас больше нет необходимости спать и, следовательно, мы не видим снов. Это досадно, поскольку, если бы я мог видеть сны, уверен, то были бы сны о тебе. Во сне я ощущал бы твой запах и шелк волос под моими пальцами, гладкость кожи и жар губ, когда мы сливаемся в поцелуе.

Лишенный снов, я вынужден довольствоваться собственным воображением, но это почти так же хорошо. Я в состоянии до мелочей представить себе все, о чем упоминал, а заодно и то, как я положу конец твоей жизни в этом мире. Я сожалею, что вынужден сделать это, но ты не оставила мне выбора. Твой отказ соединиться со мной в вечной жизни и любви лишает меня возможности поступить иначе, и я не могу позволить жить такому опасному созданию, как ты. Кроме того, даже пусть я намерен пробудить тебя насильно, ты сумела обзавестись в среде стригоев множеством врагов, и каждый из них жаждет убить тебя. Если уж тебе суждено умереть, лучше уж, ты примешь смерть от моей руки.

Тем не менее я желаю тебе удачи в предстоящих испытаниях, хотя, конечно, удача тут ни при чем. Если тебя и впрямь подвергнут им, это для всех станет пустой тратой времени. Ты лучшая в данной группе и этим вечером, без сомнения, получишь свой знак обещания. Разумеется, это означает, что будет гораздо труднее одолеть тебя, когда мы встретимся, снова, но перспектива этой встречи безмерно радует меня.

А мы непременно встретимся снова. Закончив Академию, ты покинешь ее, и я найду тебя, как только ты выйдешь за пределы защитных колец. В мире нет места, где ты могла бы спрятаться от меня. Я начеку.

С любовью,

Дмитрий

Несмотря на «теплые пожелания», письмо не воодушевило меня. Я бросила его на кровать и покинула комнату в расстроенных чувствах. Да, я старалась противиться воздействию его слов, но, прочтя такое, невозможно не испытывать ужас. «В мире нет места, где ты могла бы спрятаться от меня»...

Да уж, можно не сомневаться. Я знала, у Дмитрия есть шпионы. Как только мой бывший инструктор, а позже возлюбленный превратился в злобного, не-мертвого вампира, он очень быстро стал среди них лидером, чему я в какой-то степени способствовала сама, убив его прежнюю начальницу. Наверняка многие из этих шпионов — люди, которые не спустят с меня глаз, как только я выйду за пределы школы. Ни один стригой не может выслеживать кого-то двадцать четыре часа в сутки, а вот люди могут, и недавно мне стало известно, что многие из них готовы по доброй воле служить стригоям в обмен на обещание пробуждения. По мнению этих личностей, вечная жизнь стоит того, чтобы погубить свою душу и поддерживать существование ценой убийства других. От одной мысли о них мне делается нехорошо.

Однако не эти люди заставляли меня то и дело спотыкаться, когда я шла по ярко-зеленой летней траве. Нет, причиной этого был Дмитрий. Все это он — мужчина, которого я люблю, стригой, которого я хочу спасти, монстр, которого, скорее всего, мне придется убить. Наша любовь неизменно пылала внутри, сколько бы я ни уговаривала себя перешагнуть через нее и двигаться дальше, сколько бы мир вокруг ни думал, что я в состоянии сделать это. Дмитрий всегда со мной и постоянно заставляет меня сомневаться в себе.

— У тебя такой вид, словно ты готова сразиться с целой армией.

Мрачные мысли тут же оставили меня. Я так сильно сосредоточилась на Дмитрие и его письме, что шла, ничего вокруг не замечая — даже своей лучшей подруги Лиссы, которая, оказывается, с улыбкой шагала рядом со мной. Ей очень редко удавалось застать меня врасплох: благодаря нашей

внутренней связи я всегда осознавала ее присутствие и знала ее чувства. Мне требовалось очень сильно отвлечься, чтобы не заметить ее, и обычно так приковать к себе мое внимание могло лишь одно обстоятельство — когда кто-нибудь хотел меня убить.

Я постаралась улыбнуться как можно искреннее. Она знала о происшедшем с Дмитрием, как и о том, что после моей неудачной попытки погубить его он хочет сделать то же со мной. Ее беспокоили письма, которые я получала от него каждую неделю, а ведь у Лиссы хватало собственных забот и без моего не-мертвого преследователя.

— Можно сказать, что мне и предстоит сразиться с целой армией, — заметила я.

Вечер только начинался, и летнее солнце еще пылало в небе Монтаны, заливая нас золотистым светом. Мне это нравилось, но поскольку Лисса морой — так называют миролюбивых, живых вампиров, — солнечный свет неприятен ей и вызывает возрастающую слабость.

Рассмеявшись, она перекинула на одно плечо волосы цвета платины; в лучах солнца они сверкали, придавая ей ангельский вид.

— Не думаю, что ты всерьез обеспокоена.

Я понимала ход ее рассуждений. Даже Дмитрий писал, что эти испытания — пустая трата времени. В конце концов, в поисках его я ездила в Россию, лицом к лицу встречалась там с реальными стригоями и самостоятельно убила нескольких. Наверное, мне и в самом деле не следовало бояться предстоящих испытаний, но внезапно все это помпезное действо и связанные с ним ожидания заставили сердце забиться чаще. Что, если я не справлюсь? Что, если я переоцениваю свои возможности? Может, стражи, с которыми мне предстоит бороться, и не настоящие стригои, но они опытнее меня и принимали участие в гораздо большем количестве поединков. Излишняя самоуверенность может привести к серьезным неприятностям — например, я провалю испытания, причем на глазах у людей, которые сочувствуют мне и верят в меня.

А имелись и еще кое-какие причины для волнения.

— Я беспокоюсь о том, как испытания повлияют на мое будущее, — сказала я.

И это была чистая правда. Предстоящие испытания — заключительный экзамен новичков-стражей вроде меня. Успешно пройдя их, я закончу Академию Святого Владимира и займу свое место среди полноправных стражей, защищающих мороев от стригоев. От результатов также во многом зависит, к какому именно морю меня распределят.

Благодаря нашей связи я ощущала сочувствие Лиссы — и ее волнение.

— Альберта считает, что шансы остаться вместе у нас достаточно велики... что ты все-таки будешь моим стражем.

— По-моему, Альберта говорила это, чтобы удержать меня в школе. — Я покачала головой.

Несколько месяцев назад я бросила учебу и отправилась в погоню за Дмитрием, но потом вернулась, и вряд ли запись о побеге украсила мое личное дело. Существовал и тот «мелкий» факт, что моройская королева Татьяна ненавидит меня и, скорее всего, постарается использовать все свои возможности, чтобы повлиять на мое назначение... но это совсем другая история.

— Думаю, Альберта прекрасно понимает, что я могу получить распределение к тебе в одном-единственном случае — если останусь последним стражем на свете. И даже тогда мои шансы будут очень невелики.

Рев толпы впереди с каждым нашим шагом становился все яснее. Одну из многочисленных академических спортплощадок превратили в арену по образцу тех, на которых сражались римские гладиаторы: поставили скамьи, как простые деревянные, так и роскошные, с мягкой обивкой и навесами для защиты от солнца. Вокруг развевались на ветру яркие разноцветные флаги. Я знала также — хотя пока и не видела их отсюда, — что рядом с входом возвели деревянные бараки, где, нервничая, ждали новички. Сама площадка стадиона превратилась в полосу препятствий. Судя по приглушенному шуму, зрители в основном уже собрались.

— Я не теряю надежды, — сказала Лисса, и благодаря нашей связи я чувствовала, что она и впрямь так думает. Нерушимый оптимизм не раз помогал ей выстоять в суровых испытаниях и был так не похож на мое обычное неверие, порой переходящее в откровенный цинизм. — И у меня есть кое-что, что поможет тебе сегодня.

Она остановилась и достала из кармана джинсов серебряное кольцо, усыпанное золотисто-зелеными крошечными камешками, похожими на хризолиты. Само собой стало ясно, в чем суть ее подарка.

— Ох, Лисс... Не знаю. Это даст мне преимущество, что, по-моему, несправедливо.

Лисса закатила глаза.

— Ничего страшного, и ты это знаешь. Он совсем слабенький, клянусь.

Это колечко Лисса сделала талисманом, вложив в него силу подвластной ей стихии. Каждому морю подчиняется одна из пяти стихий: земля, воздух, вода, огонь и дух. Владеющие духом встречаются настолько

редко, что на протяжении столетий об этой возможности почти и не вспоминали, однако в последнее время она снова заявила о себе — благодаря Лиссе и еще нескольким мороям. В отличие от других стихий, физических по своей природе, дух связан с сознанием и чисто психическими явлениями, из-за чего малодоступен для понимания. Лисса совсем недавно начала экспериментировать с талисманами, заряженными силой загадочной стихии духа, и, по правде говоря, пока не слишком преуспела. В наибольшей степени ее способности проявляются в целительстве, поэтому она и пыталась создавать исцеляющие талисманы. Позвякивающий на моей руке браслет был ее последним произведением.

— Талисман воздействует очень слабо, но все же во время испытаний будет отгонять от тебя тьму.

Она говорила по виду беспечно, но мы обе понимали, насколько это серьезно. Как это обычно бывает, за помощь стихии духа приходится дорого платить. Наползающая тьма поначалу проявляет себя во вроде бы беспричинном гневе, смятении, но в конечном счете ведет к безумию. Благодаря нашей связи эта тьма временами перетекает из Лиссы в меня.

Мы считали, что с помощью талисманов и ее целительских способностей можно бороться с этим, но пока не достигли особого успеха.

Я улыбнулась, тронутая ее беспокойством за меня, взяла маленькое колечко и надела на мизинец — единственный палец, на который оно налезло. Колечко не обжигало руку, и это показалось мне хорошим знаком. По правде говоря, я вообще ничего не почувствовала: такое иногда случается с исцеляющими талисманами, хотя может и быть знаком их полного бессилия. Ну, по крайней мере, вреда оно не причинит.

— Спасибо.

Я почувствовала, что она довольна, и мы зашагали дальше.

Вытянув руку, я с восхищением смотрела, как свет играет в зеленых камешках. В испытаниях, предполагавших значительные физические нагрузки, носить ювелирные изделия вроде как ни к месту, но ничего, под перчатками кольца не будет видно.

— Просто не верится, что уже совсем скоро мы покинем школу и выйдем в большой мир, — пробормотала я.

Лисса рядом со мной мгновенно напряглась, и я пожалела о вырвавшихся у меня словах. Выход в большой мир подразумевал, в частности, что мы с Лиссой займемся делом, в котором она, хоть и без особого восторга, два месяца назад обещала мне помочь.

В Сибири я узнала, что, возможно, существует способ снова сделать Дмитрия дампиром — способ весьма долгий и сложный, и в придачу нет

никакой уверенности в том, что это вообще правда. Сам же Дмитрий заикнулся на идее убить меня, а значит, если встанет вопрос, он или я, мне придется убить его. Однако если способ существовал, я все же должна была попытаться найти его — причем до того, как мы с Дмитрием встретимся.

К несчастью, единственную ниточку, ведущую к этому чуду, держал в руках преступник, и не какой-то заурядный, а сам Виктор Дашков — королевский морой, который когда-то терзал Лиссу и совершил массу других злодеяний, превративших нашу жизнь в ад. Справедливость восторжествовала, и сейчас Виктор сидел в тюрьме, но это же существенно осложняло дело. Находясь за решеткой, он едва ли пожелает помочь нам встретиться с его сводным братом — единственным мороем, который якобы когда-то спас стригоя. И я рассудила, что, возможно, Виктор выдаст нам нужную информацию, если взамен мы предложим ему то, чего иначе он никогда не получит, — свободу.

План выглядел сомнительным — по множеству причин. Во-первых, вся эта история с братом Виктора вообще могла оказаться блефом. Во-вторых, я понятия не имела, как организовать побег из тюрьмы, не говоря уж о том, что даже не знала, где он содержится. И наконец, успех нашего дела привел бы к тому, что мы собственными руками выпустили бы на свободу своего смертельного врага, подвергая опасности нас обеих, меня и Лиссу. Тем не менее, поскольку эта идея не давала мне покоя, Лисса пообещала помочь мне. Я десятки раз предлагала вернуть ей слово, но она стояла на своем. Впрочем, возможно, ей это ничем и не угрожает — если даже мы не сумеем найти тюрьму.

Возникло неловкое молчание. Чтобы заполнить его, я заговорила о том, как предлагаю отпраздновать на следующей неделе день рождения Лиссы, однако со стороны стадиона к нам подошел Стэн, мой давнишний инструктор, и прервал нашу беседу.

— Хэзевей! — рявкнул он. — Наконец-то ты соизволила появиться. Быстро на место!

Лисса мгновенно забыла о Викторе и торопливо обняла меня.

— Удачи, — прошептала она. — Хотя ты и сама прекрасно справишься.

Наше прощание длилось всего десять секунд, но, судя по выражению лица Стэна, все же показалось ему слишком долгим. Я улыбнулась Лиссе в благодарность за поддержку и торопливо зашагала вслед за инструктором, а она отправилась на трибуны искать наших друзей.

— Тебе повезло, что ты не среди первых, — проворчал он. — На

трибунах уже заключают пари, появишься ты или нет.

— Правда? И каковы ставки? Я ведь еще могу передумать, поставить на то, что не приду, и загрести целый карман денег.

Его предостерегающий взгляд с прищуром говорил красноречивее всяких слов. Мы вошли в зону ожидания рядом со стадионом, напротив трибун. Меня всегда изумляло, сколько труда вкладывается в проведение этих испытаний, а сейчас, на близком расстоянии, я была поражена еще больше. Барак, где ожидали новички, представлял собой деревянное сооружение с крышей и выглядел так, будто стоял тут всегда, но тем не менее по окончании испытаний его уберут так же быстро, как и возвели. Довольно широкий дверной проем позволял видеть часть площадки, где один из моих одноклассников с волнением ожидал, когда назовут его имя. На площадке были установлены разнообразные препятствия, призванные проверить координацию и способность сохранять равновесие, одновременно борясь со стражами, которые могли выскочить из-за любого угла, или ускользая от них. На одном конце поля был сооружен сложный лабиринт из деревянных стен, в других местах свисали сети и шаткие платформы.

Несколько новичков сгруппировались в двери, рассчитывая посмотреть, как проходят испытания у идущих первыми, в надежде воспользоваться их опытом. Но только не я. Я была настроена действовать вслепую и принять все, что меня ждет. Если я стану подглядывать, как проходят испытания другие, то могу поддаться панике, а важнее всего для меня сейчас было сохранять спокойствие.

Поэтому я прислонилась к стене барака и огляделась. Похоже, я и впрямь появилась тут последней; интересно, насчет меня и правда заключают пари? Некоторые мои одноклассники перешептывались, собравшись небольшими группами; другие разогревались, делая упражнения на растягивание; третьи стояли со своими инструкторами, выслушивая последние наставления. То и дело раздавались слова «сосредоточься» и «успокойся».

При виде инструкторов сердце мое сжалось. Не так давно я рисовала в воображении этот день, представляя себе, как мы стоим с Дмитрием и он советует мне настроиться серьезно и, оказавшись на поле, не утратить хладнокровия. Когда я вернулась из России, моим инструктором стала Альберта. Однако, будучи капитаном стражей, сейчас она находилась на поле, целиком погрузившись в исполнение своих многочисленных обязанностей. У нее не было времени забежать сюда и подержать меня за руку. Друзья, которые могли бы меня успокоить — Эдди, Мередит и

другие, — сражались с собственными страхами, а я оказалась предоставлена самой себе.

Без Альберты или Дмитрия, вообще без чьей-либо поддержки я внезапно почувствовала ужасную боль одиночества. Это несправедливо, я не должна быть сейчас одна. Всегда предполагалось, что во время испытаний со мной будет Дмитрий. Закрыв глаза, я вообразила, что он и впрямь здесь, и почти слышала наш разговор.

— Не волнуйся, товарищ, я справлюсь и с завязанными глазами. Черт, может, мне так и сделать? У тебя есть какая-нибудь повязка? Если будешь хорошо себя вести, я даже позволю тебе завязать ее.

Поскольку мы уже были близки, существовала большая вероятность того, что по завершении этой воображаемой сцены он снял бы с меня не только повязку, но и все прочее...

Я представила себе, как он укоризненно качает головой.

— Роза, клянусь, каждый день с тобой можно считать испытанием.

Однако я не сомневалась — он ободряюще улыбнулся бы мне. Эта улыбка, выражение гордости на его лице — вот все, в чем я нуждалась, чтобы выдержать этот экзамен...

— Медитируешь?

Услышав рядом этот голос, я в изумлении открыла глаза.

— Мама? Что ты здесь делаешь?

Передо мной стояла моя мать, Джанин Хэзевей. На несколько дюймов ниже меня, она обладала таким боевым духом, что могла одолеть любого противника, даже вдвое крупнее, чем я. Само выражение ее лица заставило бы любого хорошенько подумать, прежде чем бросить ей вызов. Упираясь рукой в бедро, она улыбнулась мне.

— Ты всерьез полагаешь, что я могла не приехать в такой важный для тебя день?

— Ну, не знаю.

Мне стало чуточку стыдно за то, что я усомнилась в ней. На протяжении долгих лет мы почти не общались, и только благодаря недавним событиям — в основном нерадостным — связь между нами начала восстанавливаться. Я по-прежнему не очень-то понимала, какие чувства испытываю к ней — что-то среднее между потребностью маленькой девочки в вечно отсутствующей матери и чувством обиды брошенного подростка. Еще я не могла простить ей того, что однажды она, якобы нечаянно, сильно ударила меня во время учебного боя.

— Просто я думала, что у тебя найдутся более важные дела.

— Такое событие я ни при каких обстоятельствах не пропустила

бы. — Она кивнула в сторону трибун, тряхнув темно-рыжими вьющимися волосами. — Как и твой отец.

— Что?

Я повернулась к двери и бросила взгляд на поле. Многочисленные препятствия на нем мешали хорошо разглядеть трибуны, но все же видно было достаточно. Да, действительно, вон он: Эйб Мазур.

Не заметить такого человека было трудно — с его черной бородой, такими же усами, изумрудного цвета шарфом поверх ослепительно белой рубашки и поблескивающей на солнце золотой серьгой. Думаю, ему было жарко в таком одеянии, но, видимо, присущее ему чувство крикливого стиля перевешивало соображения удобства.

Если отношения с матерью у меня были не слишком близкие, то с отцом не было почти вовсе никаких отношений. Я впервые встретила с ним в мае этого года, а о том, что это мой отец, узнала еще позже. У всех дампилов отец — морой; моим отцом стал Эйб Мазур. Его поведение и образ жизни во многом окутаны тайной, но ходят упорные слухи о его связях с незаконным бизнесом. Люди ведут себя с ним так, словно он может любому кости переломать, что меня не удивляло, хотя никаких доказательств этого лично я не видела. В России он носил прозвище Змей.

Я в удивлении смотрела на него.

— Он будет рад, что ты успела вовремя, — мама подошла и встала рядом, — поскольку держал пари на большую сумму, что ты появишься. Рискнул своими деньгами, веря в тебя. Может, тебе приятно об этом узнать.

Я застонала.

— Конечно! Конечно, он — тот букмекер, который стоит за этим пари. Мне следовало сразу догадаться... — И тут меня ожидало еще одно потрясение. — Он что, разговаривает с Адрианом?

Да! Рядом с Эйбом сидел Адриан Ивашков — мой в некотором роде бойфренд, королевский морой и еще один пользователь духа наряду с Лиссой. С нашей первой встречи он сходил по мне с ума (впрочем, и без меня он здравым рассудком не отличался), но я никого не замечала, кроме Дмитрия. Потерпев неудачу в России и вернувшись сюда, я пообещала дать Адриану шанс. К моему удивлению, наши отношения складывались не так уж плохо, можно даже сказать, очень хорошо. Он в письменной форме предложил мне встречаться и перечислил все положительные стороны этого решения, такие, например: «Я брошу курить — за исключением тех случаев, когда действительно никак не смогу обойтись без сигареты» и «Я каждую неделю обещаю устраивать романтические сюрпризы — импровизированные пикники, цветы, поездка в Париж, что-то вроде этого,

но другое, потому что это уже не сюрприз».

Встречаться с ним — это было совсем не то, что встречаться с Дмитрием; но, полагаю, не бывает двух в точности одинаковых взаимоотношений. В конце концов, они же разные люди. Я по-прежнему просыпалась каждый день с болью в сердце — из-за того, что лишилась Дмитрия и нашей любви. Переживала, что не сумела убить его в Сибири и тем самым освободить от состояния не-мертвого. И все же это отчаяние не означало, что из моей жизни окончательно ушла романтика, хотя я не так быстро поняла это. Трудно было найти силы для того, чтобы идти дальше, но Адриан умел порадовать меня, и на сегодня этого было достаточно.

Но из всего этого вовсе не следовало, будто я хочу, чтобы он завел дружбу с моим отцом-гангстером.

— Он плохо влияет на людей! — воскликнула я.

Мать насмешливо фыркнула.

— Не думаю, что Адриан сумеет так уж повлиять на Эйба.

— Не Адриан! Эйб! Адриан старается вести себя хорошо, а из-за Эйба все может пойти прахом. — В своем послании Адриан обещал отказаться не только от курения, но от пьянства и других пороков. Глядя на него, увлеченно беседующего с Эйбом, я пыталась вычислить, что за интересную тему они обсуждают. — О чем они говорят?

— В данный момент это не должно тебя особо волновать, — заметила Джанин Хэзевей, человек прежде всего практичный. — Забудь о них, думай о предстоящих испытаниях.

— По-твоему, они говорят обо мне?

— Роза! — Мать легонько ткнула меня в плечо, и я перевела взгляд на нее. — Настройся как следует. Не отвлекайся, сохраняй спокойствие.

Она сказала почти то самое, что говорил в моем воображении Дмитрий, и я невольно улыбнулась. Больше я не была одна.

— Что тебя позабавило? — настороженно спросила она.

— Да так, ничего. — Я обняла маму. Сначала все ее тело напряглось, но потом она расслабилась, тоже быстро обняла меня и отодвинулась. — Я рада, что ты здесь.

Моя мать не склонна нежничать, и эти слова застали ее врасплох.

— Ну, я же сказала, что ни в коем случае не пропустила бы этого события, — взволнованно ответила она.

Я снова бросила взгляд на трибуны.

— А вот насчет Эйба я не могу сказать с уверенностью, что рада видеть его здесь.

Хотя... постойте. Странная идея мелькнула в голове. Нет, на самом

деле не такая уж и странная. Несмотря на сомнительную репутацию, Эйб уже сумел однажды, благодаря своим обширным связям, сделать мне одолжение и переслать Виктору Дашкову в тюрьму письмо с просьбой сообщить информацию о Роберте Дору, брате Виктора, тоже пользователе духа. В ответном письме Виктор заявил, что у него нет причин помогать Эйбу в его делах. Я тут же решила, что не могу рассчитывать на помощь отца, и стала обдумывать идею, как организовать побег Виктора из тюрьмы. Однако сейчас...

— Розмари Хэзевей!

Голосом громким и ясным, будто звук трубы, возвещающей начало сражения, Альберта вызывала меня, и все мысли об Эйбе, Адриане и даже Дмитриии выскочили из головы. Думаю, мать пожелала мне удачи, но я уже ничего не слышала, делая шаг на поле, навстречу Альберте. Адреналин вскипел в крови, все внимание сосредоточилось на предстоящем испытании, по окончании которого я стану стражем.

Само испытание слилось для меня в неясное пятно, но некоторые его части я запомнила до мелочей, отложившихся в памяти с кристальной ясностью, — ведь это важное событие завершало долгое обучение в Академии Святого Владимира. Мои прежние предположения подтвердились: игрушечные схватки не шли ни в какое сравнение с тем, что мне пришлось пережить в прошлом, когда, скажем, целая толпа стригоев напала на школу. Тогда я сражалась с противником, имеющим значительное численное превосходство, и тем не менее выстояла, даже не зная, жив мой возлюбленный или мертв. Чего мне было бояться так называемого сражения со школьным инструктором после реальной борьбы с Дмитрием? Еще дампиром он был смертельно опасен, а в качестве стригоя стал несравненно изощреннее и могущественнее.

Не хочу сказать, что испытание было легким, вовсе нет. Многие новички его не выдержали, но я не собиралась пополнять ряды неудачников. На меня со всех сторон нападали стражи, которые сражались и защищали мороев еще в те времена, пока меня и на свете не было. Дело осложнялось тем, что саму площадку загромождали всякие хитроумные приспособления и препятствия, перекладыны и лестницы, призванные проверить мою способность сохранять равновесие, включая мост, мучительно напомнивший мне последнюю ночь, когда я видела Дмитрия. Тогда я вонзила ему в сердце серебряный кол и столкнула с моста, но, пока Дмитрий летел вниз, кол выпал.

Мост на площадке был совсем не похож на тот, прочный деревянный, на котором мы с Дмитрием боролись в Сибири. Этот представлял собой шатающиеся, плохо скрепленные доски с веревками в качестве поручней. От каждого шага сооружение тряслось и качалось, и дыры в досках позволяли видеть, где именно опередившие меня одноклассники, к несчастью для них, обнаружили слабые места. Лично для меня испытание на мосту оказалось, пожалуй, самым тяжелым. Моя задача состояла в том, чтобы увести «мороя» от группы преследующих его «стригоев». Моего мороя изображал Дэниел, новый страж, наряду с другими сменивший тех, кто погиб во время нападения на школу. Я не очень хорошо знала его, но сейчас он с успехом сыграл роль беспомощного, послушного и испуганного подопечного, попавшего в подобную ситуацию.

Он слегка упирался, не желая выходить на мост, и мне пришлось

прибегнуть к самому спокойному, самому убедительному тону, чтобы уговорить его пойти первым. По-видимому, проверке подвергались не только боевые умения, но и чисто человеческие навыки общения. Мы успели отойти совсем недалеко, когда я поняла, что приближаются изображающие стригоев стражи.

Дэниел шел по мосту, я тенью следовала за ним, держась настороже и одновременно продолжая успокаивать его. Внезапно мост стал сильно раскачиваться — значит, наши преследователи тоже ступили на него. Оглянувшись, я увидела трех «стригоев» — изображающие их стражи действовали с очень натуралистичной ловкостью и быстротой. Они, без сомнения, нагнали бы нас, если бы мы не поторопились.

— Ты все делаешь замечательно, — сказала я Дэниелу, изо всех сил стараясь не сбиться с верного тона. Если кричать на мороев, это может вызвать у них шок, а если говорить слишком мягко, они решат, что ситуация не такая уж серьезная. — И я знаю, ты в состоянии идти быстрее. Мы должны держать дистанцию, не дать им приблизиться. Знаю, ты можешь сделать это. Давай!

Видимо, испытание на способность убеждать я выдержала, поскольку он прибавил скорость; еще не настолько, чтобы мы могли оторваться от преследователей, но это было хорошее начало. Мостик снова закачался, Дэниел очень натурально вскрикнул и замер, крепко вцепившись в веревочные перила. На другом конце моста, впереди нас, я заметила еще одного поджидающего стража — «стригоя» — это был инструктор по имени Рэндалл. Мы оказались зажаты между ним и задней группой. Пока Рэндалл просто стоял на конце моста, раскачивая его и тем самым затрудняя наши действия.

— Продолжай идти, — велела я, лихорадочно соображая, как быть. — У тебя получится.

— Но там еще один стригой! Мы в ловушке! — воскликнул Дэниел.

— Не беспокойся. С ним я разберусь. Просто иди.

На этот раз мой голос звучал очень настойчиво, и Дэниел, повинувшись команде, снова двинулся вперед, хотя и еле-еле. Теперь я должна была очень точно рассчитать время. От меня требовалось следить и за «стригоями» с обеих сторон, и за Дэниелом, не давая ему останавливаться. Когда почти три четверти моста остались позади, я прошептала:

— Опускайся на четвереньки! Быстро!

Он послушался — замер и встал на четвереньки.

Встав на колени, я так же тихо добавила:

— Сейчас я закричу на тебя. Не обращай внимания. — И продолжила,

уже громче, чтобы слышали те, кто шел сзади: — Что ты делаешь? Нам нельзя останавливаться! — Дэниел не пошевелился, и я снова заговорила тихо: — Хорошо. Видишь то место, где веревки соединяют основание моста с перилами? Вцепись в них как можно крепче и не отпускай, что бы ни случилось. Если понадобится, намотай их на руки. Давай!

Он повиновался. Время шло, пора было переходить к решительным действиям. Не вставая с колен, я развернулась и ножом, который получила вместе с колом, перерезала веревки, соединяющие части моста. Слава богу, нож оказался острый — организаторы испытаний понимали, что это не шутки. Нельзя сказать, что мне удалось рассечь веревки одним движением, однако я сделала это достаточно быстро, чтобы у «стригоев» с обеих сторон не хватило времени среагировать.

— Держись крепче! — еще раз крикнула я Дэниелу, и в это мгновение части моста под воздействием веса стоящих на них людей откатнулись в стороны, к деревянным опорам.

Мы с Дэниелом были к этому готовы, а вот наши преследователи сзади — нет. Двое упали, третий только-только успел ухватиться за планку моста, слегка соскользнул, но потом вцепился в нее крепче. Реальное расстояние до земли составляло шесть футов, но мне было велено считать, что это пятьдесят — то есть нам с Дэниелом грозила бы гибель, свались мы с такой высоты.

Несмотря на сложную ситуацию, он не выпустил веревку, я тоже крепко держалась и, когда наша часть моста повисла практически вертикально, начала карабкаться по ней, как по лестнице. При этом мне пришлось перелезть через Дэниела, что было нелегко, но позволило еще раз напомнить ему, чтобы он держался. Рэндалл, поджидающий нас впереди, хоть и потерял ненадолго равновесие, но не упал и сейчас полз вверх по веревкам, стремясь добраться до твердой поверхности, и был уже достаточно близко к ней, когда я сумела остановить его, схватив за ногу и с силой дернув на себя. Он вцепился в мост, и между нами завязалась борьба. Я понимала, что, скорее всего, столкнуть его не смогу, и стремилась хотя бы не подпускать ближе. Наконец, убрав нож, я вытащила из-за пояса кол. Сохранять равновесие было очень сложно, но и Рэндалл обеими руками держался за мост, открывая мне доступ к своему сердцу, чем я и воспользовалась.

Во время испытаний мы орудовали тупыми кольями, не способными проткнуть кожу, но если нажать достаточно сильно, противник понимал, что происходит. Мой удар был нанесен именно туда, куда требовалось; Рэндалл разжал руки и упал с моста, признавая тем самым, что получил

«смертельный» удар.

Теперь нужно было убедить Дэниела ползти вверх. Это отняло много времени, поскольку он вел себя в точности так, как любой испуганный морой на его месте. Хорошо хоть, ему не пришло в голову, что настоящий морой мог бы разжать руки и упасть с моста.

Когда этот эпизод закончился, на меня обрушились новые атаки, но я отбивала их, не снижая темпа и не позволяя усталости завладеть собой. Перешла в боевой режим, сосредоточившись на основных инстинктах: сражаться, увертываться, убивать.

При этом все время приходилось изобретать что-нибудь новенькое, ни в коем случае не замедляя движения. Иначе противники могли бы захватить меня врасплох — как я их в случае с мостом. И я справилась, сумев выкинуть из головы абсолютно все посторонние мысли и видя в инструкторах настоящих стригоев, а не хорошо знакомых людей. И ни разу я не позволила им меня достать.

Когда все закончилось, я не сразу это осознала: просто застыла на какое-то время в центре площадки, не понимая, почему атаки прекратились. Я осталась тут одна. Постепенно мир вокруг начал обретать четкость. Зрители на трибунах, приветствующие меня криками. Инструктора, поднявшиеся туда же. Гулкое биение собственного сердца.

И только когда улыбающаяся Альберта потянула меня за руку, я поняла, что испытание, которого я ждала всю жизнь, завершилось. А мне казалось, прошли лишь какие-то мгновения.

— Пошли. — Обхватив рукой за плечи, она повела меня к выходу. — Тебе нужно выпить воды и присесть.

В состоянии какого-то оцепенения я позволила ей увести себя с поля; зрители выкрикивали мое имя и аплодировали. Сквозь шум за спиной я услышала чьи-то слова о том, что нужно сделать перерыв и починить мост. Альберта привела меня в зону ожидания и усадила на скамью. Кто-то опустил рядом и протянул мне бутылку воды. Я подняла взгляд и увидела мать. На ее лице сияло выражение ничем не замутненной гордости.

— Сколько времени это продолжалось? — спросила я наконец.

Она снова удивила меня, рассмеявшись искренне и весело.

— Сколько времени? Роза, ты провела на поле почти час. И действовала с фантастической скоростью. Наверное, это один из лучших результатов, которые когда-либо видела школа.

— Правда? А мне казалось, все прошло... — я хотела сказать «легко», но это было не совсем точное слово, — как в тумане.

— Ты была изумительна. — Мама сжала мне руку. — Я очень, очень

горжусь тобой.

Только тут я в полной мере осознала, что все действительно закончилось, и расплылась в улыбке.

— И что теперь?

— Теперь ты стала стражем.

У меня имелось уже много татуировок, но все предыдущие случаи не шли ни в какое сравнение с той помпезной церемонией, в результате которой я получила знак обещания. Раньше мне накалывали знаки молнии за убийство стригоев в неожиданных, трагических обстоятельствах: сражение в Спокане, нападение на школу, миссия спасения. И этих убийств было так много, что им потеряли счет. Обычно за каждого истребленного стригся наносится особый знак, я же в итоге получила звездочку, означающую, что сосчитать мои достижения уже невозможно.

Нанесение татуировки — процесс не быстрый, даже если рисунок несложен, а сейчас их должен был получить весь мой выпускной класс. Церемония происходила в академической столовой — большом зале, убранство которого сейчас не уступало тому, что мы видели при королевском дворе. Весь он был заполнен зрителями — друзьями, родными, стражами. Альберта по одному вызывала нас к татуировщикам и громко объявляла полученные за испытания оценки. Эти оценки — очень важная вещь, поскольку влияют на распределение. Морой мог потребовать, чтобы ему выделили стража определенного уровня. Лисса, конечно, выразила желание получить меня, хотя даже самые лучшие в мире оценки, добытые в процессе финального испытания, не могли компенсировать дисциплинарные взыскания, отмеченные в моем личном деле.

Правда, в зале присутствовали очень немногие морои — только небольшая группка гостей, приглашенных непосредственно новоиспеченными стражами. Остальные были дампирями: и те, кто уже заслужил звание стража, и те, кто лишь готовился им стать — вроде меня. Гости сидели в задней части помещения, старшие стражи — впереди. На протяжении всей церемонии я и мои одноклассники стояли — может, это был еще один тест, на выносливость.

Я не возражала. К тому времени я переоделась, сменив грязную, порванную одежду на простые слаксы и свитер — эффектный, но не лишенный торжественности наряд. Воздух в зале сгустился от напряжения, на лицах новичков смешалось выражение радости и волнения по поводу новой, смертельно опасной роли, которую нам предстояло играть в жизни. Глядя в сияющие глаза товарищей, я с волнением, а иногда и с удивлением

слушала, какие высокие оценки они получили.

Эдди Кастиль, мой близкий друг, во время испытания тоже с успехом защищал своего «мороя» и получил особенно высокую оценку. Я не могла сдержать улыбку радости, глядя, как татуировщик наносит Эдди знак.

— Хотела бы я знать, как он провел своего мороя по мосту, — негромко пробормотала я.

Эдди был очень изобретателен. Стоящая рядом Мередит, моя подруга, недоуменно посмотрела на меня и тихо спросила:

— О чем ты?

— Ну, когда за нами с мороем гнались на мосту. Моим был Дэниел. — Она все еще не понимала, и я разъяснила. — Интересно, у него тоже были стригои с обеих сторон?

— Я вообще была одна на мосту, когда за мной гнались, а своего мороя провела через лабиринт.

Стоящий рядом одноклассник сердито посмотрел на нас, и я закрыла рот. Может, не для меня одной испытание проходило словно в тумане? Похоже, у Мередит тоже путаница в голове.

Когда Альберта вызвала меня и назвала мои результаты, по толпе пронесся взволнованный вздох. Пока они оказались самыми высокими в классе. Я порадовалась, что академические отметки она не зачитывает — они явно поубавили бы мне славы. В занятиях боевыми искусствами я всегда преуспевала, а вот с предметами вроде математики и истории дело обстояло заметно хуже, главным образом потому, что я неоднократно бросала учебу.

Волосы мне подняли и закрепили с помощью шпилек — чтобы не мешали татуировщику в работе. Наклонившись вперед, чтобы ему было лучше видно, я услышала его удивленное бормотание. Обычно шея новичка представляет собой чистое полотно, но у меня вся ее задняя часть уже была заполнена знаками, что создавало мастеру определенные трудности. Однако он оказался хорош и в конце концов нашел местечко для знака обещания в самом центре. Знак обещания, состоящий из вытянутой буквы S с закругленными концами, он поместил между знаками молнии, как бы заключившими его в объятия. Процесс был болезненный, но я сохраняла бесстрастное выражение лица и ни разу не вздрогнула. При помощи зеркала татуировщик продемонстрировал мне результат, потом наложил повязку, чтобы в ранку не попала грязь, и я вернулась к своим товарищам.

Пришлось выстоять еще два часа, но я ничего не имела против. Сознание все еще перемалывало случившееся сегодня. Я стала стражем,

подлинным стражем. И эта мысль порождала вопросы. Что будет теперь? Смогут ли высокие оценки, полученные во время испытаний, перевесить выговоры в личном деле? Стану ли я стражем Лиссы? И что будет с Виктором? И с Дмитрием?

По мере того как до меня все яснее доходил смысл сегодняшней церемонии, я начала с чувством беспокойства переминаться с ноги на ногу. Дело было не только в Дмитриии и Викторе — вся моя жизнь менялась коренным образом. Школа позади. Больше никаких учителей, отслеживающих каждый шаг и поправляющих, если совершаешь ошибку. Мне предстоит защищать кого-то, полностью полагаясь только на себя. Морои и младшие дампиры будут смотреть на меня как на специалиста. И с роскошью безделья в своей комнате после занятий и тренировок покончено. Ни какого четкого расписания — я буду на службе все время. Эта мысль приводила в уныние, давила тяжким грузом. Прежде в моем сознании окончание школы всегда связывалось со свободой, но теперь я взглянула на это по-другому. Какую новую форму обретет моя жизнь? Кто окажет на нее решающее воздействие? И как я смогу добраться до Виктора, если меня распределят не к Лиссе, а к кому-нибудь еще?

Я встретила взглядом с Лиссой, стоящей на другом конце зала. Она не меньше моей матери буквально светила от гордости и широко улыбнулась мне.

«Не смотри так хмуро, — с укоризной передала она мне благодаря нашей мысленной связи. — Не надо ни о чем беспокоиться, хотя бы сегодня. Радуйся!»

Я понимала, что она права. Что бы мне ни предстояло, я справлюсь. Бесчисленные тревоги могут подождать до другого дня. Тем более что бурная радость друзей и родных не могла удовлетвориться общим торжеством. Эйб, воспользовавшись своим влиянием, застолбил маленький банкетный зал и закатил в мою честь такую вечеринку, которая больше подошла бы какой-нибудь королевской дебютантке, а не скромной, не слишком благоразумной дамфирке.

Перед ее началом я снова переоделась; для вечеринки вряд ли подходил официальный наряд, уместный на церемонии получения знаков обещания. Я надела изумрудного цвета платье с короткими рукавами и повесила на шею назар, хотя одно с другим не слишком гармонировало. Назар — амулет в виде небольшого кулона в голубых тонах, похожего на глаз, и служит для защиты от порчи. По крайней мере, так считают в Турции, откуда Эйб родом. Когда-то он подарил назар матери, а она мне.

С наложенным макияжем и распущенными волосами, призванными

скрыть повязку на шее, я мало походила на отважного борца с монстрами. Но нет... не совсем так, осознала я мгновение спустя. Глядя в зеркало, я с удивлением увидела в своих глазах боль потери, которую не могли скрыть даже самое прекрасное платье и умелый макияж.

Стараясь не думать об этом, я отправилась на вечеринку и, едва выйдя из своего общежития, наткнулась на Адриана. Без единого слова он едва не задушил меня в объятиях и осыпал пылкими поцелуями. Ему удалось полностью заставить меня врасплох. Ну, разумеется, то, что оказалось не под силу не-мертвым, прекрасно удалось легкомысленному королевскому морю.

Его поцелуй почти заставил меня испытать чувство вины за то, что я поддалась его очарованию. Когда я начала встречаться с Адрианом, наши отношения складывались нелегко, но постепенно все наладилось. Наблюдая в течение долгого времени, как он без зазрения совести флиртует со всеми подряд и ни к кому при этом не относится серьезно, я никак не ожидала такой преданности с его стороны. Как и того, что мои чувства к нему будут усиливаться, — это, казалось бы, противоречило тому, что я по-прежнему любила Дмитрия и изобретала самые немыслимые способы его спасения.

Наконец Адриан отпустил меня, и я рассмеялась. Несколько проходивших мимо юных мороев остановились, глядя на нас. Роман мороя с дампиркой — не такая уж редкость в нашем возрасте, но роман прославленной дампирки с мороем, приходящимся внучатым племянником королеве? Это не могло не привлекать внимания — в особенности при том, что практически все знали о ненависти королевы Татьяны ко мне. Во время нашей последней встречи она накричала на меня, требуя, чтобы я держалась подальше от Адриана, и хотя свидетелей этой сцены было немного, слухи такого рода всегда каким-то образом просачиваются наружу.

— Ну как, понравилось шоу? — спросила я наших зрителей. Осознав, что их застукали, подростки торопливо продолжили путь. Я улыбнулась Адриану. — Что это было? Поцелуй как средство всем объявить о твоих правах на меня?

— Это, — с пафосом ответил он, — была награда за то, что во время испытания ты надрала столько задниц. — Он помолчал. — Ну и еще потому, что ты выглядишь потрясающе в этом платье.

— Награда? — Я искоса взглянула на него. — Ха! Бойфренд Мередит преподнес ей серьги с бриллиантами.

— Ты хочешь бриллианты? — Он взял меня за руку, и мы пошли на

вечеринку. — Ну, я подарю тебе бриллианты. Осыплю тебя ими. Черт, ты получишь платье из бриллиантов. Правда, оно будет очень маленькое.

— Лучше уж я удовольствуюсь поцелуем.

Я представила себе, как Адриан одевает меня, словно какую-нибудь модель, демонстрирующую купальники. Или польскую танцовщицу. Разговор о драгоценностях внезапно оживил непрошеное воспоминание. Когда Дмитрий держал меня в плену в Сибири, с помощью своих укусов приводя в состояние блаженства, он тоже осыпал меня драгоценностями.

— Я знал, что ты девушка крутая, — продолжал Адриан. Теплый летний ветерок взъерошил каштановые волосы, которые он каждый день старательно укладывал, и теперь он свободной рукой рассеянно пытался привести их в порядок. — Но не осознавал, до какой степени, пока не увидел, как ты расшвыривала этих стражей.

— Не означает ли это, что тебе надо быть со мной полубезнее?

— Я и так любезен с тобой. Ты хоть представляешь, как сильно мне сейчас хочется закурить? Но нет, я мужественно переношу страдания, связанные с отказом от никотина, и все ради тебя. Но, думаю, после того, что я сегодня увидел, мне нужно быть с тобой чуть осмотрительнее. И еще этот твой безумный папаша меня настораживает.

Я застонала, вспомнив, как Адриан и Эйб рядышком сидели на трибуне.

— Господи! С какой стати ты вообще околачивался возле него?

— О, он просто потрясающий! Немного изменчивый, но классный. Мы прекрасно ладили. — Адриан открыл передо мной дверь. — И в своем роде он тоже крутой. В смысле, можешь представить себе кого-нибудь другого с таким же шарфом? Да над ним вся школа смеялась бы. Но не над Эйбом. Он не хуже тебя кому угодно даст отпор. Фактически...

В голосе Адриана послышалось беспокойство, и я бросила на него удивленный взгляд.

— Фактически что?

— Ну... Эйб сказал, что я ему понравился, но одновременно ясно дал понять, что сделает со мной много нехорошего, если я когда-нибудь так или иначе обижу тебя. — Адриан состроил гримасу. — Фактически он описал, что именно сделает со мной, во всех наглядных деталях. И тут же, безо всякого перехода, переключился на другую, более жизнерадостную тему. Мне он тоже понравился, но от него мурашки по коже бегут.

— Он переходит все границы! — Я остановилась у входа в комнату, где проходила вечеринка. Оттуда доносился гул голосов — видимо, все уже собрались и теперь ожидали появления меня в качестве почетного гостя. —

Он не имеет права угрожать моему бойфренду. Мне восемнадцать, я взрослый человек и сама могу угрожать своим бойфрендам.

Мое негодование позабавило Адриана.

— Согласен. Но это не означает, будто я собираюсь отнестись к его предупреждению несерьезно. Я слишком хорош собой, чтобы рисковать лицом.

Он и впрямь красив, но тем не менее я сердито покачала головой. Когда я потянулась к дверной ручке, Адриан удержал меня:

— Подожди.

Он снова обнял меня, и наши губы слились в жарком поцелуе. Прижимаясь к нему всем телом, я все больше запутывалась в собственных чувствах. Это был не просто поцелуй — я ощущала, что хочу большего.

— Отлично, — заявил Адриан, в конце концов оторвавшись от меня. — Теперь можем войти.

Голос его, как обычно, звучал легкомысленно, но в темно-зеленых глазах вспыхнула страсть. Не только для меня это было больше чем поцелуй. До сих пор мы не заговаривали о сексе, и, к его чести, он не давил на меня в этом вопросе. Думаю, он понимал, что после потери Дмитрия я еще не совсем готова принять другого мужчину, но в такие моменты, как сейчас, чувствовалось, как трудно Адриану сдерживаться.

Я слегка размякла и, поднявшись на цыпочки, одарила его еще одним поцелуем.

— Что это было? — спросил он мгновение спустя.

Я усмехнулась.

— Твоя награда.

Когда мы наконец вошли в зал, все приветствовали меня радостными возгласами и горделивыми улыбками. Когда-то я буквально расцветала, оказываясь в центре внимания; со временем это стало проходить, но сейчас я напустила на себя уверенный вид и принимала похвалы как должное, даже триумфально вскинула руки, заработав новый шквал аплодисментов и восхвалений.

Вечеринку в свою честь я запомнила почти так же плохо, как сами испытания. Никогда не отдаешь себе отчета в том, сколько людей любят тебя, пока все они не соберутся вместе. Вслух, правда, я этих мыслей не высказывала, а то могла бы и расплакаться. Это на вечеринке-то по случаю собственной победы!

Все хотели поговорить со мной, и я испытывала радость и удивление, когда они подходили один за другим. Так редко случалось, чтобы все, кого я люблю, собирались вместе; и, с грустью осознала я, не исключено, что

такое никогда больше не повторится.

— Ну в конце концов ты получила лицензию на убийство. Давно пора.

Обернувшись, я встретилась взглядом с Кристианом Озера, который когда-то жутко раздражал меня, а потом стал добрым другом. В порыве радостного волнения я обняла его, чего он явно не ожидал, но сегодня я удивляла всех.

— Эй, эй! — Вспыхнув, он попятился. — Ну разумеется, ты единственная девушка, у которой мысль об убийстве вызывает прилив энтузиазма. Не хочу даже пытаться представить себе, что происходит, когда вы с Ивашковым остаетесь наедине.

— Кто бы говорил! Ты же сам спишь и видишь, как бы ввязаться в драку.

Кристиан пожал плечами, выражая согласие. В нашем мире существует правило: стражи защищают мороев, но сами морои в сражениях не участвуют. Однако после недавнего нападения стригоев многие из них — хотя далеко не большинство — стали высказывать мнение, что настало время и им самим учиться постоять за себя. Пользователи огня, такие как Кристиан, в особенности могли оказаться полезны, поскольку сжечь стригоя — один из лучших способов убить его (наряду с закалыванием и обезглавливанием). В Настоящее время правительство мороев всячески препятствовало развитию этой идеи, что не мешало некоторым из них тайком тренироваться. В том числе и Кристиану.

Только тут я с удивлением заметила, кто, словно тень, стоит рядом с ним.

Джил Мастрано. Моройка, первокурсница — можно сказать, уже почти второкурсница, — Джил тоже относилась к числу тех, кто хотел сражаться, и стала вроде как ученицей Кристиана.

— Привет, Джил. — Я тепло улыбнулась ей. — Спасибо, что пришла.

Джил вспыхнула. У нее хватало решимости учиться самой защищать себя, но она не могла справиться с волнением, оказавшись среди множества народу, в особенности рядом со «знаменитостью» вроде меня. Нервничая, она начинала говорить быстро и бессвязно.

— Ну, я не могла не прийти. — Она откинула с лица длинные вьющиеся и, как обычно, спутанные волосы. — В смысле, это так круто — что ты делала. Во время испытаний. Все были потрясены. Я слышала, один из стражей сказал, что никогда не видел ничего подобного, и когда Кристиан спросил, хочу ли я прийти, конечно, я сказала «да». Как могло быть иначе! Ох! Я даже не поздравила тебя. Извини. Прими мои поздравления.

Кристиан изо всех сил старался сохранить бесстрастное выражение лица, я же рассмеялась и обняла Джил. Мне всерьез угрожало впасть в состояние душевной расслабленности. И что станет с моим статусом крутого стража, если продолжать в том же духе?

— Спасибо. Надо полагать, вы вдвоем уже готовы справиться с целой армией стригоев?

— Осталось подучиться самую малость, — ответил Кристиан. — Но нам не помешает твоя помощь.

Мы оба понимали, что стригои — это пока не их уровень. Однажды его огненная магия здорово помогла мне, но чтобы он действовал самостоятельно? Это будет совсем другая история. Он и Джил учились использовать свою магию в целях нападения, и когда у меня случалось свободное время, я давала им уроки рукопашного боя.

Лицо Джил слегка вытянулось.

— Все прекратится, как только он уйдет отсюда.

Я посмотрела на него. В том, что он покинет школу, ничего удивительного не было. Мы все покинем ее.

— Чем ты собираешься заняться? — спросила я.

Кристиан пожал плечами.

— Вместе с вами отправлюсь ко двору. Тетя Таша жаждет обсудить мое будущее.

Он скривился: его планы, каковы бы они ни были, явно отличались от планов Ташы. Большинство королевских мороев после окончания школы собирались поступать в элитные учебные заведения, но едва ли это подходило Кристиану.

Стандартная практика такова: после окончания школы новоиспеченные стражи отправляются к королевскому двору, чтобы лучше познакомиться с тем, что им достанется защищать, и получить конкретные назначения. Нам всем предстояло уехать через пару дней. Проследив за взглядом Кристиана, я увидела на другом конце комнаты его тетю, и, ей-богу, она разговаривала с Эйбом!

Таше Озера было около тридцати; волосы точно вороново крыло и льдистые голубые глаза подчеркивали ее сходство с племянником. Ее красивое лицо, правда, с одной стороны портил ужасный шрам — результат ранения, полученного в сражении с родителями Кристиана. В отличие от Дмитрия, обращенного в стригоя насильственно, чета Озера сознательно выбрала этот путь ради бессмертия. По иронии судьбы, стражи выследили их и убили. Таша растила Кристиана, пока он не поступил в школу, и была одним из лидеров той группы мороев, которые хотели сражаться.

Шрам не мешал мне восхищаться ею и считать красавицей. Судя по поведению моего отца, он придерживался того же мнения: налил ей бокал шампанского и сказал какую-то фразу, отчего она рассмеялась, потом наклонилась к нему, словно говоря что-то по секрету, и он тоже рассмеялся. У меня прямо челюсть отвисла. Даже издали было видно, что они флиртуют.

— Бог мой... — пробормотала я и торопливо обернулась к Кристиану.

Он, похоже, испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, его забавляла моя неловкость, а с другой — ему самому было не по себе при виде того, как женщина, к которой он относился как к матери, кокетничает с человеком, имеющим репутацию гангстера. Потом он снова перевел взгляд на Джил и продолжил разговор.

— Не волнуйся, ты прекрасно обойдешься без меня, — сказал он. — Тут есть и другие. Не успеешь оглянуться, как вокруг тебя соберется целый клуб супергероев.

Я снова улыбнулась, но внезапно ощутила затопивший меня поток ревности, такой мощный, что все добрые чувства разлетелись вдребезги. Вздвогнувшись, я оглянулась и заметила на другом конце комнаты Лиссу, вперившую в Кристиана убийственный взгляд.

Стоит упомянуть, что раньше Кристиан и Лисса встречались. Нет, не просто встречались; это было нечто большее. Они любили друг друга и, честно говоря, продолжали любить до сих пор. К несчастью, кое-какие недавние события внесли напряженность в их отношения, и Кристиан порвал с ней. Он по-прежнему любил ее, но перестал ей доверять. Так получилось, что Лисса на какое-то время утратила контроль над собой, когда другой пользователь духа, Эйвери Лазар, постаралась подчинить ее себе. В конце концов мы сумели остановить Эйвери, и сейчас она находилась в психиатрической больнице, как я слышала. Теперь Кристиан понимал причины ужасного поведения Лиссы, однако бывшие их отношения не вернулись. Вначале Лисса впала в депрессию, которая постепенно начала сменяться гневом.

Она заявляла, что не хочет больше иметь с ним ничего общего, но наша внутренняя связь открывала мне ее подлинные чувства: она ревновала его к любой девушке, с которой он разговаривал, и в особенности к Джил, поскольку теперь он проводил с ней много времени. Я-то знала, что никакой романтикой тут и не пахнет: Джил боготворила его как мудрого учителя, и только. Если она и была в кого влюблена, то разве что в Адриана — он всегда обращался с ней нежно, словно с младшей сестренкой. В общем, мы все к ней так относились.

Кристиан проследил за моим взглядом, и его лицо застыло. Убедившись, что привлекла его внимание, Лисса отвернулась и принялась болтать с первым попавшимся парнем, симпатичным вампиром из моего класса, — пустила в ход все свое кокетство и обаяние, которое с такой легкостью дается пользователям духа, и вскоре они смеялись и разговаривали в том же стиле, что Эйб с Ташей. Моя вечеринка превращалась в череду скоротечных свиданий.

— Ну, похоже, она не скушает, — заметил Кристиан.

Я закатила глаза. Оказывается, не одну Лиссу терзала ревность. Как она злилась всякий раз, когда Кристиан разговаривал с другими девушками, так и он приходил в раздражение, если она общалась с другими парнями. Это просто выводило из себя. Вместо того чтобы признать, что их чувства не угасли, и попытаться снова наладить отношения, эти идиоты всячески старались друг друга задеть.

— Не пора ли тебе уняться и просто поговорить с ней как разумному человеку? — простонала я.

— Конечно. — В его тоне послышалась горечь. — Как только она поведет себя как разумный человек.

— О бог мой! Из-за вас, ребята, у меня скоро вес волосы повылезают.

— Это было бы очень обидно — такие прекрасные волосы! Кроме того, она ясно дала понять, чего хочет.

Я начала возражать, обзывая его тупицей, но он был не в настроении снова выслушивать лекцию, которую я обрушивала на него не меньше десяти раз.

— Пошли, Джил, — сказал он, — Розе надо и с другими поговорить.

Он быстро зашагал прочь, и я с трудом сдержала желание догнать его и вбить немного здравого смысла ему в голову, по тут раздался новый голос.

— Ты вообще собираешься что-то с этим делать? — Тоже глядя вслед Кристиану, рядом со мной стояла Таша. — Эти двое снова должны быть вместе.

— Я понимаю это. Вы понимаете это. Но похоже, в их тупых головах это никак не укладывается.

— Ну, лучше бы ты поскорее все уладила. А то будет поздно — Кристиан поступит в колледж на другом конце страны.

Лисса, по соглашению с Татьяной, собиралась поступать в университет в Лихае, сравнительно недалеко от двора. Этот университет крупнее тех, где обычно учатся морои, что очень радовало Лиссу; в обмен на это она согласилась больше времени проводить при дворе, изучая

королевские порядки и привыкая к ним.

— Знаю, — раздраженно сказала я. — Но почему, интересно, именно я должна их мирить?

Таша улыбнулась.

— Потому что только ты обладаешь достаточным влиянием на обоих.

Я выслушивала все эти разглагольствования в основном потому, что, разговаривая со мной, Таша, по крайней мере, отвлеклась от Эйба. Между тем, бросив взгляд в его сторону, я окаменела. Теперь он беседовал с моей матерью, и сквозь шум до меня доносились обрывки их разговора.

— Джанин, — соловьем разливался он, — ты не постарела ни на день. Ты могла бы быть сестрой Розы. Помнишь ту ночь в Каппадокии?

И моя мать захихикала в ответ! Никогда прежде я от нее такого не слышала и, клянусь, не хотела бы услышать снова.

— Конечно. И еще я помню, как ты стремился помочь, когда у меня порвалась бретелька платья.

— Бог мой! — пробормотала я. — Этому просто конца-краю нет.

Таша проследила за моим взглядом.

— Ты об Эйбе? Да, он человек обаятельный.

— Прошу прощения, — простонала я и зашагала к родителям. Ну да, я смирилась с тем, что когда-то у них был роман, в результате которого я появилась на свет, но это совсем не означало, будто я жажду наблюдать, как они заново переживают его. Когда я подошла к ним, они вспоминали какую-то прогулку на пляже, но я потянула Эйба за руку — он стоял слишком близко к ней.

— Эй, можно поговорить с тобой?

— Конечно, — с удивлением ответил он и одарил мать многозначительной улыбкой. — Увидимся позже.

— Что, здесь ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности? — спросила я, уводя его.

— О чем ты?

Мы остановились рядом с чашей для смешивания пунша.

— Ты флиртуешь со всеми женщинами!

— Ну, здесь так много прекрасных женщин... — Он как будто не понимал, чем я возмущена. — Ты это хотела обсудить со мной?

— Нет! Я хотела поговорить о том, что ты угрожал моему бойфренду. Ты не имел права делать это.

— Ах, это? — Он вскинул темные брови. — Пустяки. Любой отец присматривает за дочерью.

— Большинство отцов не угрожают выпотрошить бойфренда дочери.

— Выпотрошить? Ну, если быть точным, я обещал ему нечто гораздо хуже.

Я вздохнула. Мое раздражение, похоже, только забавляло его.

— Воспринимай это как подарок в честь окончания школы. Я горжусь тобой. Все знали, что ты себя покажешь, но никто не знал насколько. — Он подмигнул мне. — И уж точно никто не ожидал, что пострадает имущество.

— Какое еще имущество?

— Мостик.

Я нахмурилась.

— Так уж получилось — это был самый эффективный способ. Ситуация не оставляла выбора. А что насчет других новичков? Разве им не приходилось сражаться на этом мосту?

Эйб покачал головой, наслаждаясь каждым мгновением, когда он знал то, что мне неведомо.

— В такую ситуацию не был поставлен больше никто.

— Чушь! Все проходили одинаковые испытания.

— Все, кроме тебя. Планируя испытания, стражи решили, что для тебя нужно придумать что-то особенное. В конце концов, тебе приходилось участвовать в реальных схватках.

— Что? — воскликнула я так громко, что на нас начали оглядываться. Припомнилось то, о чем раньше говорила Мередит. Я понизила голос. — Это несправедливо!

— Ты во всех отношениях превосходишь остальных. Наверное, было бы несправедливо, если бы перед тобой поставили задачу, слишком для тебя легкую.

Мне не раз приходилось сталкиваться со всякими нелепостями, но это было что-то из ряда вон.

— Значит, они заставили меня проделать этот безумный трюк, а теперь еще удивляются, что я перерезала крепления моста? Интересно, а чего другого они от меня ожидали? Как, по их мнению, я могла справиться иначе?

— Хмм... — Он рассеянно погладил подбородок. — По правде говоря, вряд ли они представляли себе это.

— О боже! Просто ушам своим не верю!

— Почему это тебя так злит? Ты прошла испытания, вот что главное.

— Потому что они поставили меня в ситуацию, из которой даже сами не знали, как выбраться. — Я бросила на него подозрительный взгляд. — И откуда тебе обо всем этом известно? Вообще-то это дело стражей и никого

больше.

На его лице мелькнуло выражение, которое мне совсем не понравилось.

— Ну, я провел эту ночь с твоей матерью и...

— Стоп! — прервала я его. — Не хочу выслушивать, чем вы с матерью занимались этой ночью. Думаю, это было похлеще моего моста.

— И то и другое уже в прошлом, стоит ли теперь беспокоиться? — Он усмехнулся. — Радуйся своему успеху.

— Постараюсь. Просто не беспокойся о моих отношениях с Адрианом, ладно? В смысле, я рада, что ты приехал поддержать меня, но этого больше чем достаточно.

Эйб бросил на меня пронизательный взгляд, напомнивший о том, что под маской щеголя скрывается умный, опасный человек.

— Ты вроде бы радовалась, когда после твоего возвращения из России я сумел оказать тебе любезность.

Я состроила гримасу. Он намекал на то, что умудрился переслать сообщение в тюрьму строгого режима. Пусть это ничего не дало, все равно я должна была рассматривать попытку как одолжение с его стороны.

— Ладно, это и впрямь было здорово, — признала я. — И я тебе благодарна. Хотя по-прежнему не знаю, как ты сумел это провернуть. — Внезапно в сознании всплыла мысль, мелькнувшая перед самым испытанием. Я понизила голос. — Ты ведь не ездил туда лично?

— Конечно нет, — фыркнул он. — Ноги моей не будет в этом месте. Я использовал свою сечь.

— Где точно это находится? — вкрадчиво спросила я.

— Зачем тебе это? — Его было не так просто обмануть.

— Любопытно! Осужденные преступники всегда исчезают без следа. Теперь я страж, а между тем не имею никакого представления о нашей тюремной системе. Одна у нас тюрьма или несколько?

Эйб ответил не сразу, внимательно вглядываясь в мое лицо. По роду своей деятельности он склонен подозревать всех в наличии скрытых мотивов, а меня, как свою родную дочь, имел основания подозревать вдвойне. Это у него в генах.

Видимо, он недооценил потенциальные возможности моего безумия, поскольку в конце концов ответил:

— Тюрьма не одна, конечно, и Виктор в самой надежной из них. Она называется «Тарасто».

— Где это?

— В данный момент? — Он задумался. — На Аляске, насколько я в

курсе.

— Как это понимать — «в данный момент»?

— Она перемещается в течение года. Сейчас на Аляске, позже будет в Аргентине. — Он хитро улыбнулся, по-видимому желая выяснить, насколько я сообразительна. — Догадываешься почему?

— Нет... хотя постой. Солнечный свет. — Это объяснение вполне подходило. — В это время года на Аляске почти круглосуточно день.

Думаю, он гордился моей сообразительностью даже больше, чем успехом в испытаниях.

— Если пленник попытается сбежать, ему придется нелегко. При ярком солнечном свете ни один морой далеко не уйдет, хотя при их уровне охраны побег практически невозможен.

Славная перспектива, ничего не скажешь.

— Надо полагать, ее загнали на самый север Аляски. — Мне хотелось вытянуть из него точное местоположение тюрьмы. — Там света больше.

Он засмеялся.

— Этого даже я не знаю. Закрытая информация, которая хранится в штаб-квартире стражей.

Я замерла. Штаб-квартира...

Эйб, обычно очень наблюдательный, не заметил моей реакции. Его взгляд был прикован к кому-то на другом конце комнаты.

— Это что, Рене Селски? Надо же! Какая красавица выросла!

Взмахом руки я неохотно отпустила его; главным образом потому, что хотела обдумать созревающий в мозгу план. К тому же я почти не знала Рене — пусть себе заигрывает с ней, если хочет.

— Ну, не буду задерживать тебя. Иди, привлекай женщин в свои сети.

Подгонять Эйба не требовалось. Оставшись одна, я задумалась, имеет ли зарождающийся план шансы на успех. В конце концов, он был не намного безумнее остальных.

Я снова встретила взглядом с Лиссой; поскольку Кристиана видно не было, ее настроение улучшилось. Теперь, когда мы освободились от школы и перед нами открывался весь мир, ее волновала перспектива предстоящих приключений. Я мысленно вернулась к тому, о чем уже думала раньше: может, в каком-то смысле мы теперь и свободны, но совсем скоро окажемся в плену реальности. Часы тикают. Дмитрий выжидает и наблюдает. Интересно, будут ли и дальше приходить его еженедельные письма — теперь, когда школа для меня останется позади?

Я улыбнулась Лиссе и с чувством вины подумала, что подпорчу ей настроение, когда сообщу: возможно, у нас появился реальный шанс

устроить побег Виктору Дашкову.

Три

Следующие два дня прошли странно. Заключительные испытания новичков продолжали оставаться в центре внимания, но мы были не единственными, кто заканчивал Академию Святого Владимира. У мороев тоже прошла церемония вручения дипломов, и гостей в кампусе все прибывало. Потом родители исчезли так же быстро, как и появились, забрав с собой дочерей и сыновей. Королевские отпрыски собирались провести лето в роскошных семейных поместьях — в основном в южном полушарии, где в это время года дни короче. Обычные выпускники-морои тоже разъехались; их ждали летние каникулы в более скромных условиях и, возможно, подработка перед поступлением в колледж.

И конечно, в связи с окончанием школьных занятий и наступлением лета все остальные студенты уезжали тоже. Правда, некоторые, не имеющие родных и дома, обычно дампирь, оставались здесь круглый год и посещали факультативные занятия, но таких было меньшинство. Кампус пустел с каждым днем, а я и мои одноклассники ждали, когда нас повезут к королевскому двору. Мы попрощались с остальными — юными мороями и дампирями, которым вскоре предстояло пойти по нашим стопам.

Единственным человеком, расставание с которым огорчало меня, была Джил. Я столкнулась с ней по дороге к Лиссе за день до отъезда ко двору. С ней была женщина, как я подумала, ее мать, и обе тащили коробки. При виде меня лицо Джил просияло.

— Привет, Роза! Я попрощалась со всеми, но тебя никак не могла найти! — взволнованно затараторила она.

— Ну вот ты и нашла меня, — с улыбкой ответила я. — Очень приятно.

В отличие от Джил сегодня я не тратила времени на прощания, но говорить ей об этом не стала. Свой последний день в Академии я провела, обходя знакомые места, начиная с кампуса младшей школы, где мы впервые встретились с Лиссой в детском саду. Я обследовала коридоры и закоулки общежитий, заглянула в любимые классные комнаты и даже в церковь. Посещение некоторых мест — скажем, тренировочных залов, где я много времени провела с Дмитрием, — пробуждало горькие воспоминания. Тропинка, по которой мы когда-то бегали кругами. Хижина, где мы в конце концов уступили взаимному влечению. Это была одна из самых изумительных, незабываемых ночей моей жизни; мысль о ней всегда

порождала в душе и радость, и боль.

Конечно, грузить Джил моими переживаниями не стоило. Я протянула руку ее матери и только тут сообразила, что она не может пожать ее, поскольку держит коробку.

— Я Роза Хэзевей. Давайте я помогу вам.

Я забрала у нее коробку, прежде чем она успела возразить.

— Спасибо, — сказала она, приятно удивленная, мы пошли дальше втроем. — Я Эмили Мастрано. Джил рассказывала о тебе.

— Правда? — Я улыбнулась Джил.

— Не так уж много. Просто, что мы иногда с тобой общаемся.

В зеленых глазах Джил вспыхнул предостерегающий огонек, и до меня дошло — Эмили, скорее всего, не в курсе, что в свободное время дочь упражняется в запрещенных формах магии с целью научиться убивать стригоев.

— С Джил приятно иметь дело, — сказала я, поняв ее намек. — И надеюсь, когда-нибудь нам удастся научить ее укрощать свои непокорные волосы.

Эмили рассмеялась.

— Я на протяжении почти пятнадцати лет бьюсь над этим. Удачи вам.

Внешне мать и дочь мало походили друг на друга, но выглядела Эмили великолепно: роскошные прямые черные волосы и темно-голубые глаза с длинными ресницами. Двигалась она с гибкой грацией, сильно отличающейся от неуклюжей походки Джил. Тем не менее то тут, то там проглядывали общие гены — в лице в форме сердечка, в рисунке губ. Джил была еще очень юна, но по мере взросления, без сомнения, сама станет разбивать сердца, о чем, наверное, пока даже не подозревает. Хотелось надеяться, что будет расти и ее уверенность в себе.

— Откуда вы родом? — спросила я.

— Из Детройта, — Джил наморщила нос.

Ее мать засмеялась.

— Там не так уж плохо.

— Никаких гор, одни шоссе.

— Я танцую в балете, — пояснила Эмили. — Мы живем там, где платят.

Меня удивило не столько то, что Эмили балерина, сколько сам факт того, что жители Детройта посещают балетные спектакли. Выглядела она вполне подходяще, и вообще морои, учитывая их высокий рост и стройные фигуры, идеальные танцовщики в представлении людей.

— Это же большой город! — сказала я Джил. — Получай

удовольствие, а то ведь потом опять вернешься в это скучное место, где людей раз-два и обчелся. — Конечно, жизнь, в которой присутствуют занятия запрещенными боевыми искусствами и нападения стригоев, вряд ли можно назвать скучной, но мне хотелось поднять Джил настроение. — И опять же это ненадолго.

Летние каникулы у мороев длятся чуть меньше двух месяцев: родители жаждали, чтобы их дети как можно меньше оставались без защиты, которую обеспечивала Академия.

— Наверное, ты права, — ответила Джил без особой убежденности в голосе.

Мы подошли к их машине, я положила коробки в багажник и пообещала:

— Я буду связываться с тобой по e-mail, когда смогу. И спорю, Кристиан тоже. Может, я даже уговорю Адриана послать тебе весточку.

Джил просияла; я обрадовалась, увидев, что она вернулась к своему нормальному состоянию легкой взбудораженности.

— Правда? Это было бы замечательно. Хотелось бы знать обо всем, что происходит при дворе. Вы с Лиссой и Адрианом наверняка будете заниматься разными интересными делами, а Кристиан узнает много нового о... разных вещах.

Эмили, казалось, не заметила, что Джил чуть не проговорилась, и мило улыбнулась мне.

— Спасибо за помощь, Роза. Рада была познакомиться с тобой.

— Ты... уф! — Джил неожиданно обняла меня. — Удачи во всем. Ты такая счастливая — у тебя начинается по-настоящему замечательная жизнь!

Я, в свою очередь, обняла ее, даже не пытаясь объяснить, как сильно сама завидую ей. Ее жизнь проста и безопасна. Может, она и не в восторге от перспективы провести лето в Детройте, но это продлится недолго, и совсем скоро она вернется в знакомый, безопасный мир Академии. Ей не придется ринуться в неизвестность, грозящую труднопредставимыми опасностями.

Только когда их машина отъехала, я пробормотала в ответ на ее последнее замечание:

— Надеюсь, ты права. Очень на это надеюсь.

Я думала о том, что меня ждет.

Мои одноклассники и некоторые избранные морои улетели рано утром на следующий день, покинув скалистые горы Монтаны ради холмов Пенсильвании. Королевский двор выглядел так же впечатляюще, как мне

помнилось, и вызывал то же ощущение старины, которое пыталась воспроизвести Академия Святого Владимира с ее островерхими зданиями и замысловатой архитектурой. Однако если в школе преобладал дух науки и прилежания, то при дворе большую роль играла внешняя, показная сторона, как будто сами здания пытались убедить нас в том, что это место — средоточие силы и власти мороев. Королевский двор стремился потрясать и, может быть, немного даже устрашать.

И хотя я уже бывала здесь, тем не менее он произвел на меня впечатление. Все двери и окна желтовато-коричневых каменных зданий имели золоченые, богато украшенные рамы. Им было далеко до того великолепия, которое я видела в России, но теперь я понимала, что создатели дворцовых зданий брали за образец европейскую старину — например, особняки и усадьбы Санкт-Петербурга. Лужайки украшали фонтаны и статуи прежних правителей — изысканные мраморные творения, в прошлый мой приезд укрытые снегом, а сейчас, в разгар лета, выставленные на всеобщее обозрение и радующие глаз. И везде, везде цветы — на деревьях, на кустах, по сторонам тропинок... Потрясающе!

Безусловно, выпускникам школы имело смысл посетить главное управление стражей, но только сейчас до меня дошло, что приезд сюда в разгар лета преследовал и другую цель. Власти хотели, чтобы, увидев все это, новоиспеченные стражи почувствовали свою причастность к тому великолепию, за которое сражались. Глядя в лица недавних новичков, я понимала, что эта тактика приносит успех. Большинство их впервые оказались при дворе.

Лисса и Адриан летели одним рейсом со мной, и, покинув самолет, мы держались вместе. Было тепло, как в Монтане, а вот влажность ощущалась гораздо сильнее — я вспотела после совсем короткой прогулки.

— На этот раз, надеюсь, ты взяла с собой платье? — спросил Адриан.

— Конечно. Нас ведь ждут интересные мероприятия, не говоря уж о главном приеме, хотя как раз на нем я могу появиться и в своем черно-белом наряде.

Адриан покачал головой, потянулся к карману, но потом отдернул руку. Он определенно почти победил свою тягу к курению, но, оказавшись на свежем воздухе, невольно тянулся к пачке — ведь от некоторых привычек так быстро не избавишься.

— Я имею в виду сегодняшний вечер. Обед.

Я вопросительно посмотрела на Лиссу. Порядок ее жизни при дворе включал в себя разнообразные церемонии, к участию в которых простые смертные не допускались. Учитывая мой новый, пока не слишком

определенный статус, я не знала, буду ли сопровождать ее. Благодаря нашей связи я почувствовала ее недоумение; она тоже не понимала, о каком сегодняшнем обеде идет речь.

— Что за обед? — спросила я.

— Тот, который устраивают мои родные.

— Твои... — Я резко остановилась; самодовольная улыбка на его лице мне совсем не нравилась. — Адриан!

Проходя мимо, новоиспеченные стражи с любопытством поглядывали на нас.

— Перестань, мы встречаемся уже месяца два, и знакомство с родителями — часть этого ритуала. Я виделся с твоей мамой и даже с твоим жутким отцом. Теперь твоя очередь. Гарантирую, что никто из моих родных не станет делать тебе таких предупреждений, как твой отец мне.

На самом деле я уже познакомилась с отцом Адриана; ну, точнее говоря, видела его на одной вечеринке. Сомневаюсь, чтобы он догадывался, кто я такая, хотя наверняка был осведомлен о моей репутации. О матери Адриана я не знала почти ничего, поскольку он вообще не имел склонности распространяться о родных.

— Там будут только твои родители? — настороженно спросила я. — Больше никого? Или еще какие-то родственники, о которых мне неплохо бы знать заранее?

— Ну... — Рука Адриана снова дернулась к карману — возможно, слыша предостерегающие нотки в моем голосе, на этот раз он хотел прибегнуть к сигарете как к средству защиты. Лисса между тем явно забавлялась, слушая нашу перепалку. — Может заглянуть моя любимая тетя.

— Татьяна? — воскликнула я, в сотый раз задаваясь вопросом, как это меня угораздило сойтись с парнем, связанным родственными узами с главой всего морейского мира. — Она же ненавидит меня! Тебе известно, что произошло во время нашей последней встречи!

Ее королевское величество накинулась на меня, вопя, что я не пара ее внучатому племяннику, что у нее свои грандиозные планы в отношении него и Лиссы.

— Думаю, она изменила свое мнение.

— Ой, брось!

— Нет, правда. — Как ни странно, было похоже, будто он и в самом деле верит в то, что говорит. — Я разговаривал с мамой и... Похоже, тетя Татьяна больше не питает к тебе ненависти.

Мы между тем продолжили путь.

— Может, на нее произвела впечатление твоя недавняя свободная охота на стригоев, — задумчиво сказала Лисса.

— Может быть, — ответила я, хотя на самом деле не верила в это. Если уж на то пошло, подобного рода своеволие должно было еще больше уронить меня в глазах королевы.

Адриан фактически навязал мне этот обед, и я воспринимала его поступок как своего рода предательство. Но теперь-то что мне оставалось делать? Утешало лишь то, что, по-моему, он просто дразнил меня, обещая свидание с тетей. Я согласилась пойти, приведя его тем самым в такое хорошее настроение, что он не стал ничего выспрашивать, когда мы с Лиссой заявили, что днем собираемся заняться собственными делами. Все мои одноклассники принимали участие в экскурсии по двору и его уголкам, но я уже видела все это и сумела отвертеться. Мы с Лиссой закинули вещи в свои комнаты и отправились в дальнюю часть территории дворцового комплекса, туда, где жили люди попроще.

— Может, пока расскажешь, в чем состоит твой новый план? — спросила Лисса.

После разговора с Эйбом о месте заключения Виктора я мысленно составила список новых проблем, которые нам предстояло решить. В основном их осталось две, то есть на одну меньше, чем до разговора с Эйбом. Хотя, конечно, это не сильно облегчило ситуацию. Во-первых, мы понятия не имели, где точно на Аляске находится тюрьма. Во-вторых, мы не знали ни ее планировки, ни системы охраны, то есть было совершенно неясно, с чем нам придется столкнуться.

Тем не менее что-то подсказывало мне, что ответы на эти вопросы можно найти в одном источнике. А из этого следовало, что проблема перед нами стоит одна: как добраться до этого источника. По счастью, был человек, который, как мне казалось, в состоянии помочь нам.

— Для начала мы идем повидаться с Мией.

Моройка Мия Ринальди когда-то была нашей одноклассницей и одновременно злейшим врагом. Но, как выяснилось позже, она обладала огромным потенциалом к духовному росту, благодаря чему прошла долгий путь: от интриганки и суки, готовой ради популярности спать с кем угодно, до разумной, уверенной в себе девушки, страстно желающей научиться защищать себя от стригоев. При дворе она жила со своим отцом.

— Ты думаешь, Мия знает, как проникнуть в тюрьму?

— Мия, конечно, обладает целым рядом достоинств, но вряд ли настолько осведомлена. Однако я думаю, она сумеет помочь нам разведать кое-что.

Лисса застонала.

— Просто ушам своим не верю — ты только что произнесла слово «разведать»! Прямо шпионское кино какое-то!

Она говорила вроде бы беспечно, но я чувствовала в ее душе беспокойство. За небрежным тоном она пыталась скрыть страх и тревогу, которые ей по-прежнему внушала идея освободить Виктора. Тем не менее она твердо решила выполнить данное мне обещание.

Обычные морои, которые обслуживают двор, живут в апартаментах, заметно отличающихся от гостевых и собственно королевских. Адрес Мии я выяснила заранее, и теперь мы шли через превосходно ухоженные уголья, жалуясь друг другу на жару. Мия оказалась дома — одетая в джинсы и тенниску, с фруктовым мороженым в руке. Увидев нас, она удивленно распахнула глаза.

— Чтоб мне провалиться!

Я рассмеялась.

— Ну, я тоже рада тебя видеть. Можно войти?

— Конечно. — Она отступила в сторону. — Хотите мороженое?

Будто я когда-нибудь отказывалась! Я выбрала виноградное, и втроем мы расположились в маленькой гостиной. Квартира заметно отличалась от роскошных номеров королевской гостиницы, но здесь было уютно и чисто; чувствовалось, что Мия и ее отец любят свой дом.

— Я знала, что выпускники приезжают, — сказала хозяйка, убирая с лица светлые локоны, — но не была уверена, будешь ты среди них или нет. Ты хоть школу-то закончила?

— А как же! Получила знак обещания и все такое.

Я приподняла волосы, демонстрируя ей повязку.

— Удивительно, что тебя приняли обратно после того, как ты сбежала, чтобы открыть охоту на стригоев. Или это лишь добавило тебе баллов?

По-видимому, до Мии дошли рассказы о моих приключениях в том виде, в каком они были распространены среди широкой публики. Меня это вполне устраивало — не хотелось разговоров о том, что происходило на самом деле. А также о Дмитрии.

— По-твоему, можно помешать Розе делать то, что она хочет? — с улыбкой спросила Лисса.

Мия рассмеялась и с хрустом откусила большой кусок лаймового мороженого.

— Да уж. — Взгляд пронизательных голубых глаз был прикован к моему лицу, и постепенно ее улыбка угасла. — И сейчас Роза тоже чего-то хочет.

— Мы просто пришли повидаться с тобой, — сказала я.

— Верю. Но также убеждена, что тебе что-то от меня надо.

Теперь заулыбалась Лисса — ее забавляло то, что в новой игре в шпионов я близка к провалу.

— Откуда такое предположение? Ты так хорошо умеешь читать по ее лицу? Или считаешь, что в ее действиях всегда есть скрытый мотив, а иначе и быть не может?

Мия снова улыбнулась.

— И то и другое. — Она наклонилась вперед, не сводя с меня серьезного взгляда. И откуда в ней эта проницательность? — Ладно, нет смысла впустую тратить время. Чего ты от меня хочешь?

Я вздохнула, признавая свое поражение.

— Мне нужно проникнуть в главный офис стражей.

Лисса рядом со мной издала такой звук, будто ее душат. Мне отчасти стало стыдно. Она могла скрывать от меня некоторые свои мысли, однако почти все, что она говорила или делала, не было для меня сюрпризом. Другое дело я, постоянно наносящая ей удары исподтишка. По большей части она понятия не имела, что конкретно у меня на уме. Хотя, по правде говоря, по сравнению с нашим намерением освободить из тюрьмы известного преступника проникновение в офис стражей было почти пустяком.

— Класс! — воскликнула Мия. — Ты на мелочи не размениваешься. — Она слегка поджала губы. — Конечно, ты не пришла бы ко мне с какой-нибудь ерундой, с которой в состоянии разобраться сама.

— Можешь ты помочь мне... нам... проникнуть туда? — спросила я. — Ты ведь дружишь с некоторыми здешними стражами. И твой папа имеет доступ во многие помещения.

Я не знала, чем точно занимается мистер Ринальди, но, по-моему, он имел какое-то отношение к техническим службам.

— Что ты хочешь там найти? — спросила она и вскинула руку, когда я открыла рот, собираясь запротестовать. — Нет, нет, мне не нужны детали, просто общая идея, чтобы понять, в чем суть. Ведь ясно, ты туда не на экскурсию собираешься.

— Мне нужны кое-какие записи.

— Касательно кадрового состава? — Она вскинула брови. — Хочешь устроиться туда на работу?

— Я... нет.

Ха! Однако это неплохая идея — при моих-то слабых надеждах на распределение к Лиссе. Но нет. По одной проблеме за раз.

— Мне нужны данные о системе безопасности в разных других местах — школах, домах королевских мороев, тюрьмах. — Я постаралась не выделять последнее слово, чтобы оно прозвучало как бы наравне с прочими. В свое время Мия откалывала всякие штучки, но даже ее смелость имела свои пределы. — По-моему, такие вещи хранятся там?

— Да, но в основном в электронном виде. Только без обид, но это, наверное, за пределами твоих способностей. Даже если сумеешь добраться до их компьютеров, все защищено паролями. А перед уходом они все запирают. Вряд ли со времени нашей последней встречи ты стала хакером.

Нет, определенно нет. И в отличие от героев шпионских фильмов, по поводу которых недавно сострила Лисса, у меня нет технически грамотных друзей, которые способны взломать защищенные базы данных. Проклятье! Я угрюмо уставилась на свои ноги, раздумывая, нельзя ли еще что-нибудь стоящее вытянуть из Эйба.

— Но, — продолжала Мия, — если нужная тебе информация не самая свежая, она, возможно, сохранилась еще и в бумажном виде.

Я вскинула голову.

— Где?

— У них есть множество чуланов в одном из подвалов. Папки, папки — настоящий архив. Правда, под замком, но, однако, вскрыть его легче, чем сражаться с компьютерами. И опять-таки все зависит от того, что тебе нужно. В смысле, насколько это старые данные.

Со слов Эйба у меня создалось впечатление, что тюрьма «Тарасто» существует уже давно, значит, материалы насчет нее в архивах должны иметься. Стражи наверняка отцифровали их какое-то время назад; это означает, что мы можем не обнаружить самых последних изменений в системе охраны, но я хоть получу представление о планировке тюрьмы.

— Возможно, это то, что нам нужно. Сумеешь провести нас туда?

Несколько мгновений Мия молчала, лихорадочно обдумывая что-то.

— Может быть. — Она посмотрела на Лиссу. — Ты по-прежнему способна принуждать людей, чтобы они рабски исполняли твои приказания?

Лисса нахмурилась:

— Мне не нравится эта формулировка, но да, могу.

Это была еще одна способность, которую обретает пользователь духа.

— Ладно. Возвращайтесь в два. Посмотрим, что можно сделать.

Два часа дня для остального мира означают глубокую ночь для мороев. На первый взгляд может показаться, что обделывать темные дела при ярком дневном свете не так уж умно, но мне была понятна логика Мии:

в это время мало кого встретишь.

Я задумалась, стоит ли теперь просто пообщаться с ней или нора уходить, когда стук в дверь прервал мои размышления. Мия вздрогнула и, явно испытывая неловкость, подошла к двери. Из-за нее прозвучал знакомый голос.

— Прости, что я так рано, но мне...

В гостиную вошел Кристиан. При виде нас с Лиссой он резко запнулся. На мгновение все замерли.

— Привет, Кристиан! — жизнерадостно воскликнула я, делая вид, что ничуть не замечаю неловкости ситуации. — Как дела?

Его взгляд был прикован к Лиссе и не сразу переместился на меня.

— Прекрасно. — Он посмотрел на Мию. — Могу я вернуться чуть...

Лисса поспешно встала.

— Не стоит, — холодно заявила она с высокомерием принцессы крови. — Нам с Розой пора уходить.

— Да. — Я тоже встала. — У Нас есть... дела. И мы не хотим мешать вам...

Черт, я понятия не имела, чем они собираются заниматься, да, наверное, и не хотела знать.

— Кристиан просил показать некоторые приемы, которым меня научили здешние стражи. — Мия наконец обрела голос.

— Круто. — Сохраняя на лице улыбку, я вслед за Лиссой направилась к двери; она обошла Кристиана так далеко, как только смогла. — Джил будет ревновать.

И не только Джил. После очередного раунда прощаний мы с Лиссой вышли и зашагали обратно. Я чувствовала излучаемые ею эмоции: в основном негодование и ревность.

— Это всего лишь бойцовый клуб, Лисс, — сказала я, поскольку не нуждалась в признаниях с ее стороны. — Между ними ничего нет. Они будут обсуждать приемы рукопашного боя и другие такие же скучные вещи.

На самом деле все это были очень даже интересные вещи, но мне никоим образом не хотелось приукрашивать отношения Кристиана и Мии.

— Может, сейчас и впрямь между ними ничего нет, — проворчала она, глядя в пространство перед собой, — но кто знает, чем все обернется? Они вместе проводят время, тренируются, дальше — больше, одно цепляется за другое...

— Чушь! — прервала ее я. — Романтикой здесь и не пахнет. — Еще одно сомнительное утверждение, учитывая, как начинались мои отношения

с Дмитрием. — Кроме того, какие основания думать, что Кристиан заводит романы со всеми девушками, с которыми общается? Мия, Джил... не хочу его обидеть, но он явно не дамский угодник.

— Он очень симпатичный.

В душе ее по-прежнему клубилась тьма.

— Да. Но для романа этого мало. И кроме того, мне казалось, тебя не заботит, что он делает.

— Не заботит. — Это прозвучало неубедительно не только для меня, но даже для нее самой. — Абсолютно.

Предпринятые мною на протяжении остального дня попытки отвлечь ее оказались практически безуспешны. В памяти то и дело всплывали слова Таши: *«Ты вообще собираешься что-то с этим делать?»* Оба, и Лисса, и Кристиан, вели себя чертовски безрассудно, шли на поводу своих обид, а это, в свою очередь, и меня наполняло досадой. Кристиан мог оказать несомненную помощь в моих тайных эскападах, но из-за Лиссы я вынуждена была обходить его стороной.

Наконец настало время знаменательного обеда, и я оставила Лиссу предаваться дурному настроению. По сравнению с ситуацией в ее личной жизни мои отношения с балованным королевским плейбоем, даже из семьи, которая эти отношения не одобряла, внушали гораздо больший оптимизм. Каким грустным, даже ужасным становится мир! Я договорилась с Лиссой, что вернусь сразу после обеда и мы пойдем к Мии. Упоминание об этой девушке не доставило ей удовольствия, но мысль о предстоящем проникновении в запретное место на какое-то время отвлекла от Кристиана.

Платье, которое я надела на этот обед, было насыщенного красно-коричневого цвета из легкой, топкой ткани — очень удобно в летнее время. Скромный вырез и короткие цельнокроеные рукава придавали ему классический вид. Низко стянутый конский хвост прикрывал еще не зажившую татуировку. В итоге я выглядела почти приличной девушкой, что лишний раз подчеркивает, насколько внешность обманчива — если вспомнить, что я лелеяла безумные замыслы возвращения моего предыдущего бойфренда из мира мертвых.

Родители Адриана проживали при дворе постоянно. При встрече он оглядел меня сверху донизу, и, судя по улыбке, увиденное ему понравилось.

— Ну как, одобряешь? — спросила я, поворачиваясь перед ним.

— К несчастью, да. — Он обхватил меня за талию. — Я надеялся, что ты будешь выглядеть гораздо более вызывающе и сумеешь шокировать моих родителей.

— Иногда мне кажется, будто я как личность тебя вообще не интересую и ты используешь меня исключительно как способ шокировать окружающих.

— Одно верно, другое нет, маленькая дамписка. Я очень даже интересуюсь тобой, по одновременно использую как способ шокировать окружающих.

Вслед за домоправительницей Ивашковых направляясь в гостиную, я постаралась скрыть улыбку. При дворе полно ресторанов и кафе, но королевские морои вроде родителей Адриана считают более утонченным устраивать пышные обеды у себя дома. Лично я предпочла бы общественное место, где больше возможностей сбежать.

— Ты, должно быть, Роза.

Мои размышления были прерваны появлением очень высокой, очень элегантной моройки в длинном атласном платье темно-зеленого цвета, которое смутило меня своим изысканным видом и прекрасно гармонировало с цветом ее глаз — таких же, как у Адриана. Темные волосы были собраны в тяжелый узел. Она взяла меня за руку и одарила искренней, теплой улыбкой.

— Я Даниэлла Ивашкова. Рада наконец познакомиться с тобой.

Насколько можно верить ее словам? Я автоматически пожала протянутую руку.

— Я тоже рада познакомиться с вами, леди Ивашкова.

— Пожалуйста, зови меня Даниэлла. — Она повернулась к Адриану и, цокая языком, расправила воротник его рубашки. — Послушай, дорогой, ты когда-нибудь смотришься в зеркало, прежде чем выйти на люди? У тебя волосы в ужасном беспорядке.

Она потянулась к его голове, но он увернулся.

— Шутишь? Я часами стою перед зеркалом, добиваясь именно этого.

Она выпустила тяжкий вздох.

— Иногда я не знаю, хорошо это или нет, что у меня нет других детей.

За ее спиной слуги бесшумно расставляли на столе еду. С тарелок поднимался ароматный пар, и в животе у меня заурчало. Надеюсь, никто этого не слышал. Даниэлла оглянулась и крикнула в глубину коридора:

— Натан, ты не можешь поторопиться? Еда стынет.

Несколько мгновений спустя послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел Натан Ивашков. Он, как и его жена, был одет официально — темный костюм, на фоне которого красиво выделялся голубой атласный галстук. Хорошо, что у них там был кондиционер, а иначе он просто расплавился бы в таком наряде. Некоторые бросающиеся в глаза особенности его

внешности запомнились мне еще с прошлого раза: густые серебристые волосы и усы. Интересно, Адриан будет выглядеть так же в его возрасте? А-а, все равно я этого не узнаю. Адриан, скорее всего, начнет красить волосы, как только в них появятся первые серебряные нити.

Я-то помнила хозяина дома, а вот он, очевидно, понятия не имел, кто я такая. И даже как будто искренне удивился при виде меня.

— Это... подруга Адриана, Роза Хэзевей, — представила меня Даниэлл. — Припоминаешь? Он обещал привести ее сегодня.

— Рада познакомиться с вами, лорд Ивашков.

В отличие от жены он не предложил называть его по имени, и я была этому скорее рада. Стригоя, насильственно обратившего Дмитрия, тоже звали Натаном, и мне претило произносить это имя. Когда отец Адриана окинул меня взглядом, я не увидела в нем одобрения — скорее он посчитал меня несколько странной.

— А, девушка-дампирка.

Это прозвучало не резко, скорее безразлично. В смысле, не так, как если бы он обозвал меня «кровавой шлюхой». Мы уселись за стол, и хотя на лице Адриана играла привычная бесшабашная улыбка, я всеми фибрами души ощущала, как сильно ему хочется закурить. И выпить чего-нибудь покрепче. Находиться в обществе родителей явно не доставляло ему удовольствия. Когда слуга налил всем вина, на лице Адриана возникло выражение безмерного облегчения. Я бросила на него предостерегающий взгляд, но он его проигнорировал.

Не теряя элегантности и респектабельного вида, Натан быстро поглощал приправленные бальзамином свиные медальоны.

— Итак, — заговорил он, сосредоточив внимание на сыне, — теперь, когда Василиса окончила учебу, чем ты собираешься заняться? Не болтаться же и дальше со школьниками? Твое пребывание там утратило всякий смысл.

— Не знаю, — лениво протянул Адриан и покачал головой, еще больше растрепав небрежно уложенные волосы. — Мне вообще-то нравится общаться с ними. Я кажусь им интереснее, чем есть на самом деле.

— Понимаю тебя, — заверил его отец. — В тебе пока нет абсолютно ничего интересного. Пора заняться чем-нибудь полезным. Если ты не намерен возвращаться в колледж, начни наконец появляться на деловых встречах семьи. Татьяна балует тебя, но ты можешь многому научиться у Руфуса.

Мне было знакомо это имя. Старший член каждой семьи обычно был

ее «принцем» или «принцессой», заседал в Королевском совете — и имел потенциальную возможность стать королем или королевой. Когда корону получила Татьяна, принцем семьи Ивашковых стал Руфус, как старший по возрасту.

— Действительно, — невозмутимо согласился Адриан. Он не столько ел, сколько ковырялся в тарелке. — Меня, к примеру, интересует, как ему удастся держать в тайне от жены существование двух любовниц.

— Адриан! — воскликнула Даниэлла, сильно покраснев. — Не смей говорить такие вещи за нашим обеденным столом — да еще в присутствии гостей.

Натан, казалось, снова заметил меня — и тут же выбросил из головы.

— Неважно, — буркнул он.

Я прикусила губу, подавляя желание посмотреть, что будет, если я запущу свою фарфоровую тарелку ему в голову на манер фрисби, ^[1] но решила не делать этого. Не только потому, что обед был бы испорчен; просто, скорее всего, такой бросок не достиг бы цели. А Натан снова обратил хмурый взгляд на Адриана.

— Твоя судьба — вот что меня волнует. Я не допущу, чтобы ты рассиживался, сложа руки... и швыряя на ветер наши деньги.

Что-то подсказывало мне, что вмешиваться не стоит, но вид Адриана, которого отчитывает собственный отец, был невыносим. Ведь благородный отпрыск действительно рассиживался, сложа руки, и проматывал деньги. Но Натан не имел нрава издеваться над ним из-за этого. Я-то, конечно, все время так и поступала, но это другое дело.

— Может, тебе следует поехать с Лиссой в Лихай, — предположила я. — Вместе с ней изучать стихию духа и... делать то, что ты делал, пока был в колледже...

— То есть пить и прогуливать занятия, — уточнил Натан.

— Искусство, — вмешалась в разговор Даниэлла. — Адриан изучал искусствоведение.

— Правда? — Я удивленно воззрилась на него, хотя на самом деле легко могла представить его погруженным в изучение искусствоведения: это хорошо сочеталось с сто эксцентричностью. — Прекрасно. Ты смог бы снова заняться этим.

Он пожал плечами и прикончил второй бокал вина.

— Не знаю. В этом колледже, скорее всего, возникнут те же проблемы, что и в предыдущем.

— Что за проблемы? — недоуменно спросила я.

— Домашние задания.

— Адриан! — проворчал его отец.

— Все в порядке, — беззаботно ответил тот. — Мне вовсе не нужна работа или дополнительные заработки. Когда мы с Розой поженимся, нам всем, включая будущих детей, хватит ее зарплаты стража.

Все замерли, даже я, хотя точно знала, что он шутит. Даже если бы он и вынашивал мечты о браке и детях (а я была больше чем уверена, что это не так), скромного заработка стража не хватит, чтобы обеспечить ему ту роскошную жизнь, к которой он привык.

Отец Адриана, однако, явно не воспринял его слова как шутку. Даниэлла, похоже, колебалась. Я же просто испытывала неловкость. Поднимать за обедом такую тему совсем не стоило, и я едва могла поверить, что Адриан это сделал. И даже не могла винить в этом алкоголь: похоже, моему приятелю просто доставляло огромное удовольствие злить своего отца.

Молчание становилось все более тягостным. Меня тянуло прервать его, но некое чувство призывало к молчанию. Напряжение возрастало. Внезапно звякнул дверной колокольчик, и все подскочили.

Домоправительница Торри бросилась открывать дверь, а я мысленно испустила вздох облегчения. Неожиданный гость, наверное, поможет снять напряжение.

Как бы не так.

Вернувшись, Торри взволнованно откашлялась, с тревогой взглянула на Даниэлла с Натаном и объявила:

— Ее королевское величество Татьяна.

Не может быть.

Все Ивашковы резко встали, и спустя полсекунды я тоже. Когда Адриан говорил, что Татьяна может прийти, я не поверила ему. Судя по выражению его лица, он и сам был изрядно удивлен. Но вот она, тут как тут. Быстро вошла в комнату, элегантная, в обычном для нее деловом наряде: строгие черные брюки, жакет и шелковая красная кружевная блузка. В темных волосах поблескивали мелкие драгоценности, высокомерный взгляд обозревал нас, торопливо отвешивающих поклоны.

— Тетя Татьяна, — сказал Натан, нацепив на лицо подобие улыбки; видимо, он делал это нечасто, потому что получилось не слишком удачно. — Отобедаешь с нами?

— Нет, нет! — Она отмахнулась. — Не могу остаться. У меня встреча с Присциллой, я заглянула только потому, что прослышала о возвращении Адриана. — Она обратила взгляд на упомянутого молодого человека. — Просто не верится, что ты уже целый день здесь и до сих пор не нанес мне

визита.

Говорила она спокойно, но, клянусь, в глазах мерцали огоньки подлинного веселья. Это пугало. Она никогда не казалась мне теплым, мягким человеком, но ее поведение сейчас резко отличалось от того, что я видела на официальных церемониях.

Адриан улыбнулся ей. Из всех находящихся здесь он один, похоже, не испытывал никакого неудобства. Татьяна любила и баловала его. Это не означало, что она плохо относилась к остальным своим родным, однако, несомненно, отдавала ему предпочтение. Это всегда удивляло меня, поскольку зачастую он вел себя как настоящий грубиян.

— Ну, я посчитал, что у тебя есть дела поважнее, чем встречаться со мной, — ответил он. — Кроме того, я бросаю курить, так что теперь мы не сможем украдкой затянуться сигареткой в туалете.

— Адриан! — взорвался Натан, залившись краской. Просто удивительно, как часто он произносил имя сына с неодобрением. — Тетя, мне очень...

Татьяна снова вскинула руку.

— Ой, помолчи, Натан. Никому не интересно тебя слушать.

Я была в шоке. Нелегко было находиться в одной комнате с королевой, но еще хуже видеть, как она затыкает рот лорду Ивашкову.

Она снова посмотрела на Адриана.

— Значит, ты все-таки бросаешь? Давно пора. Полагаю, это твоих рук дело?

Я даже не сразу сообразила, что она обращается ко мне, до этого я вроде как надеялась, что она вообще меня не заметила, ведь только так можно было объяснить то, что она с порога не завопила, требуя прогнать своевольную «кровавую шлюху». Я вновь была потрясена. И в ее голосе не слышалось обвиняющих ноток; казалось, она находится под впечатлением моих заслуг.

— Н-ну, нет, это не я, ваше величество. — Сейчас я вела себя кротко, совсем не так, как на нашей последней встрече. — Адриан сам принял это решение.

— Очень дипломатично. — Татьяна усмехнулась. — Тебе стоит стать политиком.

Натану не нравилось ее внимание к моей персоне. Да и мне тоже, по правде говоря, несмотря на всю любезность королевы.

— У вас с Присциллой деловая встреча? Или просто дружеский обед? Татьяна оторвала от меня взгляд.

— И то и другое. Возникли кое-какие разногласия. Наружу еще ничего

не просочилось, но появились сомнения по поводу нашей безопасности. Некоторые готовы начать тренироваться прямо сейчас, другие интересуются, могут ли стражи совсем обходиться без сна. — Она закатила глаза. — И это еще наименее безумные идеи.

Надо же! Встреча становилась все более интересной.

— Надеюсь, ты заткнешь рты этим доморощенным воякам, — проворчал Натан. — Чтобы мы сражались бок о бок со стражами... Какой абсурд!

— Абсурд не это, а противостояние между королевскими кланами, — возразила Татьяна. — Вот что я хотела бы прекратить. — Ее тон стал более высокомерным, истинно властным. — Мы — лидеры мороев и должны подавать пример. Должны быть вместе, иначе нам не уцелеть.

Я с любопытством разглядывала ее. Как это понимать? Так она согласна с позицией Натана в отношении участия мороев в сражениях? Она не обозначила этого четко, сказав лишь, что ее больше волнует восстановление мира среди своих. Но как — способствуя развитию нового движения или подавляя его? После нападения стригоев вес стали воспринимать обеспечение безопасности как огромную проблему, и разрешить ее предстояло королеве.

— До чего все это утомительно! — заявил Адриан, прикидываясь, будто обсуждаемые предметы в его глазах — полная ерунда. — Ладно уж, если ты как-нибудь захочешь покурить, для тебя я сделаю исключение.

— Если завтра ты явишься ко мне с визитом, этого будет вполне достаточно, — сухо ответила Татьяна. — Сигареты оставь дома. — Она бросила взгляд на его пустой бокал. — И все прочее тоже.

В ее взгляде вспыхнула стальная решимость, и хотя она тут же исчезла, я почувствовала облегчение. Это снова была та холодная Татьяна, которую я знала.

— Слушаюсь. — Он отсалютовал ей.

— Доброго вам вечера. — Она обвела всех быстрым взглядом.

Мы снова поклонились, и королева стремительно зашагала к двери, из-за которой доносились шарканье ног и приглушенные голоса — видимо, Татьяна оставила в вестибюле свою свиту, пока сама ходила поприветствовать Адриана.

После этого за столом в основном было тихо. Визит Татьяны поразил всех. Ну хорошо хоть больше не приходилось слушать перебранку Адриана с отцом. В основном беседу поддерживала Даниэлла — например, расспрашивала, чем я интересуюсь. Внезапно до меня дошло, что во время визита Татьяны она не произнесла ни слова. В семью Ивашковых Даниэлла

вошла посредством брака с Натаном — интересно, на нее королева тоже наводит ужас?

Когда обед закончился, Натан удалился к себе в кабинет, а Даниэлла так и цвела улыбками.

— Ты должен приходить к нам почаще, — сказала она Адриану, приглаживая ему волосы, несмотря на все его протесты. — И тебе мы всегда рады, Роза.

— Спасибо.

Я была потрясена и вглядывалась в ее лицо, выискивая в нем признаки неискренности и не находя их. Бессмыслица какая-то. Весь мой опыт свидетельствовал: морои не одобряют долговременных отношений с дампирами, в особенности королевские морои, и уж тем более те, что состоят в родстве с королевой. Адриан вздохнул.

— Может, когда его тут не будет. Ох, черт, это мне кое о чем напомнило! В прошлый раз я оставил здесь свое пальто — так рвался побыстрее смыться.

— У тебя, по-моему, пятьдесят пальто, — заметила я.

— Спроси Торри. Она знает, где оно.

Адриан отправился на поиски домоправительницы, а я осталась с его матерью. Конечно, следовало поддерживать вежливый, поверхностный разговор, но любопытство оказалось сильнее.

— Обед был замечательный. — Тут я не солгала. — Надеюсь, вы не поймете меня неправильно... в смысле... ну, похоже, вы ничего не имеете против, что мы с Адрианом встречаемся.

— Да, так оно и есть. — Она невозмутимо кивнула.

— И... — Ну, я должна была это выяснить. — И Тат... королева Татьяна вроде бы тоже.

— И это правда.

Неимоверным усилием я удержала челюсть, уже готовую выпасть прямо на пол.

— Но... В смысле, когда мы в прошлый раз с ней разговаривали, она ужасно сердилась. Снова и снова повторяла, что никогда в жизни не позволит нам быть вместе, а тем более пожениться. — Я непроизвольно съежилась, вспомнив шутку Адриана. — Думается, вы должны быть того же мнения. Уж лорд Ивашков точно. Вы не можете на самом деле хотеть, чтобы ваш сын связал свою жизнь с дампиркой.

Даниэлла улыбнулась — неуверенно, но по-доброму.

— А ты-то сама собираешься связать с ним свою жизнь? Выйти за него замуж, остепениться?

Эти вопросы застали меня врасплох.

— Я... нет... в смысле, я не хочу обидеть Адриана, просто я никогда...

— ...вообще не планировала остепениться? — Она понимающе кивнула. — Я так и думала. Поверь, раньше Адриан вел себя ужасно несерьезно, и все уже перестали ждать, что он когда-нибудь изменится. Я слышала о тебе, Роза... все слышали. И восхищаюсь тобой. Судя по тому, что мне известно, могу предположить — ты не того типа девушка, которая готова отказаться от миссии стража и стать просто домохозяйкой.

— Вы правы.

— Поэтому я не вижу тут проблемы. Вы оба очень молоды и сейчас вольны делать все, что пожелаете. Однако я... точнее, мы с тобой понимаем, что даже если всю оставшуюся жизнь ты время от времени будешь встречаться с Адрианом, это не означает, что вы поженитесь и остепенитесь. И отношение Натана — или кого угодно еще — не играет тут никакой роли. Так устроена жизнь. Так устроена ты — я вижу это по твоим глазам. Татьяна тоже поняла это, поэтому и перестала принимать ваши отношения близко к сердцу. Тебе нужна борьба, этим путем ты и пойдешь. По крайней мере, если действительно собираешься быть стражем.

— Собираюсь.

Я удивленно смотрела на нее: ее позиция ошеломляла. Она была первой известной мне королевской моройкой, которая не сходила с ума от досады от одной мысли о возможном браке своего отпрыска и дампирки. Если бы другие думали так же, это многим облегчило бы жизнь. И она была права, не придавая значения позиции Натана. Даже будь Дмитрий здесь, и это ни на что не повлияло бы. Суть в том, что мы с Адрианом не можем быть вместе всю оставшуюся жизнь, потому что я всегда буду выполнять обязанности стража, а не бездельничать, как он. Осознание этого вызывало ощущение свободы... но одновременно и грусти.

За ее спиной я увидела идущего по коридору Адриана. Даниэлла наклонилась ко мне и, понизив голос, сказала тоном обеспокоенной матери:

— Но знаешь что, Роза? Хотя я совершенно нормально воспринимаю то, что вы встречаетесь и счастливы этим, пожалуйста, постарайся не разбить его сердце вдребезги, когда придет время расстаться.

Четыре

О разговоре с его матерью я предпочла Адриану не рассказывать. По пути назад в гостиницу не требовалась никакая психическая связь, чтобы почувствовать, в каком неоднозначном настроении он пребывал. Его безумно раздражал отец, но радовало одобрение матери. Не хотелось причинить ему боль, объясняя, что она лишь потому мирится с нашими отношениями, что считает их временными и неглубокими.

— Значит, ты сбегашь с Лиссой? — спросил он у двери моей комнаты.

— Ну да, извини. Понимаешь... всякие девичьи дела.

Под «девичьими делами» я разумела взлом режимного объекта и хищение засекреченной информации.

Адриан выглядел разочарованным, но я знала, что он ничего не имеет против пашей с Лиссой дружбы. Он улыбнулся, обнял меня за талию, наклонился и поцеловал. Наши губы слились, по телу распространилось тепло, всегда удивлявшее меня. Спустя несколько прекрасных мгновений мы оторвались друг от друга, что, судя по выражению глаз Адриана, далось ему нелегко.

— Увидимся позже, — сказала я.

Он еще раз быстро поцеловал меня и зашагал к себе.

А я отправилась на поиски Лиссы, которая, как выяснилось, сидела в своей комнате и сосредоточенно разглядывала серебряную ложку. Благодаря нашей связи я поняла: она пытается напитать ложку неким магическим зарядом, чтобы каждый, кто ее возьмет, развеселился. Мелькнула мысль — она пытается изготовить лекарство от грусти для себя самой или просто экспериментирует? Однако углубляться в ее сознание, чтобы выяснить это, я не стала, а лишь спросила:

— Почему ложка?

Она пожала плечами и отложила столовый прибор.

— Ну, серебро раздобыть не так уж просто. Приходится брать то, что под рукой.

— Пожалуй, это сделало бы званые обеды гораздо веселее.

Улыбнувшись, она положила ноги на кофейный столик черного дерева. Каждый раз при виде его я невольно вспоминала похожую полированную мебель в моей «тюрьме» в России. Сражаясь тогда с Дмитрием, я использовала в качестве оружия ножку кресла, выполненного в том же

стиле.

— Кстати... а как прошел твой званый обед?

— Не так плохо, как я ожидала, — призналась я. — Раньше я понятия не имела, какой козел папаша Адриана. Зато его мать очень мила. Совершенно спокойно относится к тому, что мы встречаемся.

— Да, я знакома с ней. Она приятная женщина... хотя, как мне казалось, не настолько, чтобы спокойно относиться к скандальным романам. Надо полагать, ее королевское величество не почтила вас своим присутствием?

Лисса спросила это просто в шутку, поэтому мой ответ сразил ее.

— Почтила, и... это тоже было не так уж плохо.

— Что? Ты сказала «не так уж плохо»?

— Знаю, знаю, звучит недостоверно. На самом деле она заскочила на минутку, чтобы повидать Адриана, и вела себя так, будто в моем присутствии там ничего ужасного нет. — Я не стала пересказывать точку зрения Татьяны на участие мороев в сражениях. — Конечно, если бы она осталась, кто знает, что произошло бы? Может, она повела бы себя как раньше. Тогда мне понадобилось бы все заряженное твоей магией столовое серебро, чтобы удержаться и не запустить в нее ножом.

Лисса застонала.

— Роза, так шутить нельзя!

— Я просто говорю то, что ты боишься произнести вслух. — Я усмехнулась.

— Давненько я такого не слышала.

Она не удержалась от улыбки. Моя поездка в Россию сказала на нашей дружбе не лучшим образом, но тем самым помогла мне понять, как много эта дружба для меня значит.

После этого мы просто болтали — обсуждали Адриана и всякие слухи. Я с радостью отметила, что Лисса справилась со своим плохим настроением и выкинула из головы Кристиана; однако чем ближе к вечеру — и к надвигающейся вылазке с Мией, — тем больше она тревожилась.

— Все пройдет нормально, — сказала я, когда пришло время отправляться. Оделись мы просто: джинсы и тенниски. Было приятно знать, что школьный комендантский час на нас больше не распространяется, однако и выйти при свете дня казалось примерно, что выставить себя на всеобщее обозрение. — Пустяковое дело.

Лисса искоса взглянула на меня, но промолчала. Ведь целью нашего налета была штаб-квартира стражей, которые и обеспечивали безопасность в нашем мире! Что ни говори, это отнюдь не пустяк!

Мия выглядела преисполненной решимости, и благодаря этому я тоже приободрилась, а также потому, что она оделась во все черное. Правда, при свете дня это особого значения не имело, но соответствовало духу нашего предприятия. Я умираю от желания узнать, чем они занимались с Кристианом, да и Лисса тоже, однако касаться этой темы ни у кого желания не было.

По моим прикидкам, шансы на успех плана, который изложила нам Мия, составляли процентов шестьдесят пять. Лиссе предстояло воспользоваться своим даром влиять на чужую волю, но раз уж она была «в деле», то согласилась на это. Мы несколько раз прошлись по всем деталям и только после этого направились к зданию, где было сосредоточено управление деятельностью стражей. Я уже видела их штаб-квартиру, но только снаружи, когда Дмитрий водил меня повидаться с Виктором, который сидел в камере в соседнем здании. Как и предполагала Мия, в это время дня служащих там было мало.

Войдя внутрь, мы оказались в приемной — точно такой же, как в любом другом административном здании. Суровый с виду страж сидел перед монитором, окруженный шкафами с документами и столами. Вероятно, в это «время ночи» дел у него было немного, и тем не менее чувствовалось, что он настороже. Я взглянула на дверь за его спиной: именно за ней, по словам Мии, скрывались все секреты стражей, их документы, главный офис и... служба видеонаблюдения за всеми важными участками дворцового комплекса.

Несмотря на всю свою суровость, при виде Мии страж улыбнулся.

— Не поздновато для тебя? Ты пришла на тренировку?

Она улыбнулась в ответ. Видимо, он был из тех, с кем у нее завязались дружеские отношения за время пребывания при дворе.

— Нет, просто не спится что-то. Вот хочу показать друзьям все тут.

Вопросительно выгнув бровь, он окинул взглядом меня и Лиссу.

— Принцесса Драгомир. Страж Хэзевей.

Впервые обо мне упомянули, употребляя мое новое звание. Поначалу я даже удивилась и испытала легкое чувство вины: так или иначе, я собиралась обмануть тех, к кому сама теперь принадлежала.

— Это Дон, — представила его Мия. — Дон, принцесса просит о небольшом одолжении.

Она многозначительно посмотрела на Лиссу. Та сделала глубокий вдох, и наша связь позволила мне ощутить, как она вызвала в себе вспышку силы.

— Дон, дай нам ключи и код к архивам внизу, — приказала она,

вперив взгляд в стража. — И отключи там все камеры наблюдения.

— С какой стати я... — Он нахмурился.

Однако она не спускала с него глаз, и я увидела, что магия подчиняет его волю. Лицо Дона разгладилось, хмурое выражение исчезло, и я испустила вздох облегчения. Множество людей в силах сопротивляться магии принуждения — в особенности, если она исходит от заурядного мороя. Власть над стихией духа придавала Лиссе особые силы, но все же нельзя было в точности предсказать заранее, сможет ли она подчинить того или иного человека.

— Конечно, — ответил он, встал, выдвинул ящик стола и протянул Мие ключи, которые она тут же передала мне. — Код — четыре три один два пять семь восемь.

Я запомнила цифры, а Дон поманил нас к знаменательной двери. За ней во всех направлениях тянулись коридоры.

— Вот туда. — Страж указал на тот, что уходил вправо. — В конце сверните налево и спуститесь на два лестничных пролета. Правая дверь.

Мия посмотрела на меня, проверяя, все ли мне ясно. Я кивнула, и она снова повернулась к нему.

— Теперь нужно отключить камеры наблюдения.

— Отведи нас туда, — жестко скомандовала Лисса.

Дон не мог воспротивиться ее приказу; они с Мией последовали за проводником, а я осталась, предоставленная самой себе. Осуществление следующей части плана целиком ложилось на меня, и я торопливо зашагала по коридору. Пусть сейчас служащих здесь мало, и все же вероятность столкнуться с кем-то существовала — а я не владела магией принуждения, которая помогла бы избежать неприятностей.

Описание оказалось точным, но ни в коей мере не подготовило меня к предстоящему. Набрав код и войдя в подвал, я увидела огромное помещение, заполненное бесконечными рядами шкафов с папками — конца им не было видно. Флуоресцентные лампы и сверхъестественная тишина наводили жуть! Здесь хранилась вся информация стражей до цифровой эры. Один бог знает, как далеко в глубь времен простирались эти записи. До Средневековья? Внезапно меня охватило уныние: мыслимое ли дело — найти здесь хоть что-то нужное?

Я подошла к первому шкафу слева и с облегчением обнаружила, что на нем есть этикетка с надписью: АА1. На следующем значилось АА2 и так далее. О господи! Пришлось пройти мимо нескольких шкафов, чтобы миновать эти бесконечные буквы «А». Хорошо, разумеется, что информация располагалась в алфавитном порядке, но лишь одолев около

трех четвертей помещения, я добралась до шкафов с обозначением на Т; и только среди них, в ящике ТА27, нашлась папка тюрьмы «Тарасто».

Папка была ужасно толстая, битком набитая самыми разными документами. История тюрьмы, схема ее перемещения, поэтажные планы для каждого местоположения. Я просто глазам своим не верила. Столько информации... Что мне нужно, а что нет? Что окажется полезным? Ответ созрел почти мгновенно: мне нужно все. Я задвинула ящик, зажала папку под мышкой и рысцой припустила в обратный путь.

Теперь, когда я нашла то, что требовалось, желание сбежать становилось неодолимым. Я почти добралась до выхода, как вдруг послышался негромкий щелчок и дверь сама открылась мне навстречу. В помещение вошел незнакомый дамбир, и я замерла. Он тоже замер в полном ошеломлении, и я порадовалась уже тому, что он не попытался немедленно пригвоздить меня к стене и начать допрашивать.

— Ты Роза Хэзевей, — сказал он.

Господи боже! Есть здесь кто-нибудь, кто меня не знает?

Я напряглась, не представляя, чего ожидать дальше, но ответила таким тоном, как будто в нашей встрече здесь нет ничего особенного:

— По-видимому. А ты кто?

— Майкл Теннер, — все еще с недоуменным видом ответил он. — Что ты здесь делаешь?

— Выполняю поручение, — невозмутимо заявила я и кивнула на папку. — Дежурному стражу кое-что понадобилось.

— Лжешь. Я — дежурный по архивам. Если кому-нибудь что-нибудь понадобится, посылают меня.

Ох, дерьмо! Такой блестящий план — и все насмарку. И вдруг странная мысль пришла мне в голову. Вьющиеся темные волосы, средний рост, возраст ближе к тридцати, и в целом вид симпатичный... Нет, очевидно, мы с этим человеком раньше не встречались, по крайней мере, во внешности его я ничего знакомого не видела, но вот имя... или что-то, связанное с этим именем...

— Госпожа Карп, — вспомнила я, удивленная собственной догадкой. — Ты — тот... У тебя был роман с госпожой Карп.

— Что тебе об этом известно? — Он настороженно сощурил голубые глаза.

Я взволнованно сглотнула. Не у меня первой возникла проблема, из-за которой я оказалась в этом архиве. Имелся прецедент.

— Ты любил ее и попытался убить, после того... после ее обращения.

Госпожа Карп, тоже пользователь духа, несколько лет назад

преподавала у нас. Когда под воздействием побочных эффектов своей магии она начала сходить с ума, то сделала единственное, что позволяло сохранить здравый рассудок: стала стригоем. А Майкл, ее возлюбленный, выбрал единственный путь, чтобы положить конец ее существованию в таком качестве, — попытался найти и убить ее. До меня внезапно дошло, что я столкнулась с героем любовной истории почти столь же драматической, как моя собственная.

— Но ты так и не нашел ее? — спросила я.

Он молчал, устремив на меня тяжелый взгляд. О чем он думал? О ней? О своих страданиях? Или пытался понять, чего я добиваюсь?

— Не нашел, — в конце концов ответил он. — Пришлось прекратить поиски. Стражи больше нуждались во мне.

Он хорошо держал себя в руках, чем всегда отличались его коллеги, но в глазах Майкла я видела печаль — понятную мне, как никому другому. На мгновение я заколебалась — но у меня оставалась единственная возможность избежать ареста и не оказаться в тюремной камере.

— Знаю... Знаю, у тебя есть веские причины сдать меня. Это твоя обязанность — и на твоём месте я действовала бы так же. Но суть в том, что... — Я снова кивнула на папку. — Я пытаюсь сделать то же, что и ты когда-то. Спасти одного человека.

Он молчал. Думаю, он предположил, что под словом «спасти» я понимаю «убить». Если он знал, кто я такая, то наверняка знал и то, кто являлся моим наставником. Немногие были в курсе моего романа с Дмитрием, но понять, что его судьба тревожит меня, не составляло труда.

— Это бесполезно, — наконец сказал Майкл, и его голос еле заметно дрогнул. — Я старался... Из всех сил пытался найти ее! Но когда они исчезают... когда не хотят, чтобы их нашли... — Он покачал головой. — Тут ничего не поделаешь. Я понимаю, почему ты хочешь сделать это. Поверь мне, прекрасно понимаю. Но ничего не получится. Ты никогда не найдешь его, если он сам этого не захочет.

Мелькнула мысль: как много я могу рассказать Майклу? Как много придется ему рассказать? И еще я подумала, что если на свете есть кто-нибудь, понимающий, через что я прошла, то это стоящий передо мной человек. Кроме того, у меня особого выбора не было.

— Штука в том, что я, кажется, имею возможность найти его, — медленно заговорила я. — Потому что он сам ищет меня.

— Что? — Майкл вскинул брови. — Откуда ты знаешь?

— Он... ну... посылает мне письма, где пишет об этом.

Мгновенно в нем снова проступили черты непримиримого воина.

— Если ты точно можешь найти его, то... Ты должна приложить все силы, чтобы убить его.

Вздвогнув при последних словах, я снова почувствовала страх при мысли о том, что собиралась сказать дальше.

— Ты поверишь мне, если я скажу, что существует способ спасти его?

— Ты имеешь в виду, уничтожив?

— Нет. — Я покачала головой. — Имеется в виду именно спасти. Вернуть в прежнее состояние.

— Нет, — быстро ответил Майкл. — Это невозможно.

— Возможно. Я знаю того, кто сделал это... кто вернул стригоя обратно.

Это была маленькая ложь — на самом деле я его пока не знала, но собиралась добраться до него по цепочке «я знаю того, кто знает того, кто знает...»

— Это невозможно, — повторил Майкл. — Стригои мертвые. Или не-мертвые, что одно и то же.

— Но что, если такой шанс существует? Что, если это можно сделать? И госпожа Кари, Соня, опять сможет стать моройкой, и вы могли бы снова быть вместе!

Это также означало бы, что она опять подверглась бы опасности сойти с ума, но этой проблемой можно будет заняться и позже. Казалось, прошла вечность, а он все молчал, и с каждым мгновением моя тревога возрастала. Лисса не могла без конца применять магию принуждения, и я обещала Мии поторопиться. Если я не сумею быстро выбраться отсюда, наш план провалится. Однако, пристально вглядываясь в лицо Майкла, я видела на нем колебания. Спустя столько лет он по-прежнему любил свою Соню.

— Если то, что ты говоришь, правда — а я в это не верю, — тогда я пойду с тобой.

Тпру, нет! В нашем плане такого не предусмотрено.

— Это невозможно, — быстро ответила я и добавила еще одну маленькую ложь: — Я действую не в одиночку — у меня уже есть люди, которые этим занимаются. Включение в команду нового человека может все погубить. Если ты действительно хочешь мне помочь, хочешь получить шанс вернуть ее — просто позволь мне уйти.

— Это не может быть правдой, — повторил он.

Однако в его голосе слышалось сомнение, и я воспользовалась этим.

— Может, стоит рискнуть?

Снова последовало молчание. Я начала истекать потом. Майкл на мгновение закрыл глаза, сделал глубокий вдох, отступил в сторону и

кивнул на дверь:

— Уходи.

Я чуть не рухнула от облегчения и поспешно вцепилась в дверную ручку.

— Спасибо! Огромное тебе спасибо.

— У меня могут быть большие неприятности, — устало добавил он, — а ведь я все равно не верю, что ты чего-то добьешься.

— Но надеешься на это. — Мне не требовался его ответ — я и так знала, что права. Открыв дверь, я оглянулась на Майкла и на этот раз не увидела в его лице скрытой печали. — Если ты действительно хочешь помочь, то... я знаю как.

Еще один кусочек головоломки встал на место — я сообразила, каким должен быть наш следующий шаг. Выслушав, что от него требуется, он, к моему удивлению, сразу согласился. Наверное, действительно до сих пор любит ее. Мы оба выросли с твердым убеждением, что вернуть стригоя невозможно, и тем не менее оба страстно желали этого.

После этого я прокралась наверх. Дона за его столом не было; интересно, что Мия с ним сделала? Выяснить это я, однако, не стала и выскользнула наружу, в маленький двор, где мы договорились встретиться.

Обе мои подруги уже расхаживали там. Теперь, когда тревога оставила меня, я открыла себя для нашей связи и почувствовала волнение Лиссы.

— Слава богу! — воскликнула она при виде меня. — Мы думали, тебя схватили.

— Ну... это долгая история. — И в данный момент пересказывать ее я не собиралась. — Я нашла то, что требовалось. И... даже гораздо больше. Думаю, у нас все получится.

Мия искоса взглянула на меня.

— Ты собираешься ознакомить меня с вашими планами?

Я покачала головой.

— Думаю, не стоит.

И мы зашагали прочь.

Пять

По возвращении в комнату Лиссы я решила, что нам лучше не ложиться спать, а заняться документами. Мой рассказ о встрече с Майклом вызвал у нее смешанные чувства. Сперва она удивилась, но на смену удивлению вскоре пришли страх и беспокойство. Присутствовало и некое умиление по поводу тех подвигов, которые я и Майкл готовы совершить ради своих возлюбленных. Еще она спрашивала себя, смогла бы сама решиться на это, окажись в подобной ситуации Кристиан, и мгновенно решила, что да, конечно. Она по-прежнему испытывала к нему сильные чувства, но тут же напомнила себе, что он ее больше не волнует...

— Чем ты недовольна? — спросила Лисса.

И тут до меня дошло, что, с волнением читая ее мысли, я испускала громкие вздохи. Не желая, чтобы она обнаружила мое вторжение в ее сознание, я кивнула в сторону бумаг, разложенных на постели.

— Просто пытаюсь разобраться во всем этом.

Что почти соответствовало действительности.

Планировка тюрьмы оказалась довольно сложной. Крошечные камеры, только одиночные, занимали два этажа. Понятно, почему заключенных держат по отдельности: таким образом их лишали возможности стать стригоями, еще Эйб когда-то говорил об этом. Если бы мне предстояло провести в тюрьме многие годы, то пришлось бы бороться с искушением убить сокамерника, сделавшись таким образом стригоем, и сбежать. Камеры были сосредоточены в самом центре здания и окружены караульными помещениями, офисами, «тренировочными площадками», кухней и комнатой для «кормления». В документах приводились схема смены караула и расписание «кормления» заключенных. Их по одному, под строжайшей охраной, отводили в специальное помещение и позволяли выпить совсем немного крови — опять-таки с целью держать в ослабленном состоянии и не допустить превращения в стригоев.

Ценная информация, конечно, но вот соответствует ли она текущему положению вещей? Документы были пятилетней давности. Можно не сомневаться, сейчас в тюрьме появились все современные средства наблюдения. Получалось, что рассчитывать на точность информации можно лишь в двух вопросах: о местоположении тюрьмы и планировке здания.

— Как у тебя обстоят дела с изготовлением амулетов? — спросила я

Лиссу.

Ей не удалось вложить в сделанное для меня кольцо достаточно исцеляющей магии духа — одна моя знакомая женщина по имени Оксана достигла в этом заметно больших успехов. И все же благодаря ему моя неуравновешенность, возникшая под воздействием тьмы, слегка уменьшилась. Лисса сделала кольцо и для Адриана, но я не знала, помогает ли оно ему бороться с порочными наклонностями — он ведь сам им потворствовал, поскольку так ему было легче защищаться от вредного влияния стихии духа.

Она пожала плечами и откинулась на спину. Чувствовалось, что она очень устала, но изо всех сил старается бодрствовать ради меня.

— Вроде бы лучше. Хотелось бы мне встретиться с этой твоей Оксаной.

— Может, и встретишься. — По правде говоря, я не думала, что Оксана когда-нибудь покинет Сибирь, куда сбежала со своим стражем и теперь едва ли жаждет с кем-то общаться. И после всего, что мне пришлось пережить в Сибири, я уж точно не хотела, чтобы сама Лисса оказалась там. — А можешь ты вложить в амулет что-нибудь еще, кроме исцеляющей силы? — И спустя мгновение я сама ответила на свой вопрос: — Ах, да! Ложка.

Лисса состроила гримасу, перешедшую в зевок.

— Не думаю, что это работает так уж хорошо.

— Ну...

— Что ты хочешь сказать?

— Вот что мне пришло в голову. — Я посмотрела на документы. — Если ты сможешь сделать амулеты, заряженные магией принуждения, это будет для нас полезно. Нужно заставить людей видеть то, что нам требуется.

Конечно, если даже Виктор — чья сила по части принуждения значительно уступала возможностям Лиссы — сумел создать амулет с заклинанием вождения, она может сделать то, о чем я прошу. Она нуждалась лишь в практике, однако мне не хотелось настаивать: ведь чем больше она станет прибегать к стихии духа, тем больше будут сказываться его побочные эффекты. Если не прямо сейчас, то в будущем они непременно проявят себя и не принесут Лиссе ничего хорошего.

Она с любопытством посмотрела на меня, но потом снова зевнула, и я сказала, что все, хватит, я объясню свою мысль завтра. Она не спорила. Мы быстро обнялись, и я ушла к себе. Времени на сон осталось немного, но надо было использовать то, что есть. Завтра нас ждал долгий день.

На судебный процесс, где рассматривалось дело Виктора, я пришла одетой во что-то вроде черно-белой формы стражей, — с чужого плеча. Находясь на службе, мы, как правило, носим обычную одежду, однако на предстоящих мероприятиях, по мнению их устроителей, должны были выглядеть сугубо профессионально. Наутро после нашего незаконного проникновения в штаб-квартиру я впервые почувствовала, что такое истинный стиль стражей.

Не в пример тому случаю, сегодня мне доставили форменную одежду, сшитую по моим меркам: черные слаксы, белую блузу на пуговицах и черный жакет. Все сидело великолепно. Сексуальным наряд не выглядел — что от него и не требовалось, — но в том, как он облегал нижнюю половину тела, чувствовалось что-то удивительно приятное. Я с удовлетворением оглядела себя в зеркало, подумала и собрала волосы в высокий узел, открыв обозрению все знаки молнии. Кожа на шее все еще была раздражена, но, по крайней мере, повязка больше не требовалась. Собственный сугубо официальный вид напомнил мне о Сидни. Она алхимик, то есть человек, работающий совместно с мороями и дампирями и обеспечивающий сокрытие от остального мира сам факт существования вампиров. У нее хороший вкус, и она всегда выглядит так, словно готова к деловой встрече. Я все время держала в памяти послать ей на Рождество портфель.

Сегодня был именно тот день, когда имеет смысл пустить пыль в глаза. После испытаний и окончания школы это был следующий важный шаг к тому, чтобы стать настоящим стражем. Нас ждал ланч, на который были приглашены все выпускники и морои, нуждающиеся в услугах стражей, чтобы они смогли оцепить возможных кандидатов. Сейчас сведения о наших школьных достижениях, включая результаты испытаний, уже широко распространились, и эта встреча давала мороям возможность приглядеться к нам и подать заявку на того, кого они хотели бы видеть своим стражем. Естественно, большинство гостей принадлежали к королевским семьям, но должны были присутствовать и другие важные персоны.

Лично я отнюдь не жаждала вызвать фурор с целью подцепить нанимателя из какой-нибудь высокопоставленной семьи, поскольку стремилась остаться возле Лиссы. Тем не менее следовало постараться произвести хорошее впечатление — чтобы всем стало ясно, что охранять принцессу Драгомир должна именно я.

В королевский танцевальный зал мы с ней отправились вместе. Только

он был достаточно велик, чтобы вместить всех приглашенных, в число которых входили не только выпускники Академии Святого Владимира. Все американские школы посылали сюда своих повзрослевших питомцев, и в первый момент вид черно-белого моря вызвал у меня легкое головокружение. Кое-где виднелись небольшие вкрапления других красок — королевские морои в своих лучших нарядах слегка оживляли эту цветовую гамму. Стены, украшенные фресками в мягких тонах, казалось, испускали легкое мерцание. Лисса надела обтягивающее фигуру зеленовато-голубое платье, хоть и не бальное, тем не менее выглядевшее очень элегантно.

Королевских мороев приучали к подобным мероприятиям с детства, поэтому они чувствовали себя здесь как рыба в воде, но в поведении будущих стражей явственно ощущалась неловкость. Впрочем, в этом не было большой беды: сейчас не нам предстояло кого-то найти, а другие старались наладить контакты с нами. Все выпускники носили металлические бляхи с выгравированными на них именами. Никаких стикеров с надписью типа: ПРИВЕТ, МОЕ ИМЯ... Морои распознавали нас по бляхам, подходили и начинали расспрашивать.

Светская болтовня меня не слишком привлекала, а потому мы с Лиссой напрямик устремились к буфету и нашли тихий уголок, где могли без помех заняться канapé и бутербродами с икрой. Точнее, эти последние ела Лисса; мне они слишком напоминали Россию.

И конечно, первым нас отыскал Адриан.

— Интересно, что ты здесь делаешь? — Я встретила его появление недоуменной улыбкой. — Тебе ведь страж не нужен.

Поскольку конкретных планов на будущее Адриан не имел, предполагалось, что он будет просто жить при дворе, а там особая защита ему не потребуется. Разумеется, все было бы иначе, если бы он решил выйти во внешний мир.

— Да, но разве я мог пропустить такое сборище?

В руке он держал бокал с шампанским. Интересно, кольцо Лиссы больше на него не действует? Само собой, выпивать время от времени — грех не такой большой, и в своем послании ко мне по этому поводу он выражался весьма туманно. Больше всего я хотела, чтобы он бросил курить.

— Наверное, тобой уже интересовались человек десять, не меньше? — спросил он.

Я покачала головой.

— Кому нужна безрассудная Роза Хэзевей, способная бросить свои

обязанности ради каких-то собственных дел?

— Много кому. Мне уж точно. В бою тебе нет равных, и вспомни — все убеждены, будто ты уезжала, чтобы самостоятельно охотиться на стригоев. Уверен, многие считают, что такие способности вполне компенсируют необузданный характер.

— Он прав, — внезапно произнес новый голос. Подняв взгляд, я увидела подошедшую к нам Ташу Озера. Она улыбнулась, и я в который раз подумала, что все-таки она очень хороша собой, несмотря на шрам; сегодня больше, чем когда-либо, в ее облике сказывалось высокое происхождение. Королевская осанка, блестящие длинные черные волосы. На ней были темно-синяя юбка, кружевная безрукавка, туфли на высоких каблуках и драгоценные украшения — вот чего я точно никогда прежде не видела на ней.

Ее появление меня обрадовало: я и не знала, что она тоже приехала ко двору. Странная мысль мелькнула в голове.

— Неужели вам в конце концов тоже позволили приобрести стража?

Королевские морои никогда не выказывают неприязни напрямую, используя вежливые способы ограничивать тех, кто находится в немилости. В случае семьи Озера их доля стражей была сокращена наполовину — в качестве наказания за то, что совершили родители Кристиана. Я считала это вопиющей несправедливостью: Озера имели точно такие же права, как другие королевские семьи.

— Вероятно, таким способом стараются заткнуть мне рот — я имею в виду дискуссию по поводу участия мороев в сражениях. — Она кивнула. — Взятка в некотором роде.

— Едва ли с вами этот номер пройдет.

— Конечно нет. Одно хорошо — мне будет с кем практиковаться. — Ее улыбка увяла, и она неуверенно оглядела нас. — Надеюсь, никто не будет в обиде, но... Я подала заявку на тебя, Роза.

Мы с Лиссой испуганно посмотрели друг на друга. Я не знала, что и сказать.

— Надеюсь, тебя распределят к Лиссе, — явно испытывая неловкость, торопливо добавила Таша. — Но похоже, королева имеет склонность упорно стоять на своем. Если это как раз такой случай...

— Все в порядке, — ответила я. — Если я не смогу быть с Лиссой, то предпочту быть с вами.

И это была истинная правда. Больше всего на свете я хотела защищать Лиссу, но если нас разлучат, пусть мне лучше достанется Таша, чем какой-нибудь королевский сноб. Правда, мое распределение к ней казалось так же

маловероятным, как и к Лиссе. Те, кого возмутила моя выходка с «побегом», сделают все, чтобы поставить меня в невыносимые условия. И пусть Таша получила право иметь стража, с ее желаниями тоже вряд ли посчитаются, таким образом, мое будущее по-прежнему оставалось весьма туманным.

— Ничего себе! — воскликнул Адриан, обиженный тем, что не ему я отдала предпочтение после Лиссы.

Я покачала головой.

— Ты прекрасно знаешь, что меня распределят к женщине. И еще — чтобы заслужить право иметь стража, тебе нужно сначала самому определиться, как дальше жить.

Я хотела, чтобы это прозвучало шутливо, но, судя по выражению лица Адриана, он был задет всерьез. В чертах Таши тем временем отразилось облегчение.

— Рада, что ты не против. Со своей стороны я сделаю все, чтобы помочь вам обеим. — Она закатила глаза. — Хотя, сами понимаете, мое мнение не очень-то принимается в расчет.

Вряд ли имело смысл говорить Таше о моих сомнениях насчет нашего будущего сотрудничества. Я поблагодарила ее за предложение, но тут к нам приблизилась еще одна знатная гостья: Даниэлла Ивашкова.

— Адриан, — мягко выбрала она его с улыбкой на лице, — ты буквально взял в плен Розу и Василису и не даешь никому другому насладиться их обществом. — Она перевела взгляд на нас. — А между тем королева желает видеть вас обеих.

Просто великолепно. Мы поднялись, Адриан остался сидеть, явно не стремясь увидеться со своей тетей. Таша, по-видимому, тоже. Даниэлла кивнула ей, вежливо, но холодно, и удалилась, уверенная, что мы с Лиссой следуем за ней. Было нечто парадоксальное в том, что Даниэлла, вроде бы готовая принять меня, не могла одолеть предвзятости по отношению к семье Озера. Так далеко ее обходительность не распространялась.

У Таши, однако, выработался иммунитет к вещам подобного рода.

— Желаю получить удовольствие, — сказала она нам с Лиссой и посмотрела на Адриана. — Еще шампанского?

— Леди Озера, — галантно ответил он, — мы с вами мыслим в одном направлении.

Я ненадолго задержалась, прежде чем последовать за Даниэллой. Восхищенная тем, как великолепно сегодня выглядит Таша, я только сейчас обратила внимание на одну деталь.

— Ваши драгоценности сделаны из серебра? — спросила я.

Она рассеянно прикоснулась к ожерелью с опалами; на пальцах блестели три кольца.

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— Может, это покажется вам странным... Впрочем, наверняка не больше, чем мои обычные странности. Не могли бы вы... э-э-э... одолжить мне их?

Лисса стрельнула в меня взглядом, сразу же догадавшись о моих намерениях. Нам требовались новые амулеты, а серебряных вещей было мало. Таша вопросительно выгнула бровь, но, как большинство моих друзей, она привыкла спокойно воспринимать странные идеи.

— Конечно, — ответила она. — Только можно чуть позже? Не хотелось бы остаться без них в разгар этого мероприятия.

— Никаких проблем.

— Я пришлю их в твою комнату.

Уладив этот вопрос, мы с Лиссой направились туда, где стояла Татьяна в окружении своих прихлебателей. Даниэлла, вероятно, ошиблась, говоря, что Татьяна хочет видеть нас обеих. Воспоминания о том, как королева кричала на меня из-за Адриана, все еще пылали в сознании, а встреча на обеде у Ивашковых не ввела меня в заблуждение и не заставила вообразить, будто мы теперь лучшие подруги.

Тем не менее, к моему огромному изумлению, при виде нас с Лиссой ее величество Татьяна расплылась в улыбке.

— Василиса. И Розмари.

Она поманила нас к себе, и толпа расступилась. Я приближалась, полная нехороших ожиданий: неужели она начнет кричать на меня перед всеми этими людьми?

Но по-видимому, она не собиралась этого делать. Сначала Татьяна представила Лиссу новым королевским мороям, неизменно присутствующим на таких встречах. Все, конечно, с любопытством воззрились на принцессу Драгомир. Меня представили тоже, хотя и не королева не пела дифирамбов, как Лиссе. И все же это далеко превзошло мои ожидания.

— Василиса, — заговорила Татьяна, покончив с формальностями, — думаю, в самое ближайшее время тебе нужно съездить в Лихай. Примерно полторы недели назад все договоренности насчет твоей дальнейшей учебы были достигнуты. Мы намеревались сделать тебе этот приятный сюрприз к дню рождения. Серена и Грант, естественно, будут сопровождать тебя, и я пошлю с вами еще несколько человек.

Серена и Грант были теми стражами, которым предстояло защищать

Лиссу вместо меня и Дмитрия. Ясное дело, они отправятся с ней. И тут Татьяна добавила нечто поразительное:

— И ты, Роза, тоже можешь поехать с ними, если хочешь. Без тебя Василиса едва ли сумеет в полной мере насладиться своим праздником.

Лисса просияла. Лихайский университет! Именно в надежде попасть туда она согласилась пожить при дворе. Лисса просто жаждала учиться, желательно у хороших преподавателей, и королева предоставила ей такую возможность. Перспектива этой поездки вызвала в ее душе взрыв волнения и восторга — и в особенности потому, что она сможет отпраздновать свой восемнадцатый день рождения вместе со мной. Во всяком случае, все мысли о Викторе и Кристиане вылетели у нее из головы, а это о многом говорит.

— Спасибо, ваше величество. Это будет замечательно.

Я понимала: если мой план в отношении Виктора начнет осуществляться, то очень может быть, что ко времени этой поездки нас здесь не окажется. Однако портить Лиссе удовольствие я не собиралась и, уж конечно, не могла заговорить об этом в окружающей королеву толпе придворных. Вдобавок я еще не пришла в себя оттого, что меня тоже пригласили. Больше ничего касательно меня Татьяна не добавила, но, надо отметить, вела себя со мной любезно — для нее, по крайней мере, — примерно как у Ивашковых. Не как лучшая подруга, но определенно и не как бешеная сука. Пожалуй, Даниэлла была права.

Вокруг гудела болтовня: все обменивались любезностями и старались произвести впечатление на королеву, и вскоре стало ясно, что мое присутствие больше не требуется. Оглянувшись, я нашла взглядом нужного мне человека и незаметно скользнула в сторону, зная, что Лисса сама сумеет позаботиться о себе.

— Эдди! — крикнула я. — Наконец-то я тебя нашла.

Эдди Кастиль, мой давний друг, улыбнулся в ответ. Он тоже дэмпир — высокий, с вытянутым, узким, но довольно симпатичным лицом, в котором проглядывало что-то мальчишеское. В виде исключения сегодня его песочного цвета волосы были тщательно причесаны. Лисса когда-то надеялась, что у нас с Эдди может завязаться роман, но мы упорно оставались просто друзьями. Зато по мне с ума сходил Мейсон, симпатичный парень и лучший друг Эдди, пока не погиб по вине стригоя. После смерти Мейсона мы с Эдди всегда оберегали друг друга. Во время нападения стригоев на Академию его, среди прочих, похитили, и в итоге богатый опыт борьбы позволил ему стать умелым, храбрым стражем, серьезным — иногда даже чересчур. Мне всегда хотелось, чтобы он почаще

расслаблялся, и сейчас я с удовольствием отметила счастливый блеск в его карих глазах.

— Наверное, все королевские морои пытаются заарканить тебя, — поддразнила я его.

В этой шутке содержалось немало правды. На протяжении всего приема я поглядывала на него и постоянно видела кого-нибудь рядом. Его личное дело впечатляло. Ему пришлось пережить немало ужасных событий, наверняка оставивших шрамы в душе, но, безусловно, способствовавших и возрастанию его мастерства. Он и в школе учился великолепно, и испытания прошел прекрасно, но в отличие от меня не имел репутации неуправляемого безумца — короче, представлял собой стоящую добычу.

— Вроде того. — Он засмеялся. — По правде говоря, не ожидал такого.

— Хватит скромничать. В этом зале круче тебя нет никого.

— Не считая тебя.

— Ага. Заметил, какая длинная очередь ко мне выстроилась? Насколько я знаю, Таша Озера — единственная, кто хочет меня заполучить. И Лисса, конечно.

На лице Эдди возникло задумчивое выражение.

— Могло быть хуже.

— И будет хуже. Ни одна из них мне не достанется.

Мы замолчали, и внезапно меня охватило беспокойство. Вообще-то я подошла к Эдди, чтобы попросить его об одной услуге, но внезапно эта идея показалась мне не такой уж хорошей. Парень стоял на пороге блестящей карьеры. Как преданный друг, он, конечно, не откажет мне в помощи, но... Нет, я не могла ни о чем его просить. Однако он был очень наблюдателен — не менее чем Мия.

— Ты чем-то огорчена, Роза? — озабоченно спросил он, побуждаемый своей природной склонностью всех защищать.

Я покачала головой. Нет, не могу.

— Нет.

— Роза! — предостерегающе сказал он.

— Это неважно. — Я отвернулась, не в силах смотреть ему в глаза. — Правда-правда.

Поищу кого-нибудь другого.

К моему удивлению, он мягко приподнял мою голову, взяв за подбородок, и посмотрел в глаза, не давая отвести взгляд.

— Что тебе нужно?

Мы замерли, глядя друг на друга. Какая же я эгоистка! Готова рискнуть жизнью и репутацией друзей, которых люблю. Если бы Кристиан не был в ссоре с Лиссой, я попросила бы о помощи его. Однако теперь Эдди — все, что у меня осталось.

— Мне нужно кое-что... из ряда вон.

Его лицо сохраняло серьезность, но губы тронула улыбка.

— Ничего другого от тебя и нельзя ожидать.

— Но это действительно переходит все границы. Это... способно полностью разрушить твою жизнь. Навлечь на тебя огромные неприятности. Не могу я так обойтись с тобой.

Его улыбка исчезла.

— Это не имеет значения. Если ты нуждаешься во мне, я с тобой. Только это важно.

— Ты же не знаешь, о чем речь.

— Я доверяю тебе.

— Это незаконное дело. Фактически преступление на грани государственной измены.

На мгновение он опешил, но решимости не утратил.

— Я готов на все. Мне плевать. Что бы ни было, я прикрою тебе спину.

Я дважды спасала Эдди жизнь и понимала, что он говорит совершенно серьезно, потому что чувствует себя в долгу передо мной. Он пойдет, куда я попрошу, не из романтических побуждений, а руководствуясь исключительно дружбой и преданностью.

— Это незаконно, — повторила я. — Тебе придется ночью ускользнуть с территории двора. И я не знаю, когда мы вернемся обратно.

Весьма вероятно, что мы не вернемся вообще. Если нам предстоит схватка с тюремными стражами... Выполняя свои обязанности, они могут пойти на самые крайние меры. Этому нас учили всю жизнь. Однако совершить такой прорыв с помощью только лишь магии принуждения невозможно. Мне требовался еще один боец, чтобы обеспечить тылы.

— Просто скажи когда.

И на этом вопрос был решен. Я не стала посвящать Эдди в подробности своего плана, просто объяснила, где и когда мы встречаемся этой ночью, а также что нужно взять с собой. Он не задал ни одного вопроса, просто сказал, что придет. Потом с ним заговорили какие-то королевские морои, и я ушла, стараясь подавить чувство вины и не думать о том, что, весьма возможно, ставлю под угрозу его будущее.

В соответствии с нашей договоренностью Эдди и Лисса появились

позже той же ночью. В смысле, ясным днем. Мне снова было не по себе, как и тогда, когда мы с Мией пробирались в штаб-квартиру: ведь при свете дня все отлично видно. Но и теперь большинство людей спали, когда мы украдкой пересекали территорию двора. Майкл ждал нас на безлюдной окраине, около гаражей — это были большие металлические здания промышленного типа.

Никого, к большому моему облегчению, не оказалось ни рядом, ни в самом гараже. Майкл с удивлением оглядел мой «ударный отряд», но вопросов не задавал и присоединиться к нам не предлагал. Мое чувство вины усилилось — вот и еще один человек рисковал своим будущим ради моих сомнительных целей.

— Вам будет тесновато, — заметил он.

— Мы тут все друзья. — Я заставила себя улыбнуться.

Однако Майкл не оценил шутки и не улыбнулся в ответ, открывая багажник черного «доджа чарджера». Насчет тесноты он оказался прав. В старой модели багажник был побольше, но здешние стражи держат только самые современные машины.

— Как только отъедем подальше, я сверну на обочину и выпущу вас, — пообещал он.

— Не беспокойся, с нами все будет хорошо.

Лисса, Эдди и я втиснулись в багажник.

— О господи... — пробормотала моя подруга. — Надеюсь, никто не страдает клаустрофобией.

Это сильно напоминало скверную игру в твистер.^[2] Для перевозки грузов багажник был достаточно вместителен, но не рассчитан на трех человек, и нам пришлось очень плотно прижаться друг к другу. Убедившись, что все устроились, Майкл захлопнул крышку, и мы погрузились во тьму. Спустя минуту заурчал двигатель, и машина тронулась.

— Как, по-твоему, скоро он сделает остановку? — спросила Лисса. — Или как скоро мы умрем от угарного газа?

— Мы даже не выехали с территории двора, — заметила я.

Она вздохнула. Впрочем, очень скоро машина остановилась: видимо, Майкл добрался до ворот и теперь разговаривал с охранниками. Я уже знала, как он собирается объяснить свою поездку: дескать, выполняет чье-то поручение. По его уверениям, беспокоиться нам нечего, охранники не будут расспрашивать его или обыскивать автомобиль. Как и в Академии, люди, выезжающие за пределы двора, не привлекали особого внимания: охранники интересовались главным образом теми, кто желал попасть

внутри.

Прошла минута, а мы все стояли; может, возникла какая-то проблема? Потом машина снова тронулась, и мы испустили вздох облегчения. Скорость увеличилась, а примерно через милю машина съехала с дороги и остановилась. Крышка багажника открылась, мы выбрались на волю. Как это, оказывается, приятно — вдыхать свежий воздух! Я уселась рядом с Майклом, Лисса и Эдди сзади; без единого слова Майкл повел машину дальше.

Я позволила себе еще немного помучиться угрызениями совести из-за того, что впутываю других в свои опасные дела, но потом выкинула эти мысли из головы. Поздно волноваться по этому поводу. И с чувством вины перед Адрианом мне тоже удалось справиться: он наверняка мог бы оказаться полезен, но просить его о помощи в таком деле я не могла.

А потом я целиком и полностью погрузилась в размышления о том, что мы собирались сделать. До аэропорта предстояло ехать около часа, а оттуда мы втроем должны были вылететь на Аляску.

Шесть

— Знаете, что нам нужно?

Мы летели из Сиэтла в Фэрбенкс,^[3] и я сидела между Эдди и Лиссой — поскольку являлась вдохновительницей всего этого безумного предприятия и к тому же была ниже всех ростом.

— Новый план? — спросила Лисса.

— Чудо? — одновременно отозвался Эдди.

Я сердито взглянула на обоих по очереди. С каких это пор они стали комиками?

— Нет. Нам понадобятся кое-какие крутые штучки, если мы не хотим провалить это дело.

Я похлопала по распечаткам материалов о тюрьме, лежащим у меня на коленях. Майкл высадил нас в маленьком аэропорту, и мы перехватили самолет из Филадельфии, который следовал через Сиэтл в Фэрбенкс. Это слегка напомнило мне те сумасшедшие перелеты, когда я из Сибири возвращалась в США. Кстати, тогда путь тоже пролегал через Сиэтл. Может, этот город — «ворота», ведущие во всякие таинственные места?

— А я думал, единственный инструмент, который нам требуется, это мозги, — пробормотал Эдди.

Может, он и относился чрезвычайно серьезно ко всему связанному с работой стража, но, расслабляясь, позволял себе подпускать «шпильки». Правда, теперь, когда он знал о наших планах больше — хоть и далеко не все, — особо расслабиться ему не удавалось. Я не сомневалась, что стоит нам приземлиться, он тут же придет в состояние боевой готовности. Разумеется, его потрясло известие о том, что мы собираемся освободить Виктора Дашкова. Я ничего не рассказывала ему о Дмитриии и стихии духа, сказала лишь, что освобождение Виктора играет очень важную роль в другом, более серьезном деле. Эдди так безоговорочно доверял мне, что ни о чем больше не расспрашивал. Интересно, как он среагировал бы, если бы узнал всю правду?

— Самое меньшее нам понадобится GPS,^[4] — сказала я. — Нам известны географические координаты тюрьмы, но этого мало, чтобы ее найти.

— Вряд ли с этим возникнут проблемы. — Лисса повертела в руках браслет; выдвинув свой столик, она разложила на нем драгоценности Таши. — Уверена, современные технологии проникли и на Аляску.

Она также пребывала в игривом настроении, которым пыталась прикрыть тревогу.

Эдди слегка скис.

— Надеюсь, ты не имеешь в виду пистолеты или что-то в этом роде.

— Нет. Конечно нет. Если все пройдет, как задумано, никто даже не узнает, что мы там были.

Вероятность непосредственного столкновения существовала, но я рассчитывала свести ущерб от него к минимуму.

Лисса вздохнула и протянула мне браслет: ее беспокоило то, что осуществление моего плана в немалой степени зависело от ее способности создавать амулеты.

— Может, он увеличит твою сопротивляемость.

Я взяла браслет, надела на запястье и не почувствовала ничего — как это чаще всего и бывает с вещами такого рода. Адриану я оставила записку, что мы с Лиссой якобы сбежали, чтобы устроить себе короткий «девичий отпуск» перед намеченным визитом в Лихай. Я знала, что он будет переживать. Ссылка на девичьи развлечения должна была сработать, но все равно он наверняка обиделся, что его не пригласили принять участие, если вообще поверил мне. Думаю, сейчас он уже достаточно хорошо знал меня, чтобы во всех моих поступках искать скрытые мотивы. Я, правда, надеялась, что когда при дворе заметят наше исчезновение, он даст ход моей версии. Без неприятностей, конечно, все равно не обойтись, но безумный уик-энд все же гораздо менее тяжкое преступление, чем проникновение в тюрьму. Правда, существовала опасность, что Адриан заглянет в мои сны и таким образом попытается выяснить истинную причину нашего исчезновения. Это одна из самых интересных — и в то же время безумно досаждающих — возможностей стихии духа. Лисса так и не научилась проникать в сны, хотя в общих чертах понимала принцип. Созданный ею амулет предназначался именно для того, чтобы защитить мои сны от Адриана.

Самолет пошел на снижение. Я посмотрела в окно на высокие сосны и бесконечное зеленое пространство земли. В сознании Лиссы я прочла, что она отчасти ожидала увидеть ледники и сугробы, хотя и знала, что сейчас тут лето. После Сибири я научилась не доверять существующим стереотипам. Больше всего меня беспокоило солнце. Мы покидали двор в разгар ясного дня, а поскольку летели на запад, это означало, что солнце следует за нами. Сейчас, поскольку мы оказались на северной широте, оно вовсю сияло на чистом голубом небе, несмотря на то что было почти девять вечера.

В известном смысле, именно солнце обеспечивало нам безопасность. Похоже, у Дмитрия шпионы были везде, хотя Лиссе и Эдди я не намекала на это ни единым словом. В Академии и при дворе я была для них недостижима, но в своих письмах он недвусмысленно предупреждал, что стоит мне выйти за пределы этих защищенных мест, как он будет ждать меня там. Не знаю, насколько велика раскинутая им сеть, но меня бы не удивило, если бы даже при дворе за мной следили люди, не боящиеся дневного света. И хотя я выехала оттуда в багажнике, было весьма вероятно, что Дмитрий уже преследует меня. Однако тот самый свет, который лишал заключенных возможности сбежать, создавал для нас безопасные условия. Трудности обещала лишь ночь, длящаяся здесь всего несколько часов, но если мы справимся со своей задачей быстро, то успеем покинуть Аляску до ее наступления. Конечно, у этой схемы есть и своя обратная сторона — по пути назад солнце останется у нас за спиной, отставая все больше.

Первое осложнение возникло, когда, приземлившись, мы попытались взять напрокат машину. Нам с Эдди было по восемнадцать, но ни одна компания не давала машину в аренду людям такого юного, с их точки зрения, возраста. После третьего отказа я начала злиться. Можно ли было ожидать задержки по столь идиотской причине? В конце концов у четвертой стойки женщина после некоторых колебаний сказала, что примерно в миле от аэропорта живет парень, который может сдать напрокат машину, невзирая на возраст, если у нас есть кредитная карточка и на ней достаточно денег.

Мы пошли пешком. Погода располагала к прогулке, но к тому времени, как мы добрались до цели, я почувствовала, что солнце начало беспокоить Лиссу. Бад — фирма называлась «Прокатные автомобили Бада» — оказался не таким упертым, как остальные и сдал нам машину, стоило выложить ему требуемую сумму. Оттуда мы поехали в скромный мотель, где сняли номер и снова рассмотрели свои планы.

Судя по имеющейся у нас информации, тюрьма жила по расписанию вампиров, а это означало, что сейчас у них пора наибольшей активности. Мы решили остаться в мотеле до следующего дня, когда наступит моройская «ночь», и немного поспать. Это же давало Лиссе чуть больше времени для работы с амулетами, а обеспечить нашему номеру защиту не составляло труда.

В моих снах Адриан не появился. Это означало одно из двух: либо он принял мою версию «уик-энда для девочек», либо не смог пробиться сквозь защитный барьер амулета. Утром, с трудом разлепив глаза, мы

предусмотрительно позавтракали пончиками. Наши организмы тоже были настроены на вампирское расписание, и это слегка выбивало из колеи.

Сахар, однако, помог взбодриться, и, оставив Лиссу в номере, около десяти часов мы с Эдди отправились на разведку. По дороге в магазине спорттоваров купили GPS, чего я так страстно желала, и какое-то время для тренировки петляли с его помощью по местным дорогам, которые, казалось, никуда не вели. Когда, по утверждению GPS, до тюрьмы оставалась миля, мы съехали с узкой пыльной дороги и пошли пешком через простирающееся вдаль поле, заросшее высокой травой.

— Я думал, на Аляске тундра, — заметил Эдди, с хрустом продираясь сквозь высокие стебли.

По чистому голубому небу плыли всего несколько облачков, неспособных защитить от солнечного света. Я отправилась в путь в легкой куртке, но теперь, вспотев, повязала ее вокруг пояса. Время от времени набегали порывы ветра, который нес клубы пыли, колыхал траву и ерошил волосы.

— Ну не везде же. Может, дальше к северу. Эй, глянь-ка!

Мы остановились перед высокой оградой с колючей проволокой и огромной вывеской, на которой значилось:

«ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Буквы были красные, видимо, чтобы подчеркнуть серьезность предупреждения. Лично я для пущей убедительности добавила бы череп и скрещенные кости.

Некоторое время мы с Эдди разглядывали ограду.

— Лисса исцелит наши раны, — с надеждой сказала я.

Перебраться через колючую проволоку можно, хотя ничего приятного в этом нет. Я набросила на нее куртку, и это помогло — отделалась несколькими царапинами и порванной одеждой. Оказавшись наверху, я спрыгнула — даже удариться о землю было все же приятнее, чем медленно ползти по этой стене, пусть и вниз. Эдди повторил мой путь, недовольно сморщившись при столкновении с земной поверхностью.

Пройдя чуть дальше, мы увидели впереди темную полосу здания, после чего немедленно остановились и рухнули на колени, стараясь укрыться в высокой траве. Согласно документам, в тюрьме имелись камеры наружного наблюдения; значит, подходить слишком близко опасно — нас могли засечь. Вместе с GPS я купила сильный бинокль и сейчас с его

помощью изучала здание.

Бинокль стоил тех денег, которые я за него заплатила, — каждая деталь была видна великолепно. Как и многие сооружения мороев, здание представляло собой смесь старого и нового. Стена, сделанная из серых каменных блоков зловещего вида, почти полностью загораживала собственно тюрьму, крыша которой лишь слегка выдавалась над нею. По стене туда-сюда расхаживали два человека — живые глаза в дополнение к камерам. Все в целом походило на крепость, неприступную снаружи и исключаящую возможность бегства изнутри. Ей бы находиться не посреди бескрайнего, залитого солнечным светом поля, а на мрачном скалистом утесе — там она выглядела бы более уместно.

Я передала бинокль Эдди. Внимательно изучив обстановку, он указал влево:

— Вон, смотри!

Прищурившись, я с трудом разглядела грузовик или внедорожник, едущий в направлении тюрьмы; вскоре он исчез из вида, скрывшись за ней.

— Единственная возможность проникнуть внутрь, — пробормотала я.

Ясное дело, преодолеть стену или даже подойти к ней близко не удастся — нас непременно заметят. Нужно было, в некотором роде, войти напрямик в дверь, и именно эта часть плана пока оставалась туманной.

Эдди опустил бинокль и пристально посмотрел на меня.

— Я не шутил, когда говорил, что доверяю тебе. Чем бы ты ни руководствовалась, я убежден, что это серьезно. Однако прежде чем все закрутится, хочу спросить: ты действительно уверена, что именно этого хочешь?

Я хрипло рассмеялась.

— Хочу? Нет. Но должна.

— Этого достаточно.

Мы еще немного понаблюдали за тюрьмой, заходя с разных сторон, но держась на почтительном расстоянии. Все было примерно так, как ожидалось, но одно дело — предполагать, и совсем другое — видеть собственными глазами.

Примерно полчаса спустя мы вернулись в отель. Лисса со скрещенными ногами сидела на постели и трудилась над амулетами, испытывая теплое чувство удовлетворения. Работа со стихией духа всегда вызывала у нее приятные ощущения — несмотря на проявляющиеся позже побочные эффекты, — и она считала, что добилась с амулетами определенного прогресса.

— Адриан дважды звонил мне на сотовый, — первым делом сообщила

она.

— Ты не отвечала?

— Нет. Бедняга!

— Лучше уж так.

Мы кратко описали Лиссе, что видели, и ее хорошее настроение пошло на убыль. Наша «прогулка» к тюрьме приближала начало решительных действий, а работа со стихией духа уже раскачала ее нервную систему. Однако несколько мгновений спустя она переборола страх и исполнилась решимости. Она обещала помочь мне и намеревалась сдержать слово, пусть даже мысли о Викторе Дашкове пугали ее все больше.

Спустя несколько часов после ланча пришло время приступить к делу. Для обычных людей наступил ранний вечер — значит, вампирская ночь близится к концу. Лисса раздала изготовленные для нас амулеты, нервничая по поводу того, сработают ли они. Эдди надел новенькую, только что полученную черно-белую форму стража, мы с Лиссой остались в повседневной одежде, правда внеся в свой облик небольшие изменения, Лисса выкрасила волосы в светло-каштановый цвет, а я спрятала свои под париком с рыжими кудрями, который напомнил мне о матери и тем вызвал чувство неловкости. Эдди уселся за руль, мы — на заднее сиденье, и поехали по уже знакомой глухой дороге. На этот раз мы не останавливались на обочине, двигались прямо к тюрьме — точнее, к сторожке у ворот. По пути никто не разговаривал, но чувствовалось, что беспокойство и напряжение нарастают.

Еще за пределами внешней стены мы увидели контрольный пункт и караульного в нем. Эдди остановил машину, я изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Он опустил окошко; дежурный подошел и наклонился к нему.

— Что у вас за дело?

Эдди с уверенным и беззаботным видом вручил ему документ — словно ничего необычного не происходило.

— Везу новых «кормильцев».

В добытой мной папке находились всевозможные документы, заполненные в соответствии с тюремными требованиями, включая формы, сопровождающие доставку различных припасов, в том числе и «кормильцев». Мы скопировали форму на «кормильцев» и заполнили ее.

— Мне не сообщали ни о какой доставке, — сказал караульный, не столько настороженно, сколько недоуменно, и перевел взгляд на документ. — Форма устаревшая.

— Мне такую дали. — Эдди пожал плечами. — Я сам тут недавно.

— Да, ты выглядишь, будто только-только из школы. — Мужчина улыбнулся.

Он перевел взгляд на меня и Лиссу, и я напряглась, вопреки приобретенному долгой практикой умению держать себя в руках. Изучая нас, караульный хмурился. Лисса дала мне ожерелье, а себе взяла кольцо, слегка заряженные магией принуждения: задачей амулетов было внушать впечатление, будто мы простые люди. Если бы подобный амулет находился у самого караульного, воздействие было бы сильнее, но как мы смогли бы ему всучить подобную вещь? Он прищурился, словно разглядывая нас сквозь туман. Будь наши амулеты безупречны, он не удостоил бы нас и второго взгляда, но, очевидно, дело обстояло не так: они изменили наш облик, но не в той степени, как мы рассчитывали. Именно поэтому мы на всякий случай еще и изменили внешний облик в реальности, чтобы нас труднее было опознать. Лисса готовилась применить магию принуждения напрямую, хотя мы надеялись, что не придется делать это при встрече с каждым человеком на нашем пути.

Наконец караульный отвернулся, по-видимому все же посчитав нас людьми. Я выдохнула и разжала кулаки — до этого я даже не осознавала, что стиснула их.

— Минуточку, я позвоню, — сказал караульный Эдди, после чего отошел к своей будке и взялся за телефон.

Эдди оглянулся:

— Все нормально?

— Если не считать устаревшей формы, — проворчала я.

— Как понять, работает мой амулет или нет? — спросил Эдди.

Лисса отдала ему одно из колец Таши, заряженное таким образом, чтобы он выглядел смуглым и темноволосым, а черты лица слегка расплывались, ускользая от взгляда. Думаю, как и в нашем случае, амулет сработал не в полной мере, но все же вспомнить истинную внешность Эдди впоследствии будет очень трудно. Поскольку на нас с Лиссой заклинание не действовало, мы не могли в полной мере оценить, как оно действовало на других.

— Думаю, все в порядке, — заверила его Лисса.

Караульный вернулся.

— Велено вас пропустить, а там они сами разберутся.

— Спасибо, — ответил Эдди и взял у него документ.

Видимо, караульный подумал, что это просто канцелярская ошибка. Он серьезно относился к своим обязанностям, но сама идея того, что кто-то

может попытаться незаконно провезти «кормильцев» в тюрьму, не приходила ему в голову. Бедняга.

У ворот нас приветствовали два стража и проводили к зданию. В отличие от покрытых буйной растительностью угодий Академии и королевского двора земля здесь выглядела голой и пустынной. Ни травинки, просто плотно утрамбованная почва. Может, именно сюда заключенных выводят на прогулку — если вообще вы пускают наружу? Я не удивилась бы, если бы территория была окружена крепостным рвом.

Внутри здание выглядело так же мрачно, как снаружи. Камеры для арестантов при дворе стерильно чистые и холодные — сплошь металл и голые стены. Я ожидала увидеть и здесь что-нибудь в этом роде, однако создатели тюрьмы «Тарасто» явно предпочитали стиль Средневековья. В коридорах тоже были шероховатые каменные стены, серые и навевающие уныние, а воздух прохладный и влажный. Условия работы стражей — далеко не лучшие. Можно предположить, что руководство ставило целью запугать заключенных при подъезде сюда и еще добавить после попадания внутрь. Согласно распечаткам, тут имелось небольшое общежитие для работающих по найму — может, хоть там обстановка чуть приятнее.

Средневековый интерьер отчасти разбавляли несколько видеокамер в коридоре: служба безопасности была организована по современным стандартам. Однажды до нас донесся грохот захлопнувшейся двери, но в остальном здесь царила полная, сверхъестественная тишина, которая подавляла и пугала сильнее, чем любые вопли и стоны.

Нас отвели в офис начальника тюрьмы, выдержанный в том же мрачном архитектурном стиле, но снабженный обычной мебелью и прочими принадлежностями административных помещений: письменный стол, компьютер и тому подобное. Только самое необходимое, ничего больше. Сопровождающие объяснили, что нам предстоит встреча с помощником начальника тюрьмы, поскольку сам он еще не начал рабочий день. Логично. В ночную смену трудятся подчиненные. Оставалось надеяться, что от усталости помощник будет невнимателен. Хотя... Скорее всего, нет. Такое редко бывает со стражами, какую бы должность они ни занимали.

— Тео Маркс.

Помощник начальника тюрьмы обменялся с Эдди рукопожатием. Это был дампир ненамного старше нас; возможно, это его первое назначение.

— Ларри Браун, — ответил Эдди.

Мы придумали для него это скучное, ничем не примечательное имя и указали его в сопроводительном документе.

Со мной и Лиссой Тео не заговаривал, но бросил на нас озадаченный взгляд — как ранее караульный у пропускного пункта, первый, на ком мы испытали работу амулетов. В итоге и это препятствие мы с успехом преодолели. Тео снова переключил внимание на Эдди и взял у него документ.

— Форма отличается от обычной, — сказал он.

— Не знаю, в чем тут дело, — извиняющимся тоном ответил Эдди. — Это моя первая поездка.

Тео вздохнул и взглянул на часы.

— Начальник тюрьмы появится примерно через два часа. Думаю, нужно подождать, а потом он сам решит, что делать. Sommerфильд обычно все оформляет правильно.

«Кормильцами» служили в основном неудачники, влачащие жалкое существование на обочине человеческого общества и согласные жить под кайфом вампирских эндорфинов. Их подбором и распределением, ведали несколько морейских учреждений, разбросанных по стране. Sommerфильд был одним из таких учреждений и находился в Канзас-Сити.

— Я не единственный, кто получил назначение только что, — улыбнулся Эдди. — Там тоже могли перепутать.

— Очень может быть! — фыркнул Тео. — Ты можешь сесть и подождать. Если хочешь, тебе принесут кофе.

— Когда начнется «кормление»? — жалобным голосом витающего в облаках человека неожиданно спросила я. — Мы уже давно ждем.

— Нам обещали, что все будет сразу, как только мы приедем, — следуя нашей договоренности, в том же духе добавила Лисса.

Эдди закатил глаза — типичная реакция на типичное поведение «кормильцев».

— Они все время ныли по этому поводу.

— Могу себе представить, — ответил Тео. — Хмм... «Кормильцы»! — Дверь в офис была приоткрыта, и он крикнул: — Эй, Уэс! Можешь заглянуть сюда?

Один из сопровождающих нас стражей сунул голову внутрь.

— Да?

Тео махнул в нашу сторону рукой.

— Отведи этих в помещение для «кормления», чтобы они не сводили нас с ума. Если кто-нибудь не спит, можешь сразу пустить в дело.

Уэс кивнул и поманил нас за собой. На мгновение я встретила глазами с Эдди: его лицо оставалось бесстрастным, но я знала, что он нервничает. Нашей задачей было выманить Виктора, но Эдди не нравилась

мысль о том, чтобы отправить нас одних в логово дракона.

Мы углублялись все дальше в здание тюрьмы, минуя все новые проверочные пункты. Здесь было множество уровней защиты; и ведь все их придется преодолеть на обратном пути! Согласно распечаткам, помещение для «кормления» находилось на противоположной стороне. Мне казалось, что нам предстоит кругной путь, но вместо этого мы проследовали прямо через центральную часть тюрьмы — ту, где содержались узники. Я поняла это почти сразу, поскольку в сознании запечатлелась планировка здания, а Лисса лишь тогда, когда увидела табличку с надписью:

**«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ — ВЫ ВСТУПАЕТЕ В ЗОНУ,
ГДЕ СОДЕРЖАТСЯ ПРЕСТУПНИКИ».**

Странная надпись, мелькнуло у меня. Разве не все здесь преступники?

Путь в эту секцию преграждала прочная двойная дверь. Чтобы открыть ее, Уэсу пришлось набрать код и применить обычный металлический ключ. Когда мы оказались в длинном коридоре с рядами камер, отделенных от него решетками, внешнее поведение Лиссы не изменилось, но я почувствовала, что ее тревога нарастает. Мне и самой было не по себе, но Уэс, хоть и держался настороже, не выказывал никаких признаков страха. Конечно, он же бывает в этом отделении постоянно и прекрасно знает, как тут организована охрана. Может, заключенные и опасны, но он часто ходит мимо них и привык к этому.

Тем не менее, когда я по пути заглянула в камеры, сердце мое ушло в пятки. В крошечных мрачных и темных каморках можно было разглядеть самые убогие предметы обстановки. По счастью, большинство заключенных спали; бодрствующие провожали нас глазами. Никто не произносил ни слова, но молчание казалось еще страшнее. Некоторые содержащиеся здесь морои выглядели как обычные люди, которых можно встретить на улице, и невольно возникал вопрос — что такого они совершили, раз оказались в тюрьме? Лица печальные, без проблеска надежды. До меня не сразу дошло, что не все тут морои, есть и дампир. Само собой, и такое может быть, но это открытие застало меня врасплох. Значит, преступники есть и в нашей среде.

Однако были тут и такие личности, при одном взгляде на которых становилось ясно — их место именно здесь, в «Тарасто». Они просто излучали враждебность; прикованные к нам недобрые взгляды, казалось, не отпускали, изучая мельчайшие детали нашей внешности. С какой целью, хотела бы я знать? Надеялись выследить хоть малейшую возможность для

бегства? Могли распознать сквозь наведенный облик, как мы выглядим на самом деле? Или просто были голодны? Ответа на эти вопросы я не знала, но порадовалась тому, что по всему коридору стоят молчаливые охранники. А еще тому, что не заметила ни в одной из камер Виктора; возможно, он содержался в другом коридоре. Пока мы не могли рисковать быть узnanными.

В конце концов мы покинули коридор с камерами через вторую двойную дверь и оказались в помещении для «кормления». Оно тоже выглядело как средневековая темница: видимо, и здесь узникам не полагалось отдыхать от общей гнетущей обстановки. А в остальном помещение для «кормления» почти не отличалось от подобного же в Академии, разве что было меньше. Несколько кабинок, обеспечивающих относительную уединенность, и парень-морой, читающий за письменным столом книгу с таким скучающим видом, что, казалось, вот-вот уснет. В комнате находился один «кормилец» — костлявый мужчина средних лет, с тупой улыбкой на лице; он сидел в кресле, устремив взгляд в пространство.

Когда мы вошли, морой вздрогнул и широко распахнул глаза. Ну естественно, ничего интереснее нашего появления за всю ночь не случилось. Он ни на мгновение не усомнился, кто мы такие; видимо, обладал низкой сопротивляемостью к принуждению. Надо учесть на будущее.

— Что это?

— Двое новеньких, только что прибыли, — ответил Уэс.

— Но нам ничего не причитается, — сказал морой. — И мы всегда получаем не таких юных, а старых, истощенных.

— Не спрашивай меня, — заявил Уэс. Кивнув мне и Лиссе на кресла, он тут же направился к двери.

— Маркс хочет, чтобы они дожидались здесь, пока подойдет Салливан. Может, в итоге выяснится, что это ошибка, но им требуется доза, и они ноют.

— Замечательно! — простонал морой. — Ну, следующее «кормление» у нас через пятнадцать минут, так что я могу устроить Брэдли перерыв. Он в таком состоянии, что, наверное, даже не заметит, если кровь даст кто-то другой.

Уэс кивнул.

— Мы позвоним, когда разберемся.

Он ушел, а морой со вздохом взял свой блокнот. У меня создалось впечатление, будто всем здесь осточертела их работа — и нетрудно понять почему. Служащие ведь тоже проводят все свои дни в этой тюрьме, помня

при этом, что за стенами ее расстилается широкий мир. Их можно пожалеть.

— Кто будет «кормиться» через пятнадцать минут? — спросила я.

Морой изумленно вскинул голову; «кормильцы» обычно таких вопросов не задают.

— Что ты сказала?

Лисса встала и вперила в него взгляд.

— Ответь на ее вопрос.

Лицо мороя приняло отсутствующее выражение: он легко поддавался внушению.

— Рудольф Кайзер.

Ни я, ни Лисса такого не знали; может, он сидит здесь за многочисленные убийства, а может, за хищение денег.

— Когда очередь Виктора Дашкова? — спросила Лисса.

— Через два часа.

— Изменение в расписании. Скажи стражам, что произошла замена, и вместо Рудольфа Кайзера должны привести Дашкова.

Судя по пустому взгляду мороя — практически такому же затуманенному, как у «кормильца» Брэдли, — ему понадобилось некоторое время, чтобы переварить услышанное, после чего он сказал:

— Да.

— Это нормальная процедура, не вызывающая подозрений.

— Не вызывающая подозрений, — монотонно повторил он.

— Действуй! — жестко приказала Лисса. — Позвони им, уладь все. И смотри мне в глаза!

Морой подчинился. Разговаривая по телефону, он назвался Нортвудом. Распоряжения были сделаны, и нам оставалось только ждать. От напряжения у меня болело все тело. Судя по словам дежурного, до появления на рабочем месте начальника тюрьмы осталось чуть больше часа. До тех пор никаких вопросов не возникнет. Эдди должен просто убивать время с Тео, не внушая подозрений в поступке более серьезном, чем ошибка в документе.

«Успокойся, Роза. Мы справимся».

Пока мы ждали, Лисса погрузила «кормильца» Брэдли в глубокий сон. Нам не нужны были свидетели, даже находящиеся под кайфом. Также я слегка повернула камеру, чтобы большая часть комнаты оказалась вне поля ее зрения. Естественно, прежде чем покинуть тюрьму, мы должны будем поработать со всей ее системой видеонаблюдения, однако на данный момент требовалось лишь, чтобы сидящие у экранов караульные не

заметили того, что вот-вот произойдет.

Я едва успела войти в одну из кабинок, как дверь открылась. Лисса оставалась в своем кресле рядом со столом Нортвуда, чтобы держать его под контролем. Мы проинформировали его, что «кормильцем» буду я. Находясь в кабинке, я могла видеть происходящее лишь глазами Лиссы: вошли два стража и... Виктор Дашков.

Его вид всколыхнул в ее душе ту же боль, которую она испытывала на судебном процессе. Сердце заколотилось чаще, руки у нее задрожали. Ведь там, на суде, ей помогло успокоиться лишь заверение, что Виктор навсегда останется за решеткой и никогда больше не сможет причинить ей вреда.

А теперь мы сами готовы разрушить единственную гарантию своего спокойствия.

С огромным усилием Лисса загнала страх поглубже, чтобы он не мешал ей контролировать Нортвуда. Конвоиры Виктора выглядели суровыми и готовыми к действию, хотя фактически нужды в этом не было. Болезнь, подтачивающая преступника на протяжении многих лет — та, от которой Лисса исцелила его, но лишь временно, — теперь снова делала свою разрушительную работу. Недостаток движения и свежего воздуха тоже внесли свою лепту — как и то, что заключенных снабжали кровью лишь в ограниченном количестве. В качестве дополнительной меры предосторожности на него надели кандалы, и их тяжесть тянула его к полу, заставляя шаркать ногами.

Нортвуд указал на меня.

— Вон туда.

Стражи провели Виктора мимо Лиссы, по которой он лишь скользнул взглядом. Это тоже было результатом магии принуждения, так что теперь ей приходилось контролировать не только Нортвуда, но и Виктора. Стражи усадили его в кресло рядом со мной и отступили, но не спускали с него взгляда. Один из них заговорил с Нортвудом: дескать, что мы новенькие и совсем юные. Если бы мне когда-нибудь пришлось проделывать все это снова, я попросила бы Лиссу создать иллюзию, будто мы постарше.

Усевшись рядом со мной, Виктор наклонился вперед и открыл рот. Питаясь, морои всегда поделывали одни и те же движения, и привычка настолько глубоко укоренилась в их натуре, что он действовал чисто автоматически. Может, он даже не разглядел меня.

Хотя нет... разглядел.

Потому что вдруг замер, широко распахнув глаза. Королевским моройским семьям присущи определенные общие черты; так, многие Дашковы и Драгомиры отличаются светло-зелеными глазами, оттенка

нефрита. Усталость и покорность в его взгляде исчезли, сменившись отражением хитрости и острого ума, так хорошо мне известного.

Однако он явно был сбит с толку. Мой амулет оказывал на него то же воздействие, что и на других, то есть путал мысли. У него было впечатление, что я человек... и все же иллюзия оставалась неполной. Сказывался и тот факт, что Виктор, сам владеющий магией принуждения, пусть и из другого источника, обладал и относительной устойчивостью к ней. Эдди, Лисса и я были невосприимчивы к воздействию амулетов друг друга, потому что знали, кто мы на самом деле; и Виктор, пусть не сразу, тоже одолел иллюзию. Может, разум и твердил ему, что напротив сидит человек, но глаза свидетельствовали о том, что перед ним Роза Хэзевей с париком на голове. И по мере того как это понимание завладевало его сознанием, обман зрения таял.

Он расплылся в удивленной, но и довольной улыбке, обнажив ужасные клыки.

— О бог мой! Это, возможно, лучшее «питание» в моей жизни, — прошептал он совсем тихо, чтобы не услышали стражи.

— Только суньтесь ко мне со своими зубами, и оно станет последним в вашей жизни, — так же тихо ответила я. — Но если хотите получить возможность выбраться отсюда и снова увидеть мир, делайте в точности то, что я скажу.

Он бросил на меня вопросительный взгляд. Я сделала глубокий вдох, сама страшась того, что собиралась сказать.

— Нападите на меня.

Семь

— Только не пускайте в ход зубы, — торопливо добавила я. — Набросьтесь на меня. Попробуйте использовать кандалы, в общем, сделайте хоть что-нибудь.

Кем-кем, а тупицей Виктор Дашков не был. Другой мог бы заколебаться или обрушить на меня град вопросов. Он — нет. Не понимая в полной мере, что происходит, он чувствовал главное — это его шанс вырваться на свободу. Вероятно, единственный, который когда-либо представится. Как человек, большую часть жизни потративший на плетение сложных заговоров, он стал в этом деле профессионалом и без раздумий бросился в очередную интригу.

Вскинув руки, насколько возможно, он кинулся на меня, сделав вид, что пытается задушить соединяющей наручники цепью. Я издала душераздирающий крик. Стражи мгновенно оказались рядом, стремясь остановить обезумевшего узника, без какой-либо причины напавшего на бедную девушку. Но стоило им потянуться к нему, как я вскочила и сама напала на них. Даже если бы они хоть на секунду могли предположить, что я опасна, мое нападение было настолько внезапным, что они просто не успели среагировать. Я отчасти даже почувствовала угрызения совести из-за того, что поступаю с ними так нечестно.

Одного я с силой отбросила, и он врезался в стену рядом с Лиссой, которая тем временем принуждала Нортвуда сохранять спокойствие и никому не звонить, несмотря на воцарившийся хаос. У второго стража было чуть больше времени, но и ему требовалось переключиться с Виктора на меня. Я успела нанести ему удар, и мы сцепились. Он был крупный, сильный и, разглядев во мне врага, не сдерживал себя. От удара в плечо руку прошило болью, и я ответила ударом коленом в живот. Его напарник успел подняться и устремился к нам. Нужно было закругляться как можно быстрее, не только ради самой себя, но и потому, что они, без сомнения, вызовут подмогу, если дать им шанс сделать это.

Я схватила того, что был ближе ко мне, и изо всех сил ткнула головой в стену. Он ошеломленно зашатался, я проделала то же самое снова, и он без сознания рухнул на пол. Мне было ужасно неприятно делать это, но благодаря своей немалой практике я понимала, что временно вывести из строя — гораздо меньшее зло, чем убить. Как я надеялась, он отделается головной болью. Второй страж между тем уже подобрался ко мне и был

настроен очень решительно. Мы кружили друг перед другом, обмениваясь выпадами.

— Я не могу нокаутировать и его! — крикнула я Лиссе. — Он нам понадобится. Постарайся взять его под контроль.

Ее ответ я ощутила благодаря нашей связи. Она могла влиять на поведение сразу двоих, но это требовало много сил. До конца нашего предприятия было еще далеко, и она не хотела рисковать растратить все силы и слишком рано стать бесполезной.

Страх в ее душе сменился ощущением возможного провала.

— Нортвуд, спать! — приказала она. — Прямо здесь, за столом! Ты измотан и проспишь несколько часов.

Краем глаза я увидела, как Нортвуд обмяк; его голова с глухим стуком ударилась о стол. Когда мы уберемся отсюда, у всех, кто с нами столкнулся, останется на память сотрясение мозга. Я всей тяжестью навалилась на стража, выталкивая туда, где Лисса могла его увидеть. Она, в свою очередь, устремилась к нам. Он бросил на нее удивленный взгляд — и это все, что ей требовалось.

— Прекрати!

Он среагировал не так быстро, как Нортвуд — сопротивляемость у этого парня была повыше, — но, во всяком случае, заколебался.

— Прекрати сражаться! — собрав волю в кулак, повторила она.

Несмотря на всю свою силу, противостоять такому выбросу энергии духа он не мог и послушно уронил руки. Я отступила, восстанавливая дыхание и поправляя сползший парик.

— Мне будет трудно его контролировать, — предупредила Лисса.

— Как долго ты продержишься — пять минут или пять часов?

— Где-то посередине.

— Тогда вперед. Возьми у него ключ.

Она потребовала у стража ключ от кандалов Виктора. Он ответил, что ключ у его напарника, того, что лежал без сознания. Я обыскала того — слава богу, он дышал ровно, — нашла ключ и все свое внимание обратила на узника. Когда началось сражение, он отошел в сторону и просто наблюдал за происходящим, без сомнения прокручивая в своем изощренном сознании все открывающиеся перед ним возможности.

Напустив на себя устрашающий вид, я подошла к нему с ключом в руке.

— Сейчас я отопру ваши наручники, — мягким, но в то же время угрожающим тоном заговорила я. — Вы будете делать в точности то, что мы скажем. Не попытаетесь бежать, не полезете в драку и никаким другим

способом не станете вмешиваться в наши планы.

— Правда? Теперь ты тоже используешь магию принуждения, Роза? — с кривой улыбкой спросил он.

— Мне она не требуется. — Я отперла замок наручников. — Могу с легкостью нокаутировать вас и вытащить отсюда в бессознательном состоянии, мне это без разницы.

Тяжелые наручники и цепь упали на пол. Сохраняя тот же хитрый и самодовольный вид, он потянулся к запястьям, на которых я только сейчас заметила рубцы и синяки. Нелегко ему тут приходилось, можно не сомневаться, но никакого сочувствия к нему я не испытывала. Он поднял на нас взгляд.

— Очаровательно. Из всех людей, которые могли когда-нибудь попытаться спасти меня, меньше всего я ожидал увидеть вас двоих... и тем не менее в ретроспективе вы, наверное, больше других способны сделать это.

— Мы не нуждаемся в ваших комментариях, людоед! — рявкнула я. — И забудьте слово «спасти», а то можно подумать, будто вы несправедливо заключенный в тюрьму герой.

Он вскинул брови — как будто и впрямь считал себя кем-то в этом роде. Спорить, однако, не стал, вместо этого кивнув на Брэдли, так и проспавшего всю схватку.

— Дайте мне его.

— Что? — воскликнула я. — У нас нет на это времени!

— А у меня нет сил на то, чтобы участвовать в ваших замыслах, — буквально прошипел Виктор. Маска любезности исчезла, сменившись злобой и отчаянием. — Тюрьма — это не только решетка, Роза. Нас держат впроголодь в смысле и обычной еды, и крови — чтобы мы ослабели. И движения никакого, только прогулки до этой комнаты. Если ты и впрямь не собираешься вытаскивать меня отсюда волоком, дай мне крови!

Лисса помешала мне ответить.

— Только быстро!

Я изумленно посмотрела на нее, поскольку собиралась отказать Виктору, но наша связь позволила мне ощутить странное смешение чувств в ее душе. Сочувствие и... понимание. Конечно, она по-прежнему ненавидела его всем существом, но одновременно понимала, что значит для вампира жить, не получая достаточно крови.

К счастью, Виктор действовал без промедления. Не успела Лисса договорить, как его зубы уже впились в шею мужчины. И знакомое ощущение пробудило Брэдли. На его лице разлилось блаженство,

вызванное вампирскими эндорфинами. Виктору требовалось лишь слегка «подкормиться» кровью, но, заметив, что глаза Брэдли удивленно распахиваются, я поняла, что Виктор пошел дальше. Рванувшись вперед, я оторвала его от находящегося под кайфом «кормильца».

— Что вы делаете, черт побери? — Я с силой встряхнула Виктора — у меня давно чесались руки сделать это. — Вообразили, что можете прямо у нас на глазах выпить его досуха и стать стригоем?

— Ну, это вряд ли.

— Нет, он просто на мгновение потерял контроль над собой, — сказала Лисса.

— Ах, Василиса! — Удовлетворив свою жажду, Виктор стал спокойнее. — Ты всегда меня понимала, как никто другой.

— Не обольщайтесь, — проворчала она.

Я перевела сердитый взгляд с одного на другую.

— Мы должны уходить. Немедленно. — Я посмотрела на находящегося под воздействием магии стража. — Отведи нас в помещение, где отслеживают все записи камер видеонаблюдения.

Никакой реакции. Я со вздохом перевела взгляд на Лиссу. Она повторила сказанное мной, и он мгновенно направился к выходу. Адреналин все еще бурлил в крови после схватки, я хотела как можно скорее покончить со всем этим и убраться отсюда. Лисса тоже нервничала. Может, она и понимала потребность Виктора в крови, но, пока мы шли, она старалась держаться от него как можно дальше. Внезапно до меня со всей отчетливостью дошло, кто он такой и что мы делаем. Мурашки побежали по коже. Мне хотелось успокоить Лиссу, но времени не было.

Вслед за стражем — его звали Джованни, как выяснила Лисса, — мы снова двигались по коридорам, мимо других пропускных пунктов; на этот раз в обход камер. Я шла, затаив дыхание, так боялась наткнуться на кого-нибудь. Только этого не хватало — слишком много других факторов уже работали против нас. Нам, однако, повезло, мы никого не встретили — и снова, скорее всего, потому что сейчас еще была ночь, а к тому же мы обошли зону особо строгого режима.

Мия и Лисса при дворе уже однажды использовали: тамошнего стража, чтобы стереть записи камер наблюдения, но я при этом не присутствовала. Наверное, поэтому не смогла сдержать вздоха удивления, когда Джованни привел нас в комнату, откуда велось электронное наблюдение за тюрьмой. Все стены покрывали мониторы, перед ними были установлены пульта с множеством кнопок и коммутаторов. Повсюду виднелись столы с компьютерами. Складывалось впечатление, что этой

комнате ничего не стоит стартовать прямо в космос. Все в этом здании находилось под наблюдением: каждая камера, большинство коридоров и даже офис начальника, где, болтая с Тео, сидел Эдди. В помещении дежурили два стража; интересно, они видели, как мы шли по коридорам? Но нет... Их интересовало кое-что другое, а именно камера, повернутая к стене. Та самая, в комнате для «кормления», которую повернула я.

Они склонились к соответствующему монитору, и один из них говорил, что нужно позвонить кому-то и проверить эту камеру. Потом они одновременно подняли взгляды и заметили нас.

— Помоги ей одолеть их, — приказала Лисса Джованни.

И снова он слегка заколебался. Нам скорее бы пригодился помощник с более слабой волей, но откуда Лиссе было знать, когда она начинала с ним работать? Однако, как и раньше, в итоге он подчинился. И, тоже как и раньше, наши действия застали этих двух стражей врасплох. Я была посторонняя — что, естественно, насторожило их, — но по-прежнему выглядела как обычный человек. А нападения со стороны своего коллеги они уж точно не ожидали.

Однако справиться с ними оказалось нелегко. Снова помог фактор неожиданности, да и Джованни отличался прекрасной подготовкой. Первый страж быстро потерял сознание — Джованни слегка придушил его; второй держался на расстоянии, и я заметила, что он то и дело бросал взгляды к одной из стен. На ней висел огнетушитель, был установлен выключатель света и еще какая-то круглая серебряная кнопка.

— Это сигнал тревоги! — воскликнул Виктор, когда страж бросился к ней.

Мы с Джованни схватили дежурного одновременно, буквально за мгновение до того, как его рука коснулась кнопки, после чего сюда сбежалась бы тьма-тьмущая народу. От удара по голове парень тоже отключился. С каждым новым человеком, который по моей милости терял сознание, чувство вины и отвращение к себе закручивались внутри во все более крепкий узел. Стражи — славные парни; я не могла избавиться от ощущения, что сейчас сражаюсь на стороне зла.

Теперь, когда нам никто не мог помешать, Лисса знала, что делать.

— Джованни, выведи из строя все камеры и сотри записи последнего часа.

На этот раз он колебался гораздо сильнее. Чтобы принудить его сражаться со своими друзьями, Лиссе потребовалось много сил, она все больше уставала, а заставлять его подчиняться командам ей становилось все труднее.

— Делай, что сказано, — проворчал Виктор, становясь рядом с Лиссой.

При его приближении она вздрогнула, но когда оба они вперили в Джованни взгляд, он послушался и защелкал переключателями на пультах. Виктор не мог равняться с Лиссой, но и небольшой добавочный выброс магической энергии с его стороны усилил ее давление.

Один за другим мониторы гасли. Потом Джованни набрал команды на клавиатуре того компьютера, в котором хранились оцифрованные записи видеокамер. На всех пультах вспыхнули красные индикаторы ошибки, но сейчас исправлять ее было некому.

— Даже если он сотрет записи, кто-нибудь наверняка сумеет восстановить их с жесткого диска, — заметил Виктор.

— Это риск, на который мы вынуждены пойти, — раздраженно ответила я. — Перепрограммирование или что-либо в этом роде не входит в число моих умений.

Виктор закатил глаза.

— Возможно. Но ведь разрушение входит точно?

Смысл сказанного дошел до меня не сразу, но потом в сознании что-то щелкнуло. Вдохнув, я сняла со стены огнетушитель и принялась крушить им компьютер, пока он не превратился в грудку искореженного металла. При каждом ударе Лисса вздрагивала, не сводя взгляда с двери.

— Надеюсь, она звуконепроницаемая, — пробормотала она.

— На вид прочная, — уверенно заявила я. — А теперь пора уходить.

Лисса приказала Джованни проводить нас в офис начальника тюрьмы. Он подчинился и повел нас обратно по лабиринту коридоров, по которому мы уже проходили прежде. Поскольку он знал нужные коды и имел карточку-пропуск, мы без проблем прошли через все контрольные пункты.

— Ты ведь не сможешь принудить Тео вывести нас из тюрьмы? — спросила я Лиссу.

Она с мрачным видом покачала головой, поджав губы.

— Я даже не представляю, как долго еще смогу удерживать Джованни. Никогда прежде я не использовала никого в качестве марионетки.

— Все в порядке, — ответила я, стремясь успокоить нас обеих. — Мы уже почти закончили.

Однако впереди нас запросто могла ожидать еще одна схватка. Перебив половину стригоев в России, я не сомневалась в своих силах, но меня подтачивало чувство вины. А если мы столкнемся с десятком стражей, никакие мои умения нас не спасут.

Я немножко запуталась в планировке тюрьмы, но потом снова

сориентировалась — когда Джованни вывел нас к блоку с камерами заключенных, обозначенному еще одной табличкой, на которой значилось:

**«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ — ВЫ ВСТУПАЕТЕ В ЗОНУ,
ГДЕ СОДЕРЖАТСЯ ПРЕСТУПНИКИ
(ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)».**

— Психиатрическое? — удивленно спросила я.

— Конечно, — ответил Виктор. — Куда, по-твоему, отправляют узников, больных на голову?

— В больницу.

Я не стала острить на тему того, что все преступники — больные на голову.

— Ну, это не всегда...

— Стойте! — прервала его Лисса, резко остановившись перед дверью. Мы чуть не налетели на нее. Она дернулась и попятилась.

— Что такое? — спросила я.

— Найди другой путь в офис, — приказала она Джованни.

— Этот самый короткий, — возразил он.

Лисса медленно покачала головой.

— Все равно. Найди другой, где мы ни с кем не встретимся.

Он нахмурился, но магия принуждения вынуждала его подчиняться. Резко повернувшись, он зашагал в другую сторону, и мы заторопились следом.

— Что происходит? — снова спросила я.

Мысли Лиссы путались, и я не могла сама разобраться в причинах ее поведения.

— За этой дверью я ощутила ауру стихии духа, — хмурясь, ответила она.

— Что? Сколько человек?

— По крайней мере двое. Не знаю, почувствовали они меня или нет.

Подумать только! Если бы не необходимость как можно быстрее покинуть тюрьму, я, конечно, задержалась бы здесь.

— Пользователи духа...

Лисса так долго и с таким трудом искала подобных себе! Кто мог подумать, что мы обнаружим их здесь? Хотя... возможно, этого следовало ожидать. Пользователи духа всегда находятся на грани безумия; почему бы им в итоге не оказаться в подобном месте? И, учитывая все наши знания об этой тюрьме, неудивительно, что здешние пользователи духа скрывают

свой дар. Вряд ли кто-то из работающих здесь вообще знал, кто они такие на самом деле.

Мы с Лиссой обменялись быстрыми взглядами. Я понимала, как сильно ей хотелось познакомиться с ними, но сейчас было не время. Виктор уже явно заинтересовался нашим разговором, поэтому следующие слова Лисса произнесла мысленно: *«Я убеждена, что для любого пользователя духа мои амулеты — не преграда. Мы не можем рисковать тем, что кто-то даст описания нашей истинной внешности — пусть даже он считается безумцем».*

Я кивнула в знак понимания, отложив в сторону любопытство и даже сожаление. Надо будет непременно разобраться с этим, но... после; скажем, когда мы надумаем проникнуть в тюрьму строгого режима в следующий раз.

Без дальнейших происшествий мы в конце концов добрались до офиса начальника; на всем пути туда сердце колотилось как бешеное, а в мозгу стучало: *«Уходим! Уходим! Уходим!»* Когда мы появились, Тео и Эдди мило обсуждали политику двора. Эдди мгновенно вскочил, поняв, что время уходить, и устремился к Тео. Миг — и он слегка придушил дежурного, не хуже, чем то же самое раньше проделывал Джованни; честно говоря, я порадовалась, что не мне одной пришлось делать всю грязную работу. К несчастью, прежде чем потерять сознание и свалиться на пол, Тео успел громко вскрикнуть.

В офис тут же ворвались два стража, которые сопровождали нас раньше. Началась драка: с одной стороны они, с другой — Эдди, я и Джованни, принуждаемый Лиссой и Виктором. Но после того как мы утихомирили одного стража, Джованни вырвался из-под контроля и кинулся на нас. Ситуация сразу осложнилась, а он, хуже того, бросился к стене, где я с опозданием заметила еще одну серебряную тревожную кнопку, и ударил по ней кулаком. Пронзительный вой прорезал воздух.

— Дерьмо! — воскликнула я.

Если приходилось махать кулаками, от Лиссы толку не было, да и от Виктора — не намного больше. С оставшимися двумя противниками предстояло разделаться нам с Эдди — и быстро. Вскоре второй страж рухнул, остались лишь мы и Джованни. Он нанес мне сильнейший удар, из-за чего я стукнулась головой о стену; сознание не потеряла, но все вокруг завертелось, а перед глазами заплесали черные и белые точки. На мгновение я замерла, но тут им вплотную занялся Эдди, и вскоре Джованни больше не представлял для нас угрозы.

Стремясь поддержать, Эдди подхватил меня под руку, и наша четверка

выбежала из офиса. Я оглянулась на безвольно лежащие тела и снова возненавидела себя за все содеянное. Впрочем, на муки совести времени не оставалось. Нужно было скорее выбираться отсюда, поскольку меньше чем через минуту сюда сбегутся все тюремные стражи.

Домчавшись до наружной двери, мы обнаружили, что она заперта изнутри. Эдди выругался и велел нам подождать, а сам бросился обратно в офис Тео и вернулся с такой же карточкой-пропуском, которой Джованни открывал двери. Оказавшись снаружи, мы точно безумные рванули к своей машине. Набились туда, и я порадовалась, что Виктор не отставал от нас и воздерживался от ехидных замечаний.

Эдди вдавил педаль газа и выехал на дорогу. Я сидела впереди, рядом с ним.

— Парень у ворот наверняка в курсе того, что поднята тревога, — заметила я.

Поначалу мы планировали сказать ему, что в документе обнаружилась ошибка, и просто уехать.

— Скорее всего, — согласился Эдди. Действительно, караульный вышел из своей будки и замахал руками.

— У него что, пистолет? — воскликнула я.

— Не собираюсь останавливаться, чтобы выяснить это.

Эдди решительно прибавил газу, и, поняв, что мы будем прорываться любой ценой, караульный отскочил в сторону. Мы проломили преграждающий путь деревянный шлагбаум; во все стороны полетели осколки.

— Бад предъявит нам счет, — заметила я.

Позади послышались выстрелы. Эдди снова выругался, но по мере того как мы удалялись, звуки становились все слабее и вскоре растаяли вдали.

— Если бы они попали в шины или окна, у нас были бы неприятности посерьезнее, чем оплата ремонта машины, — сказал Эдди.

— Они наверняка пошлют кого-нибудь вдогонку, — прокомментировал с заднего сиденья Виктор. Я обратила внимание, что Лисса сидит на самом краю, отодвинувшись от него как можно дальше. — Думаю, внедорожники уже выезжают.

— По-вашему, мы сами не догадались бы? — взорвалась я.

Я понимала — он хочет помочь, но слушать его рассуждения в данный момент было невыносимо. Оглянувшись, я сквозь заднее окно разглядела силуэты двух машин, преследующих нас. Они быстро наращивали скорость; ясное дело, куда нашей маленькой легковушке до внедорожников.

Я посмотрела на экран GPS.

— Вскоре нужно сворачивать, — сказала я, хотя Эдди наверняка и сам все видел.

Мы заранее спланировали путь бегства — по глухим дорогам с множеством поворотов. Эдди резко свернул влево и почти сразу же вправо. Тем не менее внедорожники не отставали. Лишь спустя еще несколько крутых поворотов дорога позади осталась чиста.

В машине воцарилось напряженное молчание — все ждали, будут ли нас преследовать дальше. Но стражи не показывались — видимо, мы сбили их с толку бесконечными поворотами, но мне понадобилось еще десять минут, чтобы окончательно поверить в это.

— Думаю, мы оторвались, — с удивлением констатировал Эдди.

Похоже, и он с трудом верил в такую удачу — его лицо оставалось тревожным, руки крепко держались за руль.

— Мы не оторвемся по-настоящему, пока не покинем Фэрбенкс, — заметила я. — Уверена, они обыщут город, а он не так уж велик.

— Куда мы направляемся? — спросил Виктор. — Если мне дозволено поинтересоваться.

Я развернулась на сиденье и посмотрела ему в глаза.

— Это вы нам скажете. Как ни трудно в это поверить, не ваше приятное общество было нашей целью, ради которой мы все это затеяли.

— В это и впрямь трудно поверить.

Я прищурилась.

— Мы хотим найти вашего брата, Роберта Дору.

Мои слова явно застали Виктора врасплох; пустячок, а приятно. Однако хитрое выражение мгновенно вернулось на его лицо.

— Ну конечно. Это все продолжение темы, которую однажды уже поднимал Эйб Мазур. Следовало догадаться, что мой ответ его не удовлетворит. Конечно, мне и в голову не могло прийти, что ты с ним заодно.

По-видимому, Виктор не знал, что я не просто «заодно» с Эйбом, а еще и состою с ним в ближайшем родстве, но просвещать беглого преступника я не собиралась и холодно заявила:

— Это к делу не относится. Итак, вы отвезете нас к Роберту. Где он?

— Ты забываешь, Роза, — пробормотал Виктор, — что не ты здесь владеешь магией принуждения.

— Да, но зато я могу привязать вас на обочине и позвонить в тюрьму.

— А откуда мне знать, что ты не сделаешь нечто подобное, когда получишь то, что тебе от меня нужно? Какие у меня основания доверять

тебе?

— Правильно. У вас чертовски мало оснований доверять мне. Но если все получится, это даст вам шанс. — На самом деле такого шанса не было. — Хотите рискнуть? Другой возможности у вас не будет, сами понимаете.

На это Виктор не нашел достойного язвительного ответа. Очко в мою пользу.

— Итак, — продолжала я, — вы отвезете нас к нему или нет?

О чем точно он думал, я сказать не могу. Не сомневаюсь, строил планы, как использовать все происшедшее к своей выгоде, как сбежать от нас еще до того, как мы доберемся до Роберта. По крайней мере, я бы на его месте поступила именно так.

— Лас-Вегас, — наконец заявил он. — Нам нужно в Лас-Вегас.

Восемь

Когда-то я ворчала на Эйба за то, что он обдeldывает свои делишки во всяких уединенных, паршивых местечках; казалось бы, перспектива попасть в Город Грехов должна была привести меня в восторг. Увы, ничуть не бывало. У меня имелось несколько претензий к цели моего очередного грандиозного путешествия. Прежде всего, Лас-Вегас представлялся мне последним городом, где можно рассчитывать найти полубезумного затворника. По тем обрывочным сведениям, которые до меня дошли, Роберт ни с кем не поддерживал отношений и хотел, чтобы его оставили в покое. Деятельный, бурлящий туристами город плохо отвечал этим требованиям. Во-вторых, такого рода города — великолепные пункты «кормления» для стригоев: изобилующие людьми, беспечные, разнузданные с точки зрения соблюдения закона и порядка. Человеку там исчезнуть ничего не стоит, в особенности учитывая, сколько народу там слоняется по улицам ночью.

Я не упускала из виду возможность того, что это очередной трюк Виктора, но он клятвенно заверял в своей искренности. Итак, за неимением других путей к достижению цели нашим следующим пунктом назначения стал Лас-Вегас. Времени на долгие обсуждения не имелось, поскольку не вызывало сомнений, что стражи обыщут Фэрбенкс. По счастью, благодаря амулетам Лиссы они искали людей, на которых мы на самом деле несколько не были похожи. Правда, они знали, как выглядит Виктор, поэтому было ясно — чем скорее мы покинем Аляску, тем лучше.

Однако у нас возникла маленькая проблема.

— У Виктора нет удостоверения личности, — заметил Эдди. — Мы не можем взять его с собой в самолет.

Действительно, из тюрьмы Виктор вышел без всяких документов, а искать их в суматохе побега у нас не хватило времени. Магия принуждения оправдала наши надежды, но Лисса уже истратила слишком много сил. Кроме того, стражи наверняка наблюдают за аэропортом.

Решение проблемы пришло от нашего приятеля Бада, сдающего напрокат автомобили. Он, конечно, не пришел в восторг, получив обратно свою машину с царапинами после смелого прорыва Эдди, но, пересчитав деньги, унял причитания по поводу того, что «сдал машину компании несмышленных детей». Именно Виктор придумал альтернативный план и уточнил у Бада:

— Есть тут поблизости частный аэродром, где мы могли бы зафрахтовать самолет?

— Конечно, — ответил Бад. — Но это обойдется недешево.

— Это не проблема, — заявила я.

Бад с подозрением оглядел нас.

— Вы что, ребята, банк ограбили?

Нет, конечно, но деньги у нас имелись, и немалые. До восемнадцатилетия Лиссы трастовый фонд ежемесячно выплачивал ей пособие, и еще у нее имелась кредитная карточка на большую сумму. У меня тоже была карточка, оставшаяся с тех времен, когда я сумела подольститься к Адриану, чтобы он финансировал мою поездку в Россию. Остальные мои активы, вроде огромного банковского счета, который он открыл на мое имя, я благополучно спустила, но решила одну карточку сохранить, просто на всякий пожарный случай.

Сейчас определенно был как раз такой случай, и мы использовали эту карточку, чтобы уплатить за аренду частного самолета. Пилот не мог доставить нас прямо в Лас-Вегас, но взялся подбросить до Сиэтла, где обещал связать с другим пилотом, готовым везти нас дальше. Что предрекало, разумеется, новые расходы.

— И снова Сиэтл, — пробормотала я, когда самолет готовился к взлету.

Места внутри было мало: всего четыре кресла, по два с каждой стороны лицом друг к другу. Я села рядом с Виктором, а Эдди напротив него: такая схема охраны представлялась наиболее удачной.

— Не понял, что там насчет Сиэтла? — недоуменно спросил Эдди.

— Неважно.

Маленькие двигатели не позволяли развивать такую скорость, как у больших коммерческих самолетов, и полет занял почти весь день. Это время я посвятила попыткам выудить у Виктора подробности насчет его брата и в конце концов услышала то, что хотела. Думаю, он и не собирался ничего скрывать, просто получал садистское удовольствие от того, что тянул с ответом.

— На самом деле Роберт живет не в Лас-Вегасе, — объяснил он. — У него небольшой дом — фактически хибарка — на расстоянии нескольких миль от города, в каньоне Ред-рок.

При упоминании хибарки Лисса рядом со мной окаменела. После похищения Виктор держал ее в лесной хибарке, подвергая пыткам. Я бросила на нее подбадривающий взгляд и в очередной раз пожалела, что наша односторонняя связь не позволяет мне мысленно успокоить ее.

— Что же, мы поедем туда?

— Ни в коем случае. — Виктор насмешливо фыркнул. — Роберт слишком высоко ценит уединение и не подпускает незнакомцев к своему дому. Однако он приедет в город, если я попрошу.

Лисса выразительно посмотрела на меня.

«Виктор способен обмануть нас. У него много сторонников. Теперь, оказавшись на свободе, он может связаться не с Робертом, а с ними, чтобы они встретили нас».

Я незаметно кивнула ей, снова пожалев, что не могу ответить так же мысленно. Мне эти соображения тоже приходили в голову. Разумеется, мы не собирались даже на секунду оставлять Виктора одного, а значит, он не сможет никому позвонить. Его план организовать встречу в Лас-Вегасе устраивал меня больше: в городе рядом с ним безопаснее, чем в каком-то безлюдном месте.

— Учитывая то, что я оказываю вам помощь, — заявил Виктор, — моему, я имею право знать, что вам нужно от моего брата. — Он перевел взгляд на Лиссу. — Рассчитываешь на уроки в работе со стихией духа? Думаю, вам пришлось немало потрудиться, чтобы узнать о его существовании.

— О наших планах вам знать совершенно незачем, — резко возразила я. — И еще я вам вот что скажу: если уж говорить о том, кто кому тут оказывает помощь, мы опережаем вас на миллион очков. После того, что мы проделали в «Тарасто», вам нас никогда не догнать.

В ответ Виктор лишь еле заметно улыбнулся.

В Лас-Вегасе мы приземлились ранним утром, когда солнечный свет вполне обеспечивал нам безопасность. К моему удивлению, здешний аэропорт оказался битком набит небольшими частными самолетами, но виду баснословно дорогими. А впрочем, чему тут удивляться? Лас-Вегас — место, куда съезжаются развлекаться и играть знаменитые богатые люди, считающие ниже своего достоинства летать коммерческими рейсами вместе с обычными пассажирами.

Здесь имелись такси, так что не пришлось тратиться на аренду еще одного автомобиля. Но когда водитель спросил, куда нас везти, ответом ему было молчание. Я обернулась к Виктору.

— В центр города? На Стрип?^[5]

— Да.

Он был уверен, что встречу с незнакомыми людьми Роберт предпочтет назначить в публичном месте, таком, где легче обеспечить отступление.

— Стрип — большая улица, — заметил таксист. — Вам нужно какое-

то конкретное место или высадить вас просто в центре?

Снова воцарилось молчание. Лисса бросила на меня многозначительный взгляд.

— Может, «Час колдовства»?

Я задумалась. Лас-Вегас — излюбленное место многих мороев. Яркое солнце отталкивало стригоев, а лишённые окон казино обеспечивали полумрак и в целом комфортную атмосферу. Нам всем приходилось слышать об отеле и казино под названием «Час колдовства». Большинство его клиентов составляли люди, но принадлежал он морю и в силу этого имел много скрытых особенностей, чрезвычайно привлекательных для вампиров. «Кормильцы» в задних комнатах, специальные комнаты отдыха только для мороев, внушительная охрана, набранная из стражей... Стражи!

Покачивая головой, я искоса взглянула на Виктора.

— Нельзя останавливаться там с ним.

«Час колдовства» — последнее место в Лас-Вегасе, где нам стоило показываться. Наверняка весть о бегстве Виктора уже широко распространилась по всему морейскому миру, и доставить его туда, где толчется сразу столько мороев и стражей, — наихудшее из всех возможных решений.

Таксист стал проявлять признаки нетерпения, и в итоге проблему решил Эдди.

— Едем в «Луксор».

— Где это? — Я удивленно посмотрела на него, мимо Виктора, которого мы поместили на заднем сиденье между нами.

— Достаточно далеко от «Часа колдовства». — Внезапно на его лице промелькнуло смущение. — И я всегда мечтал побывать там. В смысле, если уж приезжаешь в Вегас, почему бы не остановиться в пирамиде?

— Безупречная логика, — заметила Лисса.

— Значит, «Луксор», — сказала я водителю.

Ехали в молчании. Все — за исключением Виктора — с благоговением разглядывали виды за окном. Даже в дневное время на улицах было полно народу. Молодые, модно одетые люди — и бок о бок с ними пожилые пары, представители американского среднего класса, которые, скорее всего, долгое время копили деньги на эту поездку. Отели, казино... огромные, крикливые, заманчивые.

А когда мы добрались до «Луксора»... Вот это да! В точности как сказал Эдди, отель напоминал пирамиду. Вылезая из машины, я не могла оторвать от него взгляда. Расплатившись с водителем, мы вошли внутрь. Я понятия не имела, как долго придется тут оставаться, но нам определенно

требовался номер в качестве оперативной базы.

Внутри отель напомнил мне один из ночных клубов Санкт-Петербурга или Новосибирска — мигающий свет, сильнейший запах дыма и оглушительный шум со всех сторон. Игровые автоматы гудели, со звоном сыпалась мелочь, люди вскрикивали от огорчения или радости, разговоры жужжали в воздухе, словно сюда слетелся рой пчел. Я нахмурилась: все это сразу стало действовать мне на нервы.

Мимо входа в казино мы подошли к стойке портье, который, не моргнув глазом, выдал нам ключ от номера. Его ничуть не удивило, что пожилой мужчина, парень и две девушки намерены поселиться вместе: наверное, здесь им и не такое приходилось видеть. Номер оказался среднего размера, с двумя двуспальными кроватями; из окна открывался изумительный вид. Лисса замерла, зачарованная изобилием людей и машин на Стрипе, но я сразу же перешла к делу и приказала Виктору:

— А теперь звоните ему.

Однако он устроился на постели, скрестив на груди руки, с безмятежным выражением лица — словно приехал на отдых. Сквозь его самодовольную улыбку явственно проступало утомление. Да, он «подкормился» кровью, но побег и долгая поездка вымотали его, да и медленно возвращающаяся болезнь отнимала силы.

Когда он все же потянулся к стоящему в номере телефону, я покачала головой.

— Лисе, дай ему свой мобильник. Я хочу записать номер.

Она отдала ему телефон, причем таким осторожным движением, словно боялась испачкаться. Виктор взял его и одарил меня почти ангельским взглядом.

— Не могу ли я рассчитывать хотя бы на некоторое уединение? Мы с Робертом так давно не общались...

— Нет! — рявкнула я так сурово, что даже сама испугалась.

По-видимому, не только Лисса страдала от последствий массированного использования стихии духа.

Пожав плечами, Виктор начал набирать номер. По его словам, он помнил цифры наизусть; приходилось принять на веру, что именно Роберту он сейчас звонит. И надеяться, что тот не сменил телефон. Конечно, пусть даже они не виделись годами, Виктор наверняка следил за своим родственником — на всякий случай, — и за то небольшое время, что он провел в тюрьме, его сведения не устарели.

В трубке послышались гудки; напряжение нарастало. Спустя мгновение на том конце линии ответили, хотя слов я разобрать не могла.

— Роберт, — приветливо заговорил наш пленник, — это Виктор.

Это заявление вызвало у собеседника целый взрыв эмоций. Я слышала лишь половину разговора, но и это звучало интригующе. Довольно долго Виктор убеждал Роберта, что он уже не в тюрьме. По-видимому, Роберт не настолько устранился от морейского сообщества, чтобы не быть в курсе текущих событий. Пообещав детали своего освобождения сообщить позже, Виктор начал подводить Роберта к мысли о встрече с нами.

Времени на это потребовалось немало. Создавалось впечатление, будто Робертом владеет вечный страх и даже паранойя, что напомнило мне госпожу Карп на поздней стадии порожденного стихией духа безумия. На протяжении всего разговора Лисса неотрывно смотрела в окно, но мы обе испытывали одно чувство: боязнь, что и ее ждет такая судьба. И меня тоже, поскольку я принимаю на себя побочный эффект. В сознании Лиссы время от времени вспыхивало зрелище тюремной таблички:

**«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ — ВЫ ВСТУПАЕТЕ В ЗОНУ,
ГДЕ СОДЕРЖАТСЯ ПРЕСТУПНИКИ
(ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)».**

С братом Виктор разговаривал удивительно мягким голосом — как в те давние дни, пока мы еще не знали о его безумных планах стать во главе морейского сообщества. Тогда он и с нами обращался по-доброму; практически даже был членом семьи Лиссы. Интересно, вел ли он тогда себя искренне или просто притворялся?

В конце концов, наверное минут через двадцать, Виктор уговорил Роберта прийти на встречу. Слова на другом конце линии звучали неразборчиво, но голос излучал тревогу, и на этой стадии я поверила, что Виктор действительно разговаривает со своим безумным братом, а не с сообщниками. Они договорились о совместном обеде в одном из ресторанов отеля и наконец распрощались.

— За обедом? — спросила я. — Значит, он не боится выходить из дома после наступления темноты?

— Это ранний обед. В четыре тридцать. А солнце тут заходит не раньше восьми.

— Четыре тридцать? Господи!

Однако его рассуждения относительно здешнего светового дня определенно имели смысл. В отличие от Аляски, где почти круглые сутки сияет солнце, теперь снова требовалось соотносить свои действия с рассветами и закатами, хотя и здесь сейчас стояло лето. К несчастью, до

назначенного времени предстояло убить еще несколько часов.

Виктор откинулся на постели, подложив руки Под голову, — попытался придать себе беззаботный вид, хотя, думаю, на самом деле он устал и нуждался в отдыхе.

— Не хочешь попытаться счастья внизу? — Он посмотрел на Лиссу. — Пользователи духа замечательно играют в карты. Ты же ведь видишь людей насквозь.

Она не отвечала, а я заявила:

— Никто не покинет номера.

Идея сидеть взаперти всей дружной компанией мне не нравилась, но я не могла рисковать: вдруг Виктор предпримет попытку сбежать или мы столкнемся с затаившимся в темном уголке стригоем?

Приняв душ и смыв краску с волос, Лисса подвинула кресло к окну, по-прежнему стараясь держаться как можно дальше от Виктора. Я уселась со скрещенными ногами на второй постели; там хватило бы места и для Эдди, но он стоял, прислонившись к стене, в полной боевой готовности, не сводя взгляда с нашего пленника. Без сомнения, он мог часами сохранять такую позу, невзирая на неудобства: нас специально обучали терпеливо выносить любые тяготы. При этом Эдди постарался напустить на себя суровый вид и преуспел в этом, но время от времени не мог удержаться от того, чтобы бросить на Виктора любопытный взгляд. Встав на мою сторону, Эдди фактически совершил измену, но до сих пор не знал, ради чего я все это затеяла.

Так прошло несколько часов. Потом послышался стук в дверь. Я вскочила.

Мы с Эдди среагировали одинаково — застыли в напряженных позах, крепко сжимая свои колы. Час назад мы заказали ланч, но служитель уже давно принес его и ушел. Для появления Роберта было еще слишком рано, да он и не знал, в каком номере мы остановились. Тошноты, правда, я не ощущала; значит, за дверью не стригой. Наши с Эдди взгляды встретились; мы безмолвно приняли решение, что делать.

Однако первой зашевелилась Лисса.

— Это Адриан, — сказала она, поднявшись и пройдя несколько шагов по комнате.

— Что? — воскликнула я. — Ты уверена?

Она кивнула. Обычно пользователи духа только видят ауру, но, оказавшись достаточно близко, могут чувствовать присутствие друг друга — как недавно в тюрьме. Тем не менее никто не шевельнулся.

— Он знает, что я здесь, — добавила Лисса. — Он тоже меня

чувствует.

Я вздохнула и, по-прежнему сжимая в руке кол, подошла к двери и выглянула в глазок. Снаружи действительно стоял Адриан — удивленный и обеспокоенный. Никого больше видно не было, и в конце концов я решилась отпереть дверь. При виде меня он просиял от радости; наклонился, быстро поцеловал в щеку и только после этого вошел в номер.

— Неужели вы, ребята, и впрямь вообразили, что проведете этот уик-энд без меня? Тем более в таком месте...

И замер — один из тех редчайших моментов, когда ситуация полностью застала Адриана Ивашкова врасплох.

— Вы в курсе, — медленно заговорил он, — что на вашей постели сидит Виктор Дашков?

— Да, — сказала я. — Для нас это тоже в некотором роде шок.

Оторвав взгляд от Виктора, Адриан повел им по комнате и впервые заметил Эдди; тот стоял так неподвижно, что его практически можно было принять за предмет мебели.

— Что, черт побери, происходит? — Адриан снова посмотрел на меня. — Все его разыскивают!

«Советую рассказать ему, — мысленно обратилась ко мне Лисса. — Ты же понимаешь, он не отступится».

Она была права. Я не знала, как Адриан нашел нас, но, оказавшись здесь, он, конечно, ни за что не уйдет, не получив разъяснений. Я неуверенно взглянула на Эдди; он словно прочел мои мысли.

— Не беспокойся о нас. Иди поговори с ним. Я прослежу, чтобы тут ничего не произошло.

«И я уже в достаточной мере восстановила силы, чтобы в случае чего взять Виктора под контроль», — мысленно добавила Лисса.

— Ладно. — Я вздохнула. — Мы скоро вернемся.

После чего взяла Адриана за руку и вывела его из номера. Как только мы оказались за порогом, он предпринял новую попытку.

— Роза, что...

Но я покачала головой. Сидя в номере, я неоднократно слышала разговоры других постояльцев в коридоре и понимала, что мои спутники тоже услышат нашу беседу, если она будет протекать прямо тут. Поэтому мы спустились на лифте вниз, где шум из казино никому не позволил бы нас подслушать. Найдя сравнительно укромный уголок, Адриан с мрачным видом буквально толкнул меня к стене. Временами меня раздражало его легкомыслие, но видеть его в расстройстве было еще хуже.

— Ты оставила мне записку, что, дескать, вы удрали, решив устроить

себе последний развеселый уикэнд, и вот выясняется, что вместо этого ты прячешься здесь в компании одного из самых печально известных преступников! Когда я покидал двор, там только о нем и говорили! Этот негодяй пытался убить тебя?

— Как ты нашел нас? — вопросом на вопрос ответила я.

— По кредитной карточке. Просто подождал, когда ты воспользуешься ею.

— Когда ты давал мне деньги, то обещал, что не станешь шпионить за мной!

Поскольку все мои счета и карточки исходили от него, он, конечно, имел доступ к регистрационным записям, но я поверила ему, когда он говорил, что будет уважать мою частную жизнь.

— Да, и я держал обещание, пока ты была в России. Это совсем другое. Я проверял и проверял компанию, и как только выяснилось, что ты заплатила за частный самолет, я позвонил и выяснил, куда вы полетели.

Раз так, ничего невероятного в появлении Адриана здесь вскоре после нас не было. Получив всю необходимую информацию, он мог запросто купить билет на беспосадочный коммерческий рейс, а ведь мы летели медленнее его, с остановкой и на маломощных самолетах.

— Сопrotивляться притяжению Вегаса было выше моих сил, — продолжал он. — Ну, я и надумал сделать тебе сюрприз, а заодно и развлечься вместе с вами.

И снова я оставила след, расплатившись той же кредиткой за номер. Никто больше не знал о моей карточке и карточке Лиссы, но легкость, с какой нас нашел Адриан, заставила меня занервничать.

— Не нужно было тебе делать этого, — проворчала я. — Может, мы и встречаемся, но существуют границы, которые ты не должен переходить. Это абсолютно не твое дело.

— Я же не читал твой дневник и не делал ничего вроде этого! Просто хотел найти свою девушку и... — Теперь я начала понимать, насколько Адриан расстроен — ведь только сейчас он догадался сложить разрозненные куски вместе и сообразил, что к чему. — О господи! Роза, пожалуйста, скажи, это ведь не вы помогли ему сбежать? Ищут двух человеческих девушек и парня-дампира. Описания не совпадают с вашими... — Он застонал. — Но это были именно вы. Каким-то образом вы с Эдди сумели проникнуть в тюрьму строгого режима!

— Не такой уж там строгий режим, надо полагать, — заметила я беспечно.

— Роза! Этот тип однажды чуть не прикончил вас обеих. Зачем вы

освободили его?

— Потому что... — Я заколебалась. Как мне объяснить Адриану? Как рассказать о том, что в нашем мире считается невозможным? О цели, которая привела в действие весь этот план? — Виктор обладает информацией, которая нам требуется. Точнее, может связать с тем, кто нам нужен. Другого способа не было.

— Что такого, скажи на милость, он может знать, чтобы ты пошла на весь этот риск?

Я нервно сглотнула. Мне доводилось бывать в тюрьмах и логовищах стригоев, но сейчас, понимая, что именно собираюсь сказать, я наполнилась мрачным предчувствием.

— Возможно, существует способ спасти стригоя. Вернуть его в прежнее состояние. И Виктор... Виктор знает того, кто, возможно, делал это.

Несколько долгих мгновений Адриан просто смотрел на меня. Со стороны казино лился непрерывный шум, но мне казалось, что весь мир вокруг замер.

— Роза, это невозможно.

— Может быть.

— Если бы существовал способ сделать это, мы бы знали.

— Тут требуются пользователи духа, а мы только-только вообще узнали о них.

— Это не означает, что... О, понимаю! — Его темно-зеленые глаза вспыхнули, на этот раз от гнева. — Это все ради него. Последняя безумная попытка вернуть его, Дмитрия!

— Дело не только в нем. Можно спасти всех стригоев.

— Я думал, с этим покончено! — воскликнул Адриан, причем так громко, чтобы несколько человек у игровых автоматов оглянулись на нас. — Ты сказала, что покончено. Ты сказала, что теперь можешь жить дальше и быть со мной.

— Я говорила искренне, — ответила я, удивляясь ноткам отчаяния в собственном голосе. — Мы узнали об этом совсем недавно. Нужно попытаться.

— И что потом? Что, если эта идиотская фантазия осуществится? Чудо свершится, ты освободишь Дмитрия, а меня бросишь? — Он щелкнул пальцами.

— Не знаю, — устало ответила я. — Мы продвигаемся вперед шаг за шагом. Мне нравится встречаться с тобой, это правда. Но я не могу просто пренебречь этой возможностью.

— Конечно не можешь. — Он возвел глаза к потолку. — Сны, сны... Я проникаю в них. Я живу в них. Я обманываю себя ими. Удивительно, что я вообще еще воспринимаю реальность. — Странное звучание его голоса заставило меня нервничать — у него бывали периоды легкого безумия, вызванные воздействием стихии духа. Потом он со вздохом отвернулся от меня. — Мне нужно выпить.

Если до этого я и чувствовала к нему сострадание, то теперь оно обернулось злостью.

— Ну конечно! Это все исправит. Я рада, что в мире, который сходит с ума, у тебя всегда есть запасной выход.

Он вперил в меня сердитый взгляд, и я вздрогнула. Он редко смотрел на меня с таким выражением, но всякий раз, когда это происходило, получалось впечатляюще.

— А чего еще ты от меня ожидала?

— Ты мог бы... Мог бы... Ну, теперь, раз ты уже здесь, ты мог бы помочь нам. Плюс этот тип, с которым мы встречаемся. Он тоже пользователь духа.

Похоже, что мне удалось возбудить его любопытство, хотя Адриан никак не показал этого.

— Да, именно об этом я всегда мечтал — помогать своей девушке вернуть ее прежнего бойфренда. — С этими словами он развернулся и ушел, бормоча на ходу: — Мне непременно нужно выпить, причем как следует.

— В четыре тридцать, — крикнула я ему вслед. — Мы встречаемся в четыре тридцать.

Ответа не последовало; Адриан растворился в толпе.

Я вернулась в номер мрачнее тучи, что, естественно, все заметили. У Лиссы и Эдди хватило ума ни о чем меня не расспрашивать, но Виктор подобной сдержанностью не отличался.

— Что? Мистер Ивашков не присоединится к нам? А я так предвкушал встречу с ним.

— Заткнитесь! — Я скрестила на груди руки и прислонилась к стене рядом с Эдди. — Будете говорить, только когда вас спросят.

Два оставшихся часа тянулись еле-еле, и все это время я ждала, что в любую минуту Адриан вернется и, пусть неохотно, поможет нам. Если дела пойдут плохо, мы могли бы использовать его магию принуждения, хотя в этом отношении он заметно уступал Лиссе. Конечно, он любит меня и придет на помощь. Он же не покинет меня?

«Ты идиотка, Роза, — прозвучал в голове мой собственный голос. —

С какой стати он станет тебе помогать? Ты только и делала, что причиняла ему боль, снова и снова, в точности как с Мейсоном».

В четыре пятнадцать Эдди посмотрел на меня.

— Может, стоит спуститься и оглядеться?

— Да.

Я была расстроена, встревожена и не хотела больше оставаться здесь, загнанная в ловушку тяжелых чувств, для которых нет выхода. Виктор встал и потянулся, как будто только что неплохо вздремнул. Тем не менее, клянусь, в глубине его глаз таилось напряжение. По всему получалось, что Виктор и его сводный брат близки, хотя он никогда не демонстрировал любви или преданности кому бы то ни было. Но... кто знает? Может, в каком-нибудь тайном уголке его души жила истинная привязанность к Роберту.

Мы выстроились по схеме, призванной обеспечить безопасность мороев, — я впереди, Эдди сзади, они между нами. Открыв дверь, я лицом к лицу столкнулась с Адрианом. Он стоял, вскинув руку, как будто собирался постучать.

— О, привет!

На лице его было обычное беспечное выражение, хотя в голосе чувствовалась напряженность. Я не сомневалась — вся ситуация сильно огорчала Адриана, и это проявлялось в крепко стиснутых челюстях, в беспокойном блеске глаз. Тем не менее перед остальными он постарался сохранить хорошую мину при плохой игре, за что я была ему благодарна. Однако важнее всего было то, что он вернулся, и благодаря этому отрадному факту я сочла за лучшее проигнорировать исходящий от него запах алкоголя и табака.

— Ну что? Я слышал, у вас намечается званый обед? Не возражаете, если я присоединюсь?

— Пошли. — В знак благодарности я одарила его несколько напряженной улыбкой, и уже впятером мы направились к лифту.

— Между прочим, я сорвал куш в покер, — пробормотал Адриан. — Так что все к лучшему.

— Не знаю, к лучшему или нет, — так же тихо ответила я. — Но думаю, это было незабываемо.

Двери лифта открылись, и мы вошли внутрь. Нас ждала встреча с Робертом Дору — возможно, единственным существом на свете, способным указать путь к спасению Дмитрия.

Девять

Найти этого уникама оказалось нетрудно.

Не из-за того, что он оказался похож на Виктора (сходство между ними было не так уж велико). И не благодаря чувствительной сцене воссоединения братьев после долгой разлуки, которая тоже не имела места. Нет, я заметила Роберта глазами Лиссы — золотистая аура пользователя духа сияла в углу ресторана, словно звезда, и это застало Лиссу врасплох. Пользователи духа встречаются так редко, что она не успела привыкнуть к этому зрелищу. Она могла «включать» и «отключать» свое видение ауры, и, непосредственно перед тем как «отключить» его ауру, она заметила одну ее особенность. Хотя аура Роберта была такой же золотистой, как у Адриана, в ней вспыхивали искры другой окраски, дрожащие и мерцающие. Может, это признак подступающего безумия? — спрашивала себя она.

При виде подходящего к столу Виктора глаза Роберта вспыхнули, но эти двое не стали ни обниматься, ни даже пожимать друг другу руки — Виктор просто уселся рядом с братом, и все. Мы какое-то время неловко потоптались вокруг, но, в конце концов, ради чего мы, собственно, здесь? И спустя несколько мгновений я и мои друзья тоже сели.

— Виктор... — Взволнованно вертя в руках салфетку, Роберт смотрел на блудного братца широко распахнутыми глазами. Может, в чертах его лица и проглядывало что-то, присущее всем Дашковым, но глаза были карие, не зеленые. — Просто не могу поверить... Я так давно мечтал встретиться с тобой...

— Знаю, Роберт, — мягко, словно разговаривал с ребенком, ответил наш «беглый каторжник». — Я тоже скучал по тебе.

— Ты останешься здесь, со мной?

Мне хотелось раздраженно бросить, что это нелепая идея, но отчаяние в голосе Роберта раздуло в душе крошечную искру сочувствия. Я промолчала, просто наблюдая за разворачивающейся передо мной драмой.

— Я мог бы спрятать тебя, — продолжал Роберт. — Представляешь, как бы мы прекрасно зажили вдвоем? Только ты и я, больше никого.

Виктор заколебался. Как я уже говорила, он был неглуп и, несмотря на данное мной в самолете неопределенное обещание отпустить его, понимал, что шансы на получение свободы практически равны нулю.

— Не знаю, — ответил он. — Не знаю.

Прибывший официант несколько разрядил атмосферу всеобщей

скованности, и мы заказали себе выпивку. Адриан попросил джин с тоником, и официант ему слова не сказал. Почему? Не знаю — то ли по виду Адриану можно было дать двадцать один, то ли он слегка приправил свою просьбу магией принуждения. Я, естественно, не пришла в восторг: алкоголь ослабляет энергию духа, и в нынешней рискованной ситуации я предпочла бы, чтобы Адриан находился в полной готовности. Впрочем, сегодня он уже успел выпить, так что еще один стаканчик джина ничего не менял.

После ухода официанта Роберт, казалось, впервые заметил нас. Быстро скользнув взглядом по Эдди, он внимательно всмотрелся в Лиссу и Адриана, а потом надолго задержался на мне. Я окаменела — не люблю, когда меня пристально разглядывают. В итоге он снова посмотрел на брата.

— Кого ты привел с собой, Виктор? — непонимающе спросил Роберт, хотя теперь в его голосе слышался страх, который я бы даже назвала маниакальным. — Кто эти дети? Два пользователя духа... — он снова перевел взгляд на меня, явно считывая ауру, — и «отмеченная поцелуем тьмы»?

Услышав из его уст этот термин, сначала я испытала недоумение. Но потом вспомнила рассказ Марка, мужа Оксаны, о том, что когда-то Роберт был связан с дампиром... и этот дампир умер, что трагическим образом ускорило расстройство душевного здоровья Роберта.

— Это друзья, — спокойно ответил Виктор. — Друзья, которые хотят задать тебе кое-какие вопросы.

Роберт нахмурился.

— Неправда, я вижу это. Они не считают тебя своим другом. Они напряжены и стараются держаться от тебя подальше.

Виктор возражать не стал.

— Тем не менее им требуется твоя помощь, и я обещал ее им. Такова цена полученного мной разрешения повидаться с тобой.

— Не следовало от моего имени давать никаких обещаний.

К этому времени Роберт изодрал салфетку на клочки; мне прямо-таки захотелось дать ему свою.

— Но разве ты не хотел встретиться со мной? — теплым, почти искренним тоном спросил Виктор.

Роберт выглядел обеспокоенным, сбитым с толку и снова чем-то напоминал ребенка. И этот человек сумел трансформировать стригоя? Я начинала сомневаться в этом.

Он не отвечал, и тут появился официант с напитками. К явной его досаде, никто из нас даже не притронулся к меню. Когда он отошел, я

машинально открыла кожаную книжку и невидящими глазами уставилась на перечень блюд.

Виктор представил нас Роберту — назвал только имена, но в манере дипломатического приема: как видно, пребывание в тюрьме не вытравило из него привычку к соблюдению этикета. Роберт, все еще хмурясь, посмотрел на меня, а потом устремил взгляд куда-то между мной и Лиссой. Адриан говорил, что, когда мы вместе, ауры выдают нашу связь.

— Связь... Я почти забыл, как она выглядит... Но Олден... Я не забыл Олдена...

Его взгляд стал мечтательным, почти отсутствующим; он явно переживал заново дорогое сердцу воспоминание.

— Мне очень жаль, — заговорила я, с удивлением услышав сочувствие в собственном голосе: ранее в своем воображении я рисовала этот разговор больше похожим на допрос в резком тоне. — Представляю, на что это было похоже... потерять его...

Мечтательность ушла из взгляда Роберта — тот стал пронизательным и даже жестким.

— Нет, ты не можешь этого представить. Это вообще невозможно. Только что... только что... у тебя был целый мир, вселенная чувств за рамками обыденности, такое понимание другого, какого не дано никому. И вдруг все это пропало... ничего больше нет... и хочется лишь одного — умереть.

Класс! Ну как можно говорить о деле после таких слов? На этот раз мы сидели, с нетерпением ожидая возвращения официанта. Когда он появился, все предприняли неуверенную попытку заказать еду — за исключением Роберта — и в основном без предварительного обдумывания. Ресторан специализировался на азиатской кухне, и я заказала первое, что увидела в меню: рулеты с яйцом.

— Так ты поможешь им? — После ухода официанта Виктор решительно приступил к брату, на что я сейчас, похоже, была не способна. — Ответишь на их вопросы?

Уверена, Виктор добивался помощи Роберта не из благодарности нам за спасение из тюрьмы, а ради собственной склонности к интригам; проще говоря, он умирал от желания вызнать секреты и побуждения любого, с кем сталкивался.

Роберт вздохнул. Всякий раз при взгляде на Виктора на его лице возникало выражение преданности, даже почтения к своему кумиру. Надо полагать, Роберт ни в чем не мог отказать брату. Я даже порадовалась, что психика Роберта уже не так устойчива и он доступен влиянию Виктора, как

никто другой. Если бы он мог полностью управлять своей силой, Виктору в свое время не было бы никакой нужды похищать Лиссу и третировать ее — в его распоряжении имелся бы полноценный пользователь духа, причем полностью ему послушный.

— Что тебя интересует? — спросил Роберт. Он обращался ко мне, по-видимому поняв, от кого все исходит.

Я обвела взглядом лица друзей в поисках моральной поддержки, но, увы... Лисса и Адриан с самого начала не одобряли моей затеи, а Эдди попросту ничего не знал. Я постаралась взять себя в руки и полностью сосредоточилась на Викторе.

— Я слышала, что когда-то вы возродили стригоя. Смогли полностью трансформировать его — или ее, — вернув в прежнее состояние.

Удивление вспыхнуло на обычно невозмутимом лице Виктора; чего-чего, а этого он явно не ожидал.

— От кого ты это слышала? — спросил Роберт.

— От одной супружеской пары, с которой встречалась в России. Их зовут Марк и Оксана.

— Марк и Оксана... — И снова на мгновение взгляд Роберта ушел в пространство. Похоже, такое случалось часто, он не так уж много времени проводил в реальности. — Я не знал, что они еще вместе.

— Вместе, да. У них все хорошо. — Требовалось вернуть его к настоящему. — Это правда? Вы делали то, о чем они говорили? Это возможно?

— Ее, — как всегда, после небольшой паузы ответил Роберт.

— Что?

— Это была женщина. Я освободил ее, да.

Я удивленно открыла рот, не в силах сразу переварить услышанное.

— Лжете, — резко вмешался в разговор Адриан.

Роберт посмотрел на него — удивленно и чуть-чуть насмешливо.

— Кто ты такой, чтобы говорить это? Откуда тебе знать? Ты совсем не бережешь свою силу, причиняешь ей такой большой вред, что вообще чудо — как ты пока в состоянии дотянуться до магии. И все, что ты позволяешь себе... не помогает. Стихия духа по-прежнему оказывает на тебя губительное воздействие... скоро ты не сможешь отличить реальность от сна...

Мгновение Адриан выглядел ошеломленным, но потом снова ринулся в бой.

— Много и не нужно, чтобы понять, что вы лжете. Я знаю это просто потому, что такое в принципе невозможно. Не существует способа спасти

стригоя. Когда они уходят, они уходят. Они мертвые. Или не-мертвые. Но это навсегда.

— Мертвые отнюдь не всегда остаются мертвыми...

Слова Роберта были адресованы не к Адриану. Он обращался ко мне. Я вздрогнула.

— Как? Как вы сделали это?

— С помощью кола. Я убил ее колом и в процессе этого вернул к жизни.

— Ладно, вот это уж точно ложь, — заявила я. — Я убила с помощью кола множество стригоев, и, поверьте, они остались мертвее мертвого.

— Для этого не подойдет первый попавшийся кол. — Теперь Роберт водил пальцами по краю бокала. — Нужен особый.

— Кол, наполненный энергией духа, — внезапно сказала Лисса.

Он поднял на нее взгляд и одобрительно улыбнулся.

— Да. Ты умная девочка. Благородная и добрая. Я вижу это в твоей ауре.

Я смотрела в стол, ничего не видя; в голове с бешеной скоростью проносились мысли. Кол, наполненный энергией духа. Серебряные колы создают, зачаровывая их магией четырех стихий: земли, воздуха, воды и огня. Они так насыщены жизнью, что убивают в стригоях не-мертвую силу. В последнее время мы научились заряжать энергией духа амулеты, но почему никогда не пробовали проделать это с колом? Стихия духа исцеляет. Она вернула меня с того света. Если внутри кола она соединится с магией четырех других стихий, может, такой кол действительно способен уничтожить поселившуюся внутри стригоя извращенную тьму и вернуть его к прежнему, нормальному состоянию?

Я обрадовалась, когда принесли еду, поскольку просто перестала что-либо соображать. Рулеты с яйцом прибавили мне сил и помогли собраться с мыслями.

— Это действительно так просто? — наконец спросила я.

— Это совсем не просто. — Роберт усмехнулся.

— Но вы же только что сказали: нужно зарядить магией духа кол, а потом убить им стригоя.

Ох, нет, не убить. Но это уже технические детали.

— Только не ты. — Он снова улыбнулся. — Ты этого сделать не сможешь.

— Тогда кто... — Слова замерли на губах. — Нет, нет!

— «Отмеченный поцелуем тьмы» лишен дара жизни. Это может сделать лишь благословенный духом. Вопрос в том: кто? Благородная

девочка или пьяный наглец? — Взгляд Роберта метался между Лиссой и Адрианом. — Я ставлю на благородную девочку.

Эти слова разом отрезвили меня. Фактически они перечеркивали мою и без того эфемерную мечту о спасении Дмитрия.

— Нет! — воскликнула я. — Даже если это возможно — а я не так уж и верю вам, — она не станет этого делать. Я не позволю ей!

И дальше события разворачивались почти так же поразительно, как то, о чем рассказал Роберт. Лисса посмотрела на меня, и я ощутила захлестнувший ее гнев.

— С каких это пор ты приказываешь мне, что делать, а что нет?

— С тех пор как знаю, что ты не училась на стража и не сможешь заколоть стригоя колом, — ответила я, стараясь говорить как можно спокойнее. — За всю жизнь ты лишь раз кого-то ударила, то есть Рида. Вспомни, с каким трудом тебе это далось.

Когда Эйвери Лазар пыталась управлять сознанием Лиссы, она поручила кое-какую грязную работу своему «отмеченному поцелуем тьмы» брату. С моей помощью Лисса ударила его и не подпустила к себе. Она отлично справилась, но очень переживала из-за того, что пришлось сделать.

— Но я же сумела! — воскликнула она.

— Лисс, просто нанести удар — ничто по сравнению с тем, чтобы заколоть стригоя. Ты даже приблизиться к нему не сможешь — гораздо раньше он сам укусит тебя или сломает шею.

— Я научусь.

Ее решимость была достойна восхищения, однако стражи учатся своему делу десятилетиями — и все равно многие из них гибнут.

Адриан и Эдди явно испытывали неловкость во время нашей пикировки, а вот Виктор и Роберт выглядели заинтригованными и, казалось, забавлялись. Мне это не нравилось — мы здесь не для того, чтобы развлекать их.

— Если пользователь духа вернет к жизни стригоя, — я решила уйти от опасной темы и обратилась к Роберту, — то этот бывший стригой станет «отмеченным поцелуем тьмы»?

Я не стала обращать внимание Лиссы на этот очевидный факт. Эйвери в итоге сошла с ума, и причиной тому послужило не только слишком активное использование стихии духа, но и ее связь больше чем с одним человеком. Такое нарушение равновесия быстро подталкивало к безумию и тьме.

В устремленном куда-то мне за спину взгляде Роберта снова вспыхнул отблеск мечтательности.

— Связь возникает, когда человек умирает, когда его душа покидает тело и устремляется в мир смерти. Если вернуть его к жизни, он становится «отмеченным поцелуем тьмы». На нем навсегда запечатлевается знак смерти. — Внезапно он впился в меня взглядом. — Как это произошло с тобой.

Мурашки побежали по телу, но я не отвела взгляд.

— Стригой мертвы. Спасти стригоя как раз и означает вернуть его душу из мира мертвых в мир живых.

— Нет, — возразил Роберт. — Их души не уходят в мир мертвых. Их души застревают... либо в этом мире, либо в следующем. Это неправильно и неестественно. Именно это делает их тем, кто они есть. Вернуть его душу в нормальное состояние можно одним из двух способов: убить стригоя или спасти. Никакой связи не возникает.

— Значит, и опасности нет, — сказала мне Лисса.

— Ну да, если не считать того, что стригой раньше убьет тебя, — заметила я.

— Роза...

— Мы обсудим это позже, — решительно заявила я.

На несколько мгновений наши взгляды встретились. Потом она посмотрела на Роберта. Я по-прежнему ощущала в ней упрямство, которое мне совсем не нравилось.

— Как зачаровать кол? — спросила она его. — Я еще только учусь таким вещам.

Я хотела было снова одернуть ее, но передумала. Может, Роберт ошибается. Может, для обратной трансформации стригоя нужен только кол, зачарованный магией духа. Роберт считает, что на это способен только пользователь духа, потому что однажды сделал это сам. Ну, якобы сделал. Кроме того, у Лиссы могли возникнуть немалые сложности еще задолго до непосредственного столкновения, в процессе подготовки кола. Если это окажется слишком трудно, она отступится.

— У одного из вас наверняка есть кол. — Роберт перевел взгляд с меня на Эдди. — Давайте, я покажу.

— Нельзя доставать кол на людях! — В виде исключения Адриан высказал здравое соображение. — Он может показаться им странным, но они, безусловно, поймут, что это оружие.

— Он прав, — заметил Эдди.

— Можно после обеда вернуться в номер, — с мягким, доброжелательным лицом предложил Виктор.

Я внимательно вглядывалась в него, надеясь, что на моем лице любой

ясно прочтет недоверие. И Лисса, несмотря на свое рвение, заколебалась тоже — любые предложения Виктора казались ей подозрительными. Нам уже приходилось видеть, как далеко он способен зайти в заботе о собственном благе — даже родную дочь он убедил стать стригоем, чтобы помочь ему сбежать из заключения. Насколько нам известно, он собирался проделать тот же номер с...

Потрясенно открыв рот, я во все глаза смотрела на него.

— Так вот в чем дело...

— О чем ты?

— Вот почему вы заставили Наталью стать стригоем. Вы думали... Вы знали об этом. О том, что сделал Роберт. Вы собирались использовать мощь, которую она приобретет в качестве стригоя, а потом трансформировать ее обратно.

И без того бледное лицо Виктора стало еще бледнее, утратив всякое самодовольство; казалось, он стареет прямо на глазах...

— Наталья давным-давно мертва, — сухо ответил он, отводя взгляд. — Нет смысла обсуждать ее судьбу.

После этого некоторые из нас предприняли попытку съесть заказанное, но мне яичные рулеты стали казаться совершенно безвкусными. Мы с Лиссой думали об одном и том же. Виктор Дашков совершил множество разных прегрешений, но самым ужасным я всегда считала то, что он уговорил собственную дочь стать стригоем. Но сейчас я внезапно почувствовала необходимость пересмотреть свою оценку его поведения в этом вопросе. Если он знал, что сможет вернуть ее, его поступок по-прежнему оставался ужасным — но уже в меньшей степени. Я по-прежнему считала его монстром, однако если он верил, что сможет вернуть Наталью, значит, верил и в могущество Роберта. Конечно, ни за что на свете я не позволю Лиссе даже приблизиться к стригю, и все же эта невероятная история выглядела теперь чуть менее фантастической. Надо было разбираться дальше.

— После обеда мы можем подняться в номер. Но ненадолго, — сказала я наконец.

Роберт, казалось, снова погрузился в собственный мир, а Виктор просто кивнул. Я бросила быстрый взгляд на Эдди, и он кивнул тоже, но вкладывая в этот жест совершенно другой смысл. Он понимал, насколько это рискованно — оказаться с двумя братьями в уединенном месте, и хотел сказать мне, что будет особенно бдителен; хотя, по правде говоря, своей бдительности он не терял ни на миг.

Ко времени окончания обеда мы с Эдди находились в полной боевой

готовности. Он шел рядом с Робертом, я сопровождала Виктора, а Лисса и Адриан держались между братьями. Мы двигались плотной группой, и все равно это было нелегко — пробиваться сквозь толпу в казино. Люди останавливались прямо перед нами, обходили нас, проходили между нами, короче, вокруг царил сущий хаос. Дважды в нашу группу вклинивались ни о чем не подозревающие туристы. До лифта было недалеко, но я все время волновалась, как бы Виктор или Роберт не сбежали, воспользовавшись столпотворением вокруг.

— Нужно выбраться из толпы! — прокричала я Эдди.

Он снова кивнул и, к моему удивлению, резко свернул влево. Я подтолкнула Виктора в том же направлении, Лисса и Адриан не отставали. Мое недоумение рассеялось, когда мы оказались в коридоре с надписью:

«АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД».

Здесь уровень шума заметно снизился.

— Я посчитал, что, скорее всего, здесь есть лестница, — объяснил Эдди.

Я одарила его улыбкой.

— Ты настоящий профессионал.

Еще один поворот, и мы оказались перед дверью с символом лестницы на ней. Похоже, через эту дверь можно было попасть как наружу, так и на верхние этажи.

— Блестяще, — сказала я.

— Вы, по-моему, на десятом этаже, — заметил Адриан, до этого долгое время не раскрывавший рта.

— Ничего, немного упражнений нам не... Черт! — Я резко остановилась перед дверью, разглядев на ней небольшую табличку с предостережением, что в случае открывания двери включится сигнал тревоги. — Логично.

— Прошу прощения, — извинился Эдди, словно был в ответе за это.

— Ты не виноват. — Я повернулась. — Возвращаемся.

Придется пойти на риск и снова пробиваться сквозь толпу. Может, наши скитания в достаточной степени утомили Виктора и Роберта, чтобы бегство не казалось им таким уж привлекательным: оба немолоды, а Виктор и вовсе в плохой форме.

Лисса чувствовала такое напряжение, что почти не замечала наших метаний туда и обратно, зато взгляд Адриана откровенно давал понять, что он с самого начала считал поиск обходных путей пустой тратой времени.

Конечно, для него все это свидание с Робертом было пустой тратой времени. Я даже удивилась, что он пошел с нами в номер, а не остался в казино, где мог покурить и выпить.

Идущий первым Эдди уже сделал несколько шагов по коридору в сторону казино. И тут на меня накатило.

— Стой! — закричала я.

Он среагировал мгновенно, что привело к некоторой сумятице. Виктор налетел на внезапно остановившегося Эдди, Лисса на Виктора. Инстинктивно Эдди потянулся к колу, но я свой уже достала — в то же мгновение, как почувствовала тошноту.

Между нами и казино, словно из-под земли, возникли два стригоя.

Десять

И один из них... один из них...

— Нет! — прошептала я, тем не менее мгновенно кидаясь к ближайшему стригую — женщине.

Похоже, я ошиблась — их здесь было три.

Эдди тоже пришел в движение, мы с ним постарались закрыть собой мороев. Подстегивать их не пришлось. При виде врагов они попятились, сужая нам пространство для маневра. Рефлексы Эдди включились мгновенно; мороев охватила паника; учитывая все это, никто из них наверняка не заметил того, что уже заметила я.

Одним из стригоев был Дмитрий.

«Нет, нет, нет!» — мысленно твердила я. А ведь он предупреждал, снова и снова повторял в письмах, что найдет меня, как только я выйду за пределы защитных колец. Умом я понимала, что так и будет, но видеть его воочию... это было совсем другое дело. Прошло всего три месяца, но за одно краткое мгновение в сознании с кристальной ясностью промелькнул миллион воспоминаний. Как Дмитрий захватил меня в плен. Как его рот — такой невероятно теплый, несмотря на холодную кожу, — целовал меня. Как клыки впивались в мою кожу, и какое блаженство наступало потом...

Он совсем не изменился — мертвенно-бледный, с красными кругами в глазах, что заметно противоречило прекрасным чертам лица и мягким каштановым волосам. На нем даже снова было кожаное пальто, видимо, новое, поскольку предыдущее заметно пострадало во время нашей схватки на мосту. Откуда он берет их?

— Уходите! — крикнула я мороям, пронзая колом сердце женщины-стригоя.

Кратковременное столпотворение в коридоре сослужило ей дурную службу. Она оказалась прямо передо мной и явно не ожидала, что я среагирую так быстро. Многие стригой погибли от моей руки, потому что недооценивали меня.

Эдди повезло меньше. Отступая, Виктор толкнул его, и он споткнулся. Это позволило другому стригую, парню, ударить Эдди о стену. Однако с такими вещами мы сталкиваемся постоянно, и Эдди среагировал прекрасно — мгновенно оправился от удара и теперь, когда морои больше не стояли на его пути, ринулся к стригую и полностью сосредоточился на нем.

А я? Все мое внимание было приковано к Дмитрию.

Я перешагнула через тело упавшей женщины-стригоя, даже не взглянув на нее. Дмитрий держался позади, предоставив своим приспешникам первыми принять на себя удар. Подозреваю, он не слишком удивился, что я так быстро расправилась с женщиной, а Эдди взял в оборот парня. И сомневаюсь, что их судьба вообще волновала Дмитрия. Они нужны были лишь для отвлечения внимания — чтобы он смог добраться до меня.

— Я ведь говорил, — сказал он, устремив на меня пронизывающий, но одновременно улыбающийся взгляд. Он следил за каждым моим движением. Мы двигались, словно зеркальные отражения друг друга, ловя момент, когда противник откроется для нападения. — Говорил, что найду тебя.

— Да. — Я старалась не отвлекаться на звуки борьбы Эдди с другим стригоем, не сомневаясь, что мой друг справится без посторонней помощи. — Я читала твои письма.

Легкая улыбка искривила губы Дмитрия, обнажив клыки, вид которых пробудил во мне одновременно страстное желание и отвращение, но я тут же выкинула все это из головы. Однажды я на одно-единственное мгновение заколебалась при встрече с Дмитрием и в результате чуть не погибла. Нет, снова этого я не допущу. Бурливший в крови адреналин не давал забыть о том, что из этой ситуации у меня только два выхода: победить или умереть.

Он сделал первый выпад, но я заранее угадала его и увернулась. Мы так хорошо знали друг друга, что легко могли предсказать действия противоположной стороны. Конечно, это вовсе не означало, что мы равноценные противники. Он был во всем опытнее меня, и в жизни, и в борьбе, а способности стригоя лишь увеличили этот разрыв.

— И все же ты здесь, — продолжал он, по-прежнему с улыбкой. — Глупышка, напрасно ты не осталась в безопасной зоне двора. Я поначалу даже не поверил донесениям своих шпионов.

Не отвечая, я нанесла удар колом, но он тоже предугадал его и увернулся. То, что у него есть шпионы, ничуть меня не удивило: он управлял целой сетью стригоев и людей, даже при дворе у него наверняка имеются глаза и уши. Возникал вопрос: как, черт побери, он сумел проникнуть в этот отель посреди бела дня? Пусть у него были наблюдатели в аэропорту, пусть он мог отследить использование кредитных карточек, как это сделал Адриан, но все равно — Дмитрий и его друзья-стригои обязательно должны были дождаться ночи.

Нет, это вовсе не обязательно, осознала я мгновение спустя. Стригой

могли воспользоваться разными средствами: есть ведь автомобили с полностью затененными стеклами, подземные входы. Морои, останавливающиеся в «Часе колдовства» и желающие без задержек попасть в казино, знают, что между некоторыми зданиями существуют тайные туннели. И Дмитрию ничего не стоило тоже узнать об этом. Дождавшись, когда я выйду за пределы защитных колец, он использовал все свои немалые возможности, чтобы добраться до меня.

И еще я понимала, что разговорами он пытается меня отвлечь.

— И знаешь, что самое странное? То, что ты появилась не одна, а привела с собой мороев. Ты всегда была склонна рисковать собственной жизнью, но я никак не ожидал, что ты поставишь под удар других.

Внезапно до меня кое-что дошло. Кроме слабого гула казино на другом конце коридора и шума нашей схватки, никаких других звуков слышно не было, а между тем...

— Лисса! — закричала я. — Убирайся к чертям отсюда и уводи всех остальных!

Ей следовало быть сообразительней. Как и всем прочим. Через дверь можно было пройти на верхние этажи — и наружу. Солнце еще не село. И пусть себе вопит сигнал тревоги, призывая сюда охранников отеля. Черт, может они даже спугнут стригоев! Но это не имело значения. Важно одно — чтобы морои оказались в безопасности.

Я быстро «прощупала» нашу связь и поняла, что возникла проблема. Лисса стояла, замерев точно изваяние, — наконец-то она заметила, с кем я сражаюсь. Просто знать, что Дмитрий стал стригоем — это одно, и совсем другое — собственными глазами увидеть его в таком качестве. Я знала это по собственному опыту. Даже сейчас, когда я была готова к тому, что увижу, это зрелище действовало удручающе. Она же была просто в шоке, не могла ни думать, ни двигаться.

Мне понадобилось мгновение, чтобы оценить состояние Лиссы, но в сражении со стригоем одна секунда может отделять жизнь от смерти. Вроде бы я продолжала следить за ним и была настороже, но все же он сумел заметить крохотную прореху в моей защите, оттолкнул к стене и с такой силой пригвоздил к ней мои запястья, что я выронила кол.

Он придвинул свое лицо к моему так близко, что наши лбы почти соприкасались.

— Роза... — пробормотал он. Его дыхание казалось теплым и свежим, хотя вроде бы должно было пахнуть смертью и разложением. — Зачем? Зачем ты все так усложняешь? Мы могли бы провести вместе целую вечность...

Сердце заколотилось в груди. Я с ужасом ждала надвигающейся смерти, понимая, что меня отделяют от нее всего несколько секунд. И в то же время во мне поднималась печаль из-за того, что я потеряла его. Я видела знакомые черты, слышала голос, говорящий с тем же акцентом, — все это обволакивало, словно бархатное покрывало, казалось, сердце вот-вот разорвется. Почему? Почему с нами произошло все это? Почему мир так жесток?

Я сумела взять себя в руки и снова отогнала мысль о том, что это мой Дмитрий. Сейчас мы — хищник и жертва, и мне угрожала опасность быть съеденной.

— Прости, — заговорила я сквозь стиснутые зубы, пытаюсь, впрочем безуспешно, вырваться из его хватки. — В мое представление о вечности не входит членство в мафии не-мертвых.

— Знаю, — сказал он, и, клянусь, на его лице промелькнула печаль, хотя позже я убедила себя, что мне померещилось. — Вечность без тебя будет такой одинокой.

Внезапно в ушах раздался пронзительный вой, и мы оба вздрогнули. Звук был ужасный, но тем не менее мне он принес облегчение. Пожарная дверь. Наконец-то эти идиоты — и я без зазрения совести отнесла данный эпитет к своим друзьям — покинули здание. При посредстве нашей связи я почувствовала солнечный свет; это хоть немного утешало, поскольку как раз в этот момент клыки Дмитрия приблизились к моей артерии.

Я надеялась, что сигнал тревоги отвлечет его, но напрасно. Тем не менее я продолжала вырываться, пусть и без толку, до тех пор, пока кол Эдди не вошел в бок Дмитрия.

Зарывав от боли, он отпустил меня и повернулся к Эдди. Тот, не мигая, смотрел на него. Если зрелище преображенного Дмитрия и ошеломило молодого стража, он не подал вида. Может, он видел перед собой просто стригоя и даже не узнал в нем бывшего наставника. Ведь этому нас и учили — видеть монстров, не людей.

На мгновение Дмитрий отвлекся. Он хотел моей смерти, а Эдди был просто досадной помехой, которую следовало устранить.

Сейчас они танцевали друг против друга, как мы с Дмитрием раньше, с одной лишь разницей — Эдди не знал противника так, как я, поэтому не мог столь же успешно увертываться от ударов, и в какой-то момент Дмитрий оттолкнул его к стене, да с такой силой, что мог расколоть ему череп, точно орех. Однако Эдди успел сгруппироваться, и вся тяжесть удара пришлась на корпус; больно, конечно, но не смертельно.

Все это заняло лишь доли секунды, но мой настрой изменился. Когда

Дмитрий нависал надо мной, собираясь укусить, я сумела преодолеть желание воспринимать его как личность, как человека, которого знала и любила. Очутившись в положении жертвы, глядя в глаза смерти, я стремилась лишь к одному — сражаться! Но теперь, глядя, как Эдди борется с Дмитрием, как замахивается на него колом, я внезапно утратила холодную объективность. Вспомнила, зачем мы пришли сюда. Вспомнила, о чем рассказал Роберт.

На чем строились мои надежды? Еще раньше я поклялась себе, что если Дмитрий будет угрожать моей жизни, а я к этому времени не успею узнать способ спасения стригоя, то убью его сама. И сейчас у меня был шанс сделать это. Вдвоем с Эдди мы могли одолеть Дмитрия, прервать его существование в качестве монстра, то есть сделать то, чего он сам когда-то хотел.

И все же... каких-то полчаса назад в душе вспыхнул крошечный огонек надежды, что стригоя можно спасти. Убеждение, что на это способен только пользователь духа, казалось абсурдным, но Виктор верил в этот способ, а если человек вроде него хоть во что-то верил...

Я не могла убить Дмитрия. Пока не могла.

Выхватив кол, я прижала его серебряное острие к затылку Дмитрия. Он взревел от ярости, повернулся и оттолкнул меня, а сам продолжал парировать удары Эдди — никому другому подобное не удалось бы. Однако кол Эдди сейчас очутился в непосредственной близости от сердца Дмитрия, и, судя по решительному виду моего друга, он, не колеблясь, был готов убить стригоя.

Дмитрию приходилось делить свое внимание между нами двоими, и в какой-то момент кол Эдди оказался в такой близости от его сердца, что, казалось, еще миг, и все будет кончено.

И тогда одним плавным движением я ударила колом по лицу Дмитрия и одновременно оттолкнула руку Эдди. Мне ужасно не хотелось портить это прекрасное лицо, но я знала, что Дмитрий быстро залечит повреждения. При этом я проскочила мимо него, с такой силой толкнув Эдди, что нас обоих отбросило к пожарной двери, откуда все еще доносился рев сигнала тревоги. На сосредоточенном лице Эдди возникло удивление, и на мгновение мы застыли: я толкала его к двери, а он толкал меня к Дмитрию. Правда, я видела, что он колеблется. Расстановка сил изменилась, и Эдди был вынужден подталкивать меня по направлению к стригю, что резко противоречило нашей выучке.

Дмитрий тут же воспользовался открывшейся возможностью — выбросил вперед руку, вцепился мне в плечо и рванул на себя. Эдди

схватил меня за другую руку и тоже потянул. Я вскрикнула от неожиданности и боли — показалось, они вот-вот разорвут меня пополам. Дмитрий был сильнее, но мой вес тоже играл немалую роль, а я наклонилась в сторону Эдди, и вместе мы начали слегка отодвигаться. Тем не менее это происходило слишком медленно, словно мы барахтались в меду. По мере того как я отодвигалась от Дмитрия, он подтаскивал меня обратно к себе почти на столько же.

И все же мы с Эдди очень, очень медленно и мучительно продвигались к двери. Несколько мгновений спустя послышались топот и голоса.

— Охранники, — проворчал Эдди.

— Дерьмо! — воскликнула я.

— Ничего у вас не получится, — прошипел Дмитрий.

Он ухитрился положить обе руки мне на плечи и теперь одолевал нас.

— Правда? Вот-вот здесь появится весь летучий отряд «Луксора»!

— Вот-вот здесь появится груда тел. Человеческих, — самоуверенно ответил Дмитрий.

Не знаю, что увидели люди, когда оказались на месте событий. Какой-то парень нападает на подростков? Не замечая нашего «перетягивания каната», они закричали, чтобы все мы прекратили драться и повернулись лицом к ним. Возможно, кто-то ударил Дмитрия, поскольку его хватка слегка ослабела. Этого оказалось достаточно, чтобы один мощный рывок Эдди и мой прыжок в ту же сторону позволили мне освободиться. Не оглядываясь, мы бросились к двери. Вслед нам летели крики охранников.

И не только крики. Как раз перед тем как я открыла дверь, Дмитрий со смехом окликнул меня:

— Это не конец, Роза. Неужели ты и впрямь вообразила, что можешь скрыться от меня в этом мире?

Одно и то же. Всегда одно и то же.

Но страх, порожденный его словами, я постаралась затолкать поглубже. Мы с Эдди окунулись в пыльный, сухой воздух, все еще пронизанный солнечным светом, хотя уже наступил ранний вечер. На парковке «Луксора» было практически пусто, и мы, не сговариваясь, побежали в сторону оживленной Стрип, надеясь затеряться в толпе.

И это нам удалось. Не знаю, преследовал ли нас вообще кто-нибудь: скорее, охранники сосредоточили все свое внимание на высоком парне, нападающем на людей в их отеле. Вскоре несущиеся вслед нам крики смолкли, мы замедлили бег, остановились перед отелем «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и, снова не сговариваясь, бросились внутрь. Здание имело сложную планировку, людей здесь было больше, чем в «Луксоре», и мы легко

смешались с толпой, а потом нашли пустое местечко у дальней стены здешнего казино.

Такая пробежка утомила даже нас; мы не сразу восстановили дыхание. В конце концов, когда Эдди посмотрел на меня, на лице его ясно отражался гнев, и я поняла, что дело плохо. Он всегда был воплощением спокойствия и умения держать себя в руках, в особенности после того, как стригои впервые похитили его в прошлом году. Это закалило его, сделало решительнее и тверже. Но, ох, как же он злился на меня сейчас!

— Что это было, черт побери? — воскликнул Эдди. — Ты отпустила его!

— Ты что, не заметил, как я ранила его колом? — Я нахмурилась, притворяясь оскорбленной.

— Его сердце было открыто! Я собрался нанести удар, но ты помешала мне!

— У нас не осталось времени — охранники приближались. Нужно было убираться оттуда. Не могли же мы убивать его у них на глазах?

— Не думаю, что кто-нибудь из них уцелел и сможет рассказать об увиденном. — Эдди, казалось, изо всех сил старается взять себя в руки. — Дмитрий оставил там груды трупов, и ты не хуже меня понимаешь это. Люди погибли, потому что ты не дала мне заколоть его.

Я вздрогнула, осознав, что он прав. Наверняка тем все и кончилось. Я не успела разглядеть, сколько было охранников. Впрочем, какая разница? Погибли ни в чем не повинные люди, вот что главное. Даже одного хватило бы, чтобы на мою совесть лег тяжкий груз.

Видя, что я молчу, Эдди усилил нажим.

— Как могла ты, со всем своим опытом, забыть этот урок? Знаю, он был твоим инструктором... раньше был. Но теперь он другой. Нам внушали это снова и снова. Никаких колебаний. Не воспринимать его как человека.

— Я люблю его! — выпалила я, хотя не собиралась этого делать.

Эдди ничего не знал. О моих романтических отношениях с Дмитрием и о том, что произошло в Сибири, в курсе были всего несколько человек.

— Что? — потрясенно воскликнул он, забыв о своем гневе.

— Дмитрий... он не просто мой инструктор...

— Был, — добавил Эдди, устремив на меня долгий, пристальный взгляд.

— Что?

— Ясно. Он был не просто твоим инструктором. Ты любила его. — Эдди справился со своим недоумением, и передо мной снова стоял

собранный страж, не склонный ни к малейшему проявлению сочувствия. — Сожалею, но, что бы между вами ни происходило, все это в прошлом. Тебе следовало бы понимать. Человека, которого ты любила, больше нет. А тот парень, которого мы только что видели, — совсем другое существо.

Я медленно покачала головой.

— Знаю. Знаю, что это не он. Знаю, что он монстр, но мы можем спасти его... если сумеем сделать то, о чем рассказывал Роберт...

На мгновение Эдди утратил дар речи.

— Так вот в чем все дело? Роза, это же чушь! Ты сама не веришь в это. Стригои мертвы. Для нас они потеряны. Роберт и Виктор навешали тебе лапши на уши.

— Тогда почему ты здесь? Почему остаешься с нами?

Он в раздражении вскинул руки.

— Потому что ты мой друг! Я был с тобой на всем пути... пока мы освобождали Виктора, слушали его безумного брата... потому что понимал — ты нуждаешься во мне. Нуждаешься в помощи, в том, чтобы кто-то прикрывал тебе спину. Я считал, у тебя есть убедительная причина выкрасть Виктора и что потом ты собираешься вернуть его в тюрьму. Это звучит безумно? Но это нормально для тебя, и ты никогда не предпринимала ничего без серьезных причин. — Он вздохнул. — Но это... Это переходит все границы. Отпустить стригоя, руководствуясь безумной, совершенно нереальной идеей, — это в десять раз хуже того, чтобы выкрасть Виктора. В сто раз хуже. Каждый день, пока Дмитрий ходит по земле, будут гибнуть люди.

Я привалилась к стене и закрыла глаза. На душе было тяжело. Эдди прав. Я поступила очень плохо. А ведь я обещала себе, что убью Дмитрия, если столкнусь с ним до того, как мы сможем применить метод Роберта. Все должно было закончиться сегодня, но... я отступила. Снова.

Я открыла глаза и выпрямилась. Требовалось срочно переключиться на что-то, пока я не разразилась слезами прямо посреди казино.

— Нужно найти остальных. Без нас они беззащитны.

Это, наверное, было единственное, что могло остановить поток возмущения Эдди. Чувство долга возобладало — защита мороев превыше всего.

— Можешь определить, где Лисса?

Наша связь действовала все время, но, пока мы с Эдди убегали, а потом объяснялись, я не пользовалась ею, довольствуясь ощущением того, что она жива и с ней все в порядке. Сейчас я прозондировала ее в поисках

новой информации.

— На той стороне улицы. В «МГМ».

Я заметила этот отель, когда мы вбегали сюда, но в тот момент не осознавала, что Лисса там. Теперь я чувствовала ее, прячущуюся в толпе, в точности как мы с Эдди. Испуганную, но не пострадавшую. Мне казалось, она должна была предпочесть солнечный свет, но инстинкт подсказал ей укрыться в набитом людьми помещении.

Выходя из отеля и пересекая улицу, мы с Эдди больше не говорили о Дмитрие. Небо стало желто-оранжевым, но я по-прежнему чувствовала себя на улице в безопасности — в гораздо большей степени, чем в коридоре «Луксора». При наличии связи я всегда могла найти Лиссу и без малейших колебаний повела Эдди через лабиринт коридоров «МГМ» — по правде говоря, каждый следующий отель на нашем пути отличался все более сложной и запутанной планировкой. Вскоре мы увидели Лиссу с Адрианом, стоящих около игровых автоматов. Он курил. Заметив нас, Лисса рванулась ко мне и обняла.

— О бог мой! Я так боялась, не зная, что произошло с вами. Ненавижу эту одностороннюю связь!

— Как видишь, мы в порядке. — Я заставила себя улыбнуться.

— Хотя и не без повреждений, — подходя к нам, пробормотал Адриан.

Уж это точно. Во время схватки, когда адреналин бьет фонтаном, боль и травмы не замечаешь. И только позже, когда все закончится, начинаешь осознавать, что пришлось испытать телу.

Я так обрадовалась, найдя Лиссу целой и невредимой, что упустила из вида то, что уже заметил Эдди.

— Ребята, а где Виктор и Роберт?

Радостное выражение на лице Лиссы погасло, и даже у Адриана сделался мрачный вид.

Все ясно.

— Проклятье! — воскликнула я.

Лисса кивнула, в глазах ее отражались растерянность и смущение.

— Мы потеряли их.

Одиннадцать

Ну, час от часу не легче.

Обсуждение того, что делать дальше, длилось довольно долго. Были выдвинуты и отброшены несколько явно неосуществимых идей насчет того, как найти Роберта и Виктора. Телефон у Роберта сотовый, и, в отличие от ЦРУ, мы такие вещи отслеживать не могли. Даже если адрес Роберта есть в телефонной книге, я была уверена — Виктор позаботится, чтобы они по этому адресу больше не появлялись. И хотя Адриан и Лисса были в состоянии обнаружить ауру пользователя духа, вряд ли имело смысл бесцельно бродить по городу, рассчитывая на случайную удачу.

Нет, нужно признать — с этими двумя мы потерпели крах. Оставалось одно — вернуться ко двору и принять ожидающее нас наказание. Мы... Нет, это я сама все испортила.

Приближался закат. Поскольку с нами больше не было печально известного преступника, из-за которого могли возникнуть неприятности, мы решили отправиться в «Час колдовства» и продолжить обсуждение своих планов. В принципе, меня и Лиссу там могли узнать, но пустившиеся в разгул девушки совсем не то же самое, что беглые предатели. Мы решили рискнуть — находиться рядом со стражами все же не так опасно, как подвергнуться нападению стригоев.

«Час колдовства» не отличался от любого другого отеля с казино, где мы успели побывать, если только вы не знали, что искать. Люди были слишком очарованы внешней роскошью и азартными играми, чтобы замечать одну странную особенность — многие клиенты словно скроены на один лад: высокие, стройные и бледные. А уж вампиры и вовсе выглядели самыми обыкновенными людьми. Только особая восприимчивость мороев и вампиров позволяла нам определять, кто есть кто.

В толпе болтающих, смеющихся, а иногда и стонающих людей сновали стражи. Поскольку в нашем мире они были сейчас очень востребованы, немногие из них служили здесь на постоянной основе. Богатство тех, кто приходил сюда играть, позволяло им приводить своих стражей. Морои издавали восторженные, а иногда и огорченные крики у игровых автоматов и рулетки, а бдительные стражи безмолвно топтались за их спинами, ничего не упуская из вида. Да уж, сюда стригоям не пробиться.

— И что теперь? — громко спросила Лисса, стремясь перекрыть шум.

С тех пор как было решено перебраться сюда, никто из нас еще не произнес ни слова. Мы остановились в самой гуще толпы, около игровых столов.

Я вздохнула: настроение мое было столь мрачным, что его не улучшила бы никакая магия духа.

«Я упустила Виктора, упустила Виктора», — без конца вертелось в голове.

— Нужно найти здешний торговый центр и купить обратные билеты, — ответила я Лиссе. — Если улететь ближайшим рейсом не получится, можно снова снять номер.

Взгляд Адриана скользил вокруг, с тоской задержавшись на одном из бесчисленных баров.

— Ничего ужасного не произойдет, если мы проведем здесь какое-то время.

— Неужели после всего происшедшего ты ни о чем больше не можешь думать? — взорвалась я.

Он вперил в меня сердитый взгляд.

— Здесь повсюду камеры и люди, которые могут узнать вас. Совсем неплохо — иметь надежное доказательство того, что вы были в этом казино, а не на Аляске.

— Вообще-то ты прав, — согласилась я. Думаю, его независимый вид был призван замаскировать тоску. Ведь теперь он знал, зачем я прилетела в Лас-Вегас, да еще и вплотную столкнулся со стригоями, в том числе и с Дмитрием. Для любого мороя это всегда нелегкое испытание. — Хотя у нас нет алиби на то время, когда мы действительно находились на Аляске.

— Раз Виктора с нами нет, никому даже в голову не придет связать одно с другим. Что лишний раз доказывает, какие все они тупицы, — с горечью сказал Адриан.

— Мы помогли Виктору сбежать, — заметила Лисса. — Никому и в голову не придет, что мы настолько не в своем уме, чтобы отпустить его.

Эдди, не произнося ни слова, бросил на меня колющий взгляд.

— Ну, тогда все улажено, — заявил Адриан. — Пусть кто-нибудь пойдет и купит билеты. Лично я собираюсь выпить и попытать удачи в игре. Мне должно повезти — вселенная в долгу передо мной.

— Я пойду за билетами, — предложила Лисса, шаря взглядом по сторонам в поисках туалета и торгового центра.

— Я с тобой, — вызвался Эдди.

Теперь он не сверлил меня обвиняющим взглядом, просто старался не смотреть в мою сторону.

— Прекрасно. — Я скрестила на груди руки. — Сообщи мне, когда закончишь, и мы найдем вас.

Мои слова были обращены к Лиссе и подразумевали, что она заговорит со мной через нашу связь.

Предоставленный сам себе, Адриан прямым устремился к бару, и я следом за ним.

— Мне «Том Коллинс», ^[6] — заказал он бармену.

Похоже, Адриан держал в голове список всех существующих коктейлей и просто перечислял их один за другим. Не могу припомнить, чтобы он когда-либо пил одно и то же дважды.

— Вам с алкоголем? — спросил бармен.

Он был в жесткой белой рубашке, с галстуком-бабочкой и выглядел примерно на те же года, что и я. Адриан состроил гримасу.

— Нет.

Бармен пожал плечами и отвернулся, чтобы приготовить коктейль. «Алкоголь» на условном языке мороев означает добавление порции крови в напиток. За стойкой виднелись две двери, за одной из которых наверняка находились «кормильцы». Оглядев бар, я заметила веселых, смеющихся мороев — бокалы в их руках отсвечивали красным. Некоторым нравилось получать кровь в составе коктейлей. Большинство же, в том числе Адриан, предпочитали кровь «непосредственно от источника». Очевидно, по вкусу это не одно и то же.

Пока мы ждали, стоящий рядом пожилой морой задержал на мне взгляд и одобрительно кивнул.

— Славненькую пташку ты заполучил, — сказал он Адриану, оторвавшись от стакана не то с красным вином, не то с неразбавленной кровью. — Совсем молоденькая, но так-то оно лучше. — Он кивнул в сторону стойки. — Большинство этих — отработанный материал.

Я проследила за его взглядом. Среди людей и мороев тут и там попадались дампирки в очень эффектных нарядах из шелка и бархата, мало что оставляющих воображению. В основном они были старше меня, но в глазах всех без исключения проглядывала усталость, которая не вязалась с их игривым смехом. «Кровавые шлюхи». Я вперила в мороя сердитый взгляд.

— Не смейте говорить о них в таком тоне, а не то получите этим стаканом по лицу!

Мужчина широко распахнул глаза и посмотрел на Адриана.

— Отважная.

— Вы не представляете, до какой степени, — ответил Адриан. Бармен протянул ему «Том Коллинс». — У нее, можно сказать, был тяжелый день.

Старый моройский козел больше на меня не смотрел — по-видимому, не воспринял мою угрозу всерьез.

— У всех, типа, сегодня был тяжелый день. Ты слышал новости?

Попивая коктейль, Адриан выглядел расслабленным и довольным, но, стоя рядом, я почувствовала, как он напрягся.

— Что за новости?

— Виктор Дашков. Знаешь, тот, который похитил принцессу Драгомир и плел заговоры против королевы? Он сбежал.

— Сбежал? — Адриан вскинул брови. — Не может быть. Я слышал, он в тюрьме строгого режима.

— Да, там он и был. Никто не знает, что, собственно, произошло. Предположительно, тут замешаны люди... а потом история и вовсе становится странной.

— В каком смысле странной? — спросила я.

Адриан обхватил меня рукой, давая понять, чтобы я не вмешивалась. А может, просто посчитал, что именно так следует обращаться с «кровавой шлюхой», или беспокоился, как бы я и впрямь не врезала этому мужику.

— Один из тюремных охранников участвовал в деле... хотя он утверждает, что им управляли, как марионеткой. Вроде все для него как в тумане, и он мало что помнит. Я слышал это от королевских мороев, принимавших участие в расследовании.

Адриан рассмеялся и сделал большой глоток.

— Очень удобное объяснение. Если хотите знать мое мнение, преступление совершил кто-то из своих. У Виктора много денег. Хватит, чтобы подкупить охранника. Вот что я об этом думаю.

Голос Адриана звучал как-то особенно легко и ровно, и когда на лице его собеседника расплылась туповатая улыбка, я поняла, что Адриан применил магию принуждения, совсем немного.

— Уверен, что ты прав.

— Расскажите мою версию вашим королевским друзьям, — добавил Адриан. — Тут точно поработал кто-то из своих.

— Непременно. — Тот энергично закивал.

Адриан еще несколько мгновений удерживал его взгляд, а потом заглянул в свой бокал. Остекленевшие глаза мороя приобрели обычный вид, но я не сомневалась — приказ Адриана распустить слух о внутреннем предательстве в тюрьме будет выполнен. Мой приятель допил свой

коктейль, поставил пустой бокал на стойку и собрался заговорить снова, как вдруг что-то на другом конце зала привлекло его внимание. Морой тоже обернулся. Проследив за их взглядами, я увидела, что привело обоих в такую оторопь.

И застонала. Женщины, конечно. Поначалу я подумала, что это дампирки, поскольку в основном именно они привлекали здесь все взоры. При более пристальном изучении оказалось, к моему удивлению, что это моройки. Моройские танцовщицы, точнее говоря. Их было несколько, одетых в схожие короткие платья с блестками и низким вырезом — медно-красное, крикливо-голубое... В волосах женщин блестели перья и фальшивые драгоценности. Проходя сквозь разинувшую рты толпу, они улыбались — прекрасные и сексуальные, но как-то по-другому, не так, как представительницы моей расы.

Ничего удивительного. Я чаще замечаю восхищенные взгляды моройских мужчин, обращенные на дампирских девушек, поскольку сама дампирка. Но, естественно, моройских мужчин привлекают, даже сводят с ума и их собственные женщины. Именно благодаря этому их раса не вымирает: моройским мужчинам нравится развлекаться с дампирками, но, перебесившись, они почти всегда женятся на моройках.

Танцовщицы были высокие, грациозные, а их яркие наряды говорили о том, что им предстоит выступление. Нетрудно представить, как эффектно они будут выглядеть на сцене. Все понятно, вот только Адриан прямо впился в них взглядом широко распахнутых глаз. Я подтолкнула его локтем.

— Эй!

Последняя танцовщица затерялась в толпе, устремляясь в направлении таблички с надписью ТЕАТР — как я и предполагала. С плутовской улыбкой на губах Адриан посмотрел на меня и похлопал по плечу.

— Глядеть не возбраняется.

Стоящий рядом морой кивнул в знак согласия.

— Думаю, надо сегодня посмотреть шоу, — сказал он, вращая в пальцах свой бокал. — История с Дашковым, беды, преследующие семейство Драгомир... Бедный Эрик, мне его так жаль. Славный был парень.

— Вы знали отца Лиссы... — Я удивленно посмотрела на него. — Эрика Драгомира?

— Конечно. — Морой знаком велел бармену повторить. — Я много лет работал здесь менеджером, а он постоянно приезжал сюда. Поверь, он высоко оценил бы этих девушек.

— Вы лжете, — холодно сказала я. — Он обожал свою жену.

Я не раз видела родителей Лиссы вместе, и, хотя была тогда еще мала, это просто бросалось в глаза — что они без ума друг от друга.

— Я не говорю, что он делал что-то такое. Как выразился твой приятель, глядеть не возбраняется. Однако множество людей знают, что, приезжая сюда, принц Драгомир любил устраивать вечеринки — в особенности с участием женщин. — Морой вздохнул и поднял свой бокал. — Какой ужас с ним случился! Все здесь надеются, что этого мерзавца Дашкова схватят и он оставит дочурку Эрика в покое.

Мне не нравились эти инсинуации насчет отца Лиссы, и я порадовалась, что ее здесь нет. Правда, совсем недавно нам стало известно, что брат Лиссы Андрей тоже любил развлекаться с девочками и вел себя довольно бессердечно. Может, это у них семейное? Андрей, конечно, поступал плохо, но существует большая разница между похождениями мальчика-подростка и женатого мужчины. Неприятно признавать это, но факт — даже самые влюбленные мужчины с удовольствием разглядывают других женщин, пусть и не изменяют своим избранницам. Адриан — живое доказательство тому. И все же вряд ли Лиссе было бы приятно узнать, что ее отец флиртовал с посторонними женщинами. Даже к мысли о похождениях Андрея она привыкла с трудом; не хотелось, чтобы хоть малейшая тень омрачила ее воспоминания о родителях.

Я бросила на Адриана выразительный взгляд, давая понять, что дальнейшая болтовня с этим мороем может плохо кончиться. Ни к чему нам выслушивать эти откровения, когда Лисса вернется.

Адриан, далеко не такой тупой, как ему иногда нравилось притворяться, улыбнулся мне.

— Ну, моя радость, пойдём попытаем удачу? Что-то подсказывает мне, что сегодня она улыбнется нам.

— Блестящая идея.

Адриан подмигнул мне и встал.

— Приятно было поболтать с вами, — сказал он морю.

— Мне тоже, — ответил тот. Воздействие магии уже ослабевало. — Тебе следует лучше одевать ее, знаешь ли.

— Одевать ее — не то, что меня по-настоящему волнует, — сострил Адриан, уводя меня.

— Следи за языком, — пробормотала я сквозь стиснутые зубы, — а то сам можешь получить бокалом в лицо.

— Я играю свою роль, маленькая дамписка, с целью избавить тебя от неприятностей. — Мы остановились рядом с помещением, где играли в

покер, и Адриан оценивающе оглядел меня с ног до головы. — Между прочим, этот тип был прав насчет твоей одежды.

— Просто поверить не могу в то, что он болтал об отце Лиссы.

— Слухи и сплетни живучи, кому, как не тебе, это знать? Но если человек мертв... какая ему разница? Кроме того, этот разговор был в наших... в смысле, в твоих интересах. Не сомневаюсь, сейчас уже вовсю идет обсуждение идеи о предательстве в тюрьме. Если этот мужик еще чуть-чуть постарается и слухи поползут дальше, думаю, никому и в голову не придет, что в деле участвовал самый опасный в мире страж.

— Наверное, ты прав. — Наконец мне удалось справиться со своим возмущением. Я агрессивна по натуре, да и клочки тьмы, которые я двадцать четыре часа в сутки подбирала за Лиссой, усугубляли ситуацию. Ладно, пора сменить тему разговора. — Удивительно, что ты так мил сейчас — ведь совсем недавно ты так злился на меня.

— Нельзя сказать, что я в восторге, но мне кое-что пришло в голову.

— Правда? Может, просветишь меня?

— Не сейчас. Поговорим позже. В данный момент меня волнует кое-что другое.

— Типа, как замести следы после совершения преступления? И выбраться из города без нового нападения стригоев?

— Нет. Скорее как выиграть деньги.

— Ты в своем уме? Мы только-только вырвались из лап кровожадных монстров, а ты не можешь думать ни о чем, кроме игры?

— Тот факт, что мы живы, означает, что мы должны жить, — возразил Адриан. — В особенности если выдалось свободное время.

— Тебе и без того хватает денег.

— Но не будет хватать, если папочка перекроет мне кран. Кроме того, я получаю огромное удовольствие от самого процесса.

Вскоре стало ясно, что «огромное удовольствие» он получает не от игры как таковой, а от жульничества — если можно считать жульничеством использование магии духа. Поскольку стихия духа в огромной степени связана с умственными способностями, его пользователи очень хорошо понимают людей. Виктор был прав. Адриан отпускал шуточки и продолжал заказывать выпивку, но я-то видела, что он не спускает глаз с других игроков. И хотя напрямую он ничего никому не приказывал, ему удавалось и без этого применять магию принуждения и обманывать противников.

В какой-то момент меня достиг призыв Лиссы.

— Сейчас вернусь, — сказала я Адриану, но он лишь беспечно отмахнулся — дескать, иди, все в порядке.

За его безопасность я не беспокоилась — при стольких-то стражах вокруг. Меня волновало другое, а именно, что кто-нибудь из служащих казино может заметить применяемую им магию принуждения и вышвырнуть нас отсюда. Пользователи духа особенно сильны в этом деле, однако в какой-то степени этим даром обладают все вампиры. Прибегать к нему считается аморальным, и в среде мороев на это наложен запрет. Казино уж точно имело все основания следить, чтобы магия принуждения не применялась.

Выяснилось, что торговый центр совсем недалеко от комнаты, где играли в покер, и я быстро нашла Лиссу и Эдди.

— И что? — спросила я, пока вела их туда, где оставила Адриана.

— Наш рейс завтра утром, — ответила Лисса и добавила после едва заметного колебания: — Мы могли улететь этой ночью, но...

Ей не было нужды заканчивать предложение. После пережитого сегодня хотелось исключить даже малейший риск столкновения со стригоями. В аэропорт придется ехать на такси, но даже до него надо дойти, и не стоило делать этого в темноте.

— Вы все правильно сделали. Теперь нам остается лишь убивать время до отлета... Может, хочешь снять номер и немного поспать?

— Нет. — Она вздрогнула, и я ощутила в ней страх. — Лучше быть в толпе. И потом, мало ли что может присниться? Я боюсь...

Может, Адриан и мог вести себя так, словно ему плевать на стригоев, но Лиссу их лица все еще навязчиво преследовали — в особенности лицо Дмитрия.

— Ну, если мы не пойдем спать, это поможет нам вернуться к расписанию, по которому живет двор, — сказала я, надеясь хоть немного ободрить ее. — А может, повезет увидеть, как охранники казино вышвыривают Адриана.

Как я и рассчитывала, манипуляции моего приятеля со стихией духа отвлекли Лиссу — настолько, что ей все сильнее хотелось попытаться проделать то же самой. Замечательно! Я уговорила ее поиграть во что-нибудь безопасное и кратко пересказала, как Адриан заронил в голову мороя идею, что сбежать Виктору помогли свои. Естественно, я не стала передавать ту часть разговора, которая касалась отца Лиссы. Чудесным образом ночь прошла без всяких происшествий, нам не досаждали ни стригой, ни служба безопасности казино — и несколько человек даже узнали Лиссу, что укрепляло наше алиби. Эдди за всю ночь не сказал мне ни слова.

Мы покинули «Час колдовства» утром. Исчезновение Виктора и

нападение стригоев по-прежнему омрачало наше настроение, но игра позволила немного успокоиться — по крайней мере, до тех пор, пока мы не прибыли в аэропорт. В казино, изолированные от мира людей, мы слышали только морейские новости, зато, дожидаясь самолета, не могли не смотреть телевизоры, установленные, казалось, повсюду.

Главным событием этой ночи стало массовое побоище в «Луксоре», относительно которого у полиции не было никаких догадок. Множество охранников отеля были найдены со сломанными шеями, ни о каких других трупах вообще не упоминалось. Наверное, Дмитрий выбросил тела своих дружков наружу, где солнце превратило их в пепел, а сам ускользнул. Не осталось никаких свидетелей, даже камеры наблюдения ничего не зафиксировали, чему я ничуть не удивилась. Если я в тюрьме нашла способ вывести из строя оборудование видеослежения, почему Дмитрий не мог проделать то же самое в обычном отеле?

Если за ночь мы несколько воспрянули духом, то сейчас все пошло насадку. Мы практически не разговаривали. В сознание Лиссы я не заглядывала — что хорошего это дало бы? Мне и без нее было тошно.

Мы летели до Филадельфии, а оттуда на самолете местной авиалинии до аэропорта неподалеку от двора. Что нас ждет там? Впрочем, думаю, это волновало нас меньше всего.

В дневное время можно не опасаться стригоев на борту самолета, и поскольку сейчас под надзором у нас не находились никакие пленники, я позволила себе уснуть, в чем нуждалась уже давно. Даже не вспомнить, когда за время этого путешествия я хотя бы дремала в последний раз. Спала я крепко, но и во сне меня терзала мысль о том, что я отпустила на свободу одного из самых опасных морейских преступников, позволила уйти стригую и допустила гибель множества людей. И ответственность за все это предстояло нести не моим друзьям, а только мне одной.

Двенадцать

Что и подтвердилось, как только мы прибыли ко двору.

Естественно, неприятности поджидали не только меня. Лиссу вызвали к королеве и отчитали, но никак больше не наказали. Другое дело — я и Эдди. Да, мы только что окончили школу, но официально уже стали стражами и подлежали соответствующей юрисдикции, а это означало, что нам можно предъявить обвинение, как любому нарушившему корпоративные законы служащему. Только Адриан избежал каких бы то ни было последствий и остался свободен, как птица.

И, по правде говоря, наказание, которому я подверглась, показалось мне не столь ужасным, как могло бы быть. Хотя... что мне было терять к этому моменту? Перспектива охранять Лиссу и без того выглядела нереальной, и никто, кроме Таши, не выразил желания иметь меня своим стражем. Наша официальная версия — безумный уик-энд в Вегасе — мало помогла делу. Даже Эдди пострадал — некоторые потенциальные клиенты отозвали свои запросы, хотя у него имелись другие предложения и в целом его положение оставалось прочным. Тем не менее я испытывала ужасное чувство вины. Он никому не сказал ни словечка о том, что произошло на самом деле, но каждый раз, когда он смотрел на меня, я видела в его глазах осуждение.

А в следующие два дня мне приходилось видаться с ним часто. Выяснилось, что у стражей существует методика работы с нарушителями дисциплины.

— Вы поступили так безответственно, что по-хорошему нужно бы вернуть вас в школу. Черт, даже в начальную школу.

Мы находились в одном из офисов штаб-квартиры стражей. Нас вызвал к себе Ганс Крофт, глава всех стражей при дворе; он же занимался назначениями. Это был дампир, немного за сорок, с густыми, пересыпанными сединой усами. И — настоящий козел. Вокруг него всегда витал аромат сигарного дыма. Мы с Эдди смиренно сидели перед ним, а он расхаживал по комнате, заложив руки за спину.

— Из-за вас вполне могла погибнуть последняя представительница рода Драгомир — не говоря уж об этом мальчике Ивашкове. Как, по-вашему, среагировала бы королева на гибель своего внучатого племянника? И примите в расчет еще один момент! Вам вздумалось отправиться развлекаться как раз тогда, когда из тюрьмы сбежал преступник, один раз

уже похищавший принцессу. Хотя вы, конечно, не могли знать об этом, поскольку были слишком заняты, торча у игровых автоматов.

Я вздрогнула при упоминании Виктора, хотя, по идее, должна была испытывать облегчение от того, что никто не связывает наше отсутствие с его побегом. Ганс воспринял мою реакцию как признание вины.

— Вы закончили школу, да, — заявил он, — но это не означает, что вам дозволено делать все, что в голову взбредет.

Этот разговор напомнил мне тот, который происходил, когда нас с Лиссой вернули в Академию Святого Владимира и ругали за то же самое: безрассудный побег и риск ее жизнью. Но тогда рядом находился Дмитрий, способный защитить меня. В горле встал ком — я вспомнила, как прекрасно было его серьезное лицо, каким чувством был полон взгляд карих глаз, когда он убеждал остальных в моей ценности как будущего стража.

Но сейчас Дмитрия здесь не было. Только Эдди и я, лицом к лицу с реальным миром.

— Ты! — Ганс ткнул пальцем в Эдди. — Тебе еще повезет, если ты выберешься из всего этого без серьезного урона для своей репутации. Не сомневайся, черная метка в твоем личном деле останется навсегда. И служба у элитного королевского моря в компании с другими стражами тебе не светит. Будешь работать в одиночку с каким-нибудь второстепенным дворянином.

Королевские моря высокого ранга имеют не одного стража, что всегда облегчает их защиту. Суть заявления Ганса состояла в том, что Эдди придется работать больше и в более опасных условиях. Искоса взглянув на него, я увидела, что его лицо снова приняло жесткое, решительное выражение, долженствующее продемонстрировать, что его не волнует, даже если придется в одиночку охранять целую семью. Или десять семей. Весь его вид выражал убежденность, что пусть его хоть в шайку стригоев запустят, он и со всеми ними справится.

— Теперь ты! — Резкий голос Ганса заставил меня перевести взгляд на него. — Тебе повезет, если ты получишь хоть какую-то работу.

Как обычно, я заговорила, не подумав, хотя разумнее было бы промолчать, вот как Эдди.

— Конечно получу. Таша Озера хочет нанять меня. И у вас слишком мало стражей, чтобы позволить мне сидеть сложа руки.

В глазах Ганса вспыхнуло изумление.

— Да, у нас мало стражей, но всегда есть другая работа помимо персональной защиты, и ее тоже кто-то должен делать. Кому-то надо

работать в офисах или охранять ворота.

Я замерла. Канцелярская работа. Ганс угрожал мне канцелярской работой! Самое ужасное, что я могла бы вообразить, — перспектива охранять какого-нибудь мелкого мороя, которого я не знала и, возможно, возненавидела бы. Но даже при таком раскладе я делала бы свое дело и не чувствовала себя выброшенной из жизни.

Но офис! Ганс прав — стражам приходится выполнять и административную работу. Правда, на это удавалось отрядить лишь немногих, но перспектива стать одной из этих немногих выглядела ужасной. Сидеть на месте часами, целыми днями... вроде тех охранников в «Тарасто». Жизнь стража нелегка, но, по крайней мере, не бесцельна.

И только тут до меня в полной мере дошло, что теперь я и впрямь в реальном мире. Закончив школу, я получила звание стража, но понимала ли на самом деле, что это означает? Или только воображала, будто понимаю, наслаждаясь привилегиями, которое это звание дает, и не задумываясь о последствиях? Здесь не школа. Здесь после уроков не оставляют. Это мир взрослых, где есть жизнь и смерть.

Видимо, эти переживания отразились на моем лице, и Ганс одарил меня безжалостной улыбкой.

— Все правильно, у нас есть масса способов укрощать нарушителей порядка. К счастью для вас обоих, окончательное решение относительно вашей судьбы еще не принято, но у нас есть для вас занятие на ближайшее время.

Как выяснилось в последующие дни, это занятие, которое он для нас припас, было нудной физической работой. Если честно, я чувствовала себя так, будто меня все же опять оставили после уроков. Уверена, цель преследовалась такая — дать понять нарушителям вроде нас, как ужасно все может обернуться. Мы трудились на свежем воздухе по двенадцать часов в день, перетаскивая камни и перекапывая землю с тем, чтобы на этом месте обустроить новенький, симпатичный внутренний двор, куда выходило несколько городских королевских домов. Я знала, что вообще-то на таких работах используются морои-рабочие; скорее всего, сейчас их отправили в отпуск.

Тем не менее это было лучше, чем сортировать и подшивать в папки горы бумаг. Я лишний раз порадовалась всеобщему переходу на оцифрованную информацию... и опять начала беспокоиться о своем будущем. Снова и снова вспоминала разговор с Гансом и угрозу того, что подобными делами буду вынуждена заниматься всю жизнь. И никогда не стану стражем в подлинном смысле этого слова. Если раньше нас приучали

думать, что первыми везде идут морой, то теперь моей заповедью могло стать то, что первой на каталожных ящиках идет буква «А», а за ней уже все другие. Работа мешала мне видиться с Лиссой, и консьержи обоих домов особенно старались помешать нашим встречам. Это огорчало — связь позволяла мне следить за тем, что с ней происходит, но хотелось же и поговорить. Ну хоть с кем-нибудь! Адриан тоже избегал меня и даже в мои сны не проникал, что заставляло задуматься о его чувствах. После Лас-Вегаса мы так и не обсуждали случившееся. С Эдди мы часто работали бок о бок, но он по-прежнему не общался со мной. Таким образом, я долгие часы оставалась в плену собственных мыслей и чувства вины.

И поверьте, это чувство вины все возрастало. При дворе люди рабочих не замечают, и даже в моем присутствии они вели себя так, словно меня не существует. Постоянной темой обсуждений был Виктор, опасный Виктор Дашков, вырвавшийся на свободу. Как это могло произойти? Может, у него есть способности, о которых никто не знал? Люди были в страхе, некоторые даже опасались, что он объявится при дворе и поубивает всех во сне. Теория того, что «побегу способствовали свои», расцвела пышным цветом, и мы по-прежнему оставались вне подозрений. К сожалению, это означало, что многие теперь были склонны выискивать предателей в нашей среде. Мало ли кто работает на Виктора Дашкова? Может, при дворе укрываются шпионы и мятежники, замышляя всякие зверства. Я-то понимала, что все эти страхи преувеличены, но какое это имело значение? В основе их лежала ужасная правда: Виктор Дашков разгуливал по миру как свободный человек. И только мы с сообщниками знали, что в ответе за это я.

То, что нас видели в Лас-Вегасе, укрепляло наше алиби и одновременно делало в глазах окружающих еще более безрассудными. Люди ужасались — как это мы позволили принцессе Драгомир выйти из-под защиты, в то время когда такой опасный преступник вырвался на свободу! Он ведь мог снова напасть на нее! Слава богу, повторяли все, что королева своевременно отозвала нас обратно. Поездка в Лас-Вегас также породила новую волну предположений на мой счет.

— Ну, что касается Василисы, я ничуть не удивлена, — как-то говорила одна женщина, когда я работала неподалеку. Она в сопровождении нескольких друзей направлялась к дому «кормильцев», как обычно не замечая меня. — Она ведь уже однажды убегала. Эти Драгомиры все какие-то необузданные. Когда Виктора Дашкова поймают, она, наверное, отправится на первую же подвернувшуюся вечеринку.

— Ты не права, — ответила ее подруга. — Она девушка вполне

уравновешенная. Это все та дампирка, которая всегда с ней... ну девчонка Хэзевей. Я слышала, они с Адрианом Ивашковым поехали в Лас-Вегас, чтобы пожениться. Королева еле-еле успела остановить их. Татьяна в ярости, в особенности поскольку Хэзевей заявила, что ничто не разлучит их с Адрианом.

Класс! В некотором роде я была потрясена. Я понимала, что лучше пусть люди думают, будто мы с Адрианом задумали бегство из романтических побуждений, чем обвиняют меня в содействии побегу преступника из тюрьмы, но... Все равно поразительно, откуда вообще взялось такое! Оставалось надеяться, что до Татьяны не дошли слухи о нашем якобы намерении пожениться, а иначе на любом потеплении в наших с ней взаимоотношениях можно ставить крест.

Однако впервые толком поговорить мне случилось с тем, от кого я никак не ожидала внимания. Я копала землю под цветочную клумбу и безумно потела. По моройскому расписанию почти наступило время сна, и это означало, что солнце во всей своей красе пылало в летнем небе. Правда, место для работы у нас было довольно приятное — площадка возле внушительной Придворной церкви.

Прежде я немало времени проводила в нашей академической церкви, но сюда заглядывала редко — слишком далеко от основных зданий двора. В соответствии с преобладающей религией мороев это была русская православная церковь; прекрасной каменной кладкой и зелеными куполами с золочеными крестами на верхушке она напоминала мне храмы, виденные в России, хотя и меньших размеров.

Два стража размечали границы обширных церковных владений; на уже отмеченном участке мы и работали. Поблизости находилась одна из достопримечательностей двора: статуя древней моройской королевы, огромная, почти в десять раз превышающая человеческий рост. Такая же статуя короля возвышалась на противоположной стороне церковного двора. Я так и не могла запомнить их имена, хотя точно знала, что мы изучали их на уроках истории. Оба были провидцами и в свое время оказали большое влияние на развитие морейского мира.

Боковым зрением заметив какую-то фигуру, я решила, что это Ганс — явился, чтобы перевести нас на другую, еще более мерзкую работу. Однако, подняв взгляд, с удивлением узнала Кристиана.

— Учти, ты рискуешь влипнуть в неприятности, если тебя застанут за разговором со мной, — предупредила я.

Он пожал плечами и присел на край недостроенной каменной стены.

— Сомневаюсь. В неприятности обычно влипаешь ты, но вряд ли дела

у тебя могут пойти хуже, чем сейчас.

— Что верно, то верно, — проворчала я. Несколько мгновений он сидел в молчании, глядя, как я копаю землю.

— Ладно. Колись — как и, главное, зачем вы это сделали?

— Сделали что?

— Сама знаешь. Я говорю о вашем маленьком приключении.

— Сели на самолет, полетели в Лас-Вегас. Зачем? Хмм... Дай подумать. — Я вытерла со лба пот. — Где еще найдешь отели с преобладанием пиратской тематики в оформлении и барменами, не очень строго проверяющими возраст клиентов?

— Роза, не вешай мне лапшу на уши. — Кристиан усмехнулся. — Вы ездили не в Лас-Вегас.

— Могу продемонстрировать билеты на самолет и квитанции из отеля, не говоря уж о людях, которые видели принцессу Драгомир, срывающую куш у игровых автоматов.

Кристиан сердито потряс головой.

— Едва услышав, что Виктору Дашкову помогли сбежать из тюрьмы три человека, я понял, что это были вы. Вы же уехали вдвоем? Ну вот, все ясно.

Работавший неподалеку Эдди замер и взволнованно оглянулся по сторонам. Я сделала то же самое. Может, я и жаждала общения, но не могла рисковать, что нас подслушает случайный прохожий. После того что мы в действительности натворили, работа в саду не наказание, а чистый отдых. Посторонних вокруг не было, но я все равно понизила голос и сделала честное лицо.

— Я слышала, там замешаны нанятые Виктором люди. Хотя лично мне кажется, что он стал стригоем.

Еще одна теория его побега, не менее дикая, чем все прочие.

— Ага, — ехидно заметил Кристиан — он слишком хорошо знал меня. — А еще я слышал, будто один из охранников не помнит, что заставило его напасть на своих коллег. Клянется, что им кто-то управлял. Кто-то, владеющий таким типом магии принуждения, который может заставить других видеть людей, мимов, кенгуру...

Не глядя на него, я вонзила лопату глубоко в землю и закусил губу, стремясь удержаться от язвительной ответной реплики.

— Она сделала это, потому что думает, будто стригоя можно вернуть в первоначальное состояние.

Я вскинула голову и, не веря своим ушам, посмотрела на Эдди.

— Что ты делаешь?

— Говорю правду, — ответил тот, продолжая работать. — Он наш друг. По-твоему, заложит?

Нет, мятежный Кристиан Озера не станет нас закладывать. Но жизнь такова: чем больше людей знают тайну, тем выше вероятность, что правда выйдет наружу, а этого мне вовсе не хотелось.

Естественно, Кристиан среагировал так, как и все остальные.

— Что? Но это же невозможно, все об этом знают.

— А вот брат Виктора Дашкова считает иначе, — сказал Эдди.

— Замолчишь ты в конце-то концов? — взорвалась я.

— Расскажи ему сама, а нет, так это сделаю я.

Я вздохнула. Кристиан не сводил с нас своих светло-голубых глаз, в которых ясно читалось потрясение. Как и большинство моих друзей, он терпимо относился к безумным идеям, но, видимо, эта казалась ему уж совсем запредельной.

— А я думал, у Виктора Дашкова нет братьев, — заметил он.

— Нет. — Я покачала головой. — Его отец имел роман на стороне, так что у Виктора есть сводный брат. Роберт. И он пользователь духа.

— Только ты, — сказал Кристиан. — Только ты способна раскопать что-нибудь в этом роде.

Он вернулся к обычному для него циничному тону, но я плевать на это хотела.

— По словам Роберта, он когда-то исцелил женщину-стригоя — убил не-мертвую часть и вернул ее к жизни.

— Могущество стихии духа имеет свои пределы, Роза. Тебя, может, и вернули к жизни, но стригой потеряны навсегда.

— Нам неизвестны все возможности духа, — возразила я. — Больше половины их остаются тайной.

— Мы многое знаем о святом Владимире. Думаешь, такой человек не возвращал бы стригоев к жизни, если бы это было возможно? В смысле, уж если это не чудо, тогда что чудо? И если бы он творил такие чудеса, они сохранились бы в легендах.

— Может, да, а может, и нет. — Я заново перевязала конский хвост, в сотый раз проигрывая в уме разговор с Робертом. — Может, Влад не знал, как это делается. Это не так-то просто.

— Ага, — вставил Эдди. — Очень убедительно.

— Эй! Знаю, ты злишься на меня, но ехидных замечаний мне хватает со стороны Кристиана.

— Ну, не знаю, — заговорил Кристиан. — Объясни, как, предположительно, это чудо совершается.

Я вздохнула.

— Нужно напитать магией духа кол, плюс к уже имеющейся в нем магии четырех стихий.

До этого Кристиан мало что знал об амулетах, наполненных энергией духа.

— Никогда не думал об этом. Стихия духа, конечно, может оказывать потрясающее воздействие, но... Нет, не могу такого себе представить: ты закалываешь стригоя зачарованным колом и в результате возвращаешь его к жизни?

— Ну, это еще не все. По словам Роберта, конкретно я для этого не гожусь. Нужен пользователь духа.

Вот так — мне снова удалось лишиться Кристиана дара речи.

— Мы знаем не так уж много пользователей духа, — наконец заговорил он. — И тем более таких, кто способен сразиться со стригоем и заколоть его.

— Мы знаем двух пользователей духа. — Я вспомнила Оксану в Сибири и Эйвери, запертую под замок... где? В больнице? В тюрьме вроде «Тарас-то»? — Нет, четырех. Даже пятерых, включая Роберта. Но да, никто из них на это не способен.

— Какая разница, если это в принципе невозможно? — сказал Эдди.

— Мы не знаем этого! — воскликнула я и удивилась отчаянию в собственном голосе. — Роберт верит. Даже Виктор верит. — Я заколебалась, говорить ли дальше. — И Лисса тоже.

— И она хочет сделать это. — Кристиан всегда схватывал быстро. — Потому что ради тебя готова на все.

— Она не станет делать этого.

— Почему? Потому что у нее не хватит умения или потому что ты ей не позволишь?

— И то и другое! Я не позволю ей даже близко подойти к стригую. Она уже... — Я застонала; мне претило рассказывать о том, что я узнала за время нашей разлуки исключительно благодаря мысленной связи. — Она уже раздобыла кол и пытается зачаровать его. Пока, слава богу, без особого успеха.

— Если бы такое было возможно, — медленно произнес Кристиан, — это изменило бы наш мир. Если она сможет овладеть...

— Что? Нет! — Мгновение назад я жаждала добиться, чтобы Кристиан поверил мне, но теперь желала совсем обратного. Хорошо хоть, что никто из моих друзей не верил в эту идею и даже мысли не допускал, что Лисса на самом деле попытается сразиться со стригоем. — Лисса не

боец. Ни один известный нам пользователь духа не боец. Значит, если мы не найдем такого, я предпочту... — Я содрогнулась. — Предпочту, чтобы Дмитрий умер.

Услышав это, Эдди наконец прекратил работу и швырнул на землю лопату.

— Правда? Вот уж никогда бы не подумал!

Сарказм в его голосе вывел меня из себя. Я развернулась и подошла к нему, сжав кулаки.

— Послушай, я не могу больше выносить этого! Мне очень жаль. Я не знаю, что еще можно сказать. Да, я все испортила. Позволила Дмитрию уйти. Позволила Виктору сбежать.

— Ты позволила Виктору сбежать? — потрясение спросил Кристиан.

— Это была ужасная ошибка... с Дмитрием... момент слабости! — продолжала я кричать на Эдди, не обращая внимания на Кристиана. — Все мое обучение пошло прахом. Я понимаю, что натворила. Мы оба понимаем. Но ты не можешь не понимать и того, что в мои намерения не входило устроить весь этот ужас. Если ты действительно мне друг, то должен сообразить. Если бы я могла переиграть все... — Я сглотнула, почувствовав жжение в глазах. — Я поступила бы иначе. Клянусь, Эдди.

— Я верю тебе, — совершенно спокойно ответил он. — Я твой друг и знаю — ты не думала, что все обернется так, как оно обернулось.

Я почувствовала невероятное облегчение, удивляясь тому, как на самом деле меня волновала перспектива утратить его уважение и дружбу. Опустив взгляд, я заметила свои сжатые кулаки и расслабила пальцы. Надо же, как, оказывается, я расстроилась!

— Что за крик?

Мы оба резко обернулись и увидели направляющегося в нашу сторону Ганса. И он выглядел ужасно сердитым. Кристиан буквально растворился в воздухе, но это и к лучшему.

— Некогда болтать! — проворчал Ганс. — Вам еще час работать. Если у вас не получается не отвлекаться, тогда, может, лучше разделить вас. — Он поманил к себе Эдди. — Пошли. Нужно кое-что зарегистрировать.

Я бросила на Эдди сочувствующий взгляд, но в душе порадовалась, что не мне предстоит заниматься канцелярской работой.

И продолжала копать, а в голове вертелись те же мысли, которые одолевали меня всю неделю. То, что я говорила Эдди, было сказано со всей искренностью. Мне так сильно хотелось, чтобы возможность спасти Дмитрия оказалась настоящей! Ради этого я пошла бы на все — кроме риска для жизни Лиссы. Я не должна была колебаться, мне следовало убить

Дмитрия. Тогда и Виктор не сбежал бы, и Лисса выкинула бы из головы откровения Роберта.

Думая о Лиссе, я непроизвольно проникла в ее сознание. Она находилась в своей комнате, заканчивая подготовку к завтрашней поездке в Лихай. Неудивительно, что в свете последних событий сделанное мне предложение поехать вместе с ней было аннулировано. Ее день рождения — о нем в этой ужасной суматохе как-то позабыли — тоже приходился на ближайшие выходные. Казалось ужасно несправедливым, что меня с ней на этом празднике не будет. Мы ведь собирались отметить этот день вместе. Она была так переполнена тревожными мыслями, что подскочила, внезапно услышав стук в дверь.

Удивляясь, кто бы это мог быть в такой час, она открыла дверь и удивилась еще больше, увидев Кристиана. Для меня в этом тоже было что-то сюрреалистическое. Школьные привычки еще не выветрились, а в общежитии девушкам и парням запрещалось заходить в комнаты друг к другу. Но теперь мы уже не в школе. Формально мы стали взрослыми. Видимо, он пришел к ней сразу после разговора со мной.

Поразительно, как быстро нарастала напряженность между ними. В душе Лиссы бушевали привычные чувства: гнев, печаль и смятение. На его лице отражались те же эмоции.

— Что тебе здесь надо? — спросила она.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Уже поздно, — сухо ответила она. — Кроме того, ты вроде бы не любишь разговоров.

— Я хочу поговорить о том, что произошло с Виктором и Робертом.

Весь гнев разом покинул ее. Она бросила обеспокоенный взгляд в коридор и поманила Кристиана внутрь.

— Как ты узнал об этом? — прошептала она, закрывая за ним дверь.

— Я только что виделся с Розой.

— Как тебе это удалось? Я и то не могу видаться с ней.

Лиссу не меньше меня огорчало то, что начальство не позволяло нам встречаться.

Кристиан пожал плечами, стараясь в тесном пространстве маленькой гостиной держаться как можно дальше от Лиссы. Оба стояли, скрестив на груди руки, хотя, думаю, не отдавали себе отчета в сходстве своих поз.

— Я пробрался туда, где она работает. Часами копает землю.

Лисса нахмурилась — она-то понятия не имела, чем я занимаюсь.

— Бедная Роза.

— Она выдержит. Как всегда. — Взгляд Кристиана скользнул к

кушетке и открытому чемодану, где поверх шелковой блузки лежал серебряный кол. — Интересную вещь ты берешь с собой, отправляясь в колледж.

— Не твое дело! — Лисса торопливо закрыла чемодан.

— Ты правда веришь в это? — спросил он и сделал шаг вперед; видимо, его любопытство было настолько велико, что победило желание держаться подальше от нее. Она же очень остро ощутила его близость — почувствовала запах, отметила блеск черных волос... — По-твоему, ты могла бы вернуть к жизни стригоя?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Правда, не знаю. Но думаю, что должна попытаться. По крайней мере, пойму, на что способна магия духа, если ее вкладывают в кол. Это ничем мне не грозит.

— Роза так не считает.

Лисса одарила его удрученной улыбкой, но опомнилась и поджала губы.

— Не считает, да. Она желала бы, чтобы я выкинула из головы эту идею — несмотря на то что сама просто жаждет ее реализовать.

— Скажи мне правду. — Его взгляд, казалось, прожигал ее насквозь. — По-твоему, у тебя есть шанс заколоть стригоя?

— Нет, — призналась она. — Мне и ударить человека нелегко. Но... Говорю же: я чувствую, что должна попытаться. Должна попытаться научиться тому, как заколоть стригоя, вот что я имею в виду.

Несколько мгновений Кристиан обдумывал ее слова, а потом показал на чемодан.

— Ты завтра утром едешь в Лихай?

Лисса кивнула.

— И Роза не будет сопровождать тебя?

— Конечно нет.

— Королева предлагала тебе вместо нее взять с собой какого-нибудь друга?

— Да. В особенности она советовала пригласить Адриана. Но он дуется... да и я не в настроении общаться с ним.

Кристиану, похоже, это сообщение доставило удовольствие.

— Тогда пригласи меня.

Бедные мои друзья! Потрясение за потрясением. Смогут ли они справиться?

— С какой стати, черт побери, я должна приглашать тебя? — воскликнула Лисса.

В ее душе с новой силой вспыхнул гнев; только в минуты волнения

она позволяла себе ругаться.

— С такой стати, — сохраняя полное спокойствие, ответил он, — что я могу научить тебя, как заколоть стригоя.

Тринадцать

— Черта с два ты можешь! — вслух воскликнула я в пространство.

— Нет, не можешь, — словно прочтя мои мысли, недоверчиво сказала Лисса. — Я знаю, ты умеешь сражаться с помощью огня, но не кола.

— Это я тоже умею... немного, — решительно заявил Кристиан. — И мне было у кого поучиться. Здешние стражи, друзья Мии, учат ее рукопашному бою, и я занимался с ними.

Упоминание о совместном времяпрепровождении Кристиана с Мией настроения Лиссы не улучшило.

— Ты здесь всего неделю, а рассуждаешь так, будто годами обучался у крупного специалиста.

— Все лучше, чем ничего, — возразил он. — А ты у кого собираешься учиться? У Розы?

Недоверие и раздражение Лиссы слегка увяли.

— Нет. Никогда. Если Роза узнает, что я этим занимаюсь, то сделает все, чтобы помешать мне.

Чертовски верно! Несмотря на кучу преград и всех желающих воспрепятствовать нашим встречам, я испытывала искушение отправиться к ней немедленно.

— Значит, это твой единственный шанс, — сделал вывод Кристиан. — Послушай, я понимаю, отношения у нас... не очень, но это к делу не относится, если ты настроена учиться сражаться. Скажи Татьяне, что хочешь пригласить в Лихай меня. Ей это не понравится, но возражать она не станет. Я покажу тебе то, что знаю, а потом, когда мы вернемся, сведу с Мией и ее друзьями.

Лисса нахмурилась.

— Если Роза узнает...

— Поэтому мы приступим, только когда покинем двор. Она будет слишком далеко, чтобы помешать тебе.

Бог мой! С удовольствием дала бы им несколько уроков рукопашного боя — и начала с того, что хорошенько врезала бы Кристиану по лбу!

— А что будет, когда мы вернемся? — спросила Лисса. — Она все равно узнает. Это неизбежно — с учетом нашей связи.

Он пожал плечами.

— Если она все еще будет заниматься благоустройством ландшафта, мы сможем продолжать в том же духе. Узнать-то она узнает, но не сможет

ничего поделать.

— Все равно этого может оказаться недостаточно. — Лисса вздохнула. — Роза права — нельзя рассчитывать, что за несколько недель я освою то, чему она училась годами.

Несколько недель? Такой, значит, срок она себе ставит?

— Ты должна попытаться, — сказал он с оттенком нежности.

— Ты-то почему так в этом заинтересован? — с подозрением спросила Лисса. — С какой стати тебя волнует возвращение Дмитрия к жизни? Знаю, он тебе нравился, но такой весомой причины, как у Розы, у тебя нет и не может быть.

— Он был славным парнем. И если существует способ снова сделать его вампиром, это было бы потрясающе. Однако дело не только в нем одном. Если есть возможность спасти всех стригоев, это изменит наш мир. Палить их огнем, когда они устроят кровавую бойню, это, конечно, круто, но что, если можно совсем прекратить эти кровавые бойни? Вот ключ к нашему спасению. Я имею в виду всех нас.

На мгновение Лисса, казалось, утратила дар речи. Кристиан говорил с такой страстью, излучал такую надежду... Нет, этого она никак не ожидала. Волнующее зрелище.

— Кроме того, тебе просто необходимо хоть у кого-то учиться, — продолжал он, пользуясь ее молчанием. — Знаю, что, хоть Роза и против, ты продолжишь заниматься этим, и мне хотелось бы по возможности уменьшить риск для тебя.

Лисса все еще молчала, обдумывая ситуацию. Нет, мне совсем не нравилось то, что у них происходило.

— Мы уезжаем в шесть, — наконец заговорила она. — Можешь встретиться со мной внизу в пять тридцать?

Татьяна, ясное дело, не будет в восторге от такого выбора нового сопровождающего, но Лисса не сомневалась, что успеет утром договориться с ней.

— Приду, — кивнул он.

К себе в комнату я вернулась просто в ужасе. Лисса собиралась учиться убивать стригоев — у меня за спиной, — и Кристиан жаждал помочь ей в этом. Со времени ссоры эти двое только и делали, что рывкали друг на друга. Мне следовало бы чувствовать себя польщенной, что желание обойти меня снова свело их вместе, но... Ничего подобного. Я ужасно разозлилась.

Итак, какой у меня выбор? В домах, где жили мы с Лиссой, не было охранников, следящих за тем, чтобы никто не нарушал комендантский час,

как в общежитиях Академии, но здешний персонал получил указание немедленно сообщать в офис стражей, если я буду с кем-то более-менее плотно общаться. Ганс также велел мне держаться подальше от Лиссы вплоть до дальнейших распоряжений. Я задумалась ненадолго: может, все же рискнуть, пусть даже потом Ганс вытащит меня из комнаты Лиссы за шиворот? Но в итоге возник альтернативный план. Было уже поздно, но не так чтобы слишком. Я покинула свою комнату и постучалась в ближайшую дверь, надеясь, что моя соседка еще не спит.

Это оказалась дампирка моего возраста, тоже недавно закончившая другую школу. У меня сотового не было, но раньше днем я видела, как она разговаривала по своему телефону. Она открыла дверь и, по счастью, не выглядела так, словно я вытащила ее из постели.

— Привет, — сказала она удивленно, что было вполне понятно.

— Привет, можно мне послать сообщение с твоего телефона?

Не хотелось «грузить» ее своим разговором. Кроме того, Лисса, может, и слушать меня не станет, тут же отключится. Соседка пожалала плечами, ушла в глубь комнаты и вернулась с аппаратиком. Я помнила номер Лиссы и послала ей следующее сообщение:

«Я знаю, что вы задумали. Это ОЧЕНЬ ПЛОХАЯ идея. Подождите, вот доберусь до вас и надеру обоим задницы».

— Спасибо. — Я вернула соседке ее собственность. — Если придет ответ, смогу я прочесть его?

Она пообещала сообщить, но, честно говоря, письма я не ожидала. Ответ и правда пришел, но другим способом. Когда я вернулась к себе и проникла в сознание Лиссы, ее телефон как раз подал звуковой сигнал. Кристиан уже ушел. Мое сообщение она прочла с грустной улыбкой. И ответила мысленно: знала, что я слежу за ней.

«Прости, Роза. Я должна рискнуть и сделаю это».

Этой ночью я спала плохо, металась и ворочалась — так расстроил меня замысел Кристиана и Лиссы. Я вообще не надеялась заснуть, но когда в мой сон проник Адриан, стало ясно, что усталое тело одержало верх над беспокойным сознанием.

— Лас-Вегас? — спросила я.

Наши встречи во сне всегда происходили в разных местах по выбору Адриана. Сегодня ночью мы стояли на Стрипе, совсем рядом с тем местом, где мы с Эдди встретились с Адрианом и Лиссой на территории «МГМ». Во мраке горели огни и неоновые вывески отелей и ресторанов, но по

сравнению с реальностью было сверхъестественно тихо — Адриан не перенес сюда людей и машины из яви, благодаря чему получился какой-то призрачный город.

Адриан улыбался, прислонившись к столбу, обклеенному концертными афишами и рекламой службы сопровождения.

— Мы ведь по-настоящему не получили удовольствия от своего пребывания там.

— Это точно. — Я стояла перед ним, скрестив на груди руки, в джинсах, тенниске и с амулетом-назаром на шее. Спасибо Адриану — он, видимо, решил особо не наряжать меня сегодня ночью, а то ведь я могла бы появиться тут в облике тех морейских танцовщиц, с перьями на голове и блестками на платье. — Мне казалось, ты избегаешь меня.

Несмотря на его непринужденное поведение в «Часе колдовства», я до сих пор не понимала, есть ли у наших отношений еще какие-то перспективы.

— Не по своей воле, маленькая дампирка, — фыркнул он. — Стражи из кожи вон лезут, чтобы обеспечить тебе отшельнический образ жизни. Ну, типа того.

— А вот Кристиан сегодня ухитрился найти меня и поговорить, — подхватила я, стремясь уйти от темы, которая наверняка была на уме у Адриана: что я рискнула жизнью, и не только своей, спасая бывшего бойфренда. — Он намерен попытаться обучить Лиссу, как заколоть стригоя.

Я рассчитывала, что Адриан тоже возмутится, но он остался расслабленным и ироничным, как обычно.

— Ничего удивительного, если он хочет попытаться. А вот что меня действительно удивляет — это что он готов помогать ей, несмотря на все безумие этой идеи.

— Ну, она как раз достаточно безумна, чтобы он заинтересовался и... чтобы помочь им преодолеть отчуждение.

Адриан наклонил голову набок, и прядь волос упала на лоб. Здание с голубыми неоновыми пальмами отбрасывало зловещий отблеск на его лицо.

— Брось, мы оба знаем, почему он это делает. — Он одарил меня понимающим взглядом.

— Потому что воображает, будто его занятий с Джил и Мией достаточно, чтобы он мог обучать этому?

— Потому что таким образом он получает повод находиться рядом с ней — и при этом не давать повода заподозрить, будто ищет примирения. То есть не терять достоинства мужчины.

Я слегка отодвинулась, чтобы огни гигантской рекламной вывески игровых автоматов не светили прямо в глаза.

— Чушь!

В особенности по части стремления Кристиана «выглядеть мужчиной».

— Ради любви парни совершают и не такие глупости. — Адриан достал из кармана пачку сигарет. — Знаешь, как сильно мне хочется сейчас закурить? Но я терплю, Роза. И все ради тебя.

— Сейчас не до романтики, — ответила я, стараясь скрыть улыбку. — Ведь моя лучшая подруга затевает охоту на монстра!

— Да, но как, интересно, она рассчитывает найти его? По-моему, это нелегко будет сделать.

Адриану, конечно, не было нужды пояснять, кого он имеет в виду, говоря «его».

— Согласна.

— И ей все еще не удастся зачаровать кол, и пока она с этим не справится, пусть занимается хоть кунфу, какая разница?

— Стражи не владеют кунфу. И откуда тебе известно о ее успехах с колом?

— Пару раз она просила меня помочь.

— Ха! Я об этом не знала.

— Ну, ты была вроде как... немного занята. И конечно, у тебя даже мысли не мелькнуло поинтересоваться, как проводит досуг твой бедный бойфренд.

Загруженная нудной работой, я не так уж много времени проводила в сознании Лиссы — ровно столько, чтобы проверить, в порядке ли она. Наверное, кое-что упустила.

Я так опасалась, что после Вегаса Адриан злится на меня, но вот он здесь, как всегда, легкомысленный и остроумный. Пожалуй, даже слишком легкомысленный. Мне хотелось, чтобы он сосредоточился на нынешней проблеме.

— Как, по-твоему, Лисса продвигается в своей работе с амулетами?

Адриан рассеянно вертел в руке сигарету. У меня даже возникло искушение сказать ему: «Давай уж, выкури одну». В конце концов, это его сон.

— Непонятно. Я не так увлекаюсь амулетами, как она. А что касается кола... Это странное ощущение — ведь он уже насыщен магией других стихий, что затрудняет манипуляции со стихией духа.

— Но ты все же помогаешь ей в этом? — с подозрением спросила я.

Он покачал головой.

— Почему ты так решила?

— Ну, не знаю... Ты помогаешь ей во многом, что связано со стихией духа, но помогать ей в этом означало бы...

— Стараться ради Дмитрия?

Я просто кивнула.

— Нет, — ответил Адриан. — В этом я не помогаю ей. Просто потому, что не знаю как.

Я испустила вздох облегчения.

— Знаешь, я и правда очень сожалею... что лгала тебе о том, где была и что делала. Это было неправильно. И я не понимаю... Ну, просто не въезжаю, почему ты так мил со мной.

— А я должен вести себя мерзко? — Он подмигнул мне. — Ты предпочла бы это?

— Нет! Конечно нет. Но в смысле... ты так сердился, когда приехал в Вегас и понял, что мы делаем. Я тогда подумала... ну, не знаю... подумала, что ты возненавидишь меня.

Выражение веселого удивления покинуло его лицо. Он подошел ближе и положил руки мне на плечи. Темно-зеленые глаза смотрели очень серьезно.

— Роза, ничто в мире не заставит меня ненавидеть тебя.

— В том числе и попытка вернуть из мертвых моего бывшего бойфренда?

Адриан наклонился ко мне, и даже во сне я почувствовала запах его кожи и одеколона.

— Постараюсь быть честным. Что, если бы Беликов оказался здесь прямо сейчас, такой, каким был прежде? Ну, это определенно создало бы проблемы. Не хочу думать, что произошло бы с нами, если бы... Ну какой смысл тратить время впустую? Его здесь нет.

— Я по-прежнему... по-прежнему хочу, чтобы у нас с тобой все получилось, — кротко сказала я. — По-прежнему хотела бы попытаться, даже если бы он вернулся. Просто это очень трудно — выкинуть из головы того, кого любила.

— Понимаю. Ты делала то, что делала, руководствуясь любовью. Как я могу за это сердиться на тебя? Глупо, конечно, но такова уж любовь. Ты можешь себе представить, на что я способен ради тебя? Ради твоей безопасности?

— Адриан... — Я не могла встретиться с ним взглядом, внезапно почувствовав себя недостойной его любви. Его было так легко

недооценить! Я прислонилась к его груди, и он обнял меня. — Мне очень жаль.

— Сожалей о том, что говорила неправду. — Он поцеловал меня в лоб. — Но не сожалей о том, что любила его. Это часть тебя, часть, которой надо позволить уйти, да, но она делает тебя такой, какая ты есть.

Часть, которой надо позволить уйти...

Адриан прав, но признать это было чертовски тяжело. Я получила шанс. Затеяла рискованную игру и проиграла. Лисса никогда не научится обращаться с колом, а это значит, что я должна относиться к Дмитрию точно так, как все остальные. Признать, что он мертв, и идти дальше.

— Проклятье... — пробормотала я.

— Что?

— Ненавижу, когда ты такой благоразумный. Это моя роль.

— Роза, — заговорил он, изо всех сил стараясь сохранить серьезный тон, — я мог бы подобрать для тебя множество подходящих эпитетов. Первыми на ум приходят определения «сексуальная» и «крутая». Но знаешь, чего в этом списке вообще нет? Слова «благоразумная».

Я засмеялась.

— Ладно, тогда моя роль — быть чуть менее безумной, чем ты.

— Пожалуй, это я могу принять, — согласился он, немного подумав.

Наши губы слились, и пусть отношения между нами еще не устоялись, страсти в этом поцелуе хватало. Целоваться во сне то же самое, что в реальной жизни. Нас обоих обдало жаром, все мое тело затрепетало. Обняв за талию, Адриан притянул меня к себе. Да, самое время начать верить в то, что я себе все время твержу — жизнь продолжается. Может, Дмитрий и ушел, но Адриан здесь, и я могу быть с ним, по крайней мере, до тех пор, пока позволяет моя работа. Если у меня вообще будет настоящая работа. Черт, если Ганс и дальше продолжит использовать меня как землекопа, а Адриан будет по-прежнему валять дурака, мы можем быть вместе вечно.

Мы продолжали целоваться, все сильнее прижимаясь друг к другу. Наконец я оторвалась от Адриана. Если занимаешься сексом во сне, можно ли потом считать, что это было и на самом деле? Я не знала и определенно не собиралась выяснять. Пока не была готова к этому.

Я отступила на шаг, и Адриан понял намек.

— Найди меня, когда обретишь хоть какую-то свободу.

— Надеюсь, что скоро, — ответила я. — Не может же наказание длиться вечно.

Со скептическим выражением лица, но без дальнейших комментариев Адриан позволил сну растаять. Я вернулась в собственную постель, к

собственным сном.

Мне хотелось перехватить Лиссу и Кристиана, когда они утром встретятся в вестибюле, но из этого ничего не вышло — Ганс вызвал меня даже раньше обычного. Сегодня мне досталась канцелярская работа — по иронии судьбы, в архиве. Я трудилась, но по нашей связи продолжала наблюдать за Лиссой и Кристианом. По-моему, это признак одаренности моей натуры — что я способна располагать документы в алфавитном порядке и одновременно шпионить.

— Вот уж не ожидал снова увидеть тебя здесь. — Внезапно чей-то голос прервал мои наблюдения.

Я выскользнула из головы Лиссы и подняла взгляд. Передо мной стоял Майкл. Поглощенная всеми сложностями, я почти забыла о нем и его участии в нашем «побеге».

— Да, странные шутки откалывает судьба. — Я положила бумаги, которые держала в руках, и улыбнулась ему. — Теперь стражи не только не запрещают, но прямо-таки настаивают, чтобы я находилась именно здесь.

— Да уж. Я слышал, у тебя большие неприятности?

Моя улыбка превратилась в гримасу. Я оглянулась по сторонам, хотя прекрасно знала, что мы одни.

— Скажи-ка, а у тебя-то нет неприятностей?

— Никто ничего не узнал. — Он покачал головой.

— Хоть это хорошо.

По крайней мере один человек вышел сухим из воды. Чувство вины захлестнуло бы меня с головой, если бы и он пострадал.

— Вы добились, чего хотели? Оно того стоило?

— Трудно сказать.

Он вопросительно вскинул брови.

— Кое-что пошло не так, как задумывалось, но мы выяснили то, что хотели... ну, по крайней мере, так мне кажется.

Я почувствовала, что у него перехватило дыхание.

— Как вернуть стригоя?

— Думаю, да. Если то, что нам сказали, правда, то да. Вот только... сделать это очень нелегко. Практически невозможно.

— Объясни.

Я заколебалась. Майкл помогал нам, но не принадлежал к моему кругу доверенных лиц. Однако я видела в его глазах боль от потери возлюбленной и понимала, что это никогда не пройдет. Станет ли лучше, если я расскажу ему то, о чем узнала? Может, обманчивая надежда

причинит еще большую боль?

Но в итоге решила рассказать. Даже если он проболтается — а я не думала, что он так поступит, — над ним просто посмеются. От такого откровения не будет вреда. Неприятностями грозил только рассказ о Викторе и Роберте, но об этом ему знать не следует. В отличие от Кристиана Майклу, видимо, и в голову не приходило, что такой серьезный побег из тюрьмы, ставший одной из самых крупных последних морейских новостей, осуществили две девушки и парень, которым он помог тайком покинуть двор. Наверное, он только и думал что о своей Соне.

— Для этого необходим пользователь духа, — заговорила я. — Нужно напитать магией духа кол, и потом он... или она... должен заколоть стригоя этим колом.

— Пользователь духа... — Большинство мороев и вампиров все еще воспринимали эту стихию как нечто чужеродное, но он был исключением. — Как Соня. Я слышал, дух делает своих пользователей более привлекательными, но, клянусь, она не нуждалась в этом. Она была прекрасна сама по себе. — Как обычно, когда Майкл говорил о госпоже Карп, у него сделался ужасно грустный вид. Я вообще ни разу не видела его счастливым и довольным; наверное, ему пошло бы, если бы мог улыбаться от души. Внезапно его смутил собственный душевный порыв, и он вернулся к делу. — И у нас есть такой человек — пользователь духа, способный заколоть стригоя?

— Нет такого, — без обиняков ответила я. — Лисса Драгомир и Адриан Ивашков — единственные пользователи духа, которых я знаю... ну, не считая Эйвери Лазар. — Об Оксане и Роберте упоминать не стоило. — Ни один из них не в состоянии сделать этого, сам понимаешь. Адриан вообще никакого интереса к этому делу не проявляет.

— Но Лисса проявляет? — Майкл сразу заметил мою оговорку.

— Да, — призналась я. — Но ей понадобятся годы, чтобы научиться сражаться. И она последняя в своем роду; ей нельзя рисковать.

Вынести эту правду ему было нелегко. Но что я могла сделать? Я испытывала ту же боль, то же разочарование. Как и я, он позволил себе поверить, что есть хоть какое-то средство вновь обрести утраченную любовь, но убедился, что это невозможно... пока невозможно. Думаю, нам обоим стало бы легче, если бы роковое средство оказалось фикцией.

Он вздохнул и встал.

— Тем не менее я высоко ценю твои усилия. Фактически тебя не за что наказывать. Мне очень жаль.

— Ерунда. — Я пожала плечами. — Оно того стоило.

— Надеюсь... надеюсь, твое наказание долго не продлится.

— А что, бывает иначе?

— Иногда да.

— Ах, это! — В душе с новой силой вспыхнул терзавший меня страх застрять на канцелярской работе, но я напустила на себя беззаботный вид. — Уверена, Ганс блефует. В смысле, не будет же он вечно держать меня здесь только потому, что я сбежала...

И замолчала с отвисшей челюстью — так поразило меня выражение понимания в глазах Майкла. Я слышала, что когда-то он пытался разыскать госпожу Карп, но связать одно с другим мне не приходило в голову. Никто, ясное дело, не позволял ему заниматься этими поисками. Он сбежал, нарушив правила, и вернулся, лишь когда утратил надежду найти ее. То есть он фактически поступил так же, как я, и наверняка столкнулся с точно такими же неприятностями.

— Поэтому... — Я сглотнула. — Поэтому ты... теперь работаешь здесь, в архиве?

Не отвечая на мой вопрос, он еле заметно улыбнулся, посмотрел вниз и указал на разложенные передо мной стопки бумаги.

— «Л» идет перед «М», — сказал он, повернулся и ушел.

— Черт... — пробормотала я, глядя на бумаги.

Он был прав. А я, выходит, переоценила свои способности и не могу одновременно следить за Лиссой и правильно раскладывать документы по алфавиту. Что не помешало мне, оставшись одной, тут же проникнуть в ее сознание. Я хотела узнать, что она делает... и не хотела думать о том, что в глазах стражей мои проступки, наверное, выглядят хуже того, что сделал Майкл. И что, следовательно, мне грозит такое же или даже более тяжкое наказание.

Лисса и Кристиан находились в отеле рядом с кампусом Лихая. Середина вампирского дня означает вечер для человеческого университета. Следовательно, до завтрашнего утра Лисса туда не пойдет, ей придется ждать в отеле и пытаться приспособиться к человеческому расписанию.

С Лиссой были ее новые стражи, Серена и Грант, плюс еще несколько сопровождающих, также посланных королевой. Против поездки Кристиана, вопреки опасениям Лиссы, Татьяна не очень возражала, и это снова заставило меня задаться вопросом, такая ли ее величество противная, как мне казалось. Когда Лисса пошла поглядеть на университет снаружи, ее сопровождала Присцилла Вода, близкая советница королевы и в целом приятная женщина. Двое дополнительных стражей последовали за ними, а третий остался с Кристианом. Потом они все вместе пообедали и

разошлись по своим комнатам. Серена оставалась с Лиссой, а Грант стоял за дверью. Как больно мне было видеть все это! Именно этому меня учили, именно так я надеялась всю жизнь оберегать Лиссу.

Серена, как прекрасно вышколенный страж, сохраняла отсутствующий вид — находилась здесь, но ее как бы и не было, пока Лисса вешала в шкаф одежду, но стук в дверь немедленно побудил Серену к действию. С колом в руке она метнулась к двери и выглянула в глазок. Я не могла невольно не восхититься ее молниеносной реакцией, хотя в глубине души по-прежнему не верила, что кто-то другой может охранять Лиссу так же хорошо, как я.

Спустя мгновение напряжение оставило Серену, и она открыла дверь. Там, естественно, стоял Грант, а рядом с ним Кристиан.

— Он хочет повидаться с тобой, — объяснил Грант, хотя это и без того было ясно.

— Ну, входи. — Лисса кивнула.

Кристиан шагнул через порог, Грант, наоборот, отступил. Бросив на Лиссу многозначительный взгляд, Кристиан еле заметно кивнул в сторону Серены.

— Ммм... Не могла бы ты оставить нас наедине? — Едва эти слова сорвались с губ Лиссы, как щеки у нее вспыхнули. — Нам просто нужно кое-что обсудить, вот и все.

Невозмутимое лицо Серены не дрогнуло, и все же было ясно — она уверена, одними разговорами тут дело не обойдется. Вообще-то парочки в моройской среде были не такой уж редкостью и мало кого волновали, однако благодаря известности Лиссы ее романтические похождения привлекали гораздо больше интереса. Серена наверняка знала, что Кристиан и Лисса поссорились и разошлись. Судя по всему, теперь они снова вместе — а иначе зачем бы она пригласила его в эту поездку?

Серена настороженно оглянулась. Всегда существовала проблема: как стражу обеспечить безопасность своего подопечного, не вторгаясь в то же время в его частную жизнь? А в отелях она становилась еще более острой. Если бы морой жили по вампирскому расписанию, то есть спали днем, то Серена наверняка просто вышла бы за дверь и присоединилась к Гранту. Однако сейчас снаружи было темно, и стригию не составило бы труда проникнуть в окно пятого этажа, поэтому Серена явно не хотела оставлять подопечную одну.

В номере Лиссы имелась большая спальня, смежная с гостиной, отделенная от нее дверью из матового стекла. Серена кивнула на нее.

— Что, если я просто уйду в спальню?

Что же, умно: она останется поблизости от Лиссы, но той будет

обеспечена вполне интимная обстановка. Потом, однако, до Серены кое-что дошло, и она покраснела.

— Или, может, лучше вы пойдете туда, а я останусь...

— Нет! — воскликнула Лисса в полном смущении. — Все в порядке. Мы просто поговорим, это можно сделать и здесь.

Серена кивнула и с книгой в руке направилась в спальню, что сверхъестественным образом напомнило мне Дмитрия. Дверь она за собой закрыла, но, не доверяя здешней звукоизоляции, Лисса включила телевизор.

— Господи, это было ужасно, — простионала она.

Кристиан стоял, вполне непринужденно прислонившись к стене. На нем был фрак с белой рубашкой, который он надел к обеду, хотя по натуре не был склонен к соблюдению формальностей. Кстати, в этом наряде Кристиан смотрелся хорошо, пусть и вечно жаловался на необходимость надевать его.

— Что тебя так расстроило?

— Она думает, что мы... она думает... ну, ты понимаешь.

— И что из этого?

— Для тебя, конечно, ничего. — Лисса закатила глаза. — Ты же парень.

— Но в конце концов, мы действительно когда-то занимались... этим. Кроме того, пусть лучше думает так.

Напоминание об их прошлой близости вызвало в душе Лиссы взрыв эмоций — смущение, гнев и страстное желание, — но она старательно скрывала их.

— Прекрасно. Давай перейдем к делу. С чего начнем? Мне нужно взять кол?

— Пока в этом нет нужды. Просто попрактикуемся в основных приемах оборонительного боя.

Он вышел на середину комнаты и оттащил в сторону стол.

Клянусь, в другое время смотреть, как эти двое осваивают приемы рукопашного боя, было бы даже забавно.

— Итак, ты уже знаешь, как наносить удар, — начал он.

— Что? Нет!

— Но ты же ударила Рида Лазара. Роза, кажется, раз сто об этом рассказывала. Никогда не слышал, чтобы она чем-нибудь так гордилась.

— Я ударила только одного человека и только один раз в жизни, — заметила Лисса. — И Роза все время давала мне указания. Не знаю, смогу ли я сделать это снова.

Кристиан кивнул, явно разочарованный — не отсутствием навыков у Лиссы, а просто потому, что нетерпеливая натура подталкивала его с ходу ринуться в настоящую схватку. Тем не менее, когда дело наконец дошло до приемов рукопашного боя, он проявил себя очень терпеливым учителем. Многим из них его когда-то научила я.

Он мог считаться хорошим учеником, хотя, разумеется, до уровня стража ему было очень далеко. А Лисса, конечно, девушка умная и знающая, но для подобных занятий слишком нервная и физически слабая, а полное отсутствие данных едва ли возместит даже самое горячее желание. Хорошо, что в свое время она справилась с ситуацией с Ридом, но тогда же стало ясно, что рукопашный бой не для нее. По счастью, Кристиан для начала принялся учить ее увертываться и следить за противником, и в этом она довольно быстро достигла определенного успеха. Похоже, Кристиан записал ее успехи на свой счет, но мне всегда казалось, что пользователи духа обладают способностью предугадывать следующий ход того, с кем имеют дело. Правда, со стригоем это вряд ли сработает.

Но когда Кристиан приступил к приемам нападения, дела пошли гораздо хуже.

Агрессия была противна самой натуре Лиссы, и она не могла заставить себя нанести противнику удар в полную силу, боясь причинить вред. Поняв, что именно мешает прогрессу, он начал заводитьсь.

— Давай! Не сдерживай себя!

— Ничего я не сдерживаюсь.

Она ударила его в грудь, но он даже не шелохнулся и лишь в досаде провел рукой по волосам.

— Нет, сдерживаешься! Ты в дверь стучишь сильнее, я собственными глазами видел.

— Неудачная метафора.

— И, — продолжал он, — ты не целишься мне в лицо.

— Не хочу оставить синяк.

— Судя по всему, мне это и не грозит. Кроме того, ты запросто исцелишь его.

Мне нравилось наблюдать за их перепалкой, но вот в том, что он подталкивает ее к использованию энергии духа, ничего хорошего уже не было. Пока мы похищали Виктора из тюрьмы, Лисса истратила так много сил, что последствия этого до сих пор сказывались, а я испытывала чувство вины.

Кристиан выбросил вперед руку, сжал запястье Лиссы и рванул на себя. Согнул ее пальцы другой рукой и, показывая, как надо наносить удар,

медленно приблизил ее кулак к своему лицу.

— Видишь? Кулак по дуге идет вверх. Давай бей. Не беспокойся обо мне.

— Это не так-то просто...

Ее голос сорвался, и внезапно оба осознали, в какой ситуации находятся. Они почти прильнули друг к другу, его пальцы сжимали ее запястье. Лисса ощущала его тепло, по коже побежали крошечные электрические разряды. Воздух между ними и вокруг сгустился; казалось, вот-вот их просто притянет друг к другу. Спорю на что угодно — судя по внезапно расширившимся глазам Кристиана, он тоже не остался равнодушен.

Справившись с собой, он отпустил ее руку и резко отступил.

— У меня такое чувство, будто на самом деле ты вовсе не хочешь помочь Розе, — грубовато бросил он, явно волнуясь.

Это сработало. Несмотря на любовное волнение, в душе Лиссы вспыхнула злость. Она сжала кулак и врезала Кристиану по лицу так неожиданно, что застала его врасплох. Удар выглядел не столь эффектно, как в случае с Ридом, но оказался достаточно силен. Вот только она и сама утратила равновесие, упала на Кристиана и сшибла его с ног. Оба рухнули на пол, свалив маленький столик, стоящая на нем лампа ударилась об угол и разбилась.

Падая, Кристиан чисто инстинктивно обхватил девушку руками. Они смотрели в глаза друг другу, сердце Лиссы бешено колотилось. Снова возникло ощущение потрескивающего вокруг электричества, и Лисса уже не замечала ничего, кроме губ Кристиана. Интересно, дошло бы у них до поцелуя? Этим вопросом впоследствии задавались мы обе, но как раз в этот момент из спальни выскочила Серена — с колом в руке, в полной боевой готовности. Вскрикнув, она резко остановилась, вместо армии стригоев увидев обнявшуюся на полу парочку. Романтику этой сцены портили разве что разбитая лампа и красное пятно от удара на лице Кристиана. Вполне естественно, боевой порыв Серены тут же сменился чувством неловкости.

— Ох! — воскликнула она в смятении. — Прошу прощения.

Душу Лиссы затопило два чувства: смущение и злость на себя за то влечение, которое она по-прежнему испытывала к Кристиану. В итоге она разозлилась и на него. Поспешно отодвинулась, села и, еще не успев прийти в себя, сочла нужным срочно объяснить, что ничего романтического тут нет.

— Это... Это не то, что ты думаешь, — быстро заговорила она, глядя куда угодно, только не на Кристиана. Тот уже поднялся и выглядел таким

же прибитым, как Лисса. — Мы сражались. В смысле, тренировались в рукопашном бою. Я хочу научиться защищаться от стригоев. И нападать на них. И закалывать их. Кристиан помогает мне в этом, вот и все.

Ее бессвязный лепет напомнил мне очаровашку Джил.

Серена заметно расслабилась, напустила на себя бесстрастный вид, характерный для всех стражей, хотя чувствовалось, что происходящее забавляет ее.

— Ну, похоже, у вас не слишком хорошо получается, — заявила она.

Кристиан с негодующим видом потер пострадавшую щеку.

— Ты не права. Видишь? Это я научил ее.

Веселый огонек в глазах Серены сменился серьезным, задумчивым выражением.

— И пока это единственное ваше достижение? — Она заколебалась, как бы собираясь принять серьезное решение, и потом добавила: — Послушайте, если вы говорите серьезно, то нужно учиться делать это правильно. Я могу показать вам как.

Ни за что!

Я была на грани того, чтобы рвануть в Лихай и продемонстрировать им приемы реального боя — на примере Серены, — когда что-то оторвало меня от Лиссы и вернуло к реальности. И конечно, это оказался Ганс.

На языке уже вертелось саркастическое приветствие, но он лишил меня возможности озвучить его.

— Оставь все это, пошли со мной. Тебя вызывают.

— Меня... что? — Никаких вызовов я не ожидала. — Кто?

— Королева, — с мрачным видом ответил он.

Четырнадцать

В прошлый раз, когда у Татьяны возникло желание устроить мне разнос, она просто увела меня в одну из своих личных гостиных, как если бы задумала пригласить на чашку чая, хотя обычно за чаем люди не кричат друг на друга. На этот раз я ожидала чего-то в том же духе, но заметила, что Ганс ведет меня к главному административному зданию двора, где было сосредоточено моройское правительство и соответствующие службы. Дерьмо! Дело обстояло серьезнее, чем я думала.

И действительно, на пороге зала я почти окаменела и не сразу смогла войти — Гансу даже пришлось слегка подтолкнуть меня в спину, чтобы заставить сдвинуться с места. Зал был битком набит людьми.

Не знаю точно, что это было за помещение. У мороев для монарха имеется самый настоящий тронный зал, но не думаю, что это был он. Тем не менее зал дышал величием королевской власти — изящные растительные узоры, сияющие золотые канделябры на стенах. Даже настоящие свечи горели, бросая отблески на бесчисленные металлические украшения. Все сверкало так ярко, будто я попала в съемочный павильон.

И возможно, в каком-то смысле так оно и было. Потому что, оглядевшись, я поняла, где нахожусь. В центре возвышался помост, на котором стоял длинный стол, в середине восседала Татьяна, а по бокам от нее морой, с одной стороны шесть, с другой — пять. Остальную часть зала занимали ряды кресел — тоже изящных, с набивными атласными сиденьями, — и практически во всех сидели морой. Так сказать, зрители.

Взглянув на тех, что расположились возле Татьяны, я начала в какой-то степени понимать, что происходит. Это были пожилые морой, но не простые — в них чувствовался королевский дух. Одиннадцать представителей от одиннадцати ныне существующих королевских семей. Место Лиссы оставалось незанятым, поскольку ей еще не исполнилось восемнадцати — впрочем, до этого было ждать недолго. Вместо Присциллы Вода сидел кто-то другой. В целом это был Совет, принцы и принцессы моройского мира. Самые старшие члены королевских семей, потенциальные претенденты на королевский титул, ныне выступающие в роли советников Татьяны. Иногда старейшие уступали свои места другим членам семьи, более способным, по их мнению, но, как правило, не младше сорока пяти. Совет избирал моройского короля или королеву, сохраняющих это положение вплоть до смерти или добровольного отречения. Случаи

насильственного свержения монарха были чрезвычайно редки; для этого требовалась поддержка большинства королевских семей.

Каждого принца или принцессу в Совете, в свою очередь, выдвигал совет соответствующей семьи. Окинув взглядом зал, я увидела сидящих вместе членов этих самых советов разных семей: Ивашковы, Лазар, Бадика... В задних рядах расположились просто зрители — к примеру, Таша и рядом с ней Адриан, которые, как я точно знала, не входили в советы своих семей. Тем не менее при виде их я слегка расслабилась.

Оставаясь у входа, я неловко переминалась с ноги на ногу и старалась вычислить, что меня ждет. Очевидно, публичное унижение, причем на глазах самых влиятельных мороев в мире. Замечательно.

Откуда-то сбоку длинного стола вышел долговязый морой с клочковатыми седыми волосами, обошел его и откашлялся. Жужжание голосов мгновенно смолкло, воцарилась тишина.

— Заседание моройского Королевского совета открыто, — провозгласил он. — Председательствует ее королевское величество Татьяна Марина Ивашкова.

Он слегка поклонился в ее сторону и попятился к стене, вдоль которой стояли стражи, неподвижные, как будто тоже принадлежали к убранству зала.

Татьяна всегда прекрасно выглядела, но по случаю столь важного события оделась действительно по-королевски — в темно-синее шелковое платье с длинными рукавами, поверх искусно уложенных волос сверкала корона с голубыми и белыми самоцветами. Ни о каких фальшивых драгоценностях, естественно, в данном случае не было и речи — сплошь подлинные сапфиры и бриллианты.

— Благодарю вас, — сказала она звучным, тоже «королевским» голосом, заполнившим собой весь зал. — Продолжим наш вчерашний разговор.

Постойте... что? Они еще и вчера обсуждали меня? Невольно я обхватила себя руками, словно защищаясь, но тут же опустила их. Не хотелось выглядеть слабой, что бы они в отношении меня ни задумали.

— Сегодня мы заслушаем показания недавно назначенного стража. — Татьяна вперила в меня орлиный взор. — Розмари Хэзевей, будьте любезны выйти вперед.

Я подчинилась, держась уверенно, с высоко поднятой головой. Не зная точно, где остановиться, я заняла место посреди зала, прямо напротив Татьяны. Если меня ждала публичная порка, жаль, что я не знала об этом заранее, а то непременно надела бы черно-белую парадную форму.

Плевать. Они не увидят моего страха, пусть даже на мне всего лишь джинсы и тенниска. Я слегка поклонилась и встретила с ней взглядом, собираясь с духом перед тем, что меня ожидало.

— Будьте любезны, назовите ваше имя.

Она уже сделала это за меня, но тем не менее я сказала:

— Розмари Хэзевей.

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— Как давно вам исполнилось восемнадцать?

— Несколько месяцев назад.

Она выждала короткое время, чтобы все усвоили услышанное, как если бы это была очень важная информация.

— Мисс Хэзевей, насколько нам известно, примерно в это время вы оставили Академию Святого Владимира. Правильно?

Так вот в чем дело? Не в поездке в Вегас с Лиссой?

— Да.

Я не стала ничего разъяснять. О господи! Я надеялась, что она не заговорит о Дмитрие. Она не могла ничего знать о наших отношениях, однако... Информация здесь распространяется ужасно быстро.

— Вы отправились в Россию охотиться на стригоев?

— Да.

— Это было что-то вроде личной мести в ответ на нападение на Академию?

— Ну... да.

Никто не произнес ни слова, но в зале возникло движение — люди неловко ерзали на своих местах, поглядывая на соседей. Стригои всегда вызывали страх, и идея того, чтобы идти им навстречу, все еще казалась необычной. Странно, но Татьяна, похоже, осталась довольна моим ответом. Неужели и это можно использовать как оружие против меня?

— В таком случае уместно предположить, что вы относитесь к числу сторонников прямых ударов по стригоям?

— Да.

— Многие реагировали иначе на это ужасное нападение, — продолжала Татьяна. — Однако вы не единственный вампир, желающий активно бороться со стригоями, хотя, безусловно, самый молодой.

Я не знала ни о каких других вампирах, ступивших на тропу войны из личных побуждений, если не считать тех безумцев в России. Если такая версия моей поездки устраивала королеву — ради бога, я ничего против не имела.

— Мы получили отчеты российских алхимиков и стражей, где сообщается о ваших успехах. — Я впервые столкнулась с публичным упоминанием об алхимиках, но в Совете наверняка о них говорили, и не раз. — Можете сказать, сколько стригоев вы убили?

Я удивленно посмотрела на нее.

— Я... Не помню точно, ваше величество. По крайней мере... семерых.

Хотя наверняка больше.

— По сравнению со сведениями из наших источников это весьма скромная оценка, — заявила она. — Но все равно звучит впечатляюще. Вы совершили эти убийства лично?

— Иногда да. Иногда мне помогали. Там были... другие дампирь, совместно с которыми я действовала время от времени.

— Они были примерно вашего возраста?

— Да.

Татьяна молчала; словно поняв намек, заговорила сидящая рядом с ней женщина. По-моему, это была принцесса Конта.

— Когда вы убили своего первого стригоя?

— В прошлом декабре, — ответила я, подумав.

— То есть в возрасте семнадцати лет?

— Да.

— Это убийство вы совершили самостоятельно?

— Ну... в основном. Друзья помогали мне, отвлекая его.

Я надеялась, что копаться в деталях они не станут. Первого стригоя я убила, когда погиб Мейсон, и, не считая всего, связанного с Дмитрием, эта смерть по-прежнему отзывалась в душе сильной болью.

Однако принцессе Конта детали не интересовали. Она и остальные члены Совета, которые вслед за тем тоже стали задавать мне вопросы, хотели знать об убийствах, совершенных мной лично. Если речь заходила о тех случаях, когда мне помогали дампирь, они проявляли хоть какой-то интерес, но остались равнодушны к убийствам, совершенным при содействии мороев. Зачитали записи в моем личном деле о дисциплинарных взысканиях, что меня расстроило. Упомянули о моих академических успехах, в особенности в боевых искусствах. О том, как хорошо я защищала Лиссу всякий раз, когда мы оказывались одни во внешнем мире, в частности на протяжении того года, который мы с ней провели в бегах. О том, как быстро, несмотря на пропущенные занятия, я нагнала свой класс и стала в нем одной из лучших — опять же главным образом по части боевых искусств. И в конце вспомнили об исключительно

высокой оценке, полученной мной во время выпускных испытаний.

— Благодарю вас, страж Хэзевей. Можете идти.

И на этом Татьяна меня отпустила! Уговаривать не пришлось: я снова поклонилась и заторопилась вон, по дороге бросив быстрый взгляд на Ташу и Адриана. В ушах зазвенел голос королевы:

— На этом сегодняшнее заседание закрывается. Продолжим завтра.

Несколько минут спустя меня догнал Адриан, чему я вовсе не удивилась. Ганс не говорил, что после заседания я должна вернуться к работе, и я посчитала себя свободной.

— Давай призови на помощь свою королевскую политическую мудрость и просвети меня, — сказала я, когда мы пошли дальше, взявшись за руки. — Что все это значило?

— Понятия не имею. Я последний человек, способный разобраться в этих делах. Я вообще случайно туда попал — Таша потащила меня с собой. Думаю, она заранее знала, что тебя вызовут, но понимала не больше меня.

Тут я заметила, что непроизвольно устремила в сторону зданий, где располагались рестораны, магазины и тому подобное, и почувствовала, что умираю с голоду.

— Такое впечатление, будто это часть какого-то дела, которое они обсуждают не первый день.

— Вчерашнее заседание проходило в закрытом режиме, и так же будет завтра. Никто не знает, в чем дело.

— Тогда почему сегодняшнее заседание было открытым?

Это казалось нечестным — почему королева и Совет решают, что сообщать остальным, а что нет? Все должно происходить публично.

Он задумался.

— Наверное, потому что вскоре они собираются голосовать, а это всегда происходит публично. Если твои свидетельские показания играют какую-то роль, Совет хочет, чтобы ты давала их в присутствии других мороев — тогда принятое решение будет всем понятно. — Он помолчал. — Но это так, мысли вслух. Я не политик.

— Такое впечатление, будто все уже решено, — проворчала я. — К чему вообще голосование? И какое отношение к правительству имею я?

Он открыл дверь маленького кафе, где можно было перекусить гамбургерами и сэндвичами. Адриан вырос на ресторанной пище и всяких деликатесах; наверное, он и сейчас предпочел бы что-нибудь в этом роде. Но он ведь знал, что я не люблю быть на виду и подчеркивать свою связь с королевским мороем из элитной семьи. Сегодня мне хотелось чего-то самого обычного, и было приятно, что он понимает это.

И все же без перешептываний и любопытных взглядов не обошлось. В Академии, ясное дело, мы вызывали интерес, но при дворе? Репутация здесь очень важна, и обычно привязанность между дампиркой и мороем стараются держать в секрете. Наше открытое появление вместе — в особенности учитывая положение Адриана — всегда выглядело скандалом и шокировало, о чем нам ясно давали понять. Чего я только не наслушалась с тех пор, как вернулась ко двору! Одна женщина назвала меня бесстыдницей, другая высказывалась в том духе, что Татьяне следует просто «разделаться со мной».

По счастью, большинство посетителей сегодня ограничились взглядами, которых можно было просто не замечать. Когда мы уселись за столик, Адриан задумчиво нахмурил лоб.

— Может, они поставят на голосование вопрос о том, сделать тебя в конце концов стражем Лиссы или нет.

На несколько мгновений я буквально утратила дар речи. Тут внезапно появилась официантка. Я, запинаясь, сделала заказ и подняла взгляд на Адриана.

— Ты серьезно? — Отчасти это имело смысл: заседание выглядело как разбор моих умений и навыков. Разве что... — Нет. Назначение какого-то стража — не того уровня вопрос, чтобы ради него созывать Совет у королевы.

Мои надежды угасли.

— Верно. Но это назначение не обычного стража. Лисса — последняя в своем роду, и все, включая тетю, испытывают к ней особый интерес. Доверить ее защиту кому-то столь... — Он запнулся, подбирая подходящее слово, и я бросила на него предостерегающий взгляд. — Непредсказуемому... ну, это многим может не понравиться.

— И поэтому они хотели, чтобы я лично рассказала о своих достижениях. Получила возможность убедить людей в своей компетентности. — Даже произнося эти слова, я сама в них не очень-то верила — слишком хорошо, чтобы быть правдой. — Нет, все это как-то сомнительно. Особенно если помнить, какие у меня сейчас неприятности.

— Ну, не знаю. Это просто предположение. А вдруг они считают поездку в Лас-Вегас всего лишь безвредной шалостью? Я же говорил, Татьяна изменила свое мнение о тебе. Может, теперь она хочет, чтобы ты стала стражем Лиссы, но нуждается в одобрении общественности.

Потрясающе!

— Но если я поеду к Лиссе в Лихай, что ты тогда будешь делать? Станешь приличным человеком и тоже поступишь в колледж?

— Не знаю, — задумчиво ответил он, потягивая свое питье. — Может быть.

Это было совершенно неожиданно, и мне припомнился разговор с его матерью. Что, если следующие четыре года я проведу с Лиссой в колледже и все это время он будет с нами? По-моему, Даниэлла считала, что к лету мы уже расстанемся. Я и сама так думала... и с удивлением обнаружила, какое облегчение испытываю при мысли о том, что могу остаться с ним. Сердце постоянно болело и томилось при мысли о Дмитриии, но я по-прежнему хотела, чтобы Адриан присутствовал в моей жизни. Улыбнувшись, я накрыла его руку своей.

— Прямо не знаю, как и вести себя с тобой, если ты станешь приличным человеком.

Он поднес мою руку к губам и поцеловал.

— Что-нибудь придумаем.

От близости его губ дрожь побежала по коже. Только я хотела спросить, что он имеет в виду, как наша интерлюдия была прервана появлением... Ганса.

— Хэзевей, у нас с тобой явно разные представления о том, что такое «наказание», — заявил он, остановившись рядом с нами.

Это точно. По моим представлениям, наказание — это когда тебя порют и морят голодом. Уж конечно, возня с документами этому не соответствует.

— Вы не велели мне возвращаться после встречи с королевой.

— Но и отправляться на свидание не велел. — Он одарил меня сердитым взглядом. — Марш в архив!

— Но мне вот-вот принесут заказ!

— Обеденный перерыв через два часа.

Я постаралась сдержать раздражение. Нельзя сказать, что в последнее время меня держали на черством хлебе и воде, но еда рабочих была не намного лучше. И как назло, вернулась наша официантка с заказом. Не успела она поставить тарелку, как я схватила сэндвич и завернула его в салфетку.

— Можно взять с собой?

— Если успеешь съесть по дороге, — с издевкой ответил он, поскольку архив находился довольно близко. Ясное дело, он недооценил мою способность поглощать еду.

Под осуждающим взглядом Ганса я на прощание поцеловала Адриана и глазами дала понять, что мы продолжим разговор позже. Он улыбнулся мне довольной, понимающей улыбкой, и мы с Гансом ушли. Я,

естественно, сумела умять сэндвич до того, как мы вернулись в офис стражей, хотя следующие полчаса меня слегка подташнивало.

Мой законный перерыв на ланч почти совпадал со временем обеда Лиссы в человеческом мире. Вернувшись к своей жалкой работе, я слегка утешилась тем, что снова понаблюдала за подругой. Весь день у нее ушел на прогулку по кампусу Лихая, что ее вполне устраивало. Все здесь ей нравилось — красивые здания, ухоженные уголья, общежития и в особенности лекции. За перечнем здешних предметов стоял целый мир, с которым не могла сравниться даже превосходная учебная программа Академии Святого Владимира. Лисса страстно хотела получить все, что мог предложить здешний колледж.

И, несмотря на грусть из-за моего отсутствия, ее переполняло радостное волнение: это был ее день рождения. Присцилла подарила ей изящное украшение и пообещала устроить вечером прекрасный обед. Вообще-то Лисса надеялась отпраздновать свой день рождения чуточку иначе, но мысль о том, что ей уже восемнадцать, все равно пьянила — и к тому же она находилась в стенах колледжа своей мечты, где вскоре должна была начать обучение.

Каюсь, я ощутила укол ревности. Несмотря на Адрианову версию объяснения моего сегодняшнего вызова к королеве, я знала, как и сама Лисса, что мои шансы присоединиться к ней близки к нулю. И поэтому где-то в глубине души я недоумевала, как она может радоваться тому, в чем я не буду принимать участия. Ребячество с моей стороны, понимаю.

Дулась я недолго. Экскурсия закончилась, Лисса и ее сопровождающие вернулись в отель, а в оставшийся до обеда час моя подруга решила попрактиковаться — и тут моя обида сменилась злостью.

Дальше все пошло еще хуже: Серена рассказала Гранту о желании Лиссы и Кристиана учиться защищать себя. Похоже, ему эта идея тоже понравилась, и чему тут удивляться? Для Лиссы выделили двух лучших, прогрессивно мыслящих стражей. С какой стати к ней приставили бы дряхлого ретрограда, который пришел бы в ужас от одной мысли о том, что морой хотя бы задумывается о сражении со стригоями?

В итоге Лисса с Кристианом заполучили аж двух инструкторов, а я беспомощно сидела в архиве и не имела возможности просто вбить здравый смысл в их тупые головы. А их перспективы были прекрасны: у Серены появился партнер, на котором она могла демонстрировать приемы. Они с Грантом боролись, объясняя свои маневры, а Лисса и Кристиан наблюдали за ними, широко распахнув глаза.

Но вскоре мы обе с Лиссой заметили, что не все так удачно

складывается. Стражи не знали истинной причины ее желания учиться сражаться. Они понятия не имели — да и откуда? — что она намерена открыть охоту на стригоя и заколоть его, надеясь таким образом вернуть к жизни, и полагали, что она просто хочет освоить основы самозащиты. Это казалось им вполне разумным — и именно этому они ее учили.

Они также предложили Кристиану и Лиссе попрактиковаться между собой: по их мнению, эти двое, не имея навыков борьбы, не могли всерьез повредить друг другу, а к тому же это просто забавляло наставников.

Но не учеников. Между ними все еще ощущалось такое сильное напряжение, замешанное на любви и обиде, что они всячески избегали непосредственного контакта. Стражи предупредили мороев, что лучше воздержаться от ударов в лицо, но, даже увертываясь, они так или иначе соприкасались друг с другом. Время от времени по указанию стражей один из мороев изображал стригоя, а другой нападал на него. Оба мороя считали это полезным — ведь только так они могли научиться нападать.

Однажды вышло так, что изображающий стригоя Кристиан бросился на Лиссу, с силой толкнул ее к стене и прижал, удерживая за руки. Она ощущала запах Кристиана, его близость и мигом подумала, что он, наверное, хочет поцеловать ее, а борьба — только предлог.

— Думаю, вам стоит вернуться к защите, — заметил Грант.

Вероятно, он хотел сказать, что так им недолго и покалечиться, а потому следует вернуться к изучению защитных приемов. Едва ли он боялся, что их борьба перейдет в страстные объятия, но эти двое были так поглощены друг другом, что до них не сразу дошел смысл сказанного. Когда же это произошло, они разомкнули руки и вернулись на кушетку, глядя в разные стороны. Стражи сами принялись демонстрировать, как увертываться от нападающего. Лисса и Кристиан видели это столько раз, что уже усвоили урок, и наблюдали за происходящим не столько с интересом, сколько с досадой: такие занятия не приближали их к цели.

Лисса была слишком вежлива, чтобы высказаться по этому поводу, но Кристиан, минут пятнадцать понаблюдав, как Серена и Грант уворачиваются друг от друга, не выдержал и спросил:

— Как можно заколоть стригоя?

— Ты сказал «заколоть»? — Серена замерла.

Гранта, наоборот, разобрал смех.

— Думаю, это не то, что должно вас интересовать. Ваша задача — научиться не тому, как приблизиться к стригю, а как держаться от него подальше.

В смущении Лисса и Кристиан переглянулись.

— Мне случалось помогать убивать стригоев, — заметил Кристиан. — Во время нападения на школу я использовал огонь. Ты хочешь сказать, что это плохо? Что мне не следовало делать это?

Теперь Серена и Грант обменялись взглядами.

«Ха! — подумала я. — Эти двое не такие уж продвинутые, как мне казалось. Их прогрессивное мышление допускает лишь простую самозащиту, но не нападение».

— Конечно, ты правильно поступил, — наконец ответил Грант. — И это было потрясающе. Ты считаешь, что такая ситуация может повториться, и тебя не устраивает роль беспомощной жертвы? Но если перед тобой вновь окажутся стригой, тебе следует использовать свои магические способности и власть над огнем для того, чтобы держать их на расстоянии.

— А мне как быть? — спросила Лисса. — Я не владею такого рода магией.

— Ты никогда не окажешься в такой близости к стригой, чтобы возникла угроза твоей безопасности! — взволнованно заявила Серена. — Мы этого не допустим.

— Кроме того, — с улыбкой добавил Грант, — колы пока на дороге не валяются.

Я отдала бы что угодно за возможность увидеть их реакцию, если бы они заглянули в чемодан Лиссы!

Прикусив губу, моя подруга по-прежнему старалась не смотреть на Кристиана, боясь каким-то образом выдать их истинные намерения. Пока их безумный план оставался все таким же нереальным. Кристиан снова перехватил инициативу.

— Ну хотя бы продемонстрировать это вы можете? — спросил он, делая вид, будто изнывает от любопытства. — Разве это трудно? На первый взгляд кажется, что нужно лишь тщательно прицелиться и нанести удар.

— Ну прямо! — Грант фыркнул. — Все гораздо сложнее.

Лисса, сцепив руки, наклонилась вперед и продолжила в том же духе:

— Тогда и не надо учить нас. Просто покажите.

— Да, хотелось бы посмотреть.

Кристиан беспокойно заерзал рядом с Лиссой, задел ее руку своей, и они тут же отпрянули друг от друга.

— Это не игра, — заметил Грант, однако встал и вытащил из своей куртки кол.

— Что ты собираешься делать? — спросила Серена, недоверчиво глядя на него. — Заколоть меня?

— Конечно нет. — Он опять усмехнулся и окинул взглядом комнату. — А, вот это подойдет!

Он подошел к небольшому креслу, где лежала декоративная подушка, туго набитая каким-то плотным материалом. Поднял ее, прикинул толщину, потом вернулся к Лиссе, жестом предложил встать, а потом, к всеобщему изумлению, вручил девушке кол.

Взяв подушку обеими руками, он поднял ее перед собой, держа на расстоянии пары футов от тела.

— Давай! — сказал он. — Нацелься и ударь.

— Ты в своем уме? — воскликнула Серена.

— Не волнуйся, — ответил Грант. — Принцесса Вода отнесет порчу имущества в раздел «мелких расходов». Я хочу продемонстрировать суть. Давай, нанеси удар по подушке, — добавил он, обращаясь к Лиссе.

Взволнованная Лисса колебалась недолго: ее заветное желание близилось к осуществлению. Стиснув зубы, она сделала шаг вперед и неуклюжим движением попыталась проткнуть подушку колом — очень осторожно, поскольку боялась причинить вред Гранту. Однако беспокоиться об этом нужды не было: он даже не пошевелился, а она добилась лишь того, что слегка поцарапала острым концом ткань подушки. Еще несколько попыток не улучшили результат.

— Это все, на что ты способна? — с обычной своей иронией спросил Кристиан.

— Сделай лучше. — Бросив на него сердитый взгляд, она протянула ему кол.

Кристиан встал. Ехидная улыбка исчезла, он критически разглядывал подушку, пытаясь соразмерить удар. Взглянув на стражей, Лисса заметила в их глазах усмешку. Даже Серена расслабилась. Все их действия имели целью показать, как нелегко научиться закалывать противника, и меня это порадовало. Теперь я была о них лучшего мнения.

В конце концов Кристиан сделал выпад; ткань ему проткнуть удалось, но кол увяз в подушке. И снова Грант даже не дрогнул. После нескольких столь же безуспешных попыток Кристиан вернул ему оружие и снова сел. Мне отчасти доставило удовольствие наблюдать, как с Кристиана слегка сбили спесь. Даже Лисса испытала схожие чувства, несмотря на огорчение из-за трудности предстоящей задачи.

— Подушка слишком толстая и плотная, — пожаловался Кристиан.

Гранд вручил кол Серене.

— Неужели ты думаешь, что тело стригоя проткнуть легче? Со всеми мышцами и ребрами?

Грант занял ту же позицию, и Серена без малейших колебаний нанесла удар. Острый кончик кола вышел с другой стороны подушки и остановился точно перед грудью Гранта. Крошечные пушистые кусочки набивки полетели на пол. Серена выдернула кол, будто не сделала ничего особенного.

Зато Кристиан и Лисса были потрясены.

— Дай-ка я еще раз попробую, — сказал он.

К тому времени, когда Присцилла позвала их на обед, в номере не осталось ни одной целой подушки. Черт возьми, она будет удивлена, когда получит счет! Кристиан и Лисса упоенно терзали гостиничное имущество, а стражи с видом превосходства наблюдали за ними, не сомневаясь, что ученики усвоили из урока главное: заколоть стригоя, — дело нелегкое.

По крайней мере, Лисса точно кое-что осознала. Чтобы проткнуть подушку — или стригоя, — мало знать, куда и как бить. Она ведь и раньше слышала от меня, что целиться надо точно в сердце и так, чтобы не наткнуться на ребра. Чтобы сделать это, требовалась физическая сила, которой она не обладала. Серена, внешне миниатюрная, за годы тренировок нарастила крепкие мышцы и могла проткнуть колом практически что угодно. А Лисса? Один час занятий силы не прибавит. О чем она и прошептала Кристиану, когда они отправились на обед.

— Сдаешься? — так же тихо спросил он, в то время как они ехали на заднем сиденье внедорожника.

Грант, Серена и третий страж тоже находились здесь, но были увлечены собственным разговором.

— Нет! — прошептала в ответ Лисса. — Но мне надо долго тренироваться, прежде чем я смогу сделать это.

— Будешь штангу толкать?

— Не знаю. — Опасаясь, что ее могут услышать, Лисса наклонилась к Кристиану, нервничая из-за того, что его близость по-прежнему так волнует ее. — Но у меня просто не хватит сил.

— Ну, значит, сдаешься.

— Тебе тоже не удалось проткнуть ни одну подушку!

Он слегка порозовел.

— Нет, зеленую я почти проткнул.

— Она была почти плоская.

— Мне просто нужно еще попрактиковаться.

— Ты здесь вообще ни при чем! — Лиссе было трудно говорить тихо, когда внутри klokотало возмущение. — Это предстоит сделать мне, а не тебе.

Глаза Кристиана вспыхнули, словно бледно-голубые алмазы.

— Ты не в своем уме, если думаешь, что я позволю тебе рисковать...

Он оборвал себя, с силой прикусив губу, как будто только это могло заставить его замолчать. Не отрываясь, они смотрели друг на друга; он жадно вглядывался в черты ее лица, изо всех сил стараясь скрыть свои чувства, но потом резко отодвинулся как можно дальше.

— Прекрасно. Делай, что хочешь. Меня это не волнует.

Оба надолго смолкли. Поскольку для меня настало время ланча, я вернулась в собственную реальность, радуясь тому, что могу хотя бы ненадолго оторваться от нудной работы. Но, как выяснилось, напрасно: Ганс не позволил мне отдыхать.

— Как? Разве сейчас не время ланча? Вам пора кормить меня! — воскликнула я. — Это переходит все границы. Дайте хоть чего-нибудь пожевать.

— Ты уже поела, помнишь тот сэндвич! Ты сегодня уже сама себе устроила перерыв на ланч, так что давай продолжай работать.

Я стукнула кулаками по кипам бумаг передо мной.

— А нельзя ли мне заняться чем-нибудь другим? Красить дома? Таскать камни?

— Боюсь, что нет. — Улыбка тронула уголки его губ. — У нас очень, очень много канцелярской работы.

— И сколько времени я еще буду этим заниматься?

— Пока я не получу другой приказ насчет тебя. — Ганс пожал плечами.

Он ушел, а я откинулась в кресле, стараясь не опрокинуть стол, это, конечно, доставило бы мне удовольствие, но повлекло бы за собой неприятные последствия — пришлось бы заново переделывать уже сделанную работу. Вздохнув, я вернулась к нудному занятию.

Чуть позже снова проникнув в сознание Лиссы, я застала ее на обеде. Формально он давался в честь ее дня рождения, но фактически в центре внимания королевских мороев находилась Присцилла. Нет, не так нужно отмечать день рождения, решила я. Когда я наконец обрету свободу, надо будет устроить ей настоящий праздник: закатим классную вечеринку, и я преподнесу ей уже заготовленный подарок — отличные кожаные туфельки, которые помог мне купить Адриан.

Очень хотелось заглянуть и в сознание Кристиана, но поскольку это было не в моих силах, я вернулась к своим делам, прокручивая в голове недавний разговор с Адрианом. Когда закончится срок моего наказания? Позволят ли нам с Лиссой быть вместе, несмотря на мое своеволие?

Пытаться получить ответы на эти вопросы было все равно что крутиться в беличьем колесе — сколько ни трудись, никакого прогресса. Но по крайней мере, когда я снова вернулась к Лиссе, обед уже закончился. Она и ее спутники встали и направились к выходу из ресторана. Снаружи стемнело, и Лисса в очередной раз отметила, как странно жить по человеческому расписанию. В Академии и при дворе сейчас была середина вампирского дня, а им предстояло вернуться в отель и лечь спать. Хотя, наверное, не сразу. Можно не сомневаться: если Лисса и Кристиан сумеют справиться с очередной вспышкой взаимного раздражения, то продолжат упражняться в убийстве подушек. Как ни сильно я хотела, чтобы эти двое опять сблизились, меня не покидало ощущение, что порознь они были бы в большей безопасности.

А может, и нет.

Торжественный обед закончился позже обычного, поэтому на пути к машине они почти никого не встретили. Стражи припарковались где-то посередине площадки под уличным фонарем, дающим хорошее освещение.

Вот только сейчас он не горел. Лампу разбили.

Грант и страж Присциллы заметили это сразу же. Нас обучали обращать внимание на все мельчайшие детали и изменения. Они молниеносно выхватили колы и встали по бокам мороев; страж Кристиана и Серена проделали то же самое мгновение спустя. Это тоже входило в наше обучение — всегда быть настороже, молниеносно реагировать, поступать как твои коллеги.

Они действовали быстро, очень быстро, но, увы, это не помогло.

Потому что внезапно буквально везде оказались стригой.

До сих пор не понимаю, откуда они выскочили. Может, прятались за машинами, оставленными на краях парковки. Будучи на месте или хотя бы имея возможность взглянуть на сцену с высоты птичьего полета, я, наверное, поняла бы ситуацию лучше. Однако я видела все лишь глазами Лиссы. Стражи окружили ее, преграждая путь бледным, красноглазым существам, возникшим прямо из воздуха. Перед ее взором все мелькало и расплывалось, стражи толкали ее то туда, то сюда. Страх охватил мою подругу, и все виделось как в тумане.

Обе мы невольно наблюдали, как умирали люди. Быстрая, сильная Серена заколола ударом в сердце мужчину-стригоя. Женщина-стригой набросилась на стража Присциллы и сломала ему шею. Кристиан обхватил Лиссу руками и прижал к внедорожнику, закрывая своим телом. Оставшиеся стражи, как сумели, сформировали вокруг защитное кольцо, но их было слишком мало по сравнению со стригоями — и один за другим

они выбывали из строя.

Гранту стригой зубами разорвал горло. Серена получила мощный удар, упала на асфальт лицом вниз и больше не двигалась. И, вот уж кошмар из кошмаров, стригои не щадили даже мороев. Лисса, притиснутая к дверце машины, с ужасом смотрела, как стригой впился клыками в шею Присциллы и начал пить кровь. Присцилла, видимо, не успела даже осознать, что происходит, но, по крайней мере, не страдала. По мере того как кровь и жизнь утекали из нее, эндорфины заглушали боль.

Лисса была в таком шоке, что едва помнила себя: оцепенела, хотя с холодной ясностью отдавала себе отчет в том, что и ее смерть приближается. Нащупав руку Кристиана, она крепко сжала ее и повернулась к нему, находя проблеск утешения в том, что последним увиденным ею в жизни будут его прекрасные светло-голубые глаза. Судя по выражению его лица, он думал о том же. Его взгляд исполнился теплоты, любви и... всепоглощающего изумления.

Широко распахнутыми глазами он смотрел за спину Лиссы. Одновременно чья-то рука схватила ее за плечо и с силой развернула.

«Вот оно, — прошептал голосок в глубине ее сознания. — Сейчас я умру».

В следующее мгновение она поняла, чем вызвано изумление Кристиана.

Перед ней стоял Дмитрий.

Она испытала то же сюрреалистическое ощущение, что и я, — это был Дмитрий и одновременно не он. Те же черты лица... и все же другие. Она попыталась сказать хоть что-то, но язык не слушался.

Внезапно за ее спиной что-то жарко вспыхнуло, и ослепительный свет залил бледное лицо Дмитрия. И Лисса, и я сразу поняли, что это такое — Кристиан создал огненный шар. То ли потрясение при виде Дмитрия, то ли страх за Лиссу пробудил его к действию. Дмитрий слегка прищурился, злобная улыбка изогнула губы, рука соскользнула с плеча девушки на шею.

— Погаси это, — сказал Дмитрий. — Погаси, или она умрет.

Лисса в конце концов обрела голос, хотя ей было трудно дышать.

— Не слушай его, — еле слышно пролепетала она. — Он все равно убьет нас.

Однако жар за ее спиной начал спадать, на лицо Дмитрия снова упала тень. Кристиан не мог рисковать жизнью Лиссы, пусть она и была права. Впрочем, вряд ли это имело какое-то значение.

— На самом деле я предпочитаю оставить вас двоих в живых. — Невзирая на разыгравшуюся вокруг жуткую сцену, голос Дмитрия звучал

почти спокойно. — По крайней мере, еще на некоторое время.

Лисса была в недоумении, и, видимо, Кристиан тоже, судя по тому, что язвительного комментария с его стороны не последовало. Вместо этого он задал сам собой напрашивающийся вопрос:

— Почему?

Глаза Дмитрия вспыхнули.

— Потому что вы нужны мне в качестве приманки для Розы.

Пятнадцать

Охваченная паникой, я готова была вскочить и пешком бежать в Лихай — и неважно, насколько это далеко. И все же вскоре поняла, что так, разом, его достичь не получится даже у меня.

Бросившись вон из комнаты, я внезапно остро пожалела, что здесь нет Альберты. Я видела, как она действовала во время нападения на Академию, и знала, что она сумела бы справиться с любой ситуацией. Сейчас она уже достаточно доверяла мне, но здесь? Стражи при дворе все еще были для меня чужими. К кому пойти? К Гансу, который меня ненавидит и мне не поверит — в отличие от Альберты и моей матери? Мчась по тихим коридорам, я решила, что сейчас это неважно — я заставлю его поверить! Найду того, кто сможет спасти Лиссу и Кристиана.

«Только ты и можешь сделать это, — прошептал голос в моей голове. — Дмитрий хочет заполучить тебя».

Поспешно свернув за угол, я врзалась в чью-то грудь, и от сотрясения все мысли на миг выскочили из головы.

Вскрикнув, я подняла взгляд. Это оказался Майкл, и я расслабилась бы, если бы не тревога и кипящий в крови адреналин. Схватив за рукав, я потянула его к лестнице.

— Пошли! Нужно звать на помощь!

— О чем ты? — Майкл даже не шелохнулся, только нахмурился.

— Лисса! Лисса и Кристиан. Их захватил стригой... ну, Дмитрий. Мы можем найти их. Я могу найти их. Но нужно торопиться.

Недоумение Майкла усилилось.

— Роза... как давно ты сидишь тут?

Объясняться времени не было. Отпустив Майкла, я побежала вверх по лестнице и мгновение спустя услышала за спиной его шаги. Ворвавшись в главный офис, я приготовилась услышать брань из-за того, что снова нарушила дисциплину и покинула место работы. Вот только... всем было не до меня.

В офисе царил хаос. Стражи носились туда-сюда, звонили по телефонам, разговаривали громкими взволнованными голосами. Они знают, поняла я. Они уже знают.

— Ганс! — закричала я, проталкиваясь сквозь толпу. Он стоял на другом конце комнаты и только что закончил говорить по сотовому. — Ганс, я знаю, где они. Куда стригой увел Лиссу и Кристиана.

— Хэзевей, у меня нет времени на твои... — Потом до него дошло. — Между вами существует связь.

Я изумленно уставилась на него — мне-то казалось, что он отмахнется и мне придется долго его убеждать, — потом торопливо закивала.

— Я видела, как все произошло... А вы-то откуда узнали?

— Серена, — угрюмо ответил он.

— Серена мертва...

— Нет, пока нет. — Он покачал головой. — Хотя, судя по тому, как звучал ее голос по телефону, может, уже и мертва. Видимо, на звонок она истратила последние силы. Мы послали алхимиков забрать ее и... зачистить все.

Я прокрутила в памяти ту сцену, как Серену отшвырнули на асфальт. Удар был сильный, и, поскольку она не шевелилась, я заподозрила худшее. Однако если она не погибла сразу — а по-видимому, так оно и вышло, — я представила себе, как из последних сил, окровавленными руками она вытаскивает из кармана мобильник...

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть она выживет», — подумала я, сама не зная, к кому обращаюсь с мольбой.

— Пошли, — сказал Ганс. — Ты нужна нам. Команды уже формируются.

Еще один сюрприз — я не ожидала, что он без проволочек возьмет меня с собой, и я почти зауважала его. Пусть со мной он вел себя как законченный козел, но сейчас в нем явно чувствовался лидер, готовый пустить в дело все, что к тому пригодно. Он молниеносно исчез за дверью, несколько стражей устремились следом. С трудом поспевая за ними, я увидела приближающегося Майкла.

— Вы посылаете спасательные команды, — сказала я Гансу. — Это... большая редкость.

Даже выговорить эти слова мне было нелегко. Как правило, похищенных стригоями мороев не спасают, поскольку заведомо считают мертвыми. Спасательная экспедиция, организованная после нападения на Академию, была событием из ряда вон выходящим, основанным на особенных причинах.

— Там же принцесса Драгомир. — Ганс искоса взглянул на меня.

Лисса была дорога мне; может, дороже всех на свете. Но для мороев, поняла я, она была дорога тоже. Может, большинство захваченных стригоями мороев и посчитали бы мертвыми, но она — другое дело: последняя в своем роду. С ее смертью стало бы на одну из двенадцати древних семей меньше; вся культура мороев понесла бы урон, а стригои

одержали бы заметную победу. Ради нее стражи были готовы пойти на риск.

И, как выяснилось, на очень большой риск. Когда мы добрались до гаража, я увидела множество других стражей — и вместе с ними мороев. Некоторых я узнала — Ташу Озера, к примеру. Остальные морой, как и она, были пользователями огня, чей возможный вклад в сражение мы уже научились ценить. Споры о возможности участия мороев в боевых действиях на время были отложены, и эту группу создали с поразительной быстротой. Наши с Ташей взгляды встретились; лицо у нее было серьезное и сосредоточенное. Она ничего не сказала мне — и так все было ясно.

Ганс отдавал отрывистые, краткие приказы, распределяя людей по машинам. Изо всех сил стараясь взять себя в руки, я терпеливо стояла рядом с ним. Неугомонная натура подталкивала меня вмешаться в гущу событий, объяснить всем, на что я способна. Дойдет черед и до меня, убеждала я себя. Ганс уже продумал, какую роль мне поручить, нужно только подождать.

Мысли о Лиссе тоже подтачивали мое самообладание. После того как Дмитрий увел их с Кристианом, я покинула ее сознание и пока вернуться в него не могла. Их вид, в особенности Дмитрия, был для меня невыносим. Я понимала — мне придется сделать это, когда я начну направлять стражей, но в данный момент я сдерживала себя. Лисса жива — сейчас имело значение только это.

Тем не менее я была так напряжена, что когда кто-то коснулся моего плеча, я чуть не бросилась на него с колом.

— Адриан... — сказала я, переведя дух. — Что ты здесь делаешь?

Глядя на меня сверху вниз, он нежно провел рукой по моей щеке. Уж и не припомню, когда я видела его таким серьезным и мрачным. Как обычно, мне это не понравилось. Адриан — один из тех людей, кто всегда должен улыбаться.

— Едва услышав новости, я понял, что найду тебя здесь.

— Это произошло... ну, не знаю... наверное, минут десять назад. — Мое чувство времени отказало. — Как получилось, что все узнали так быстро?

— Объявили по радио по всему двору. У них мгновенная система оповещения. Королева уже в полной безопасности.

— Что? Зачем? — Почему-то это разозлило меня, — ведь сейчас опасность угрожала не Татьяне. — С какой стати тратить ресурсы на нее?

Стоящий рядом страж бросил на меня укоризненный взгляд.

— Атака стригоев произошла относительно близко. — Адриан пожал

плечами. — По мнению службы безопасности, под угрозой мы все.

Относительно близко, это да: до Лихая примерно часа полтора пути. Стражи всегда наготове, это их работа. Но сейчас мгновения тянулись еле-еле, и мне хотелось, чтобы команда Ганса шевелилась поживее. Не появившись здесь Адриан, я наверняка не удержалась бы и постаралась поторопить шефа.

— Там Дмитрий, — заговорила я, понизив голос; не стоило оповещать об этом остальных. — Он захватил их и пытается таким образом подманить меня.

— Роза, ты же не станешь... — Лицо Адриана омрачилось еще больше. Он не договорил, но я и так поняла.

— Разве у меня есть выбор? Она моя лучшая подруга, и я — единственная, кто может вывести на нее стражей.

— Это ловушка.

— Знаю. И он знает, что я знаю.

— Что ты намерена сделать?

Поняв истинный смысл вопроса, я перевела взгляд на кол, который бессознательно выхватила раньше.

— То, что должна, а должна я... убить его.

— Хорошо, — с заметным облегчением сказал Адриан. — Я рад.

Но я вдруг жутко разозлилась.

— Господи, неужели ты так жаждешь избавиться от соперника?

— Дело не в этом, — серьезно ответил Адриан. — Просто я знаю, что пока он жив — если это можно назвать жизнью, — ты в опасности. И для меня это невыносимо, Роза. Я хочу, чтобы тебе ничто не угрожало. Я просто... не вынесу, если с тобой что-нибудь случится.

— Ох, Адриан, мне очень жаль... — Мой гнев угас так же быстро, как вспыхнул.

Он притянул меня к себе. Я положила голову ему на грудь и на мгновение позволила себе расслабиться, слушая, как бьется его сердце. Хотелось замереть так навсегда, не подпуская к себе страх: за Лиссу, перед Дмитрием... Внезапно озноб пробежал по телу — я поняла, что при любом раскладе сегодня ночью потеряю одного из них. Если мы спасем Лиссу, умрет Дмитрий. Если он уцелеет, погибнет она. У этой истории нет счастливого конца; так или иначе, мое сердце будет разбито.

Адриан нежно прикоснулся губами к моему лбу.

— Будь осторожна, Роза. Что бы ни происходило, пожалуйста, пожалуйста, будь осторожна. Я не могу потерять тебя.

Ну что на это скажешь? В душе бушевало столько разнородных чувств,

что даже думать связно я не могла, не то что говорить. Вместо ответа я вскинула голову и поцеловала Адриана, и потрясение от всего уже случившегося и еще предстоявшего наполнило этот поцелуй чувством, как никакой другой. В нем дышала моя жажда жизни, мое желание вызволить Лиссу и вернуться в объятия Адриана, к его губам, к прикосновению рук...

— Хэзевей! Неужели мне придется поливать тебя водой из шланга?

Я резко оторвалась от Адриана и встретила сердитый взгляд Ганса: большинство внедорожников были уже загружены, ждали меня. Я взглядом попрощалась с Адрианом и улыбнулась ему, надеясь, что моя улыбка выглядит уверенно.

— Будь осторожна, — повторил он. — Спаси их — и возвращайся сама.

Вслед за теряющим терпение Гансом я направилась к машине и, забираясь на заднее сиденье, испытала странное ощущение *déjà vu*. Примерно так все было, когда Виктор похитил Лиссу, а я едва не замерзла. Тогда я ехала примерно в таком же черном внедорожнике, направляя стражей туда, где находилась Лисса. Только рядом со мной сидел Дмитрий — замечательный, храбрый Дмитрий. Воспоминания так врезались в сознание и сердце, что и сейчас я могла мысленно восстановить каждую деталь: жест, которым он заправлял волосы за уши, напряженный взгляд его карих глаз, и как он жал на газ, чтобы побыстрее добраться до Лиссы. Он был исполнен решимости и готовности сделать то, что считал правильным.

Нынешний Дмитрий — Дмитрий-стригой — тоже был исполнен решимости, но совершенно в другом смысле.

— Сумеешь вывести нас на них? — спросил Ганс с переднего сиденья. Чья-то рука мягко сжала мои пальцы, я вздрогнула и увидела рядом с собой... Ташу; я даже не заметила, что она едет с нами. — Мы рассчитываем на тебя.

Я кивнула, в лучших традициях стражей сохраняя бесстрастное выражение лица и стараясь выкинуть из головы конфликт между двумя Дмитриями. Стараясь не вспоминать, что той же ночью, когда мы преследовали Лиссу и Виктора, я и Дмитрий пали жертвой заклинания вождения...

— Езжайте в Лихай, — спокойно сказала я, уже настроившись на профессиональную волну. — Когда будем ближе, я подскажу вам.

Спустя примерно двадцать минут я почувствовала, что Лисса и те, кто с ней, остановились. По-видимому, убежище Дмитрия находилось неподалеку от университета; что же, так нам будет легче их найти.

Конечно, напомнила я себе, Дмитрий сам хочет, чтобы его нашли. Понимая, что совсем скоро без моих подсказок стражам не обойтись, я собрала всю свою решимость и нырнула в сознание Лиссы.

Особого вреда Лиссе и Кристиану не причинили — если не считать того, что их тащили и толкали. Сейчас они сидели в помещении, похожем на чулан, в котором давно никто не бывал. Все покрывал такой толстый слой пыли, что предметы на шатких полках стали неразличимы — то ли инструменты, то ли бумаги, то ли коробки. Комнату освещала единственная голая лампочка, придавая всему мрачный, неестественный вид.

Лисса и Кристиан сидели в деревянных креслах с прямыми спинками, руки им связали за спиной. На мгновение снова вернулось ощущение déjà vu. Припомнилась прошлая зима, когда меня и моих друзей тоже захватили стригой и держали привязанными к креслам. Они пили кровь Эдди, а потом убили Мейсона...

«Нет, не думай об этом, Роза. Лисса и Кристиан живы. Пока с ними ничего плохого не произошло. И не произойдет».

Естественно, мысли Лиссы были сосредоточены на настоящем моменте, но, покопавшись в ее сознании, я смогла разглядеть здание, куда их затащили. По-видимому, это был товарный склад, старый и заброшенный; подходящее место для стригоев.

Четверо из этих последних находились здесь же, в чулане, но Лисса замечала только одного — Дмитрия, и я прекрасно ее понимала. Даже мне было тяжело видеть его в облике стригоя, а ведь я провела с Дмитрием в России немало времени и отчасти привыкла к перемене в нем, хотя порой она и меня заставляла врасплох. Для Лиссы же это стало настоящим шоком.

Сегодня темные волосы Дмитрия были распущены — когда-то мне это очень нравилось. Он быстро расхаживал по чулану туда и обратно, вздымая маленькие вихри пыли. По большей части при этом он оказывался спиной к Лиссе, что усиливало ее беспокойство — не видя его лица, она не могла отделаться от чувства, что это прежний Дмитрий. На ходу он спорил с остальными тремя, излучая почти физически ощутимое возбуждение.

— Если стражи и впрямь едут сюда, — сердито проворчала женщина-стригой, — тогда нужно выставить снаружи пост.

Высокая и рыжеволосая, до обращения она, видимо, была моройкой. Судя по ее тону, она не верила, что стражи приближаются.

— Они едут сюда, — заверил Дмитрий, и от хорошо знакомого акцента у меня заболело сердце. — Я знаю это.

— Тогда позволь мне выйти и покараулить снаружи! — взорвалась она. — Чтобы нянчиться с этими двоими, мы тебе не нужны.

Она говорила презрительным тоном, что вполне объяснимо. Все в вампирском мире знают, что морой никогда не дают отпор, а Лисса и Кристиан к тому же были связаны.

— Ты их не знаешь, — ответил Дмитрий. — Они опасны. Я даже не уверен, что мы справимся.

— Чушь какая-то!

Одним плавным, молниеносным движением Дмитрий развернулся и нанес женщине удар в лицо; вытаращив газа от удивления и ярости, она отшатнулась на несколько шагов. А он снова принялся расхаживать туда-сюда.

— Ты останешься здесь и будешь охранять их, пока я не разрешу тебе уйти, поняла?

Злобно глядя на него, она осторожно дотронулась до лица, но ничего не сказала. Дмитрий перевел взгляд на остальных.

— И вы тоже. Если стражи сумеют прорваться внутрь, придется сражаться.

— Откуда ты знаешь, что они приближаются? — спросил второй стригой, черноволосый. Возможно, раньше он был человеком, а подобные обращения редки.

Слух у стригоев потрясающий, но эта перебранка позволила Лиссе незаметно заговорить с Кристианом.

— Можешь пережечь мою веревку? — пробормотала она еле слышно. — Как тогда, с Розой?

Кристиан задумался. Когда нас вместе захватили в плен, именно он освободил меня — хотя это было чертовски больно и оставило волдыри на пальцах и запястьях.

— Они заметят, — так же тихо ответил он.

На этом их разговор закончился, потому что Дмитрий внезапно остановился и повернулся к Лиссе.

Это неожиданное движение испугало ее. Быстро подойдя к ней, он опустился на колени и заглянул ей в глаза. Несмотря на все старания, она не могла сдержать дрожь. Впервые она оказалась так близко к стригою, и тот факт, что это был Дмитрий, только ухудшал ситуацию. Казалось, красные кольца вокруг его зрачков прожигали, клыки изготовились к нападению.

Он протянул руку, схватил ее за шею и запрокинул голову назад, чтобы лучше видеть глаза. Его пальцы впились в тонкую кожу, не мешая дышать, но достаточно сильно, чтобы позже появились синяки. Если это «позже» наступит.

— Я знаю, что стражи приближаются, потому что Роза следит за нами, — сказал он. — Ведь так, Роза?

Он слегка ослабил хватку и провел кончиками пальцев по горлу Лиссы, вроде бы нежно... хотя не вызывало сомнений, что ему ничего не стоит сломать ей шею.

В этот момент возникло ощущение, будто он смотрит мне в глаза. Заглядывает в мою душу. Я почти ощущала, будто он поглаживает мое горло. Я понимала, что это невозможно. Связь существовала только между Лиссой и мной. И тем не менее казалось, что остались только он и я, как если бы никакой Лиссы между нами не было.

— Ты здесь, Роза. — Безжалостная улыбка заиграла на его губах. — И не бросишь их. Но у тебя хватит ума прийти не одной? Может, если бы ты решилась на это... Но нет, больше нет.

Не в силах смотреть в его глаза, я вырвалась из сознания Лиссы. Я тоже дрожала от ужаса — не знаю, был это ужас Лиссы или мой собственный. Постаралась успокоить бешеный стук сердца. Оглянулась по сторонам — не заметил ли кто-нибудь, что со мной происходит? Но все горячо обсуждали стратегию действий; все, кроме Таши.

Взгляд ее холодных голубых глаз был прикован ко мне, на лице читалось беспокойство.

— Что ты увидела?

— Страшный сон, — пробормотала я, отводя взгляд. — Мой самый страшный сон, который становится явью.

Шестнадцать

Все увиденное глазами Лиссы расплывалось от смятения и ужаса, поэтому я не сумела точно сосчитать, сколько стригоев в группе Дмитрия. Теперь стражи знали, что нас ждут, и прикидывали, сколько человек нужно послать. На эффект неожиданности рассчитывать не приходилось; значит, необходимо задавить их численно, рассудил Ганс. Он привез с собой всех стражей, которых смог взять без ущерба для безопасности двора. Вообще-то двор окружали защитные кольца, но совсем без стражей оставлять его нельзя.

Помогли новоиспеченные стражи: они-то и остались при дворе, давая возможность опытным коллегам принять участие в экспедиции. Таким образом набралось около сорока человек — необычно много. Как правило, стражи охраняют мороев парами или, самое большее, тройками. Такой крупный отряд участвовал лишь в сражении при нападении стригоев на Академию.

Ганс приказал остановить колонну неподалеку от склада, где засели стригой. Дом стоял на подсобной дороге, ответвляющейся от шоссе. Это был индустриальный район, не какой-нибудь лесопарк, однако все предприятия в такое позднее время уже закрылись. Выйдя из машины, я окунулась в теплый вечерний воздух. Его повышенная влажность казалась особенно гнетущей — я и без того тяжело дышала от волнения.

К тому же, едва выйдя на дорогу, я сразу почувствовала тошноту. Дмитрий так и не выставил караул на подступах к складу, а значит, у нас сохранялся хоть какой-то шанс напасть неожиданно. Ганс подошел ко мне, и я передала ему то небольшое, что стало мне известно.

— Но ты можешь найти Василису? — спросил он.

— Достаточно попасть в здание, и связь приведет меня прямо к ней, — кивнула я.

Он перевел взгляд на шоссе, по которому проносились автомобили.

— Если хоть сколько-то их находятся снаружи, они учуют и услышат нас первыми. — Свет фар летящих мимо машин скользил по его задумчивому, озабоченному лицу. — Ты говоришь, там три группы стригоев?

— Насколько я могу судить. Одна группа с Лиссой и Кристианом, вторая снаружи. — Я помолчала, стараясь представить себе, что Дмитрий предпринял бы в такой ситуации: ведь я достаточно хорошо знала его, даже

как стригоя, чтобы вычислить его стратегию. — И еще одна внутри здания, но не в самом чулане.

Последнее предположение было высказано наугад, чисто инстинктивно. Лучше рассчитывать на столкновение с тремя группами противника.

— Тогда мы тоже войдем туда тремя командами. — Ганс воспринял мои слова с полным доверием. — Ты возглавишь группу захвата. Вторая будет сопровождать вас и примет на себя удар тех, кто окажется внутри, давая возможность вам добраться до заложников.

Это звучало так... по-военному. Группа захвата. Заложники. И я в качестве... лидера группы. Это было разумное решение, учитывая нашу связь, но в прошлом стражи всегда лишь использовали мое знание, а саму меня отодвигали в сторону.

«Приветствую тебя в качестве стража, Роза».

В школе инструктора прогоняли нас через всевозможные сценарии схватки со стригоями, придумывая самые, казалось бы, невероятные варианты. Тем не менее сейчас, когда я глядела на темный склад, все эти упражнения казались просто игрой, чрезвычайно далекой от того, с чем предстояло иметь дело. Большая ответственность на миг смутила меня, но я быстро справилась с собой. Это то, чему меня учили, ради чего я вообще появилась на свет. Мои личные страхи не важны. «Морой идут первыми». Время доказать, что я понимаю это.

— Как мы будем действовать, учитывая, что подкрасться незаметно не получится? — спросила я.

Почти озорная улыбка тронула губы Ганса, и он изложил мне свой план. Его тактика выглядела смелой, даже безрассудной. В моем собственном стиле.

И в соответствии с ней все завертелось. Сторонний наблюдатель решил бы, что мы тут задумали коллективное самоубийство. Возможно, он не сильно и ошибался, но по большому счету это не имело значения. Стражи не могли бросить на произвол судьбы последнюю принцессу рода Драгомир, а я не могла бросить Лиссу, даже если бы на свете жили еще миллион представителей этой славной семьи.

Итак, поскольку вариант тайного проникновения на склад отпадал, Ганс предпочел полномасштабную атаку. Наша группа разместилась в восьми внедорожниках и на недозволенной скорости понеслась по улице. Выстроившись в колонную по две машины в ряд, мы занимали всю ширину дороги, угрожая встречному транспортному потоку; перед складом машины остановились, взвизгнув шинами, члены отряда повалили наружу.

Если врага нельзя удивить внезапностью, остаются быстрота и натиск.

И некоторые стригои действительно удивились. Ясное дело, они заметили наше приближение, но оно оказалось таким стремительным, что почти не оставило им времени среагировать. Учитывая, однако, что это были быстрые, смертоносные существа, этого «почти» им хватило. Они напали на нас, и оставленная снаружи команда Ганса бросилась на них, не давая приблизиться к моей группе и группе сопровождения. Именно к этой команде были прикреплены морейские «заклинатели огня» — ведь если бы они пользовались своей магией внутри здания, это вызвало бы пожар.

Моя команда обошла место схватки и, естественно, наткнулась на нескольких стригоев, не принявших в ней участия. При встрече на меня навалилась неизбежная тошнота, но я уже научилась не обращать на нее внимания. Ганс приказал ни в коем случае не останавливаться, если только стригои не окажутся прямо на пути; он и еще один страж прикрывали меня с обеих сторон. Он хотел, чтобы я привела их к Лиссе и Кристиану без всякого промедления.

Пробившись в дом, мы оказались в мрачном коридоре, заблокированном стригоями. Я не ошиблась — Дмитрий поставил караульных совсем рядом с чуланом, где держал пленников. Пространство было такое узкое, что на некоторое время воцарился хаос. Лисса находилась совсем рядом и мысленно зывала ко мне. Я сгорала от нетерпения, не в силах дожидаться, пока коридор очистится. Моя команда держалась позади, не участвуя в схватке. Я видела, как падали и стражи, и стригой, но изо всех сил сдерживалась, стараясь не отвлекаться. Сейчас нужно сражаться, печалиться будем потом. Лисса и Кристиан. Я должна полностью сосредоточиться на них.

— Вон туда.

Ганс потащил меня за руку в образовавшийся впереди просвет. Схватка продолжалась, отвлекая стригоев, и я получила возможность прошмыгнуть между ними. Мы бросились по коридору, который выходил в большое пустое пространство — центральную часть склада, засыпанную мусором и какими-то обломками.

В этом помещении имелось несколько дверей, но сейчас я и без всякой связи могла сказать, где именно находится Лисса: перед одной из них стояли трое стригоев. Это не имело значения — в моей группе было десять человек. Стригой зарычали, напрягшись в предвкушении нашего нападения. По безмолвному сигналу половина моей команды занялась ими, остальные начали ломать дверь.

Я была полностью сосредоточена на связи с Лиссой, но тем не менее

мысль о Дмитриии все время всплывала в глубине сознания. Мы успели столкнуться со множеством стригоев, но его среди них не было. Чтобы не рассеивать внимание, я не проникала в сознание Лиссы, но была уверена, что он там с ней в чулане, поскольку знает, что туда я непременно приду. Ждет, чтобы встретиться со мной лицом к лицу.

«Сегодня ночью один из них умрет. Лисса или Дмитрий».

Поскольку мы уже были у цели, я больше не нуждалась в дополнительной защите. Ганс заколол первого стригоя, с которым столкнулся, пронесся мимо меня и ввязался в схватку. Остальные действовали в том же духе. Наконец мы проникли в чулан. Тот хаос, с которым мы столкнулись по пути сюда, теперь казался сущим пустяком по сравнению с тем, что воцарилось внутри. В крошечное помещение набилось такое количество стригоев и стражей, какое едва могло здесь поместиться, а они еще и сражались! На меня бросилась женщина-стригой — та, которую раньше ударил Дмитрий. Я среагировала машинально и сама почти не заметила, как пронзила ей сердце. В этой комнате, где все кричали, кидались друг на друга и падали замертво, я видела лишь троих: Лиссу, Кристиана и Дмитрия.

И вот я наконец нашла его. Скрестив на груди руки, он стоял у дальней стены возле моих связанных друзей, будто король, обзирающий поле битвы, и никто не нападал на него. Его взгляд с веселым вызовом остановился на мне. Мы оба понимали: вот где все закончится. Я проталкивалась сквозь толпу, увертываясь от стригоев, а мои коллеги расчищали мне путь. Все случившееся до сих пор сходилась в одной точке, вело к этому моменту: к решающему поединку между Дмитрием и мной.

— Ты прекрасна в бою, — сказал Дмитрий, и даже сквозь рев битвы до меня явственно донесся его холодный голос. — Словно ангел мщения, явившийся, чтобы восстановить небесную справедливость.

— Забавно. — Я удобнее перехватила кол. — Вот, значит, зачем я здесь.

— Ангелы смертны, Роза.

Благодаря нашей связи я внезапно почувствовала в Лиссе вспышку боли. Ожог. Уголком глаза заметив движение ее рук, я поняла, что произошло. Кристиан сделал то, о чем она его просила: пережег веревку. Она, в свою очередь, освободила от пут его. Мое внимание снова сместилось к Дмитрию. Хорошо, что Лисса и Кристиан свободны, им легче будет сбежать, когда мы разделаемся со стригоями. Если разделаемся...

— Сколько трудов, чтобы заманить меня сюда! — сказала я Дмитрию. — Сколько людей погибнет — и твоих, и моих.

Он пожал плечами: его это не волновало. Я почти добралась до места, и передо мной остался только один стригой, сражавшийся со стражем; мертвенно-бледный и лысый, он выглядел еще гаже. Я обошла их.

— Что за важность? — Дмитрий напрягся при моем приближении. — Тот, кто дает себя убить, не стоит сожаления.

— Жертва и хищник, — пробормотала я, вспомнив, что он говорил мне, когда держал в плену.

Никто больше не стоял между нами, и я уже могла дотянуться до него. Однако нынешняя ситуация не позволяла, как в прежних случаях, оценить возможные действия противника и спланировать атаку. Из-за тесноты в чулане мы оба невольно держались ближе друг к другу, и я оказалась в невыгодном положении. Физически стригои превосходят стражей, а возместить недостаток силы подвижностью не позволяла обстановка.

Дмитрий выжидал, пока я сделаю первый ход. Он занял хорошую позицию, не позволяющую мне добраться до его сердца. Я, конечно, могла оцарапать его колом в каком-то другом месте, но зато на таком близком расстоянии он имел возможность нанести мне очень мощный удар. Поэтому я тоже решила выждать.

— Все эти смерти на твоей совести, знаешь ли, — заговорил он. — Если бы ты позволила мне пробудить тебя... и мы были бы вместе... ничего этого не произошло бы. Мы оставались бы в России, в объятиях друг друга, и все твои приятели были бы в безопасности. Никто бы не погиб. Это все твоя вина.

— А как насчет людей, которых мне пришлось бы убивать в России? — спросила я. Он слегка переменял позу — неужели готов открыться? — Разве они были бы в безопасности, если бы я...

Грохот слева заставил меня вздрогнуть. Кристиан, освободившись, обрушил кресло на сражающегося со стражем стригоя, но тот отмахнулся от него, как от мухи. Кристиан отлетел, стукнулся спиной о стену и с ошеломленным видом сполз на пол. Рядом с ним мгновенно оказалась Лисса, а в руке у нее сверкнул кол! Понятия не имею, откуда она взяла его — может, из руки погибшего стража, а может, стригоям даже в голову не пришло обыскать ее. Ничего удивительного — с какой стати морой стал бы таскать с собой кол?

— Прекратите! Держитесь в стороне! — закричала я на них и снова переключила внимание на Дмитрия.

Воспользовавшись тем, что я отвлеклась на мгновение, он потянулся к моей шее, но я сумела увернуться, даже не глядя на него. Тем не менее он схватил меня за плечо и толкнул с такой же силой, как перед этим другой

стригой Кристиана. Однако годы обучения не прошли даром, и, в отличие от своего друга, я лишь слегка пошатнулась, но тут же восстановила равновесие.

Оставалось только молиться, чтобы Кристиан и Лисса послушались меня и не наделали глупостей. Я не могла отвлекаться от Дмитрия, а иначе мне конец. Стражей было существенно больше, но в борьбе со стригоями это не всегда помогает. И все же я надеялась, что мои коллеги одержат победу и я смогу сделать то, что должна.

Дмитрий засмеялся, когда я увернулась.

— Для десятилетней девочки это был бы впечатляющий ход. Вот твои друзья... они тоже сражаются на уровне десятилетних. Но для мороев это просто прекрасно.

— Ну, посмотрим, что ты скажешь, когда я убью тебя.

Я сделала ложный выпад, чтобы проверить его внимание. Он грациозно, словно танцор, шагнул в сторону.

— Ты не сможешь, Роза. Неужели до тебя это еще не дошло? Тебе не по силам одолеть меня. Но даже если бы ты и сумела, ты не сможешь заставить себя убить меня. В последний момент снова дрогнешь.

Нет, на этот раз я не буду колебаться, вот чего он не понимал. Он допустил ошибку, когда вовлек в это дело Лиссу, и это все изменило. Ее жизнь оказалась под угрозой, а в этом случае я не стану колебаться.

Дмитрию, видимо, надоело дожидаться меня — он бросился вперед и снова потянулся к моей шее. И снова я уклонилась, так что вся сила удара пришлась на плечо, но на этот раз он сумел вцепиться в него и рванул меня к себе. Выражение триумфа вспыхнуло в красных глазах. В этой тесноте я ничего не могла сделать, моя смерть была неминуема. Он получил, что хотел.

Вот только, как выяснилось, не он один хотел добраться до меня. Второй стригой, возможно рассчитывая помочь Дмитрию, протолкался к нам и потянулся ко мне. Дмитрий с выражением яростной ненависти обнажил клыки.

— Мое! — прошипел он, ударил стригоя, чего тот явно не ожидал и...

...при этом открылся. Отвлекшись на мгновение, он слегка ослабил хватку. Та самая теснота, которая так затрудняла мои действия, вдруг обернулась мне на пользу. Его грудь, его сердце были совсем рядом, и в руке я сжимала кол.

Никогда впоследствии я не могла точно оценить, сколько времени заняла последовавшая за тем цепочка событий. Казалось, что всего миг, но при этом возникло ощущение, будто время остановилось и весь мир вокруг

замер.

Мой кол устремился к нему, и, снова обратив на меня взгляд, он, по-моему, поверил, что я убью его. Я не колебалась. Острие приближалось к его груди...

И тут что-то с силой ударило меня справа, отбросив прочь от Дмитрия. Я пошатнулась и едва устояла на ногах. Обычно во время схватки я стараюсь следить за всем происходящим вокруг, однако сейчас утратила бдительность. Слева от меня боролись стригой и стражи. Справа была стена, а также... Лисса и Кристиан.

И это именно они меня толкнули.

По-моему, Дмитрий удивился не меньше. А еще больше он удивился, когда к нему с колом в руке устремилась Лисса. Словно вспышка молнии, меня благодаря нашей связи озарило понимание того, что на протяжении всего последнего дня она очень, очень старательно скрывала: она сумела напитать кол энергией духа! Вот почему во время последней тренировки с Грантом и Сереной она была так взвинчена. И осознание того, что теперь она владеет уже готовым оружием, подхлестывало желание воспользоваться им. Можно только представить, каких усилий ей стоило скрывать эту информацию от меня! Наверное, не меньших, чем подготовить свое оружие.

Но какая разница? Зачарован кол или нет, она не могла даже близко подойти к Дмитрию. Он тоже понимал это, и его удивление мгновенно сменилось восхищением с оттенком веселости, почти снисходительности — как если бы он наблюдал за детской шалостью. Лисса двигалась слишком медленно, неуклюже и была слишком слаба.

— Нет! — закричала я и метнулась к ним, хотя почти не сомневалась, что не успею.

Внезапно передо мной вспыхнула жаркая стена огня; хорошо хоть, я успела вовремя остановиться. Огонь бил прямо из пола, образуя вокруг Дмитрия кольцо, не подпускающее меня к нему. В первое мгновение я растерялась, но тут же сообразила, что это дело рук Кристиана.

— Прекрати! — Я не знала, что делать — то ли напасть на Кристиана, то ли прыгнуть в огонь. — Ты сожжешь всех нас заживо!

Чувствовалось, что огонь под контролем — Кристиан многого достиг в этой области, — но чулан был настолько тесен, что даже контролируемое пламя грозило смертельной опасностью. Другие стриги тоже попятились.

Пламя стягивалось к Дмитрию все плотнее и плотнее. Он вскрикнул, и даже сквозь огонь я разглядела на его лице выражение боли. Его пальто занялось, повалил дым. Что-то во мне кричало, что нужно как-то

остановить это... но, с другой стороны, зачем? Я здесь, чтобы убить Дмитрия. Ну и что, если это сделает кто-то другой?

И тут я заметила, что Лисса не отказалась от попыток напасть на него. Пламя вокруг отвлекало Дмитрия, он кричал, стараясь сбить его. Я тоже кричала... на него или на нее, трудно сказать. Рука Лиссы прошла сквозь пламя, и благодаря связи я ощутила боль ожога, сейчас более сильную, потому что один ожог она уже получила — когда Кристиан освобождал ее от веревки. И все же она продолжала наступать, не обращая внимания на боль и нацелив кол точно в сердце Дмитрия.

Кол вошел в плоть, пронзая ее. Но...

Как и во время тренировок с подушками, у нее не хватало сил вогнать оружие как следует. Сжимая его обеими руками, наваливаясь всей своей тяжестью, она толкала и толкала, кол проникал дальше, но все еще недостаточно глубоко. В другой раз такая медлительность наверняка стоила бы ей жизни, однако это был особый случай. Дмитрий не мог бороться одновременно с Лиссой и с пожиравшим его огнем, он лишь пытался удержать кол, не позволить ему достать до сердца, но Лисса, с искаженным от усилий лицом, продолжала давить.

И все-таки этого было мало.

Наконец здравый смысл вернулся ко мне, и я осознала, что должна остановить все это. Если Лисса и дальше будет пытаться заколоть Дмитрия, то попросту сгорит, но и цели не достигнет — у нее для этого нет ни сил, ни умения. Либо я должна заколоть его сама, либо нужно просто предоставить дело огню. Я шагнула вперед; периферийным зрением Лисса заметила меня и окатила волной магии принуждения.

«Нет! Это должна сделать я!»

Я уперлась в невидимую стену и замерла в оцепенении — отчасти под воздействием магии, отчасти от самого осознания того факта, что она применила ее ко мне. Впрочем, я быстро пришла в себя. Ей было не до меня, и вдобавок я всегда хорошо сопротивлялась магии принуждения.

Тем не менее Лисса сумела воспользоваться моим, пусть и совсем недолгим промедлением. Преодолевая жгучую боль ожога, она изо всех сил нажала на кол, вгоняя его в сердце Дмитрия. И пусть она по-прежнему действовала неловко, в конце концов кол сделал свое дело — пронзил его сердце. И как только это произошло, я почувствовала, что из души Лиссы хлынул поток магической энергии, хорошо знакомой. Это была магия исцеления.

Вот только... он был в сотни раз сильнее, чем мне когда-либо приходилось ощущать прежде. Я оцепенела, как совсем недавно под

действием магии принуждения. Чувство было такое, словно в меня ударила молния и нервы взорвались.

Внезапно вокруг Лиссы вспыхнул ослепительно белый свет, по яркости во много раз превосходящий огонь Кристиана. Казалось, прямо посреди комнаты упал кусок солнца. Вскрикнув и инстинктивно прикрывая руками глаза, я попятилась. Судя по звукам, все остальные среагировали так же.

На мгновение связь между нами исчезла, я перестала чувствовать Лиссу — и ее боль, и ее силу — и ощущала душой лишь ту же бесцветную пустоту, как и перед глазами, ослепленными заливающим чулан белым светом. Потом свет просто исчез. Не постепенно — в мгновение ока, словно щелкнули выключателем. Тишину нарушало лишь чье-то растерянное бормотание. Видимо, этот свет ранил чувствительные глаза стригоев, и даже мне пришлось несладко — сияющие точки до сих пор плясали передо мной, мешая отчетливо разглядеть окружающее.

Наконец, сильно сощурившись, я снова смогла видеть. Огонь погас, оставив после себя лишь пятна копоти на стенах, потолке и плывущий в воздухе дым. Мне казалось, что повреждения должны быть гораздо серьезнее. Впрочем, до того ли сейчас было? Прямо у меня на глазах разворачивалось новое чудо.

Не просто чудо. Волшебная сказка.

Лисса и Дмитрий очутились на полу, одежда обоих сильно пострадала от огня. На нежной коже девушки отчетливо выделялись розовые и красные пятна ожогов. В особенности пострадали запястья; кое-где на них даже проступила кровь. Ожоги третьей степени, так вроде бы учили нас в школе. Тем не менее она, казалось, не чувствовала боли.

И этими своими обожженными руками она гладила волосы Дмитрия.

Если она сидела более-менее прямо, то он нескладно раскинулся на полу. Его голова покоилась на коленях Лиссы, и она нежными движениями снова и снова проводила пальцами по его волосам — как будто хотела успокоить. Ее лицо, пусть и сильно обожженное, буквально светилось состраданием. Дмитрий назвал меня ангелом мщения, но она сейчас казалась ангелом милосердия — когда, глядя на него, шептала ничего не значащие, успокаивающие слова.

Помня, с какой яростью пожирал его огонь, и видя, в какое состояние пришла его одежда, я думала, что Дмитрий обгорел до костей и от него остался лишь почерневший, обугленный скелет. Но нет, лицо совсем не пострадало, на смуглой коже не было ожогов, и оно выглядело точно так же, как во время первой нашей встречи. Я заметила это, когда он на

мгновение приподнял голову и тут же снова уронил ее на колени Лиссе. И еще я успела разглядеть карие глаза, их бесконечную глубину, в которой так часто тонула с головой. Никаких красных кругов.

Дмитрий больше не был стригоем.

И он плакал.

Семнадцать

Все затаили дыхание.

Тем не менее даже эти чудеса не могли отвлечь стражей от их дела — и стригоев тоже. Спустя несколько мгновений сражение возобновилось с новой силой. Стражи побеждали и, прикончив последнего стригоя, внезапно бросились к Лиссе, пытаясь оттащить ее от Дмитрия. К всеобщему удивлению, она с силой вцепилась в него и даже предприняла неумелую попытку отбиться от окруживших ее стражей; в это мгновение она напомнила мне мать, защищающую свое дитя.

Дмитрий так же крепко держался за нее, но где им было устоять перед таким количеством противников, и в конце концов их оторвали друг от друга. Стражи, недоумевающие, сбитые с толку, громко кричали, решая, нужно ли убить Дмитрия. Сейчас это не составило бы труда — он был совершенно беспомощен, даже едва мог стоять, когда его подняли на ноги.

Это заставило меня очнуться. Раньше я просто смотрела, в полном оцепенении и онемении. Справившись с собой, я ринулась вперед, толком не понимая к кому, Лиссе или Дмитрию.

— Нет! Не делайте этого! — закричала я, увидев, что некоторые стражи вскинули колы. — Он больше не стригой! Посмотрите на него!

Мне вторили Лисса и Кристиан. Кто-то схватил меня и потащил назад, говоря, что тут есть кому разобраться с этим делом. Не раздумывая, я развернулась и врезала ему в лицо, слишком поздно поняв, что это Ганс. Он отступил, с видом скорее удивленным, чем сердитым. Но тут же на меня набросилось несколько его подчиненных. Сопротивление оказалось бесполезным: стражей было много, а я одна, и к тому же я не могла бить их по-настоящему, как стригоев.

Когда стражи выводили меня, я заметила, что Лиссы и Дмитрия в чулане уже нет. Я закричала, требуя сказать, где они, но никто и внимания не обратил. Меня потащили вон из склада, мимо огромного множества тел — в основном они принадлежали стригоям, но я узнала и некоторых стражей из подразделения двора. Сражение окончились, мы победили, но очень дорогой ценой. Сейчас уцелевшим стражам предстояло тут все зачистить. Я не удивилась бы, если бы появились алхимики, но в данный момент это волновало меня меньше всего.

— Где Лисса? — спросила я, когда меня затолкали во внедорожник и два незнакомых стража сели по бокам. — Где Дмитрий?

— Принцесса в безопасности, — ответил один из стражей.

Оба глядели прямо перед собой и не прореагировали на вопрос о Дмитрие. Может, его уже и в живых нет.

— Где Дмитрий? — повторила я уже громче. — Он с Лиссой?

На этот раз ответ я получила.

— Конечно нет, — произнес тот же страж.

— Он... Он жив?

Ужасный вопрос, однако я должна была знать. Неприятно признавать это, но на месте Ганса я не надеялась бы на чудеса и прикончила любого, кто мог нам угрожать.

— Да, — наконец ответил водитель. — Он... жив.

И больше ничего я от них не добилась, хотя без устали задавала вопросы и даже требовала выпустить меня из машины. Они игнорировали мои вопли с впечатляющей невозмутимостью. Я даже не была уверена, понимали ли они, что на самом деле произошло, ведь все случилось так быстро. Стражи знали одно — им приказано увести меня со склада.

Я все время надеялась, что к нам подсядет кто-нибудь знакомый — Кристиан, Таша... пусть даже Ганс; но нет, меня окружали все новые для меня лица.

Когда машина заполнилась и тронулась в путь, я наконец сдалась и откинулась на сиденье. За нами следовали и другие внедорожники, но я не знала, в них мои друзья или нет.

Связь между мной и Лиссой начала медленно восстанавливаться, хотя была еще очень слаба. Я знала лишь то, что она жива и по-прежнему для меня доступна. Чему удивляться — наш внутренний канал не выдержал нагрузки и теперь работал нестабильно. Каждый раз при попытке проникнуть в ее сознание я натывалась на ослепляюще яркий свет. Оставалось надеяться, что это временные неполадки. Мне очень, очень нужно было понять, что именно произошло.

Я все еще отчасти пребывала в шоке, и долгий путь назад ко двору дал мне возможность обдумать немногие очевидные факты. Больше всего мне хотелось увидеться с Дмитрием, но сперва нужно было проанализировать все происшедшее с самого начала.

Первое: Лисса зачаровала кол и скрыла эту информацию от меня. Когда? Еще до поездки в университет? Уже в Лихае? Пока находилась в плену? Впрочем, вряд ли это имело значение.

Второе: несмотря на неудачные попытки с подушками, она сумела вогнать кол в сердце Дмитрия. Это было нелегко, но Кристиан поддержал ее огнем. Я вздрогнула, вспомнив, как ужасно Лисса обожжена. До того,

как связь отключилась, я чувствовала ее боль и воочию видела ожоги. Вряд ли Адриана можно называть лучшим целителем в мире, но, надеюсь, его магии хватит, чтобы излечить ее раны.

Третий и последний факт... полно, факт ли это вообще? Лисса заколола Дмитрия, использовала магию исцеления... а потом? Что потом? Что произошло, что означал тот магический «ядерный взрыв»? В действительности ли произошло то, что я, как мне казалось, видела?

Дмитрий... изменился.

Он больше не был стригоем, это я чувствовала сердцем, хотя видела его лишь мельком. Черты стригоя исчезли. Лисса совершила то, что, по уверениям Роберта, для этого требовалось, и вложила столько магии, что вполне могла сделать невозможное возможным. Перед моим внутренним взором возник образ Дмитрия, жмущегося к Лиссе, его залитое слезами лицо. Никогда не видела его таким уязвимым. И не думаю, что стригой может плакать.

Сердце мучительно дрогнуло, и я быстро заморгала, чтобы сдержать подступающие слезы. Оглянулась по сторонам. Небо снаружи уже посветлело; приближался восход. У стражей в машине были усталые лица — но, судя по блеску глаз, бдительности они не утратили. Я потеряла счет времени, однако внутренние часы подсказывали, что мы уже совсем недалеко от двора.

Я снова проверила связь с Лиссой, все еще очень нестойкую. Она как бы то включалась, то выключалась, постепенно восстанавливаясь. Я испустила вздох облегчения — и то хорошо. Когда несколько лет назад связь впервые возникла, это казалось таким странным, почти фантастическим, но со временем она стала неотъемлемой частью моей жизни, и теперь уже ее отсутствие воспринималось как нечто противоестественное.

Глядя вокруг глазами Лиссы, я надеялась увидеть Дмитрия — если он едет в одной машине с ней. Того, что я мельком заметила на складе, было недостаточно. Я жаждала увидеть его еще раз, понять, вправду ли произошло чудо. Хотелось снова и снова вглядываться в эти черты — того Дмитрия, каким он был когда-то и которого я любила.

Однако его с Лиссой не было. Зато Кристиан оказался рядом и повернулся к ней, когда она зашевелилась. Она поспала немного, но все еще была очень слаба. Наверное, поэтому наша связь оставалась такой ненадежной, однако следить за происходящим я уже могла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Кристиан.

Его голос и взгляд были так выразительны, что, казалось, не заметить

этого просто невозможно. Увы, сейчас Лисса была слишком поглощена собой.

— Устала. Вымоталась. Как будто... Ну, не знаю. Как будто меня затянуло в ураган. Или переехало машиной. Представь себе что-нибудь самое ужасное — вот так я себя сейчас чувствую.

Он скупно улыбнулся и нежно прикоснулся к ее щеке. Еще больше открыв себя нашей связи, я почувствовала боль ожогов и прикосновение его пальцев к коже.

— Я ужасно выгляжу? — спросила она. — Кожа сгорела? Я, наверное, похожа на инопланетянку?

— Нет. — Он издал легкий смешок. — Ничего страшного. Ты прекрасна, как всегда.

Пульсирующая боль, которую Лисса ощущала, навела на мысль, что в действительности она пострадала сильнее, чем он говорит, но сам по себе комплимент и тон голоса Кристиана успокаивали. На мгновение мир сузился до его лица, освещенного лучами восходящего солнца.

И потом осознание всего происшедшего обрушилось на нее.

— Дмитрий! Мне нужно встретиться с Дмитрием!

Говоря это, она обвела взглядом лица стражей в машине. Как и со мной, никто, казалось, не желал с ней ничего обсуждать.

— Почему я не могу увидеться с ним? Почему его увезли?

На этот раз вопрос был обращен к Кристиану, и он ответил.

— Потому что они считают его опасным.

— Нет! Он не опасен. Он просто... Я нужна ему. Он сильно пострадал внутренне.

Внезапно Кристиан широко распахнул глаза, на лице возникло выражение паники.

— Он не... Ты же не связана с ним теперь?

Видимо, Кристиан вспомнил Эйвери. Она была связана сразу с несколькими людьми, и это полностью расшатало ее психику. Кристиан не слышал объяснений Роберта о том, что возвращенный к прежнему состоянию стригой не будет связан с тем, кто сделал это.

Лисса медленно покачала головой.

— Нет... Не знаю... Когда я исцеляла его, между нами возникла некоторая связь, я чувствовала ее. Мне пришлось... Не знаю, как объяснить. — Она провела рукой по волосам, огорченная тем, что не может описать действие своей магии словами. Усталость все сильнее овладевала ею. — Такое ощущение, будто мне пришлось оперировать его душу.

— Они считают его опасным, — мягко повторил Кристиан.

— Но это не так! — Она окинула сердитым взглядом своих спутников, смотревших куда угодно, только не на нее. — Он больше не стригой.

— Принцесса, — заговорил один из стражей, явно испытывая неловкость, — никто не знает, что произошло на самом деле. Вы не можете быть уверены, что...

— А я уверена! — В замкнутом пространстве ее возглас прозвучал очень громко, в нем ощущался королевский, повелительный оттенок. — Я точно знаю, ведь это я спасла его. Я вернула его обратно и ощущаю всем своим существом, что он больше не стригой!

Стражи молчали. Они выглядели сбитыми с толку, да и как могло быть иначе? Произошел беспрецедентный случай.

— Ш-ш-ш... — Кристиан накрыл ее руку своей. — Ты ничего не можешь сделать, пока мы не вернемся ко двору. Ты страдаешь, ты измучена...

Лисса понимала, что он прав, она страдает и измучена. Магическое воздействие обошлось ей очень дорого. И сделанное все же создало между нею и Дмитрием некую связь — не магическую, а личную. Она и впрямь испытывала к нему материнские чувства, была полна тревоги за него и желания защитить.

— Я должна увидеться с ним, — сказала она.

Она? А я?

— И увидишься, — уверенно заявил Кристиан, хотя вряд ли у него были для этого серьезные основания. — А сейчас постарайся отдохнуть.

— Не могу, — ответила она, хотя и подавила при этом зевок.

Он улыбнулся, обнял ее и притянул к себе, насколько позволял ремень безопасности.

— Попробуй.

Она положила голову ему на грудь; их близость сама по себе оказывала благотворное воздействие. Беспокойство за Дмитрия все еще не оставляло ее, но телу требовалось набраться сил. Наконец она начала засыпать в объятиях Кристиана, и последнее, что она услышала, был его шепот: *«С днем рождения тебя»*.

Двадцать минут спустя наша колонна добралась до двора. Я рассчитывала тут же получить свободу, но мои стражи не вылезали из машины, ожидая какого-то сигнала или указания, суть которого никто не потрудился объяснить мне. В итоге выяснилось, что ждали Ганса.

— Нет. — Он жестко положил руку мне на плечо, когда я выскочила из машины и попыталась рвануть... сама не зная куда. Туда, где был Дмитрий. — Подожди.

— Я должна увидаться с ним! — воскликнула я, стараясь вырваться, но Ганс стоял точно стена. А ведь ему этой ночью пришлось потрудиться гораздо больше, чем мне, но усталости я в нем не заметила. — Скажите, где он!

— Под замком. — К моему удивлению, Ганс все же ответил. — Ни тебе, ни кому-либо другому до него не добраться. Знаю, когда-то он был твоим учителем, но сейчас лучше держись от него подальше.

Голова у меня после всех событий этой ночи работала плохо, но потом на память пришли слова Лиссы.

— Он не опасен, — сказала я. — Больше он не стригой.

— Откуда такая уверенность?

Тот же вопрос задавали и Лиссе. Как могли мы честно ответить на него? Мы знали, потому что приложили невероятные усилия, чтобы выяснить, как трансформировать стригоя, и когда сделали все, что положено, последовал почти неконтролируемый выброс магической энергии. Разве это само по себе не доказательство? Разве изменившийся облик Дмитрия не доказательство?

Но ответила я в точности как Лисса:

— Просто знаю.

Ганс покачал головой; теперь стало заметно, как сильно он на самом деле устал.

— Никто не знает, что творится с Беликовым. Те, кто там присутствовал... Я сам сомневаюсь в том, что видел. Мне известно лишь, что совсем недавно он был у стригоев лидером, а теперь может выходить на солнце. Бессмыслица какая-то. Никто не знает точно, кто он сейчас.

— Он дампир.

— И до тех пор, пока мы не выясним это, — продолжал он, проигнорировав мое замечание, — он останется под замком и его будут изучать.

Изучать? Будто лабораторное животное? Я снова вспыхнула и чуть не закричала на Ганса, но вовремя сумела справиться с собой.

— Тогда мне нужно увидаться с Лиссой.

— Ее отправили в медицинский центр — она нуждается во врачебной помощи. И очень сильно. Тебе туда нельзя, — добавил Ганс, предугадывая мой следующий вопрос. — Половина стражей там. Ты будешь только путаться под ногами.

— Так что, черт побери, мне делать?

— Пойти и немного поспать. — Он криво улыбнулся. — Думаю, твое положение по-прежнему незавидное, но после того, что я видел там... Ну, я

свое мнение выскажу. Ты и впрямь умеешь сражаться. Держать тебя на канцелярской работе глупо. А теперь давай иди и отдохни.

И на этом все. Убеждать и просить его не имело смысла. Он обернулся к снующим вокруг подчиненным, а я, казалось, просто перестала для него существовать. Однако мои недавние грехи забыты, и канцелярская работа мне больше не грозит. Но действительно, что мне делать? Ганс в своем уме? Как я могу уснуть? Я должна что-то предпринять, должна увидеться с Дмитрием — но куда они поместили его? Скорее всего, в ту же недостижимую для меня тюрьму, где когда-то до суда сидел Виктор. Еще мне необходимо увидеться с Лиссой — однако ее упрятали в медицинский центр. Там меня никто и слушать не станет. Нужно обратиться к кому-то, имеющему влияние...

Адриан!

Может, он сумеет потянуть за нужные ниточки. У него уж точно есть связи. Черт, королева обожает его, несмотря на то что по жизни он сущий бездельник. Мне очень, очень трудно было это признать, и все же я понимала — увидеться с Дмитрием прямо сейчас практически невозможно. Но медицинский центр? Адриан может устроить мне свидание с Лиссой, сколько бы народу там ни толпилось. Наша с ней связь все еще работала нечетко, и, чтобы лучше понять случившееся с Дмитрием, я должна поговорить с ней напрямую. Плюс я хотела лично убедиться, что с ней все в порядке.

Однако когда я явилась туда, где при дворе останавливался Адриан, портье сообщил, что он не так давно ушел — вот она, ирония судьбы! — в медицинский центр. Я застонала. Конечно, он и должен быть там. Учитывая, что он обладает целительскими способностями, его вытащили бы и из постели. Пусть он в этом деле не очень силен, но определенно может оказаться полезен.

— Ты там была? — спросил меня портье, когда я уже собралась уходить.

У меня мелькнула мысль, что он говорит о медицинском центре.

— Что?

— Сражение со стригоями! Миссия спасения. Какие только слухи не ходят!

— Уже? И что же ты слышал?

— Говорят, что почти все стражи погибли, — взволнованно блестя глазами, ответил парень. — И что вы захватили в плен стригоя и привезли его сюда.

— Нет, нет... Раненых больше, чем погибших. А что касается всего

остального... — У меня перехватило дыхание. Что на самом деле произошло с Дмитрием? — Стригой снова стал дампиром.

Портье вытаращился на меня.

— Ты в своем уме?

— Я говорю правду! Это сделала Василиса Драгомир. Использовала силу стихии духа. Расскажи об этом всем.

И ушла, оставив его с отвисшей челюстью. Все, больше обратиться не к кому. Я отправилась к себе, чувствуя, что потерпела поражение на всех фронтах, но слишком взвинченная, чтобы спать. По крайней мере, так мне поначалу казалось. Пометавшись по комнате, я села на постель, решив, что должна что-нибудь придумать, но задолго до того, как сформировался хоть какой-то план, провалилась в тяжелый сон.

Едва проснувшись, я сразу ощутила боль во всем теле — начали сказываться полученные во время сражения удары. Взглянув на часы, я изумилась, поняв, как долго проспала. По вампирскому расписанию сейчас было позднее утро. Я торопливо приняла душ, сменила разорванную, окровавленную одежду и выскочила за дверь.

Люди занимались своими повседневными делами, но почти на каждом шагу я слышала разговоры о вчерашнем сражении на складе — и о Лиссе.

— Ты же знаешь, она может исцелять, — говорил один морой своей жене. — Почему не стригой? Почему не-мертвого?

— Это просто безумие, — возражала женщина. — Я никогда не верила в эти разговоры о стихии духа. Все это выдумали, просто чтобы скрыть тот факт, что у этой девушки Драгомир нет вообще никакой специализации.

Дальнейшую часть разговора я не дослушала, но остальные были примерно такими же. Люди считали, что либо все это обман, либо что Лисса чуть ли не святая. Изредка до меня доходили совсем уж странные речи — к примеру, будто стражи захватили целую банду стригоев, чтобы ставить на них эксперименты. Но вот чего я ни разу не слышала, так это упоминания имени Дмитрия; складывалось впечатление, будто о нем вообще никто не знал.

Что было делать? В голову приходило только одно: пойти к тому зданию, где у стражей находилась тюрьма, хотя я понятия не имела, как буду действовать на месте. Я даже не была уверена, что Дмитрий здесь, хотя это казалось наиболее вероятным. По пути мне встретился страж.

— Майкл! — окликнула я, узнав его и остановившись. Он оглянулся и подошел ко мне — ну вот, хоть одно дружелюбное лицо. — Что происходит? Дмитрия отпустили?

Он покачал головой.

— Нет, они все еще пытаются понять, что произошло. Все в полном недоумении, хотя принцесса, увидевшись с ним, снова и снова клянется, что он больше не стригой.

В голосе Майкла чувствовалось изумление и в то же время тоска. Он от всей души надеялся, что это правда, что и для его возлюбленной есть шанс спастись. Мое сердце болело за него. Я тоже хотела верить, что в конце концов они с Соней могут быть счастливы, в точности как...

— Постой! Что ты сказал? — Романтические мечтания развеялись. — Ты сказал, что Лисса виделась с ним? В смысле, уже после сражения?

Я тут же обратилась к нашей связи, которая стала заметно четче, но Лисса спала, и я ничего не узнала.

— Он просил, чтобы она пришла, — объяснил Майкл. — Ну, ее и пустили... под охраной, конечно.

Челюсть у меня отвалилась чуть не до земли. К Дмитрию пускают посетителей! Это известие разогнало мое мрачное настроение.

— Спасибо, Майкл.

— Подожди, Роза...

Но я, не слушая, полная волнения и воодушевления, изо всех сил рванула к зданию тюрьмы, ничего не замечая вокруг. Я могу увидеться с Дмитрием. В итоге я могу даже быть с ним... ну, как раньше.

— Туда нельзя.

Я резко остановилась, когда охранник у входа преградил мне путь.

— Что? Я должна увидеться с Дмитрием.

— К нему не пускают посетителей.

— Но Лиссу... в смысле, Василису Драгомир пустили.

— Потому что он просил об этом.

Я недоверчиво смотрела на него.

— Он наверняка просил и о встрече со мной.

— Мне об этом ничего не известно. — Охранник пожал плечами.

Гнев, который я с таким трудом сдерживала всю прошлую ночь, наконец вырвался наружу.

— Тогда найди того, кому известно! Дмитрий хочет увидеться со мной. Пропусти меня! Кто твой начальник?

— Я останусь тут, пока моя смена не закончится. — Охранник бросил на меня сердитый взгляд. — Если ты получишь разрешение, тебе сообщат, а до тех пор сюда не войдет никто.

Мне ничего не стоило справиться с этим парнем — после того, как я одолела столько охранников в «Тарасто», но, конечно, он тут не один; чем ближе к камерам, тем их наверняка больше. На мгновение я почувствовала

решилась разделаться даже с ними — там же Дмитрий, а ради него я была готова на все.

Внезапно наша с Лиссой связь ожила: она проснулась.

— Прекрасно. — Я вскинула подбородок и одарила караульного высокомерным взглядом. — Спасибо за помощь.

Зачем мне этот болван, когда я могу пойти к Лиссе?

Она обитала почти на противоположной стороне дворцового комплекса, и я рысцой преодолела разделяющее нас расстояние. Подруга открыла мне дверь, уже полностью одетая и, похоже, намеренная куда-то выйти. Оглядев ее лицо и руки, я почувствовала облегчение: почти все ожоги исчезли, только на пальцах осталось несколько красных пятен. Адриан хорошо поработал — обычное лечение не смогло бы дать такого результата. В бледно-голубой безрукавке, с зачесанными назад светлыми волосами, она совсем не походила на человека, всего двадцать четыре часа назад прошедшего через суровое испытание.

— Как ты? — спросила она.

Что бы ни случилось, она всегда беспокоилась обо мне.

— Прекрасно. Физически, по крайней мере. А ты?

— Тоже хорошо.

— Выглядишь замечательно. Прошлой ночью... я, знаешь ли, ужасно испугалась. Этот огонь...

— Да, — ответила она, не глядя на меня; казалось, будто она нервничает и испытывает неловкость. — Адриан великолепный целитель.

— Куда ты собралась? — спросила я, чувствуя ее смятение и беспокойство. Может, она торопится в медицинский центр, хочет и сама помочь? Возможно, но... Стоило углубиться в ее сознание, и я поняла, в чем дело. — Ты идешь к Дмитрию!

— Роза...

— Нет! — горячо воскликнула я. — Это замечательно. Я иду с тобой. Я только что была там, но меня не пустили.

— Роза...

Лисса, казалось, испытывала все большую неловкость.

— Они наплели мне черт знает что — будто он просил прийти тебя, а не меня и что, дескать, поэтому мне туда нельзя. Но если ты идешь, то и меня тоже пустят...

— Роза, — она наконец сумела прорваться сквозь мою трескотню, — тебе к нему нельзя.

— Мне... что? — Наверное, я ослышалась. — Конечно можно. Мне необходимо увидеться с ним, и ты понимаешь это. А ему необходимо

увидеться со мной.

Она медленно покачала головой, по-прежнему заметно нервничая... но одновременно сочувствуя мне.

— Охранник сказал правду. Дмитрий не звал тебя. Только меня.

Все бушующие во мне чувства, казалось, застыли; я ничего не понимала, буквально утратила дар речи.

— Но...

Припомнилось, как он цеплялся за нее прошлой ночью. И это отчаянное выражение его лица. Да, у него были основания просить о встрече прежде всего с ней — как не претило мне это признавать.

— Ясное дело, он хочет видеть тебя, — пробормотала я. — Все вокруг такое новое, такое странное, и ты — та, которая спасла его. Вот привыкнет немного и захочет встретиться со мной тоже.

— Роза, дело не в этом. — Печаль Лиссы я и видала на ее лице, и чувствовала через связь. — Дмитрий не просто не просил свидания с тобой. Он особо подчеркнул, что тебя видеть не хочет.

Восемнадцать

Одна из неприятных сторон психической связи в том, что всегда понимаешь, когда человек действительно не лжет. Тем не менее я среагировала чисто инстинктивно.

— Это неправда.

— Ты в самом деле так думаешь?

Она бросила на меня многозначительный взгляд, прекрасно понимая, что я в состоянии отличить правду от лжи.

— Но это... это невозможно...

Я редко не могла найти слов, особенно в разговоре с Лиссой. Более того, обычно я объясняла ей, почему дела идут так, а не иначе. Но видимо, постепенно ситуация изменилась, а я не заметила этого.

— Мне очень жаль, — сердечно, но твердо сказала она. Связь позволяла понять, как тяжело ей говорить мне неприятные вещи. — Он просил меня... сказал, чтобы тебя ни в коем случае не пускали. Он не хочет тебя видеть.

— Но почему? — Я умоляюще смотрела на нее. — Почему он говорит такое? Конечно же, он хочет встретиться со мной. Наверное, он слишком растерян...

— Не знаю, Роза. Он это сказал, вот все, что мне известно. Я тебе очень сочувствую.

Она потянулась ко мне, как будто желая обнять, но я отстранилась. Голова по-прежнему шла кругом.

— Я все равно пойду с тобой. Подожду наверху с другими стражами. Когда ты скажешь Дмитрию, что я здесь, он передумает.

— По-моему, тебе не следует это делать. Он, похоже, настроен очень серьезно и решительно не желает встречи с тобой. Думаю, он очень расстроится, если узнает, что ты пришла.

— Расстроится? Он расстроится? Лисе, это же я! Он любит меня. Я нужна ему.

Она вздрогнула, и только тогда я осознала, что кричу.

— Я просто выполняю его просьбу. Это все так непонятно... Пожалуйста, не ставь меня в сложное положение. Просто... подожди и посмотри, что будет дальше. И ты ведь всегда можешь быть в курсе того, что происходит...

Лисса не договорила, но я поняла, что она имеет в виду: она не

возражает, если я воспользуюсь нашей связью и посмотрю, как будет протекать ее встреча с Дмитрием. Это был великодушный жест с ее стороны. Не то чтобы она могла помешать мне, если бы я решила сделать это. Тем не менее обычно она не любила, когда за ней шпионят. Это было лучшее, что она могла сделать для меня сейчас.

Хотя, по правде говоря, в данный момент лучше мне не стало. Ситуация по-прежнему казалась невероятной. Я не могу увидеть Дмитрия, потому что он якобы не хочет видеть меня! Какого черта? Меня тянуло наплевать на все заявления Лиссы и пойти вместе с ней, требуя, чтобы меня пропустили тоже, но... Через нашу связь она умоляла меня не делать этого, потому что не хотела неприятностей. Она тоже не понимала Дмитрия, но чувствовала, что нужно считаться с его желанием, пока ситуация не прояснится.

— Пожалуйста... — горестно повторила она. И я сдалась.

— Ладно.

Это было убийственно — говорить такое; все равно что признать собственное поражение.

«Воспринимай это как тактическое отступление».

— Спасибо. — На этот раз она обняла меня. — Клянусь, я разужнаю больше и постараюсь понять, что происходит, идет?

Я кивнула, все еще ужасно расстроенная, и мы вышли вместе, но вскоре мне пришлось, с огромной неохотой, расстаться с ней и свернуть к своему дому. Едва Лисса скрылась из вида, я проникла в ее сознание; перед глазами замелькала идеально подстриженная трава, по которой она шла. Связь все еще была отчасти нечеткой, но с каждой минутой становилась яснее.

В Лиссе клубились самые разные эмоции. Она чувствовала себя виноватой из-за того, что была вынуждена отказать мне, и одновременно ее беспокоил предстоящий визит к Дмитрию. Она тоже стремилась увидеться с ним — но не так, как я, а лишь по-прежнему считала себя ответственной за него и испытывала жгучее желание защитить.

Когда она вошла в офис, охранник, который совсем недавно не пустил меня, приветственно кивнул ей и позвонил по телефону. Спустя несколько мгновений появились три стража и знаком предложили Лиссе следовать за ними. Даже для тюремных охранников у них был необычно мрачный вид.

— Вы не обязаны делать это, — сказал ей один из них. — Только потому, что он просит...

— Все в порядке, — ответила она со спокойным, истинно королевским величием. — Я ничего не имею против.

— Как и в прошлый раз, там будет много стражей. Можете не беспокоиться о своей безопасности.

Она бросила на них проницательный взгляд.

— Начать с того, что я о ней никогда и не беспокоилась.

Они спускались в нижние этажи здания, и во мне ожили болезненные воспоминания о том, как мы с Дмитрием посещали здесь Виктора. Тогда наш союз казался нерушимым, и он так хорошо понимал меня. А в какую ярость он пришел, когда Виктор угрожал мне! Дмитрий так сильно любил меня, что был готов защищать какими угодно средствами.

Наконец они добрались до длинного коридора, в который выходили двери камер. Здесь не возникало такого давящего чувства, как в «Тарасто», но практически голое, чисто функциональное помещение тоже навевало уныние.

Стражей в коридоре была целая толпа, сквозь которую Лисса пробиралась с трудом. Подумать только! Столько охранников ради одного человека. Конечно, стригой в состоянии сломать стальные прутья решетки, но Дмитрий больше не стригой. Почему они не понимают этого? Почему так слепы?

Лисса и ее сопровождающие остановились перед камерой, такой же неприветливой, как все в этой части здания, обставленной очень скромно. Дмитрий сидел в углу, на узкой постели, подтянув к себе ноги. Спиной к двери. Я никак этого не ожидала. Почему он не трясет прутья решетки, не требует, чтобы его освободили, не убеждает охрану, что он не стригой? Почему воспринимает свое заключение так спокойно?

— Дмитрий.

Негромкий голос Лиссы звучал мягко и был исполнен теплоты, будто голос настоящего ангела.

И когда Дмитрий медленно повернулся, стало ясно, что он того же мнения. Мрачность на его лице сменилась изумлением.

Не он один был изумлен. Далеко от того места, которое я видела глазами Лиссы, мое тело почти перестало дышать. То, что я успела разглядеть прошлой ночью, потрясало. Но это... Вид его так близко, глядящего на Лиссу — а через нее как будто на меня, — вызывал чувство благоговения. Это было чудо. Сказка. Подарок судьбы.

Серьезно, как можно думать, что он стригой? Он привел себя в порядок после сражения, и сейчас на нем были джинсы и простая черная тенниска. Темно-каштановые волосы стянуты в короткий конский хвост, легкая тень на нижней части лица свидетельствует о необходимости побриться; хотя, конечно, никто не рискнет дать ему бритву. Как бы то ни

было, от этого он выглядел еще более привлекательным и живым. Исчезла смертельная бледность кожи, всегда вызывавшая у меня дрожь; его глаза, когда-то красные и ужасавшие более всего прочего, сейчас казались прекрасными. Точно такие, как раньше: теплые, карие, с длинными ресницами. Я могла бы смотреть в них вечно.

— Василиса... — прошептал он, и при звуке этого голоса у меня стеснило в груди. Господи, как давно я не слышала его! Как скучала по нему! — Ты вернулась.

Как только он устремился к прутьям решетки, стражи вокруг Лиссы начали смыкать ряды — на случай, если он попытается вырваться на свободу.

— Отойдите! — царственным тоном приказала она, сердито глядя на них. Сначала они не двинулись с места, и она повторила с нажимом: — Что я сказала? Отойдите!

Благодаря нашей связи я почувствовала легкое прикосновение магии принуждения, которой она приправила свои слова. Держать в подчинении такую большую группу людей она не могла, но добилась желаемого — между ней и Дмитрием освободилось небольшое пространство. Когда она снова переключила внимание на него, это опять была сама доброта.

— Конечно, я вернулась. Как ты? Они... — Она бросила взгляд на стражей. — Они хорошо с тобой обращаются?

— Прекрасно. Никто не причиняет мне вреда. — Прежний Дмитрий в жизни не признался бы, даже если бы ему и причинили вред. — Просто все задают и задают вопросы. Очень много вопросов. — В его голосе звучала усталость, тоже не свойственная стригоям, которые, похоже, вообще не нуждаются в отдыхе. — И мои глаза. Они по-прежнему хотят исследовать мои глаза.

— Но как ты себя чувствуешь? В сознании? В душе?

Если бы ситуация не была такой серьезной, она могла бы показаться мне забавной. Такие вопросы обычно задают врачи; терпеть не могу, когда об этом спрашивают, но сейчас страстно хотела знать, что на самом деле чувствует Дмитрий.

Его взгляд, до этого прикованный к Лиссе, ушел в сторону, стал рассеянным.

— Это... Это трудно описать. Как будто я спал и проснулся... после ночного кошмара. В нем будто кто-то другой захватил мое тело, а я смотрел со стороны на то, что он делает... как в кино или в театре. Но на самом деле это был не кто-то другой. Это был я сам. И вот теперь я здесь, и мир вокруг переменялся. Как будто я заново узнаю все.

— Это пройдет, когда ты привыкнешь к себе прежнему.

Она, конечно, не могла знать этого точно, но почти не сомневалась, что так и будет.

— Они так не считают. — Он кивнул на стражей.

— Они поймут, — решительно заявила она. — Просто нам всем требуется время. — После небольшой паузы Лисса неуверенно добавила: — С тобой хочет повидаться... Роза.

В мгновение ока задумчивое, почти мечтательное выражение слетело с лица Дмитрия, взгляд снова сосредоточился на Лиссе. И впервые я заметила, как в нем мелькнуло по-настоящему сильное чувство.

— Нет. Кто угодно, кроме нее. Я никак не могу встретиться с ней. Пожалуйста, не позволяй ей приходить сюда.

Лисса растерялась. Тот факт, что вокруг толпились наблюдатели, только усложнял ситуацию. Она понизила голос.

— Но... она же любит тебя. Беспокоится о тебе. То, что произошло... ну, что мы сумели спасти тебя... в основном это ее заслуга.

— Меня спасла ты.

— Я сделала лишь последний шаг, а все остальное... ну, почти все... Роза.

Например, организовала преступнику побег из тюрьмы.

Дмитрий отвернулся от Лиссы, огонь чувства, на мгновение осветивший его лицо, погас. Отойдя в сторону, он прислонился к стене, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и снова открыл их.

— Кто угодно, кроме нее, — повторил он. — Это невозможно — после того, как я обходился с ней. Я творил множество... ужасных вещей. — Повернув руки ладонями вверх, он посмотрел на них, словно рассчитывая увидеть кровь. — Но то, как я поступил с ней, — хуже всего; в особенности потому, что речь идет о ней. Она приходила, чтобы спасти меня, а я... — Он покачал головой. — Я ужасно обходился с ней. Я ужасно поступал с другими. И после всего этого я просто не в силах встретиться с ней. Тому, что я делал, нет прощения.

— Это не так! — горячо возразила Лисса. — Это был не ты. Она, конечно, простит тебя.

— Нет, для меня невозможно прощение. Я не достоин ее, не достоин даже находиться рядом с ней. Единственное, что я могу сделать... — Он вернулся к Лиссе и, к изумлению нас обеих, рухнул перед ней на колени. — Единственное, что я могу сделать — чтобы хотя бы попытаться искупить свою вину, — это отплатить тебе за то, что спасла меня.

— Дмитрий, — дрожащим голосом начала она, — я уже объясняла...

— Я чувствовал твою силу. — Он поднял на нее полный восхищения взгляд. — Чувствовал, как ты возвращаешь мне душу. Чувствовал, как ты исцеляешь ее. Я перед тобой в неоплатном долгу и, клянусь, весь остаток своей жизни потрачу на то, чтобы хотя бы отчасти отплатить тебе.

— Я не хочу. Ты ничего не должен мне.

— Я обязан тебе всем. Своей жизнью... своей душой. Только так я могу хотя бы приблизиться к тому, чтобы искупить свою вину за все, что натворил. Этого недостаточно, да, но это все, что в моих силах. — Он стиснул руки. — Клянусь, что бы тебе ни понадобилось, я сделаю все. Всю оставшуюся жизнь я буду служить тебе, защищать тебя. Выполню любую твою просьбу. Моя преданность навеки принадлежит тебе.

Лисса снова начала отказываться, но потом ей в голову пришла одна мысль.

— И встретишься с Розой, если я попрошу?

Его лицо исказилось.

— Что угодно, только не это.

— Дмитрий...

— Пожалуйста. Во всем остальном я полностью в твоём распоряжении, но увидеться с ней... Это будет слишком больно.

Наверное, только этот довод и мог помешать Лиссе дальше настаивать. И конечно, отчаянное, удрученное выражение его лица — такое, какого ни она, ни я никогда прежде не видели. В моих глазах он всегда был сильным, но сейчас выглядел ужасно уязвимым. Не слабым — просто сложным. За это я еще больше любила его — и еще горячее хотела помочь.

Лисса успела лишь кивнуть ему, как один из стражей сказал, что ей пора уходить. Когда они провожали ее, Дмитрий по-прежнему стоял на коленях и смотрел ей вслед с таким выражением, словно она — его последняя надежда в этом мире.

Сердце заныло от огорчения, ревности... и отчасти от гнева. Это на меня он должен был так смотреть. Как смеет он вести себя так, будто Лисса — самое прекрасное создание в мире? Она сделала немало для его спасения, да, но это я исколесила весь земной шар ради него, не раз рисковала жизнью и, что даже более важно, любила его. Как он мог просто повернуться спиной ко всему этому?

Когда она покинула здание, мы обе чувствовали себя расстроенными и сбитыми с толку. И конечно, были вне себя от того, в каком состоянии Дмитрий. Даже несмотря на то, что он отказывался встречаться со мной. Видеть его таким подавленным... это было ужасно. Просто убивало. Никогда прежде он так себя не вел. После нападения на Академию он,

естественно, сильно расстраивался из-за многочисленных потерь. Но сейчас... Сейчас это было отчаяние совсем другого рода. Это была глубочайшая депрессия из-за чувства вины, от которой, как он думал, ему никогда не избавиться. Мы с Лиссой пребывали в шоке. Дмитрий всегда был человеком действия, способным оправиться после любой трагедии и снова встать в строй.

Но теперь? Мы обе ломали головы над тем, как помочь ему. Мягкая, сострадательная натура Лиссы подсказывала ей продолжать разговаривать с ним, одновременно убеждая чиновников, что Дмитрий больше не представляет угрозы. Мое решение проблемы состояло в том, чтобы пойти к Дмитрию, что бы он там ни говорил. Я в состоянии прорваться в любую тюрьму и по-прежнему верила, что как только он увидит меня, весь этот бред об искуплении выскочит у него из головы. Не может же он и впрямь думать, будто я не прощу? Я люблю его. И понимаю. Вот только убедить чиновников в том, что он теперь не опасен, будет нелегко — по-видимому, не обойдется без криков и хлопанья дверьми.

Зная, что я была незримой свидетельницей их разговора с Дмитрием, Лисса, не теряя времени на встречу со мной, направилась в медицинский центр, где могла пригодиться ее помощь. До нее дошли слухи, что Адриан совсем обессилел в борьбе с многочисленными ранениями, — это было так самоотверженно и не похоже на него... Он делал потрясающие вещи, и какой ценой для себя!

Адриан.

Да, это проблема. Я не имела возможности увидеться с ним после сражения и, если честно, вообще не думала о нем. Как-то я сказала ему, что даже если Дмитрий вернется, это не означает нашего с ним разрыва. И пожалуйста — прошло всего двадцать четыре часа со времени спасения Дмитрия, и я уже одержима...

— Лисса?

Думая о своем, я продолжала рассеянно следить за Лиссой. Рядом с медицинским центром, прислонившись к стене, стоял Кристиан. Судя по его позе, он уже давно дожидался здесь... догадайтесь кого.

Она остановилась, и все мысли о Дмитрие выскочили у нее из головы. Ох, ради бога! Я хотела, чтобы эти двое помирились, но сейчас на это не было времени. Судьба Дмитрия несравненно важнее, чем дружеские перепалки с Кристианом.

Он, однако, пребывал не в обычном для него ироничном настроении; судя по выражению лица, он был исполнен любопытства и беспокойства за Лиссу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Они не разговаривали со времени совместной поездки обратно, а тогда она лишь лепетала что-то бессвязное.

— Прекрасно. — Девушка непроизвольно дотронулась до лица. — Адриан исцелил меня.

— Хорошо, что он хоть на что-то годится.

Видимо, я поспешила сделать вывод, что Кристиан не в ироничном настроении.

— Адриан много для чего годится, — возразила она. — Он без устали трудился тут всю ночь.

— А ты? Знаю я тебя. Едва оправившись, ты, наверное, осталась здесь, чтобы помогать ему.

— Нет. — Она покачала головой. — После того как он исцелил меня, я пошла к Дмитрию.

Всякий намек на юмор исчез с физиономии Кристиана.

— Ты разговаривала с ним?

— Дважды.

— И?

— И что?

— Как он выглядит?

— Как Дмитрий. — Она внезапно задумалась, усомнившись в собственных словах. — Ну... не совсем как Дмитрий.

— В нем что-то еще осталось от стригоя? — Кристиан выпрямился, сверкая голубыми глазами. — Если он опасен, тебе нельзя приближаться к...

— Нет! Он не опасен. И... — Она сделала шаг вперед, вперила в Кристиана сердитый взгляд. — Даже если бы он был опасен, не тебе указывать мне, что делать, а что нет.

Кристиан испустил трагический вздох.

— А я-то всегда считал, что Роза у нас единственная, кто обожает ставить себя в опасные и дурацкие ситуации.

Лисса вспыхнула от гнева.

— Ты сам помогал мне заколоть Дмитрия!

— Это было другое. Мы уже оказались в скверной ситуации, и если бы дела пошли плохо... я испепелил бы его. — Кристиан осмотрел Лиссу с ног до головы, и было что-то такое в его взгляде... — Но мне не пришлось этого делать. Ты была изумительна. Нанесла удар. Я не был уверен, получится ли у тебя, но ты смогла. И огонь... Ты не дрогнула, а ведь это, наверное, было ужасно.

Голос его звучал так, будто Кристиан только сейчас по-настоящему осознал, какие опасности угрожали Лиссе. Его тревога и восхищение заставили ее покраснеть, и она прибегла к старому трюку — слегка наклонила голову, и выбившиеся из конского хвоста пряди упали на лицо, прикрывая его. Впрочем, в этом не было нужды — Кристиан сейчас смотрел себе под ноги.

— Я должна была сделать это, — произнесла она наконец. — Должна была выяснить, возможно ли это.

— И все получилось? — Он поднял взгляд. — В нем нет ни следа стригоя?

— Нет. Никаких сомнений. Но никто не верит в это.

— Вряд ли стоит винить их. Даже я, хоть и помогал тебе и хотел, чтобы это произошло... Даже я до конца не верил, что возможно возвращение из этого состояния.

Он отвернулся, устремив взгляд на куст сирени, но, судя по отрешенному, взволнованному выражению его лица, думал не о красотах природы. И не о Дмитриии, поняла я. Кристиан думал о своих родителях. Что, если бы в то время, когда Озера стали стригоями, рядом оказались пользователи духа? Что, если существовал способ спасти их?

В отличие от меня Лисса не догадывалась о ходе его мыслей.

— Я и сама не верила, но как только это произошло... Я на самом деле знаю — в нем больше нет стригоя. И я должна помочь ему. Должна заставить остальных поверить в это. Не могу допустить, чтобы его заперли навсегда... или сделали что-нибудь похуже.

Добиться того, чтобы стражи увезли Дмитрия со склада, не заколов его прямо на месте, уже было подвигом с ее стороны. Она вздрогнула, вспомнив, как в самые первые мгновения после его преобразования все вокруг кричали, что нужно убить его.

Кристиан с любопытством посмотрел на нее.

— Что ты имела в виду, говоря, что он и похож, и не похож на прежнего Дмитрия?

— Он такой... печальный, — дрогнувшим голосом ответила она.

— Печальный? Казалось бы, он должен быть счастлив, что его спасли.

— Нет... Ты не понимаешь. Он испытывает ужас из-за всего, что натворил, когда был стригоем. Чувство вины, подавленности. Он казнит себя за это, считая, что ему нет прощения.

— Черт! — Эти откровения явно застали Кристиана врасплох. Проходившие мимо морейские девушки, возмущенные его руганью, перешептываясь, заторопились дальше. — Но он ведь не может этого

изменить...

— Знаю, знаю. Я уже говорила ему это.

— А Роза не поможет?

— Нет.

Кристиан ждал, видимо надеясь, что она пояснит свой краткий ответ. Но она молчала, и он все сильнее приходил в раздражение.

— Почему она не в состоянии ему помочь? По-моему, она способна на это больше, чем кто-либо другой.

— Не хочу углубляться в это. — Наши с Дмитрием отношения всерьез беспокоили ее. Лисса перевела взгляд на здание медицинского центра. Снаружи оно походило на замок, но обладало всеми возможностями современной больницы. — Послушай, меня там ждут. И не смотри на меня так.

— Как?

Он сделал к ней несколько шагов.

— С этим своим осуждающим, сердитым видом, как всегда, когда не можешь добиться, чего хочешь.

— Я вовсе не смотрю так!

— Нет, смотришь! — Она попятилась к двери центра. — Если тебя интересуют подробности, можно поговорить позже, но прямо сейчас мне некогда... И если честно... я вовсе не хотела тебя обидеть.

Выражение досады — насчет этого она была права — начало исчезать с его лица.

— Ладно. Тогда позже. И, Лисса...

— Ну?

— Я рад, что с тобой все в порядке. То, что ты сделала ночью... это было потрясающе.

Легкий ветерок шевелил его черные волосы. Несколько долгих мгновений Лисса смотрела на него, чувствуя, как сердце ускорило свой бег.

— Я не справилась бы без твоей помощи, — сказала она наконец.

Повернулась и вошла в здание, а я выскользнула из ее сознания.

И, как и раньше, мне нечем было занять себя. Лисса будет при деле всю оставшуюся часть дня; если я пойду в офис стражей и подниму там крик, вряд ли это поможет мне увидеться с Дмитрием. Ну разве что я сумею до такой степени разозлить их, что меня тоже бросят в камеру — тогда мы с Дмитрием, по крайней мере, окажемся рядом. Однако я тут же отвергла этот план, опасаясь, что в результате добьюсь одного — что меня снова засадят за канцелярскую работу.

Что я могу сделать? Ничего. Мне необходимо увидеться с ним, но как?

Терпеть не могу, когда нет никакого плана. Конечно, я вроде как присутствовала на свидании Лиссы и Дмитрия, но мне казалось важным увидеться с ним лично. И эта его печаль, это выражение полной безнадежности! Невыносимо. Хотелось поддержать его, сказать, что все наладится, я простила его и между нами все может стать как прежде. Мы будем вместе, как и собирались...

Слезы обожгли глаза. Не зная, куда девать себя, я вернулась в свою комнату и рухнула на постель. Теперь, оказавшись одна, я могла не сдерживать слез, хотя до конца не понимала, что оплакиваю. Ужас и кровь прошедшего дня. Свое разбитое сердце. Печаль Дмитрия. Жестокие обстоятельства, которые разрушили нашу жизнь. Короче, причины имелись.

В своей комнате я провела большую часть дня, поглощенная тоской и беспокойством. Снова и снова прокручивала в голове встречу Лиссы с Дмитрием, вспоминала, что он сказал и как выглядел. Время, казалось, перестало существовать, и только стук в дверь вырвал меня из этого подавленного состояния.

Торопливо вытерев рукой глаза, я открыла дверь и увидела Адриана.

— Привет! — сказала я, слегка удивленная его появлением... и, конечно, испытывая чувство вины, поскольку расстраивалась из-за другого парня. Я не была готова к встрече с ним, но куда деваться? — Войдешь?

— Хотелось бы, маленькая дампирка. — Казалось, он куда-то торопится, а не пришел выяснять отношения. — Но я просто заглянул на минутку, чтобы передать тебе приглашение.

— Приглашение?

В голове билось: «Дмитрий, Дмитрий, Дмитрий!»

— Приглашение на прием.

Девятнадцать

— Ты в своем уме? — спросила я.

Он одарил меня выразительным взглядом — как всегда, когда я задавала этот вопрос.

Я вздохнула.

— Что еще за прием? Это чересчур даже для тебя. Только что погибло столько людей — стражи, Присцилла Вода. — О том, что кое-кто даже вернулся из мертвых, наверное, не стоило упоминать. — Сейчас неподходящее время наливать пиво и развлекаться.

Я думала, Адриан заявит, что для развлечений время всегда подходящее, но он сохранял серьезность.

— На самом деле это прием как раз в честь погибших. Может, я употребил не совсем подходящее слово. Это... — Он помолчал, не зная, как сказать. — Совсем особый случай. С участием элиты.

— Все королевские приемы рассчитаны на элиту, — заметила я.

— Да, но на этот приглашают далеко не всех королевских мороев. Это... ну, элита элиты.

Как это понимать?

— Адриан...

— Нет, послушай. — Он провел рукой по волосам — знакомый жест, свидетельствующий о недовольстве собой. — Это не столько прием, сколько церемония. Старая-старая традиция... румынская, по-моему. Ее называют «Вахта смерти». Цель ритуала — почтить погибших, и в его тайны посвящены только старейшие семейства.

В сознании вспыхнули воспоминания о тайном обществе в Академии Святого Владимира.

— Это, случайно, не «Мана»?

— Нет, клянусь! Пожалуйста, Роза. Я не совсем в курсе, но мама заставляет меня идти, и я хотел бы, чтобы ты была там со мной.

— Там будут другие дампиров?

Упоминания об элите и старейших семействах настораживали.

— Нет. Но я устроил так, что там будут присутствовать некоторые люди, с которыми тебе доставит удовольствие встретиться.

— Например, Лисса?

Ее семейство, безусловно, относилось к числу самых уважаемых.

— Да. Я только что разговаривал с ней в медицинском центре. Она

удивилась не меньше тебя.

Я улыбнулась, чувствуя пробудившийся интерес. Мне хотелось подробнее обсудить с Лиссой ее свидание с Дмитрием, но она, напротив, избегала меня, стремясь уклониться от этого разговора. Если участие в каком-то глупом королевском ритуале позволит мне увидеться с ней... что же, тогда я согласна.

— Кто еще?

— Я же сказал — люди, которые тебе нравятся.

— Прекрасно. Храни свои секреты. Ладно, я пойду с тобой на этот обряд.

В ответ он расплылся в улыбке.

— Ну, вряд ли это можно назвать обрядом — это последняя дань уважения погибшим в бою. — Он провел рукой по моей щеке. — И я рад... Господи, как же я рад, что тебя нет среди них! Ты не представляешь... — Голос у него пресекся, улыбающиеся губы задрожали. — Ты не представляешь, как я беспокоился! Не зная, как ты там... Это было мучительно. И, даже услышав, что ты жива, я продолжал расспрашивать всех в медицинском центре о том, что им известно. Видели ли они, как ты сражалась, не ранена ли...

Я почувствовала ком в горле. У меня не было возможности увидеться с Адрианом после возвращения, но следовало хотя бы послать ему сообщение. Я стиснула его руку и попыталась обратить в шутку то, что было чем угодно, только не шуткой.

— И что они говорили? Что я вела себя круто?

— Да. Без конца повторяли, что ты потрясающе сражалась. До Татьяны тоже дошли слухи о твоих подвигах. Даже на нее это произвело впечатление.

Ничего себе! Вот это сюрприз. Хотелось расспросить его поподробнее, но следующие слова заставили меня промолчать.

— Я также слышал, что ты рассказала кому-то о Беликове. И сегодня утром чуть не сломала дверь в офисе стражей.

Я отвернулась.

— Ну, да... Я... Послушай, мне очень жаль, но я должна была...

— Не надо извиняться. Я понимаю.

— Понимаешь? — Я вскинула на него взгляд.

— Послушай, я чего-то в этом роде и ожидал, если он вернется.

— Помню, ты говорил это раньше... — Я внимательно вглядывалась в его серьезное лицо.

Он кивнул и грустно улыбнулся.

— Конечно, на самом деле я не думал, что у вас получится. Лисса пыталась объяснить, какую магию она использовала... но, господи! Думаю, я никогда не буду способен на такое.

— Ты веришь? Веришь в то, что он больше не стригой?

— Да. Лисса так говорит, а ей я верю. И я издавна видел его, на солнце. Но не думаю, что тебе стоит пытаться увидеться с ним.

— Это в тебе говорит ревность.

Я не имела никакого права осуждать его — учитывая, что мое сердце томилось по Дмитрию.

— Конечно ревность, — невозмутимо согласился Адриан. — А ты чего ожидала? Бывшая великая любовь твоей жизни возвращается... по крайней мере, восстает из царства смерти. Не могу сказать, что я от этого в восторге. Но и не осуждаю тебя за то, что ты чувствуешь смятение.

— Я ведь говорила тебе...

— Знаю, знаю. — Его голос звучал поразительно терпеливо... и не так уж огорченно. — Знаю, ты говорила, что его возвращение не повлияет на наши отношения. Но говорить это до и после того, как все произошло, — совершенно разные вещи.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты нужна мне, Роза. — Он сильнее сжал мою руку. — И всегда была нужна, я всегда стремился быть с тобой. Мне даже хотелось бы быть таким же, как все другие парни, и сказать, что я готов заботиться о тебе, но... Если уж дойдет до этого, скорее ты позаботишься обо мне.

Я не смогла удержаться от смеха.

— Иногда мне кажется, что наибольшая опасность грозит тебе не от кого-то другого, а от тебя самого. Взять хотя бы сигареты.

— Я никогда и не считал себя совершенством. И ты ошибаешься. Главная опасность моей жизни — это ты.

— Адриан...

— Постой... — Он прижал палец к моим губам. — Просто послушай. Глупо было бы рассчитывать, что возвращение твоего прежнего бойфренда никак на тебя не повлияет. Нравится ли мне, что ты хотела повидаться с ним? Нет, конечно нет. Как же иначе? Но этим все не исчерпывается. Я верю, что он снова вампир, целиком и полностью. Однако...

— Что?

— Сам тот факт, что он не стригой, не означает, что он в точности такой, как прежде. погоди! — Последний призыв был вызван тем, что я открыла рот, собираясь разразиться очередной гневной тирадой. — Я не говорю, что он стал злым, плохим или что-то в этом роде. Но то, через что

он прошел... Это тяжкий опыт. И мы ничего толком не знаем о процессе изменения. Как такая форма существования повлияла на него? И не сохранилась ли в нем склонность к насилию, способная внезапно вырваться на волю? Вот что меня беспокоит, Роза. Я знаю тебя. Догадываюсь, ты не удержишься, попытаешься увидеться и поговорить с ним. Но безопасно ли это, кто знает? Нам ничего не известно о том, что творится у него внутри.

Примерно то же самое Кристиан говорил Лиссе. Я внимательно вглядывалась в лицо Адриана, в его темно-зеленые глаза. Да, он говорил правду — когда объяснял, почему не хочет, чтобы я встречалась с Дмитрием. Потому что не знает, как тот может поступить. И насчет своей ревности он был честен, что вызывало уважение. Он не пытался диктовать мне, как себя вести, не запрещал свиданий с бывшим возлюбленным. Это я тоже оценила и сплела свои пальцы с пальцами Адриана.

— Он не опасен. Он просто... очень сильно огорчен из-за всего, что натворил. Чувство вины убивает его.

— Могу представить. Я, наверное, тоже не смог бы себе простить, если бы внезапно осознал, что на протяжении четырех месяцев безжалостно убивал людей. — Адриан притянул меня к себе и поцеловал в макушку. — И ради всех — да, даже ради него — я от души надеюсь, что он в точности такой, как прежде. Просто будь осторожна, ладно?

— Хорошо. — Я поцеловала его в щеку. — Как и всегда.

Он улыбнулся и отпустил меня.

— Это лучшее, на что я могу рассчитывать. А теперь мне пора возвращаться к родителям. Я зайду за тобой в четыре, идет?

— Идет. Есть какие-то особые пожелания насчет одежды?

— Нарядное вечернее платье — это было бы прекрасно.

Тут мне кое-что пришло в голову.

— Если эта встреча такая элитная и престижная, как ты собираешься провести туда скромную дампирку вроде меня?

— С помощью вот этого.

Адриан протянул мне пакет, который до этого стоял у его ног.

Я заглянула в него и удивленно открыла рот. Это была маска, прикрывающая верхнюю половину лица, искусно украшенная золотыми и зелеными листьями и цветами из драгоценных камней.

— Маска? — воскликнула я. — Там что, все будут в масках? Как на Хеллоуин?

Он подмигнул мне.

— До встречи в четыре.

Маски мы надели, лишь когда прибыли на место. Адриан объяснил, что, поскольку мероприятие проводится в тайне, не стоит привлекать внимание. Я надела то же платье, что и на обеде у его родителей, и по дороге туда мы вызвали не больше интереса, чем всегда, когда появлялись вместе. Кроме того, было поздно, и многие уже готовились ко сну.

Удивительно, но путь наш лежал в одно из зданий, где жили при дворе рабочие, некоролевские морои, совсем рядом с домом Мии. Конечно, кто же заподозрит, что королевский прием проводится в доме для простых людей? Правда, ни в одну из квартир мы не пошли. В вестибюле Адриан подал знак надеть маски, а потом подвел меня к тому, что выглядело как каморка привратника.

Но на самом деле тут таилось нечто другое. Дверь открылась на лестницу, уходящую вниз, во тьму. Конца ее видно не было, и я сразу же насторожилась: не люблю быть не в курсе того, что происходит. Адриан с уверенным, спокойным видом повел меня вниз; оставалось надеяться, что там нас ждет не какой-нибудь жертвенный алтарь. Неприятно признаваться в этом, но любопытство по поводу «Вахты смерти» на время вытеснило даже мысли о Дмитрие.

В конце концов мы добрались до другой двери, у которой стояли два охранника. Оба мороя, оба в масках, как мы с Адрианом. Они вопросительно посмотрели на него, но мой спутник произнес несколько слов по-румынски — так, по крайней мере, это звучало, — и тогда один из охранников отпер дверь и жестом предложил нам войти.

— Это был пароль? — прошептала я.

— На самом деле даже два: один для тебя, другой для меня. У каждого гостя свой уникальный пароль.

Мы оказались в узком туннеле, освещенном лишь факелами на стенах; когда мы проходили мимо, их пляшущее пламя отбрасывало фантастические тени. Далеко впереди слышалось негромкое бормотание голосов; они звучали обыкновенно, как на любом другом приеме. Между тем, заинтригованная словами Адриана, я почти ожидала услышать грохот барабанов и монотонные песнопения.

— А-а, поняла, — сказала я. — Под двором еще со времен Средневековья сохранилась подземная темница. Удивительно, что на стенах нет цепей.

— Испугалась? — Адриан стиснул мою руку.

— Этого? Прямо! В смысле, на шкале страхов Розы Хэзевей такого вообще...

Не успела я договорить, как мы вышли в зал — огромное помещение с таким высоким сводчатым потолком, что я невольным усилием попыталась вспомнить, как глубоко под землю мы спустились. С потолка свисали кованые железные люстры с горящими свечами, отбрасывающими такой же призрачный свет, как и факелы. Стены были сложены из очень красивого, искусно обработанного серого камня с красноватыми крапинками, тщательно отполированного. В этом чувствовалось желание сохранить дух темницы Старого Света, и, однако, помещение выглядело достаточно современным, что в целом типично для вкусов королевских мороев.

По залу расхаживали человек пятьдесят — как и мы с Адрианом, нарядно одетых и в полумасках, — некоторые собирались группами. Ни одна маска не повторялась: одни были отделаны цветами, другие напоминали морды животных, третьи украшали геометрические узоры. Несмотря на то что маски прикрывали лишь половину лица, трепещущий свет мешал разглядеть детали и узнать хоть кого-то.

Адриан повел меня в угол. По дороге я разглядела в центре зала огромную, вырезанную в каменном полу чашу. Огонь в ней не горел, хотя именно для этого она была предназначена, но все держались от нее подальше. Возникло ощущение *deja vu*, вернувшее меня к времени пребывания в Сибири. Там я тоже была на поминальной службе особого рода — правда, безо всяких масок и паролей, — где все сидели во дворе вокруг костра. Служба была устроена в честь Дмитрия; все, кто любил и помнил его, собрались там и рассказывали о нем разные истории.

Я хотела получше рассмотреть чашу, но Адриан прикладывал особые усилия, чтобы мы держались в задних рядах толпы.

— Не привлекай к себе внимания, — предупредил меня он.

— Я просто смотрю.

— Да, но, приглядевшись, можно заметить, что ростом ты здесь ниже всех. И станет ясно, что ты дампирка. Здесь собрались только те, в чьих жилах течет кровь старинных семейств, помнишь?

Я хмуро посмотрела на него — насколько позволяла маска.

— Ты же, помнится, сказал, что договорился и мне разрешили прийти? — Он не отвечал, и я застонала. — По твоим понятиям, «договориться» означает провести меня тайком? Если так, эти парни у входа — дерьмовые охранники.

— Но я же назвал правильные пароли. — Адриан усмехнулся. — Это все, что требуется. Я выкрал их... в смысле, позаимствовал из маминого списка.

— Твоя мама — одна из организаторов всего этого?

— Ну да. Ее ветвь семьи Тарус на протяжении столетий входила в эту группу. Думаю, после нападения на школу у них здесь тоже была большая церемония.

Я прокручивала все это в сознании, пытаясь понять, как стоит к этому относиться. Ненавижу людей, помешанных на положении в обществе и внешнем виде, и все же трудно осуждать их за то, что они хотят почтить память убитых — в особенности если учесть, что погибли главным образом вампиры.

Внезапно мои размышления прервало хорошо знакомое ощущение.

— Лисса здесь. — Я оглянулась, чувствуя, что она где-то рядом, но пока не находя ее в море масок и теней. — А, вон.

Она стояла чуть в стороне от остальных, в розовом платье и золотисто-белой маске с изображениями лебедей. Благодаря нашей связи я почувствовала, что она ищет кого-то, и чисто инстинктивно двинулась в ее сторону, но Адриан удержал меня, пообещав привести мою подругу.

— Что все это значит? — спросила она, оказавшись рядом.

— Я думала, ты знаешь, — ответила я. — Секретные королевские дела особой важности.

— Слишком уж секретные для меня, — сказала она. — Приглашение я получила от королевы. Она сказала, что это как бы часть моего наследия, о которой никто не должен знать, кроме меня, а потом пришел Адриан и заявил, что я должна пойти ради тебя.

— Татьяна сама пригласила тебя? — воскликнула я. Впрочем, что в этом удивительного? Лиссе нет нужды прокрадываться сюда тайком, как, скажем, мне. Я так и думала, что она получит приглашение, но почему-то решила, что ей передаст его Адриан. Я начала беспокойно оглядываться. — Татьяна здесь?

— Скорее всего, — обычным своим небрежным тоном ответил Адриан; на него присутствие знаменитой тети никогда не оказывало такого воздействия, как на остальных. — Эй, вон Кристиан. В огненной маске.

Не Адриан нашел его, разве что по оформлению маски. При его росте и темных волосах Кристиан запросто затерялся среди других мороев и даже болтал с девушкой, почему-то выглядевшей здесь немного неуместно.

— Уж он-то точно не мог получить официального приглашения, — заметила я.

Если кто-то из семьи Озера и считался достойным присутствовать здесь, то никак не Кристиан.

— Он и не получал. — Адриан знаком пригласил приятеля к нам присоединиться. — Я и для него у мамы один пароль позаимствовал.

— И много ты их... позаимствовал? — Я бросила на него испуганный взгляд.

— Достаточно, чтобы...

— Прошу внимания!

Гулкий мужской голос заполнил зал, заставив Адриана смолкнуть, а Кристиана остановиться на пути к нам.

Состроив гримасу, он вернулся на прежнее место на другом конце зала. Похоже, мне не удастся расспросить Лиссу о Дмитрие.

Не дожидаясь указаний, присутствующие начали образовывать круг возле ямы в центре зала; в один ряд все не помещались, и я по-прежнему имела возможность держаться за спинами мороев. Лисса оставалась рядом со мной, но все ее внимание было сосредоточено на Кристиане, стоящем напротив. Ее огорчало то, что он не успел подойти к нам.

— Сегодня ночью мы собрались, чтобы почтить души тех, кто погиб в сражении с величайшим злом, которое веками не дает нам покоя, — заговорил тот же мужчина, который прежде призывал к вниманию.

Черную маску на нем украшали серебристые завитки. Я его не узнала. Наверное, отпрыск одной из благородных семей, просто обладающий звучным голосом.

— Это Энтони Бадика. — Адриан подтвердил мою догадку. — Его всегда приглашают в качестве распорядителя.

— Сегодня ночью мы почитаем их, — между тем продолжал Энтони.

Я вздрогнула, во второй раз услышав практически ту же фразу. Мы с Лиссой обменялись взглядами. По-видимому, существовал определенный сценарий этого действия, нам, естественно, неведомый.

— Сегодня ночью мы почитаем их, — повторили все хором.

— Их слишком рано лишили жизни, — продолжал Энтони.

Ладно, может, этот сценарий не так уж и сложен. Энтони продолжал рассказывать, какая ужасная трагедия произошла, а мы повторяли за ним. В целом идея этой «Вахты смерти» все еще казалась мне не совсем понятной, но сквозь нашу связь я впитывала печаль Лиссы и постепенно тоже начала проникаться ею. Присцилла всегда хорошо относилась к ней... и была вежлива со мной. Грант совсем недолго пробыл стражем Лиссы, но он защищал ее и помогал ей. Фактически, если бы он не поработал с Лиссой, Дмитрий, возможно, так и остался бы стригоем. Так, постепенно, торжественность момента овладела и мною; может, существуют и более удачные способы оплакивать мертвых, но в любом случае было правильно, что их заслуги отмечены.

Вот Энтони взмахнул рукой, и вперед вышла женщина в изумрудной

маске, с факелом в руке.

— Моя дорогая мамочка, — пробормотал Адриан.

Действительно, теперь и я разглядела черты Даниэллы. Она швырнула факел в яму, и там вспыхнул ослепительный свет, прямо как на Четвертое июля.^[7] Наверное, дрова заранее смочили бензином или русской водкой. Может, и тем и другим. Неудивительно, что гости старались держаться подальше от ямы. Даниэлла растворилась в толпе, и вперед вышла другая женщина, с подносом, на котором стояли позолоченные бокалы. Обходя всех по кругу, она вручала бокал каждому. Когда ее поднос опустел, появилась еще одна женщина, тоже с подносом.

Когда все получили бокалы, Энтони снова заговорил.

— Теперь мы провозглашаем тост и пьем за погибших, за то, чтобы их души упокоились с миром.

Я неловко переминалась с ноги на ногу. Многие рассуждают о неугомонных душах и обретении ими мира, понятия не имея, что на самом деле стоит за этими словами. Став «отмеченной поцелуем тьмы», я обрела способность видеть этих беспокойных умерших, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы в конце концов избавиться от этого зрелища. Они всегда вокруг меня, и я всегда должна закрываться от них. Интересно, что я увидела бы сейчас, если бы позволила своим укреплениям рухнуть? Неужели вокруг нас призраки тех, кто погиб в ночь нападения на Дмитрия?

Адриан понюхал содержимое своего бокала и сердито нахмурился. Испугавшись, я тут же понюхала свой.

— Вино, слава богу, — шепнула я ему. — Судя по выражению твоего лица, я подумала, что это кровь.

Он всегда терпеть не мог кровь, если она не поступала «непосредственно из источника».

— Нет, — пробормотал он. — Просто скверное вино.

Энтони обеими руками поднял над головой свой бокал. За его спиной пылал огонь, и это отчасти придавало ему зловещий, потусторонний вид.

— Мы пьем за Присциллу Вода, — сказал он. Он опустил бокал и отпил глоток. Все сделали то же самое — за исключением Адриана. Он проглотил сразу половину, плохое там вино или нет.

— Мы пьем за Джеймса Вилкета. — Энтони снова поднял бокал над головой.

Повторяя эти слова, я вспомнила, что Джеймс Вилкет был одним из стражей Присциллы. Эти странные королевские морой и в самом деле отдавали дань уважения дампирам. Одно за другим звучали имена стражей,

но я отпивала совсем понемногу, желая сохранить голову ясной. К концу списка Адриан только делал вид, что пьет, поскольку вино у него давно кончилось.

Закончив перечислять погибших, Энтони снова поднял бокал и подошел к полыхающему костру, от которого в не таком большом помещении уже начало становиться жарковато — у меня даже спина вспотела.

— Мы почитаем души тех, кто погиб в борьбе со злом, и надеемся, что они упокоятся в ином мире.

И выплеснул остатки вина в огонь.

Все эти разговоры о застревающих в нашем мире душах плохо сочетались с христианскими представлениями о жизни после смерти, распространенными среди мороев. Наверное, это очень, очень древняя церемония. И снова я подавила желание убрать свои барьеры и посмотреть, взаправду ли это действие притянуло к нам призраков, но меня пугало то, что я могу увидеть. Кроме того, все в круге тоже стали выплескивать остатки вина в огонь, и это отвлекло меня. Люди подходили к яме один за другим, по часовой стрелке. Стояла благоговейная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня.

Когда настала моя очередь, я с трудом сдержала дрожь; что ни говори, Адриан провел меня тайком. Даже морой низкого происхождения сюда не допускались, не говоря уж о дампирях. Чем это может для меня обернуться, если выяснится правда? Они объявят, что я осквернила их церемонию? Все вместе набросятся на меня? Швырнут в огонь?

Мои опасения оказались напрасными: когда я выплескивала остатки вина, никто и виду не подал, будто что-то не так. Следующим к яме вышел Адриан, а я вернулась к Лиссе. По окончании процедуры была объявлена минута молчания в честь погибших. Я уже столько их повидала на своем веку, что в память обо всех мне пришлось бы молчать гораздо дольше минуты.

Еще один безмолвный сигнал оживил толпу, круг рассыпался, напряжение спало. Люди снова разбились на группы, как на любом другом приеме, хотя я заметила на некоторых лицах слезы.

— Многие, наверное, любили Присциллу, — заметила я.

Адриан направился к столу, таинственным образом появившемуся у дальней стены. На нем были видны фрукты, сыр — и вино, которым Адриан тут же наполнил бокал.

— Они оплакивают не только ее, — ответил он.

— Как-то плохо верится, что они оплакивают дампиров, — сказала

я. — Никто из участников этой церемонии не знал их.

— Ты не права.

Лисса мгновенно поняла, что Адриан имел в виду.

— Большинство погибших были стражами разных мороев. Далеко не все они служили при дворе.

Да, верно — на складе было немало людей. Многие присутствующие тут морой потеряли своих стражей, с которыми успели сблизиться. Королевские зазнайки часто вызывали у меня презрение, и все же я знала, что некоторые из них испытывают к своим стражам по-настоящему дружескую привязанность.

— Не слишком впечатляющий прием, — внезапно произнес чей-то голос. Мы обернулись и увидели, что Кристиан в конце концов добрался до нас. — Не знаю, чего я ожидал здесь увидеть — заупокойную службу или вызывание дьявола. По-моему, это была неумелая попытка совместить то и другое.

— Прекрати! — сказала я, сама себе удивляясь. — Прошлой ночью эти люди умерли за тебя. Этой церемонией им хотели выказать уважение.

— Ты права. — Кристиан посерьезнел.

Я почувствовала, что при виде его Лисса внутренне просияла. Суровое испытание, через которое они вместе прошли, вновь сблизило их. А как чутко они обращались друг с другом по дороге назад! Она бросила на него теплый взгляд, он несмело улыбнулся ей. Может, даже эта кровавая бойня приведет хоть к чему-то хорошему и эти двое наконец уладят свои разногласия.

А может, и нет.

— Привет! — Адриан расплылся в улыбке. — Рад, что ты смогла прийти.

Я проследила за его взглядом: к нам приближалась девушка в маске с павлинами. Я внимательно вгляделась в ее лицо... сначала увидела лишь голубые глаза и золотистые кудри, а потом... Да это же Мия!

— Как ты тут оказалась? — спросила я.

— Адриан сказал мне пароль. — Она улыбнулась.

— Похоже, Адриан оказал эту услугу половине гостей.

— Видишь? — Он выглядел ужасно довольным. — Я же сказал, что тебе тут понравится. Вся наша компания здесь. Ну, почти.

— Это одна из самых странных тусовок, на которых мне приходилось бывать. — Мия огляделась по сторонам. — Не понимаю, зачем чествовать погибших героев в такой тайне? Почему бы всем, кто здесь собрался, просто не дождаться заупокойной службы?

— Я же объяснял — это древняя церемония, — сказал Адриан. — Она принесена с нашей родины и поэтому так важна для этих людей. Насколько я знаю, раньше она была сложнее. Это модернизированная версия.

Внезапно до меня дошло, что Лисса не произнесла ни слова с тех пор, как выяснилось, что Кристиан пришел с Мией. Открыв себя нашей связи, я почувствовала ее ревность и обиду. Мне по-прежнему казалось, что Мия последняя девушка, которой Кристиан мог увлечься, — если бы он вообще мог увлечься кем-то, кроме Лиссы, во что я не верила, настолько прочной мне казалась их связь. Она, однако, этого не понимала и видела лишь, что он постоянно общается то с одной девушкой, то с другой. С каждым мгновением внутри ее все шире разливался холод, и дружелюбное выражение на ее лице таяло.

— Это правда? — спросила Мия, не догадываясь о разворачивающейся на ее глазах драме. — Что Дмитрий... вернулся?

— Да, — твердо заявила я, переглянувшись с Лиссой. — Он вампир, но пока никто в это не верит. Круглые идиоты, что с них взять.

— Это произошло впервые и совсем недавно, маленькая вампирка, — мягко возразил Адриан. — Нельзя же ожидать, что все мгновенно поймут, что к чему.

— Но они и впрямь идиоты, — горячо вмешалась в разговор Лисса. — Любому, кто пообщается с ним, ясно, что он не стригой. Я пытаюсь добиться, чтобы его выпустили на свободу. Тогда люди сами все поймут.

Лучше бы она прикладывала столько усилий ради того, чтобы я увиделась с ним, но сейчас было не время обсуждать это. Оглядываясь по сторонам, я подумала, что, наверное, некоторым будет трудно простить Дмитрию гибель близких. Он тогда не был самим собой, но от понимания этого мертвые ведь не оживут.

По-прежнему переживая из-за Кристиана, Лисса становилась все беспокойнее. Еще ей хотелось уйти отсюда, чтобы снова провести Дмитрия.

— Как долго мы должны оставаться здесь? Есть и другие дела...

— Кто ты, черт побери?

Наша маленькая группа повернулась как один и обнаружила стоящего позади Энтони. Поскольку большинство из нас находились здесь без законных на то оснований, вопрос мог относиться к любому, но его взгляд был, несомненно, устремлен на одно определенное лицо. Он обращался ко мне.

Двадцать

— Ты не моройка! — Он не кричал, но говорил достаточно громко, чтобы привлечь внимание стоящих поблизости. — Ты Роза Хэзевей? Как ты, со своей нечистой кровью, осмелилась осквернить святость нашей...

— Хватит! — оборвал его высокомерный голос. — Я сама разберусь с этим.

Даже несмотря на маску, не вызывало сомнений, кому принадлежит голос. Это была Татьяна — в серебристой маске с цветочным узором и сером платье с длинными рукавами. Я наверняка и раньше видела ее в толпе, но не догадывалась, кто это, пока она не заговорила.

Все замерли. Вслед за королевой к нам подошла Даниэлла Ивашкова и, узнав меня, широко распахнула глаза.

— Адриан... — начала она.

Однако ситуацией уже завладела Татьяна.

— Пошли со мной.

Было очевидно, что приказ относился ко мне; послушаться я не могла. Повернувшись, она быстро направилась к выходу из зала, следом я, за мной Адриан и Даниэлла.

Как только мы оказались в освещенном факелами коридоре, Даниэлла набросилась на Адриана.

— О чем ты только думаешь? Допустим, в некоторых случаях я не против того, чтобы ты приглашал Розу, но сейчас это...

— Неуместно, да, — жестко заявила Татьяна. — Хотя, возможно, неплохо, что дампирка стала свидетельницей того, с каким уважением мы относимся к героизму и жертвам ее народа.

От растерянности на мгновение все потеряли дар речи.

— Да, но согласно традиции... — Даниэлла первой пришла в себя.

— Я знакома с традицией. — Татьяна снова прервала ее. — Нарушение этикета имеет место, безусловно, но присутствие здесь Розмари никоим образом не помешает нам выразить свое почтение к умершим. Потеря Присциллы...

На мгновение Татьяна утратила все свое хладнокровие. Никогда не думала, что она может иметь лучшую подругу, но Присцилла подошла к этому ближе всех. Как вела бы себя я, если бы потеряла Лиссу? Уж во всяком случае, не так хорошо владела собой.

— Потеря Присциллы — удар, последствия которого я буду ощущать

очень, очень долго, — наконец снова заговорила Татьяна, не сводя с меня пронзительного взгляда. — И надеюсь, ты понимаешь, как мы нуждаемся в вас и как высоко ценим тебя и других стражей. Мне известно, что иногда вы, дампирь, думаете, будто вас недооценивают. Это не так. Эти смерти оставили зияющую брешь в наших рядах, и теперь мы чувствуем себя менее защищенными. Уверена, ты понимаешь это.

Я кивнула, удивляясь тому, что Татьяна не обрушилась на меня с криками.

— Это огромная потеря, — сказала я, — которая является тем более ощутимой, поскольку стражей и так нередко не хватает — в особенности когда стригой объединяются в большие группы.

Татьяна явно была приятно удивлена тем, что я хоть в чем-то выразила с ней согласие.

— Я так и думала, что ты понимаешь. Тем не менее... — Она посмотрела на Адриана. — Тебе не следовало приводить ее сюда. Правила приличия должны неукоснительно соблюдаться.

— Извини, тетя Татьяна, — на удивление кротко отозвался Адриан. — Мне просто казалось, что Роза должна это увидеть.

— Ты будешь помалкивать об этом, договорились? — спросила меня Даниэлла. — Многие гости очень, очень консервативны в своих взглядах, им не понравится, если тайна ритуала выйдет наружу.

Какая тайна? Что они встречаются у костра, надев лучшие свои наряды и маски? Да, похоже, они хотят, чтобы об этом никто не знал.

— Никому не скажу ни слова, — заверила я.

— Хорошо, — сказала Татьяна. — А теперь тебе нужно уйти до того... Кто это? — Она бросила взгляд в сторону зала. — Кристиан Озера?

— Да, — дружно ответили мы с Адрианом.

— Он не получал приглашения! — воскликнула Даниэлла. — Это тоже твоя проделка?

— Ну, не столько проделка, сколько гениальное озарение, — поправил Адриан.

— Надеюсь, никто не догадается, пока он ведет себя хорошо. — Татьяна выпустила вздох. — Я вижу, он воспользовался возможностью поговорить с Василисой.

— Это с ним не Лисса, — не подумав, брякнула я.

Лисса действительно повернулась к Кристиану спиной и разговаривала с кем-то другим, сквозь распахнутую дверь бросая на меня обеспокоенные взгляды.

— Кто же это? — удивилась Татьяна.

Дерьмо! Поначалу у меня мелькнула мысль солгать, присвоив подруге какую-нибудь королевскую фамилию. Некоторые семьи такие большие, что всех и не упомнишь. Однако...

— Это... ммм... Мия Ринальди, наш друг еще с Академии.

— Ринальди? По-моему, у нас есть служитель с такой фамилией.

Надо же! Она знает работающих на нее людей; придется в который раз пересмотреть свое мнение о ней.

— Служитель? — Даниэлла вперила в сына угрожающий взгляд. — Ну, о ком еще мне следует знать?

— Нет, больше никого. Будь у меня больше времени, я привел бы сюда и Эдди. Черт, может, даже малолетку.

Даниэлла была в шоке.

— Я не ослышалась? Ты сказал «малолетку»?

— Это всего лишь шутка, — поспешно вмешалась я, опасаясь того, что он может брякнуть в ответ, еще больше ухудшив ситуацию. — Мы так иногда называем одну свою подругу, Джил Мастрано.

Ни Татьяна, ни Даниэлла, похоже, не оценили юмора.

— Никто, кажется, не осознает, что они здесь чужие. — Даниэлла кивнула на Кристиана и Мию. — Хотя можно не сомневаться — пойдут слухи о том, что Роза подпортила нам церемонию.

— Теперь с этим уже ничего не поделаешь, — устало сказала Татьяна и добавила, обращаясь ко мне: — А сейчас уходи, и пусть все думают, что тебя как следует отчитали. Адриан, ты возвращаешься с нами и следишь за тем, чтобы твои личные гости не привлекали внимания. И никогда больше так не поступай.

— Не буду, — почти убедительно ответил он.

По дороге в зал Татьяна обернулась и бросила мне через плечо:

— Не забывай того, что видела здесь. Мы действительно дорожим своими стражами.

Ее слова вызвали во мне всплеск гордости. Я провожала уходящих дам задумчивым взглядом. Противно, что все в зале думают, будто мне хорошенько всыпали, но на самом деле мне еще повезло — все могло ведь обернуться гораздо хуже. Сняв маску — скрываться было больше нечего, — я поднялась по лестнице и вышла наружу.

Не успела я сделать несколько шагов, как передо мной возникла темная фигура. Поглощенная собственными мыслями, от неожиданности я подскочила чуть не на десять футов.

— Майкл! — воскликнула я. — Ты напугал меня до полусмерти. Что ты здесь делаешь?

— Вообще-то я искал тебя. — Он заметно нервничал. — Ходил рядом с твоим домом, но тебя так и не встретил.

— Да, я была на Маскараде Проклятых.

Он непонимающе смотрел на меня.

— Неважно. Что случилось?

— Думаю, у нас есть шанс.

— Какой шанс?

— Кажется, ты сегодня пыталась увидаться с Дмитрием?

— Да. Хотя от моих попыток тут мало что зависит. Он сам не хочет меня видеть, и армия стражей тут ни при чем.

Майкл переминался с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, словно был не в себе.

— Поэтому я тебя и искал.

— Извини, но я что-то не въезжаю.

К тому же от вина разболелась голова.

Майкл сделал глубокий вдох.

— Думаю, я смогу тайком провести тебя к нему.

Я смотрела на него, пытаюсь понять — это шутка? Или мне все это мерещится? Нет, Майкл был смертельно серьезен. Я не слишком хорошо его знала, но видела, что в данный момент он не настроен шутить.

— Как? Я пыталась, но...

— Пошли, я объясню по дороге. — Майкл поманил меня за собой. — У нас не слишком много времени.

— Что-то произошло? — спросила я, торопливо догнав его. — Он... Он все-таки захотел меня повидать?

Я не осмеливалась надеяться на это, да и слова Майкла о том, что он проведет меня тайком, вызвали сомнение в верности этой идеи.

— Его охрану заметно сократили.

— Правда? Насколько?

Во время визита Лиссы стражей там было не меньше дюжины — включая ее сопровождающих. Если здравый смысл победил и они поняли, что больше одного-двух охранников Дмитрию не требуется, для него это очень хорошо. Так всем будет легче убедиться, что он больше не стригой.

— До пяти человек.

— Ох! — Не так уж хорошо, но и не ужасно. — Однако теперь они хотя бы ближе к пониманию того, что он не опасен?

Майкл пожал плечами, не сводя взгляда с тропинки. Во время «Вахты смерти» прошел дождь, сейчас воздух был прохладный и влажный.

— Некоторые уже поняли кое-что. Однако необходимо постановление

Королевского совета, где будет сказано, что он такое.

Я чуть не споткнулась.

— Что значит — что он такое? — воскликнула я. — Он не «что»! Он такой же вампир, как все.

— Знаю, но решаем тут не мы.

— Ты прав, извини, — проворчала я. Какой смысл казнить вестника? — Ну, надеюсь, они оторвут свои задницы от кресел и не станут затягивать с этим постановлением.

За этим последовало весьма выразительное молчание.

— Что? — Я бросила на Майкла взволнованный взгляд. — О чем ты недоговариваешь?

— Ходят слухи, будто сейчас Совет занят обсуждением чего-то гораздо более важного.

Меня снова охватила злость. Что на свете может быть важнее судьбы Дмитрия?

«Успокойся, Роза. Сосредоточься. Не позволяй тьме завладеть собой, от этого будет только хуже».

Я всегда старалась обуздывать себя, но сейчас была слишком взволнована.

Мы дошли до здания, где находилась тюрьма, и начали подниматься по лестнице. Перепрыгивая через две ступеньки, я вернулась к первоначальной теме.

— И что толку, если его охрану уменьшили? Те, которые остались, наверняка знают, что меня пускать не велено.

— В этой смене в приемной дежурит мой друг. Он скажет стражам, которые охраняют камеру, что тебе разрешили свидание.

Майкл хотел открыть дверь, но я потянула его за руку.

— Почему ты делаешь это для меня? Может, для морейского Совета Дмитрий не имеет особого значения, но стражи относятся к этому иначе. У тебя могут быть большие неприятности.

— Неужели тебе нужно об этом спрашивать? — Он горько улыбнулся мне.

— Нет, — подумав, ответила я.

— Когда я потерял Соню... — Майкл на мгновение закрыл глаза, а когда снова открыл их, его взгляд, казалось, был устремлен в прошлое. — Когда я потерял ее, мне хотелось умереть. Она была очень славной женщиной и стала стригоем от отчаяния. Просто не видела другого способа спастись от воздействия стихии духа. Я отдал бы что угодно — все на свете — за то, чтобы помочь ей, чтобы вернуть наши прежние отношения. Не

знаю, возможно ли это для нас, но для тебя такая возможность существует, прямо сейчас. Я не могу допустить, чтобы ты лишилась ее.

С этими словами он ввел меня внутрь. Парень в приемной, как и говорил Майкл, связался со стражами около камер и сказал, что к Дмитрию пришел посетитель. При этом он сильно нервничал, что, конечно, вполне объяснимо, тем не менее согласился помочь.

«Просто потрясающе, — подумала я, — что друг может сделать для друга».

За последние две недели я получила тому немало доказательств.

Как и Лиссу, вниз меня сопровождали два стража. Я узнала их, поскольку видела ее глазами; они, казалось, сильно удивились при виде меня. Может, слышали, как решительно Дмитрий отказывался встречаться со мной? Однако в их глазах ситуация выглядела так, что кто-то достаточно влиятельный потворствует моему желанию оказаться здесь. А в этом случае какие у них могут быть вопросы?

Майкл последовал за нами по лестнице. Я почувствовала, как заколотилось сердце. Дмитрий. Я вот-вот увижусь с ним. Что я скажу ему? Что сделаю? Это было невозможно представить. Приходилось все время мысленно одергивать себя, чтобы сохранять трезвый рассудок.

Оказавшись в коридоре, я увидела двух охранников перед камерой Дмитрия, еще одного в дальнем конце и двоих у двери, через которую мы вошли. Я остановилась, с чувством неловкости осознав, что говорить нам придется при посторонних. Однако повышенные меры безопасности не оставляли нам выбора.

— Могу я поговорить с ним наедине? — на всякий случай все же спросила я.

— Приказ сверху. — Один из моих сопровождающих покачал головой. — Два стража все время должны находиться рядом с камерой.

— Она сама страж, — заметил Майкл. — И я тоже. Оставьте нас одних, а прочие пусть подождут у двери.

Я бросила на Майкла благодарный взгляд. Если только он будет рядом, это ничего. Остальные, решив, что нам ничто не угрожает, отошли — нельзя было сказать, что мы остались с Дмитрием наедине, но оттуда они ничего не услышат.

Когда мы с Майклом подошли к камере и остановились перед ней, мое сердце чуть не выскочило из груди. Как и при появлении Лиссы, Дмитрий сидел на постели, поджав под себя ноги, спиной к нам.

Слова застряли в горле, ни одной вразумительной мысли в голове не осталось. Как будто я начисто забыла причину, по которой оказалась здесь.

— Дмитрий, — наконец выговорила я, но горло перехватило, и получилось не очень разборчиво.

Спина Дмитрия внезапно напряглась, однако он не повернулся.

— Дмитрий, — повторила я, на этот раз более отчетливо. — Это... я.

Это говорить было необязательно — он еще с первой моей попытки понял, кто здесь. Наверное, он узнал бы мой голос в любой ситуации; может, даже звук моего дыхания и сердцебиения. Дожидаясь ответа, я почти перестала дышать. Увы.

— Нет.

— Что нет? — спросила я. — В смысле — нет, это не я?

Он огорченно вздохнул, почти как раньше, когда в процессе наших тренировок я делала что-нибудь особенно нелепое.

— Нет, в смысле, что я не хочу тебя видеть. — Его голос был полон напряжения. — Тебя не должны были пускать сюда.

— Да. Но я нашла обходной путь.

— Ясное дело, нашла.

Он по-прежнему сидел спиной ко мне, и это было мучительно. Я взглянула на Майкла, и тот, подбадривая, кивнул мне. Наверное, следовало радоваться, что Дмитрий вообще разговаривает со мной.

— Я должна была увидаться с тобой. Должна была выяснить, в порядке ли ты.

— Уверен, Лисса уже рассказала тебе.

— Я должна была увидеть собственными глазами.

— Ну, теперь ты видишь.

— Пока я вижу только твою спину.

Это сводило с ума, и все же каждое произносимое им слово воспринималось как подарок. Казалось, прошла тысяча лет с тех пор, как я слышала его голос. Как и прежде, у меня возник вопрос: как я могла подумать, что Дмитрий в Сибири и этот — один и тот же человек? Его голос звучал так же, как когда он был стригом, но тогда он вызывал ощущение холодного озноба. Сейчас же в нем чувствовались теплота и мягкость — пусть даже он говорил такие ужасные вещи.

— Я не хочу, чтобы ты приходила сюда, — решительно заявил Дмитрий. — Не хочу встречаться с тобой.

Я лихорадочно обдумывала, как поступить. Дмитрий по-прежнему излучал чувство угнетенности и безнадежности. Лисса пыталась рассеять его с помощью доброты и сочувствия, и ей удавалось пробиться сквозь его защиту, хотя в огромной степени потому, что он считал ее своей спасительницей. Я могла прибегнуть к схожей тактике, могла быть мягкой,

исполненной любви и желания поддержать его, причем не кривя душой. Я действительно любила его и очень сильно хотела ему помочь. Тем не менее сомневаюсь, что подобные методы сработали бы и в моем случае. Роза Хэзевей прославилась не благодаря мягкому подходу... ну, по крайней мере, не только этим. Я решила сыграть на его чувстве долга.

— Ты не можешь игнорировать меня, — сказала я, стараясь не сорваться на крик, чтобы не услышали стражи. — Ты в долгу передо мной. Я спасла тебя.

Последовала пауза, после чего он настороженно ответил:

— Меня спасла Лисса.

Гнев вспыхнул в душе, в точности как во время визита подруги. Почему он такого высокого мнения о ней? Почему не обо мне?

— Как, по-твоему, она узнала, каким образом тебя можно спасти? Ты имеешь хоть малейшее представление о том, через что нам — то есть мне — пришлось пройти, чтобы раздобыть эту информацию? Ты считаешь безумством мою поездку в Сибирь, но поверь, ты даже вообразить не можешь, какие безумные вещи я действительно делала. Ты знаешь меня. Знаешь, на что я способна. И на этот раз я побила даже собственные рекорды. И ты в долгу передо мной.

Это прозвучало резко, даже грубо, но мне требовалось вывести его из равновесия и заставить хоть как-то откликнуться. И я своего добилась. Дмитрий резко повернулся — глаза горят, пространство вокруг насыщено энергией. Как обычно, двигался он стремительно и одновременно изящно. Его голос звенел от сдерживаемых чувств: гнева, огорчения и беспокойства.

— Тогда лучшее, что я могу сделать...

И умолк. Карие глаза широко распахнулись от... чего? Изумления? Благоговения? Или, возможно, он был так же ошеломлен, как и я при виде его?

Потому что внезапно у меня возникло четкое ощущение, что он испытывает то же, что и я раньше. Он много раз видел меня в Сибири. Всего лишь прошлой ночью он видел меня в товарном складе. Однако сейчас... сейчас он впервые за долгое время видел меня своими собственными глазами. Сейчас он больше не был стригоем, и весь мир вокруг стал другим. Его мировоззрение и чувства, даже его душа — все изменилось.

Это был один из тех моментов, про которые люди говорят, что вся жизнь проносится перед их внутренним взором. Мы смотрели друг на друга, и передо мной мелькали сцены того, как развивались наши

отношения. Я вспоминала, каким сильным он был, когда доставил нас с Лиссой обратно в Академию. Какими нежными были его прикосновения, когда он перевязывал мои кровоточащие, израненные руки. Как он нес меня на руках после того, как Наталья, дочь Виктора, напала на меня. Но ярче всего мне вспоминалась наша ночь в хижине, прямо перед тем, как стригой схватили его. Год, мы знали друг друга всего год, но, казалось, за это время для нас прошла целая жизнь.

И, я уверена, при взгляде на меня с ним происходило то же самое. Его глаза впитывали каждую черту моего облика и навек откладывали в памяти. Мелькнула мысль — и как я выгляжу? На мне было то же платье, которое я надела ради тайной церемонии, и я знала, что оно мне идет. Веки, скорее всего, покраснели от слез, и, уходя с Адрианом, я успела лишь наскоро расчесать волосы.

Впрочем, вряд ли все это имело значение. То, как Дмитрий смотрел на меня, подтверждало все, что я предполагала. Чувства, которые он питал ко мне до обращения, он сохранил и будучи стригоем, пусть и в искаженном виде. И вот теперь они вернулись, снова став прежними. Так и должно быть. Может, Лисса и впрямь настоящая его спасительница. Может, придворные считают ее богиней. Но здесь и сейчас, как бы он ни старался сохранить бесстрастное выражение лица, было ясно, что богиня для него я и только я.

Он сумел справиться с собой — как и всегда. Кое-что не меняется ни при каких условиях.

— Тогда лучшее, что я могу сделать, — продолжил он спокойно, — это держаться подальше от тебя. Это самый верный способ уплатить долг.

Мне стало трудно продолжать разумную беседу: я пришла в ярость.

— А Лиссе ты, значит, уплатишь долг, всегда оставаясь с ней рядом!

— Я не делал... — На мгновение он отвел взгляд, стараясь овладеть собой, и снова посмотрел мне в глаза. — Я не делал с ней того, что с тобой.

Мой взрывной темперамент снова дал о себе знать.

— Это был не ты! И мне плевать!

— Сколько? — воскликнул он. — Сколько стражей погибли из-за меня прошлой ночью?

— Я... Думаю, шесть или семь.

Серьезные потери. Я ощутила жжение в груди, вспомнив имена, которые перечисляли во время церемонии.

— Шесть или семь, — с болью в голосе повторил Дмитрий. — Умерли за одну ночь. Из-за меня.

— Ты там был не один! И вообще, повторяю — это был не ты! Ты не

мог управлять собой. И для меня это не имеет значения...

— А для меня имеет! — закричал он; его голос зазвенел по всему коридору. Стражи на дальнем конце задвигались, но не подошли. Потом Дмитрий заговорил тише, но его голос по-прежнему дрожал от сильных чувств. — Для меня это имеет значение, вот чего ты не понимаешь. И не можешь понять. Не можешь понять, каково это — осознавать, что я делал. Все время, пока был стригоем... Сейчас это кажется сном, но таким, который помнится очень ясно. Мне нет прощения. А что я творил с тобой? Это воспоминание больнее всего — обо всем, что я делал, и еще о том, что мне хотелось делать.

— Больше это не повторится, — умоляюще заговорила я. — Пусть все уйдет. До того как это произошло, ты говорил, что мы будем вместе. Что мы получим назначения близко друг к другу и...

— Роза, — прервал он меня, впервые назвав по имени, и это пронзило мне сердце. Наверное, оговорился, на самом деле не желая обращаться ко мне таким образом. Его губы искривила улыбка, но ничуть не веселая. — Ты что, и впрямь думаешь, будто мне когда-нибудь позволят стать стражем? Чудо, что я вообще еще жив!

— Неправда! Как только они поймут, что ты снова прежний... все станет как было.

Он с грустью покачал головой.

— Твой оптимизм... Твоя вера, что ты можешь заставить события развиваться по собственному желанию... Ох, Роза! Это одна из самых удивительных твоих особенностей, но одновременно одна из самых досадных.

— Я верила, что тебя можно вернуть из состояния стригоя, — заметила я. — Выходит, моя вера в невозможное не так уж безумна.

Это был серьезный, разрывающий сердце разговор, но каким-то образом он напомнил мне наши прошлые тренировки. Обычно Дмитрий старался убедить меня в чем-то, с его точки зрения, важном, а я возражала, руководствуясь «логикой Розы». Теперешняя ситуация, несомненно, другая, но я занимала ту же позицию. Увы, это не тренировка. Он не станет с улыбкой закатывать глаза. Это серьезно. Вопрос жизни и смерти.

— Я благодарен тебе за все, что ты сделала, — официальным тоном заявил он, по-прежнему успешно справляясь со своими эмоциями. Еще одна общая для нас черта — мы всегда старались держать себя в руках, однако он преуспевал в этом лучше меня. — Я обязан тебе, но уплатить долг не в состоянии. Как уже было сказано, лучшее, что я могу сделать, это держаться от тебя подальше.

— Если ты будешь все время с Лиссой, то не сможешь избегать меня.

— Люди могут жить рядом без... без... Могут просто жить рядом, и все.

В этом был он весь — логика побеждает эмоции.

Именно тогда я и взорвалась. Как уже было сказано, он всегда лучше меня владел собой.

Я бросилась к прутьям решетки так быстро, что даже Майкл вздрогнул.

— Но я люблю тебя! — прошептала я. — И знаю, ты тоже любишь меня. Неужели ты воображаешь, что сможешь всю оставшуюся жизнь не замечать меня, даже находясь рядом?

А ведь когда-то он пытался вести себя именно так, причем долгое время — еще в Академии. И думал, что у него получится. И хотя нам обоим тогда приходилось нелегко, в каком-то смысле Дмитрий был подготовлен к тому, чтобы жить, пытаясь игнорировать свои чувства ко мне.

— Ты любишь меня, — повторила я. — Знаю, что любишь.

Я просунула руки между прутьями и так отчаянно потянулась к Дмитрию, словно пальцы могли внезапно удлиниться и коснуться его. Мне страстно хотелось этого — дотронуться до него, ощутить тепло его кожи. Одно-единственное прикосновение — чтобы он почувствовал, что по-прежнему любим...

— Это правда, — спросил Дмитрий, — что ты встречаешься с Адрианом Ивашковым?

— Что? — У меня отвисла челюсть. — С чего ты это взял?

— Слухи ходят. Так что, вы встречаетесь?

На мгновение я заколебалась. Сказать правду означало дать ему новое основание для того, что держаться в стороне от меня. Но солгать я не могла.

— Да, но...

— Хорошо.

Не знаю, какой реакции я ожидала от него. Ревности? Потрясения? Вместо этого он, казалось, испытал облегчение.

— Адриан лучше, чем кажется, — продолжал Дмитрий. — Он подходит тебе.

— Но...

— Вот где твое будущее, Роза. — Беснадежное выражение человека, утратившего вкус к жизни, снова вернулось к нему. — Ты не понимаешь, что это такое — пройти через то, через что прошел я... быть стригоем, а

потом перестать быть им. Это изменяет все. Дело не просто в том, что я вел себя с тобой непростительно. Все мои чувства... даже к тебе... изменились. Прежних чувств больше нет. Может, я и стал снова вампиром, но то, что произошло... оставило в душе шрамы. Изменило мою душу. Теперь я не могу любить никого. И я не люблю тебя. Между нами больше ничего нет.

Вся кровь в жилах застыла. После того, как он недавно смотрел на меня... Нет, я не верила ни единому его слову.

— Нет! Это неправда! Я люблю тебя, и ты...

— Охрана! — закричал Дмитрий так громко, что, казалось, задрожало все здание. — Уведите ее отсюда! Уведите!

Стражи всегда действуют молниеносно — и теперь охранники в мгновение ока оказались около камеры. Дмитрий был не в том положении, чтобы отдавать приказы, но начальство не погладит стражей по головке, если здесь возникнет какая-то заваруха. Они начали теснить меня и Майкла прочь от решетки, но я сопротивлялась.

— Нет, постойте...

— Перестань, — прошептал мне на ухо Майкл. — Наше время истекло, и сегодня ты больше ничего не добьешься.

Слова замерли у меня на губах. Я позволила охранникам вывести себя, но прежде устремила на Дмитрия последний долгий взгляд. На лице его было бесстрастное выражение истинного стража, но его ответный, пронизывающий взгляд ясно говорил, что творится в его душе.

Друг Майкла все еще дежурил наверху, и мы ускользнули без всяких неприятностей. Оказавшись снаружи, я сердито топнула ногой.

— Проклятье!

Двое проходивших мимо морюев — наверное, возвращающихся с запоздалой вечеринки — бросили на меня испуганные взгляды.

— Успокойся, — сказал Майкл. — Это же ваша первая встреча после его возвращения. Вряд ли ты вправе ожидать чуда прямо сейчас. Он передумает.

— Не уверена. — Вздохнув, я подняла взгляд. По небу лениво скользили легкие облака, но я едва замечала их. — Ты не знаешь его так, как я.

Да, наверное, Дмитрий не вполне еще опомнился после обратного превращения, и этим отчасти объяснялось его поведение. Но я сомневалась, что дело этим и ограничивалось, ведь я действительно очень хорошо знала его. Знала, как сильно в нем чувство долга, как непоколебимы убеждения относительно того, что правильно, а что нет. Он жил, руководствуясь ими. И если он действительно по-настоящему считал,

что ему не следует поддерживать со мной отношения, то очень велика вероятность того, что он и не станет этого делать — даже если любит меня. Ведь в Академии уже было именно так. Что же до остального... если он и правда больше не может любить никого, и меня в том числе, — даже если это правда, то это уже совсем другая проблема. Кристиан и Адриан беспокоились, не осталось ли в нем чего-нибудь от стригоя, но боялись лишь, что в нем задержалась склонность к насилию. И никому даже в голову не приходило, что от пребывания в состоянии стригоя его сердце могло очерстветь, в нем умерла сама способность любить.

Умерла способность любить меня.

Если это так, какая-то часть моей души умрет тоже.

Двадцать один

Небо на востоке окрасилось розовым — близился рассвет, то есть середина нашей ночи. Быстро заглянув в сознание Лиссы, я обнаружила, что «Вахта смерти» закончилась и она возвращается в свою комнату — беспокоясь обо мне и по-прежнему сердясь на Кристиана за то, что он пришел вместе с Мией.

Я последовала примеру Лиссы, спрашивая себя, может ли сон облегчить боль в сердце после встречи с Дмитрием. Скорее всего, нет. Тем не менее я поблагодарила Майкла за помощь и риск, на который он пошел. Он просто кивнул — дескать, не за что. Наверное, именно такого поступка он ждал бы от меня, если бы мы поменялись ролями и за решеткой сидела госпожа Карп.

Спала я крепко, но сны видела беспокойные. Снова и снова Дмитрий повторял, что не может больше любить никого, разбивая мне сердце на миллион осколков. В какой-то момент до меня дошло, что я слышу не просто участвовавший стук сердца — стучали в мою дверь.

С трудом выбравшись из своего кошмара, я поплелась к двери. Перед глазами все расплывалось. Открыв, я обнаружила за порогом Адриана — точь-в-точь как прошлой ночью, когда он пришел, чтобы пригласить меня на «Вахту смерти». Только на этот раз выражение его лица было гораздо мрачнее. Мелькнула мысль, что он узнал о моем визите к Дмитрию. А может, то, что он привел на тайную поминальную службу своих друзей, вызвало более серьезные неприятности, чем мы думали.

— Адриан... что-то рановато для тебя...

Взглянув на часы, я поняла, что на самом деле проспала довольно долго.

— Ничуть не рано, — все с тем же серьезным выражением лица заявил он. — Происходят важные вещи, и я хочу первым рассказать тебе о них.

— Что такое?

— Совет вынес вердикт по вопросу, который они обсуждали. Ну, тот самый, из-за которого вызывали тебя.

— Постой. Значит, они уже закончили? — Я вспомнила слова Майкла о том, что Совет занят обсуждением какой-то важной проблемы. Если с ней они разобрались, значит, могут перейти к другим вопросам — скажем, официально признать Дмитрия дампиром. — Это замечательная новость.

И если это как-то связано с моими делами — не зря же Татьяна вызывала меня, — может, у меня есть реальный шанс стать стражем Лиссы? Способна королева на такое? Этой ночью она вела себя достаточно дружелюбно.

Адриан смотрел на меня почти с жалостью — это что-то новенькое!

— Ты понятия не имеешь.

— О чем понятия не имею?

— Роза... — Он мягко положил руку мне на плечо. — Совет только что издал постановление, согласно которому минимальный возраст стражей для приема на работу понижается до шестнадцати лет. Дампиры будут заканчивать Академию после второго курса и тут же получать назначения.

— Что?

Определенно я ослышалась.

— Ты знаешь, как в последнее время они паниковали из-за того, что число стражей сокращается и уровень безопасности падает? — Он вздохнул. — И наконец нашли вот такое решение проблемы.

— Но они же слишком молоды! — воскликнула я. — Как могло кому-то взбрести в голову, что шестнадцатилетние юнцы готовы к сражениям?

— Это решение основывалось на твоих показаниях.

Челюсть у меня отвалилась, все внутри заледенело. Основывалось на моих показаниях... Нет, это немыслимо.

Адриан мягко подтолкнул меня, стремясь вывести из ступора.

— Пошли. Они еще не закончили. Просто сделали объявление на открытом заседании, и некоторые... слегка огорчены.

— Надо полагать.

Повторять дважды не пришлось. Я двинулась за Адрианом, но потом до меня дошло, что я все еще в пижаме. Быстро переоделась и расчесала волосы, по-прежнему с трудом веря его словам, и спустя пять минут мы уже были за дверью. Адриан никогда сильно не увлекался спортом, но на всем пути до зала Совета сохранял хороший темп.

— Как такое могло произойти? — спросила я. — Ты и впрямь считаешь, что мой пример сыграл какую-то роль?

Не останавливаясь, он закурил сигарету, и я не сказала по этому поводу ни слова.

— Обсуждение, видимо, было очень жарким. Голоса разделились примерно поровну. Те, кто проталкивал эту идею, понимали — чтобы одержать победу, нужно представить убедительное доказательство. Им крупно повезло с тобой. Еще бы! Дампирка-подросток, убивавшая стригоев

направо и налево задолго до окончания школы.

— Не так уж задолго, — пробормотала я.

Во мне разгоралась ярость. Шестнадцать? Неужели они это серьезно? Нелепость! От мысли о том, что я, не осознавая этого, помогла провести это постановление, все внутри клокотало. Какая же я дура! Вообразила, будто они вызвали меня, чтобы похвалить, и забыли обо всех моих нарушениях. Они использовали меня, вот что было на самом деле. Татьяна использовала меня.

Как и говорил Адриан, в зале Совета царил хаос. Правда, мне нечасто приходилось бывать в таких собраниях, но вряд ли там в обычае собираться группами и кричать друг на друга. Да и ведущий заседание обычно не вопит как резаный, призывая остальных к порядку.

Спокойна была лишь сама Татьяна, сидящая, согласно этикету, за столом в центре, и выглядела очень довольной собой. Ее соратники, напротив, утратили всякое чувство приличия. Вскочив, они яростно спорили между собой, с любым, кто поворачивался под руку. Я изумленно оглядывалась, не зная, как мне быть посреди этого беспорядка.

— Кто за что голосовал? — спросила я.

Глядя на членов Совета, Адриан начал загибать пальцы.

— Селски, Озера, Бадика, Дашков, Конта и Дроздов. Они были «против».

— Озера? — удивилась я.

Я плохо знала Иветту, принцессу Озера, но она всегда производила впечатление жесткой и в целом неприятной особы. Теперь же я прониклась уважением к ней.

Адриан кивнул на Ташу, которая обращалась к большой группе людей, яростно размахивая руками и сверкая глазами.

— Иветту убедили высказывания некоторых членов ее семьи.

Я не смогла сдержать улыбки, но лишь на мгновение. Хорошо, что родственники снова считались с Ташей и Кристианом, но прочие наши проблемы никуда не делись.

Выводы касательно позиции остальных я смогла сделать сама.

— Так... Принц Ивашков голосовал «за», — сказала я; Адриан, как бы извиняясь за свою семью, пожал плечами. — Лазар, Зеклос, Тарус и Вода.

Неудивительно, что семью Вода сильно волновала проблема защиты — ведь совсем недавно погибла одна из ее представительниц. Присциллу даже не успели похоронить, а новый принц Вода, Александр, по-видимому, пока не чувствовал себя уверенно в новой должности.

Я бросила взгляд на Адриана.

— Всего пять к шести. Ох! — Тут до меня дошло. — Дерьмо!

Моройская система голосования предполагает наличие двенадцати членов Совета, по одному от каждой семьи, плюс король или королева. Правда, это часто означало, что одна семья получала два голоса, поскольку монарх редко голосовал против мнения своей родни, хотя бывало и такое. Тем не менее система основывалась на том, что при тринадцати голосах равный счет невозможен. Вот только в последнее время возникла одна маленькая проблема. Поскольку в Совете не было представителей семьи Драгомир, одного голоса при любом раскладе не хватало. В этом редчайшем случае моройский закон предполагает передачу лишнего голоса монарху. У такого подхода всегда были противники, но никаких решительных действий не предпринималось: ведь считалось, что избранный монарх будет действовать во благо всем мороям.

— Татьяна была шестой, — сказала я. — И ее голоса перевесили.

Оглянувшись, я увидела возмущение на лицах членов тех семей, которые голосовали против постановления. По-видимому, не все считали, что Татьяна действительно защищает интересы мороев.

Благодаря связи я ощутила близкое присутствие Лиссы, так что ее появление в зале спустя несколько мгновений меня не удивило. Новости распространяются быстро, хотя многих деталей она пока не знала. Мы с Адрианом помахали ей.

— Как они могли пойти на такое? — спросила она, ошеломленная не меньше нас.

— Потому что многие слишком боятся, что иначе их могут заставить самих защищать себя. Группа Таши была чересчур активна.

— Нет, этого объяснения недостаточно. — Лисса покачала головой. — Почему это заседание вообще проводится сейчас? После того, что недавно произошло, следовало объявить траур и оплакивать погибших. И это должен был сделать весь Совет, а не только несколько его членов на тайной церемонии. Ведь погиб даже один из членов Совета! Что, нельзя было подождать хотя бы до похорон?

Перед ее внутренним взором промелькнули жуткие образы прошлой ночи, когда Присциллу убили прямо у нее на глазах, и я тоже вновь это увидела.

— Ее оказалось нетрудно заменить, — сказал подошедший к нам Кристиан; все еще сердясь из-за Мии, Лисса отодвинулась от него. — И на самом деле время выбрано очень удачно. Те, кто хотел этого, не могли упустить свой шанс. Всякий раз, когда происходит нападение большой группы стригоев, возникает паника. Страх повлиял на многих

колеблющихся и подтолкнул к тому, чтобы поддержать нужное решение.

Очень разумное объяснение, и Лисса, хоть и была обижена, не могла не признать его справедливость. Тем временем ведущему наконец удалось перекрычать аудиторию. Интересно, люди быстрее успокоились бы, если бы сама Татьяна заорала на них? Но нет. Это, конечно, ниже ее достоинства. Она по-прежнему восседала с таким видом, будто не происходит ничего особенного.

Тем не менее понадобилось некоторое время, чтобы все окончательно уgomонились и расселись по своим местам. Мы торопливо заняли первые же свободные кресла, какие смогли найти. Когда наконец наступила тишина, притомившийся ведущий передал слово королеве.

— Мы благодарим всех, пришедших сюда и выразивших свое... мнение, — заявила она, улыбаясь, но самым властным тоном. — Знаю, некоторые все еще сомневаются в правильности принятого решения, но морейские законы полностью соблюдены — законы, действующие на протяжении столетий. В самое ближайшее время мы соберем еще одно заседание, где все смогут высказаться с холодной головой. — Что-то подсказывало мне, что это будет пустая формальность: люди могут говорить что угодно, она не станет их слушать. — Это решение, вернее вердикт, вынесено в интересах мороев. У нас прекрасные стражи. — Она снисходительно кивнула в сторону стоящей вдоль стен церемониальной охраны. Лица дампиров сохраняли характерное нейтральное выражение, но уверена, они, как и я, охотно отдубасили бы половину Совета. — Они настолько хороши, что способны подготовить своих учеников оберегать нас в более раннем возрасте. Теперь мы будем лучше защищены от возможного повторения недавней трагедии.

Она на мгновение склонила голову, как бы в знак скорби. Мне припомнилось, как сегодня ночью она с горечью вспоминала о Присцилле. Неужели это был спектакль? И смерть лучшей подруги стала для нее лишь средством протолкнуть свою идею? Нет, не может она быть такой расчетливой.

— Повторяю, мы с радостью выслушаем все ваши мнения, хотя по нашим законам вопрос исчерпан. — Вскинув голову, королева продолжила свою речь. — Последующие заседания будут созваны по окончании траурных мероприятий.

Ее голос и весь вид свидетельствовали о том, что дискуссия окончена. И тут тишину внезапно разорвал дерзкий голос.

Мой голос.

— А я хотела бы высказать свое мнение прямо сейчас.

В голове зазвенел крик Лиссы: «Сядь! Сядь!» Но я уже вскочила, зашагала к столу Совета и остановилась с таким расчетом, чтобы всем было меня видно, но вне досягаемости стражей. И члены Совета заметили меня! Ведущий пошел красными пятнами.

— Вы переходите все границы и нарушаете протокол! Сядьте немедленно, пока вас не вывели!

Он посмотрел на стражей с таким видом, как будто ожидал, что они немедленно набросятся на меня. Но никто из них не двинулся: то ли они не воспринимали меня как угрозу, то ли хотели посмотреть, что я собираюсь делать. Я, кстати, тоже хотела бы это знать.

Изящным жестом Татьяна велела ведущему успокоиться.

— Полагаю, сегодня было уже столько случаев нарушения протокола, что еще один ничего не изменит. — Она добродушно улыбнулась мне, видимо стремясь создать впечатление, будто мы друзья. — Кроме того, страж Хэзевей — одна из самых лучших. Я всегда с интересом выслушиваю ее мнение.

Правда? Ну что же, сейчас проверим. Я заговорила, обращаясь к Совету:

— То решение, которое вы только что приняли, абсолютно безумно. Считаю подвигом со своей стороны, что воздерживаюсь от бранных слов, хотя убеждена — сейчас они были бы более чем уместны. Кто теперь осмелится сказать, что я незнакома с протоколом Совета? Как можете вы, сидящие здесь, думать, будто это нормально и даже хорошо — посылать шестнадцатилетних ребят рисковать своей жизнью?

— Разница всего в два года, — возразил принц Тарус. — Мы же не десятилетних детей посылаем.

— Два года — это много. — На мгновение я вспомнила свои шестнадцать лет. Что произошло за эти два года? Я сбежала с Лиссой, видела, как умирают друзья, странствовала по миру, влюбилась... — За два года можно прожить целую жизнь. И если вы хотите, чтобы мы и дальше сражались — что мы по доброй воле делаем после окончания школы, — вы не должны отнимать у нас эти два года.

Я взглянула на слушателей — их реакция казалась неоднозначной. Некоторые, очевидно, соглашались со мной. Другие сидели с таким видом, словно ничто в мире не заставит их изменить свое мнение. Третьи старались не встречаться со мной взглядом... Как расшевелить этих последних? Они что, просто такие нерешительные? Или стыдятся собственного эгоизма? Возможно, именно они могут изменить соотношение сил в нашу пользу.

— Поверь, я был бы счастлив, если бы ваши люди в полной мере могли насладиться годами юности, — заговорил Натан Ивашков. — Однако в данный момент такой возможности нет ни у кого. Стригои наступают. Мы каждый день несем новые потери среди мороев и стражей. Увеличение числа бойцов остановит это. Фактически мы просто даем молодым стражам возможность немедленно применить в деле полученные навыки, не откладывая на два года. Наш план будет способствовать защите обеих рас.

— Нет, он ускорит гибель моей расы! — возразила я. Почувствовав, что начинаю терять контроль над собой и могу перейти на крик, я сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить. — Они не будут готовы к борьбе. Они не пройдут весь курс обучения, который требуется для этого.

И тут Татьяна выдвинула свой главный аргумент.

— Однако, по твоему же собственному признанию, ты определенно была готова к борьбе в столь юном возрасте. Ты убила больше стригоев еще до того, как тебе исполнилось восемнадцать, чем некоторые стражи убивают за всю свою жизнь.

Я вперила в нее взгляд, прищурилась и холодно ответила:

— У меня был превосходный инструктор, тот самый, которого вы теперь держите под замком. Если вас так волнуют то, что навыки тратятся впустую, сходите в собственную тюрьму и посмотрите на него.

По аудитории пронесся легкий шум. Лицо Татьяны, до этого выражавшее дружелюбие, застыло.

— Сейчас мы обсуждаем не это. Повышение нашей безопасности — вот сегодняшняя проблема. По-моему, ты сама не так давно сетовала на недостаток численного состава стражей, — напомнила она мне то, что я говорила сегодня ночью. — Их ряды необходимо пополнить. Ты и многие твои товарищи на собственном примере доказали, что способны защищать нас.

— Мы — исключение из правил! — Может, это прозвучало не слишком скромно, зато правдиво. — Не все новички достигают такого уровня.

Угрожающий блеск вспыхнул в ее глазах, голос зазвучал вкрадчиво.

— В таком случае, возможно, нам потребуется больше хороших инструкторов. Вероятно, следует отослать тебя в Академию Святого Владимира или какую-нибудь другую, чтобы ты занялась обучением своих юных коллег. Насколько я понимаю, в ближайшее время здесь, при дворе, тебе на постоянной основе предписано заниматься административной работой. Если ты пожелаешь способствовать успешному осуществлению

сегодняшнего постановления, мы можем изменить это предписание, назначив тебя инструктором. Тогда твой путь к тому, чтобы стать полноценным стражем, будет короче.

Я ответила ей улыбкой, в которой тоже таилась угроза.

— Не пытайтесь запугать, подкупить или шантажировать меня. Никогда. Последствия вас не обрадуют.

Возможно, я зашла слишком далеко. Люди в зале начали испуганно переглядываться, на некоторых лицах появилось выражение отвращения, как будто ничего другого они от меня и не ожидали. Именно эти люди, как мне вспомнилось, обсуждали мои отношения с Адрианом, которые так не нравятся королеве. Здесь также присутствовали некоторые из участников тайной церемонии. Они видели, как Татьяна вывела меня оттуда, и наверняка решили, что мой теперешний взрыв негодования является чем-то вроде мести.

Среагировали не только морой. Независимо от того, разделяли они мое мнение или нет, несколько стражей выступили вперед. Я не двинулась с места, и это, вкупе с тем, что Татьяна не проявляла возмущения, заставило их остановиться.

— Эта беседа становится для нас утомительной, — заявила Татьяна, снова возвращаясь к своему королевскому «для нас». — Ты можешь выступить — с соблюдением приличий — на следующем заседании, посвященном обсуждению. На данный момент, нравится тебе это или нет, решение принято. Таков закон.

«Она отпускает тебя!» — зазвенел в голове голос Лиссы. — Уймись, пока не сделала чего-нибудь такого, что навлечет на тебя по-настоящему серьезные неприятности. Доспоришь позже».

Я была на грани взрыва, но слова Лиссы заставили меня опомниться. Однако не своим содержанием — я вспомнила о самом существовании Лиссы. Когда недавно мы с Адрианом обсуждали результаты голосования, я заметила одно нарушение...

— Это неправильное голосование, — заявила я. — Оно незаконно.

— Теперь ты у нас законовед, мисс Хэзевей? — Королева явно забавлялась, а то, что она опустила мое звание стража, свидетельствовало об откровенном неуважении. — Если ты имеешь в виду тот факт, что голос монарха имеет больший вес по сравнению с голосами других членов Совета, мы можем заверить тебя — именно так обстоит дело в подобных ситуациях, согласно моройскому закону, действующему на протяжении столетий.

Она окинула взглядом лица членов Совета, и никто не возразил, даже

те, кто голосовал «против».

— Да, но голосовал Совет не в полном составе, — сказала я. — На протяжении нескольких последних лет одно место здесь пустовало, однако теперь ситуация изменилась. — Я указала туда, где сидели мои друзья. — Василисе Драгомир исполнилось восемнадцать лет, и теперь она вправе занять место, принадлежащее ее семье.

Во всем этом хаосе о ее дне рождения все забыли, даже я.

Все взгляды обратились на Лиссу. Быть в центре внимания она не любила, но привыкла и знала, как должен вести себя человек из семьи королевских мороев. Поэтому она не съежилась, как можно было ожидать, а выпрямилась, с холодным, истинно аристократическим величием устремив взгляд в пространство перед собой. Она выглядела так, словно готова была подняться, подойти к столу и потребовать то, что принадлежало ей по праву рождения. Не знаю, в чем тут было дело — то ли в ее величественной позе, то ли сказалось влияние стихии духа, но от нее невозможно было оторвать взгляд. Ее черты казались прекрасными и будто излучали сияние; на многих лицах в зале появилось то же выражение благоговения, которое я уже раньше видела у придворных. Трансформация Дмитрия по-прежнему оставалась загадкой, но те, кто в нее поверил, считали Лиссу чуть ли не святой. В глазах многих она была владычицей жизни и смерти: благодаря и своему происхождению, и таинственным силам, которыми обладала, а теперь еще и из-за предполагаемой способности возвращать в прежнее состояние стригоев.

Я с самодовольным видом перевела взгляд на Татьяну.

— Разве восемнадцать — не тот возраст, когда по закону представитель семьи может принимать участие в голосовании?

«Шах и мат, сука».

— Да, — живо ответила она. — Если бы Драгомиры могли набрать кворум.

Не скажу, что в это мгновение моя ошеломляющая победа разлетелась вдребезги, но она определенно утратила часть своего блеска.

— Что?

— Кворум. По закону, чтобы моройская семья имела голос в Совете, она должна существовать как семья. Василиса не имеет семьи. Она единственная в своем роду.

— Вы хотите сказать, что ей нужно завести ребенка, чтобы получить голос в Совете? — Я недоверчиво смотрела на нее.

— Не сейчас, конечно. — Татьяна состроила гримасу. — Но когда-нибудь — несомненно. Чтобы семья имела голос, она должна состоять хотя

бы из двух членов, одному из которых больше восемнадцати. Таков моройский закон, тоже соблюдающийся на протяжении столетий.

Некоторые обменивались недоуменными, удивленными взглядами — видимо, немногие знали об этом законе. Подобная ситуация — чтобы некая королевская семья состояла из одного человека — не возникала давно, а может, и вовсе никогда.

— Это правда, — с явной неохотой подтвердила Ариана Селски. — Я видела этот закон.

Да, вот теперь пришлось признать: моя ошеломляющая победа пошла прахом. Я всегда относилась к семье Селски с доверием, к тому же моя мама является стражем младшего брата Арианы. Все знали о ее начитанности, а она ведь голосовала против изменения возраста стражей и едва ли станет сейчас лгать.

Лишившись последнего довода, я прибегла к старым методам.

— Это самый абсурдный закон, о котором мне когда-либо приходилось слышать, — заявила я.

Это возымело свое действие — в зале возник взволнованный шум, а Татьяна оставила все попытки изображать дружелюбие.

— Вывести ее! — закричала она, перекрывая нарастающий шум. — Такое хамское поведение недопустимо!

В мгновение ока стражи оказались рядом со мной. Честно говоря, учитывая, сколько раз за последнее время меня откуда-нибудь выволакивали, в этом было даже что-то успокаивающе знакомое. Я не сопротивлялась, когда стражи вели меня к выходу, но и не позволила выставить себя без нескольких прощальных слов.

— Сука! Ханжа! Ты могла бы изменить этот закон о кворуме, если бы захотела! — закричала я. — Ты подминаешь закон под себя, руководствуясь эгоизмом и страхом! Это худшая ошибка твоей жизни. Подожди и увидишь — ты еще будешь жалеть о ней!

Не знаю, слышал ли кто-нибудь мою тираду, потому что к этому времени в зале воцарился такой же хаос, как в момент моего появления там. Трое стражей крепко держали меня, пока мы не оказались снаружи. Когда они меня отпустили, мы на мгновение застыли в неловком молчании.

— И что теперь? — спросила я, стараясь сдержать клокотавшую во мне ярость; в конце концов, они-то в чем виноваты? — Посадите меня под замок?

В этом случае я осталась бы в выигрыше, поскольку оказалась бы рядом с Дмитрием.

— Велено было лишь вывести тебя, — заметил один из стражей. —

Никто не говорил, что делать с тобой дальше.

Второй страж, старый, седой, но на вид еще полный сил, искоса взглянул на меня.

— Я бы на твоём месте убрался отсюда подальше, пока они не придумали наказание.

— Хотя они, конечно, разыщут тебя, если захотят, — добавил первый страж.

С этими словами они вернулись в зал, оставив меня озадаченной и расстроенной. Я все еще жаждала схватки, меня переполняло чувство разочарования, как всегда, когда я сталкивалась с ситуацией, где была бессильна. Все эти выкрики... им грош цена. Я не добилась ничего.

— Роза?

Я подняла взгляд и увидела, что пожилой страж все еще стоит в дверном проеме. Лицо его было бесстрастно, как обычно, но в глазах светилось понимание.

— Знаешь, оно того стоило, — сказал он. — То, как ты себя вела... Это просто фантастика.

— Спасибо. — Против воли я улыбнулась. Ну, может, чего-то я все-таки добилась.

Двадцать два

Я не воспользовалась советом этого стража и не бросилась бежать, хотя и не осталась сидеть на ступеньках. Отошла и остановилась в вишневом саду, рассудив, что заседание скоро кончится и люди повалят из дверей. Прошло несколько минут, но ничего не происходило. Тогда я нырнула в сознание Лиссы и обнаружила, что обстановка все еще накалена. Татьяна уже дважды объявляла о конце заседания, но люди по-прежнему не расходились, продолжая спорить.

В одной из групп Таша, стоявшая вместе с Адрианом и Лиссой, произносила страстную речь, на что была такая мастерица. В отличие от Татьяны она не опиралась на холодный расчет, когда дело касалось политических ходов, но обладала острым чутьем на нестабильность и умело ею пользовалась. Она выступала против решения о понижении возрастного ценза и за то, чтобы морои учились сражаться сами. Ни то ни другое особого энтузиазма не вызвало, поэтому она перешла к следующей многообещающей теме: о Лиссе.

— Почему мы спорим о том, как лучше убивать стригоев, если, как выяснилось, можем спасти их? — Положив одну руку на плечо Лиссы, а другой обхватив Адриана, она подтолкнула их вперед. Моя подруга все еще выглядела довольно уверенно, но Адриан, казалось, был настроен при первой же возможности дать деру. — Василиса, которую, между прочим, действительно лишили права голоса, опираясь на давно устаревший закон, продемонстрировала, что стригоя можно вернуть обратно.

— Это еще не доказано! — воскликнул мужчина в толпе.

— Шутишь? — спросила женщина рядом с ним. — Моя сестра была среди тех, кто привез его обратно. По ее словам, он определенно дампир. Солнце ему нипочем.

— Я тоже была там. — Таша одобительно кивнула говорившей. — И теперь у нас есть два пользователя духа, способные делать то же самое для других стригоев.

Несмотря на все мое уважение к Таше, в этом я не была полностью с ней согласна. В случае с Дмитрием Лиссе потребовалось применить силу в неимоверном количестве — даже наша связь временно нарушилась. Это не означало, что Лисса не сможет — или не захочет — сделать то же самое снова. Исполненная сострадания, она способна снова и снова жертвовать собой ради других. Но я знала точно: чем больше силы призывает

пользователь духа, тем быстрее он движется в сторону безумия.

Что касается Адриана... тут он практически вообще ни при чем. Даже если бы он сумел заколоть стригоя, он не владеет той исцеляющей магией, которая необходима, чтобы вернуть его к жизни. Все морои имеют различные способности. Некоторые пользователи огня вроде Кристиана могут управлять самым пламенем, а другие применяют магию этого рода для того, скажем, чтобы согреть воздух в комнате. Так и Лисса с Адрианом: оба они — пользователи духа, но его самый великий подвиг на ниве исцеления — сращивание перелома, в то время как ей не под силу проникать в чужие сны. Значит, на самом деле имеется лишь один пользователь духа, способный спасать стригоев, но ведь этих монстров — легионы! Похоже, Таша плохо осознавала этот момент.

— Совету вообще нечего было тратить время на этот закон о возрастном цензе стражей, — продолжала она. — Нужно направить все усилия на розыск новых пользователей духа и привлекать их к спасению стригоев. — Она вперила взгляд в кого-то в толпе. — Мартин, твоего брата ведь обратили против его воли? Приложив усилия, мы могли бы вернуть его тебе — живым и в точности таким, каким ты его знал. А иначе стражи найдут и заколют его — и, конечно, до этого он успеет погубить множество невинных людей.

Да, Таша умела быть убедительной и почти довела до слез этого парня, Мартина. И она сознательно не упоминала тех, кто стал стригоем добровольно. Лисса, стоявшая рядом с ней, слегка растерялась, не зная, как отнестись к этой идее «армии спасителей», но прекрасно понимала, что все это было частью других планов Таши — в том числе и борьбы за то, чтобы Лисса получила право голоса.

Таша превозносила способности и характер принцессы Драгомир, высмеивая, очевидно, устаревший закон, принятый в те времена, когда предвидеть такого рода ситуацию было невозможно. Потом Таша подчеркнула, что полноценный Совет из представителей двенадцати семей самым фактом своего существования послал бы стригоям всего мира весть о сплоченности мороев.

Мне не хотелось слушать дальше. С Лиссой я могу пообщаться и позже, а Таша пусть творит свои политические заклинания. Я была все еще возбуждена тем, что наговорила в Совете, и вид этого зала стал для меня невыносим. Вернувшись в собственную реальность, я взвизгнула от неожиданности, увидев прямо перед собой чье-то лицо.

— Эмброуз!

Один из самых красивых вампиров на планете — после Дмитрия,

конечно, — одарил меня сияющей улыбкой кинозвезды.

— Ты стояла так неподвижно, что я подумал — может, ты пытаешься стать дриадой.

— Что?

— Дриады — духи природы. — Он показал на стволы вишен. — Прекрасные женщины, повенчанные с деревьями.

— Не знаю, можно ли воспринять это как комплимент. Но все равно рада тебя видеть.

Эмброуз в нашем мире стоял особняком: он был единственным мужчиной-дампиром, который не стал стражем, но и не сбежал, чтобы затеряться среди обычных людей. Женщины-дампирь часто отказываются от роли стража, чтобы растить детей; вот почему нас так мало. Но мужчины? У них такого оправдания нет. Однако вместо того, чтобы держаться тише воды ниже травы, Эмброуз просто жил среди нас и работал на мороев, но иначе. По существу, он стал слугой — но слугой высшего класса, из тех, кто разносит напитки на элитных вечеринках и доставляет сообщения королевским моройкам. Он также, если верить слухам, оказывал самой Татьяне услуги определенного интимного свойства. Эта мысль, однако, была так противна, что я старалась выкинуть ее из головы.

— Я тоже рад, — ответил он. — Но что ты делаешь здесь, если не сливаешься с природой?

— Это долгая история. Меня, знаешь ли, вышвырнули с заседания Совета.

— Буквально вышвырнули? — Он вытаращил глаза.

— Ну, вывели под руки, если точнее. А я все удивлялась, почему не вижу тебя. Правда, последнюю неделю у меня были... э-э... кое-какие неприятности.

— Я слышал об этом. — Он одарил меня сочувственным взглядом. — Хотя меня действительно здесь не было. Вернулся только прошлой ночью.

— Как раз вовремя, чтобы принять участие в здешних развлечениях, — пробормотала я.

Простодушное выражение его лица подсказывало, что он еще не слышал о решении Совета.

— Ты сейчас занята? — спросил он. — Отбыла свой срок наказания?

— Что-то вроде этого. В данный момент я жду кое-кого, чтобы потом поболтать в своей комнате.

— Ну, если ты просто убиваешь время, почему бы тебе не повидаться с тетей Рондой?

— С Рондой? — Я нахмурилась. — Не обижайся, но в прошлый раз

твоя тетя не произвела на меня особого впечатления.

— Никаких обид. Но она расспрашивала о тебе. И Василисе. Если ты пока просто слоняешься без дела...

Я задумалась. Действительно, какие у меня дела прямо сейчас? И история с Дмитрием, и идиотское решение Совета меня достали, но видеться с Рондой, тетей Эмброуза и гадалкой, мне не очень-то хотелось. Несмотря на мой неодобрительный отзыв, некоторые ее предсказания ведь и правда сбылись. Причем наиболее неблагоприятные.

— Прекрасно. — Я постаралась напустить на себя скучающий вид. — Только давай поторопимся.

Он улыбнулся, словно видел меня насквозь, и повел к дому, где я уже однажды была. Там размещался роскошный салон, предлагающий спа-процедуры, которые очень любили королевские морой. Нам с Лиссой когда-то тут приводили в порядок ногти, и по пути к владениям Ронды я почувствовала, как сжалось сердце. Маникюр, педикюр... сейчас все это казалось таким тривиальным. Однако в тот день с нами поработали превосходно. Мы с Лиссой много смеялись, находя столько радости в обществе друг друга... И было это прямо перед нападением на школу, после которого все пошло прахом.

Ронда предсказывала будущее в задней части здания, довольно далеко от спа-салона, где всегда толпилось много народу. Несмотря на сомнительное занятие, дела у нее шли неплохо, и в приемной даже сидела собственная служащая. То есть так было раньше, но на этот раз за столом никого не оказалось, и Эмброуз провел меня прямо в кабинет Ронды. Он выглядел в точности как раньше — словно попадаешь внутрь сердца. Все вокруг красное: обои, убранство и подушки.

Сама Ронда сидела на одной из этих подушек на полу и ела йогурт из баночки — что не очень-то сочеталось с образом человека, обладающего мистической силой. Вьющиеся черные волосы водопадом ниспадали на плечи, большие золотые кольца сверкали в ушах.

— Роза Хэзевей, — с довольным видом сказала она и отставила стаканчик в сторону. — Какой приятный сюрприз!

— Разве вы не должны были предвидеть мое появление? — сухо спросила я.

— Это не в моей власти. — Ее губы изогнулись в улыбке.

— Извини, что прерываем твой обед. — Грациозным движением Эмброуз тоже сел. — Но Розу поймать нелегко.

— Могу себе представить, — сказала она. — Я потрясена тем, что ты вообще сумел ее привести. Что я могу сделать для тебя сегодня, Роза?

— Не знаю. — Я пожала плечами и уселась рядом с Эмброузом. — Я здесь только потому, что ваш племянник меня уговорил.

— Она невысокого мнения о твоём предыдущем предсказании, — заметил он.

— Эй! — Я бросила на него сердитый взгляд. — Я вовсе не это имела в виду.

В прошлый раз со мной были Лисса и Дмитрий. Карты Таро показали, что Лисса будет увенчана силой и светом — ничего удивительного. Дмитрию Ронда сказала, что он потеряет самое дорогое на свете. Так и произошло: он потерял душу. А я? Мне Ронда пообещала, что я убью не-мертвого. Я усмехнулась, услышав это, поскольку и так знала, что всю оставшуюся жизнь буду убивать стригоев. Теперь я задавалась вопросом: а что, если не-мертвый означало стригойскую часть Дмитрия? Пусть я не сама вонзила кол, моя роль в этом деле определенно была решающей.

— Может, попробуем еще раз? — предложила она.

— Проблема в том, что... Я боюсь того, что могут показать карты.

Честное слово, я сама была потрясена, услышав, что говорю.

— Карты не создают будущего, — мягко возразила она. — Если что-то должно произойти, оно произойдет независимо от того, будешь ты знать заранее или нет. Впрочем... будущее изменчиво. Не обладай мы свободой выбора, не было бы смысла жить.

— В точности такой расплывчатый ответ я и ожидала услышать от цыганки, — небрежно бросила я.

— Не цыганка, а рома, — поправила она. Моя резкость, казалось, ничуть ее не задела. Спокойный характер — это, видимо, у них семейное. — Так ты хочешь, чтобы я разложила карты?

Хотела ли я? Она была права в одном — будущее наступит независимо от того, загляну я в карты или нет. И даже если карты покажут его верно, я, скорее всего, пойму это лишь задним числом.

— Ладно. Просто шутки ради. В смысле, в прошлый раз это, наверное, была всего лишь удачная догадка.

Ронда закатила глаза, но ничего не сказала и принялась тасовать колоду такими точными движениями, что карты, казалось, двигались сами. Покончив с этим, она протянула колоду мне, предлагая снять. Я сделала это, и она снова сложила карты вместе.

— В прошлый раз было три карты. Если хочешь, теперь настало время выложить больше. Может, пять?

— Чем больше карт, тем, наверное, понятнее будет объяснение.

— Если ты не веришь в них, какая тебе разница?

— Ладно, пусть будет пять.

Она посерьезнела, выкладывая карты и внимательно изучая их. Две оказались перевернуты. Я решила, что это дурной знак. В прошлый раз стало ясно, что обратное положение делает вроде бы счастливые карты уже совсем не такими счастливыми.

Первой выпала двойка кубков, изображающая мужчину и женщину на заросшем травой и цветами лугу, с сияющим над их головами солнцем. Естественно, перевернутая.

— Кубки связаны с эмоциями, — объяснила Ронда. — Двойка кубков указывает на союз, искреннюю любовь и радость, но поскольку она перевернута...

— Знаете что? — прервала я ее. — Думаю, я уловила суть. Можете пропустить эту карту. Я и так понимаю, что она означает.

Вполне возможно, что здесь изображены мы с Дмитрием. Кубок пуст... Я не имела никакого желания слушать, как Ронда анализирует то, что и без того разрывало мне сердце.

Она перешла к следующей: это была королева мечей, также перевернутая. Выглядела она очень властной, с темно-рыжими волосами и в серебристых одеждах.

— Такие карты указывают на необычных людей, — пояснила Ронда. — Королева мечей умна, преуспевает в науке, способна перехитрить своих врагов и амбициозна.

— Но перевернутая... — Я вздохнула.

— Если карта перевернута, — объяснила Ронда, — все эти качества искажены. Она по-прежнему умна, по-прежнему стремится добиться своего, но делает это нечестными способами. Здесь много враждебности и обмана. Я бы сказала, у тебя есть враг.

— Да, — сказала я, глядя на корону. — Я даже догадываюсь, кто именно. Совсем недавно я назвала ее сукой и ханжой.

Ронда без комментариев перешла к следующей карте. Эта лежала правильно, но радоваться было нечему: она изображала множество воткнутых в землю мечей и женщину с завязанными глазами. Восьмерка мечей.

— Ох, ну надо же! — воскликнула я. — Что это мне всегда мечи выпадают? В прошлый раз вы дали мне что-то в этом роде, тоже наводящее тоску.

Та карта изображала плачущую женщину перед стеной из мечей.

— То была девятка мечей. Она не так уж плоха. Бывает и похуже.

— Что-то с трудом верится.

Тасуя остальные карты, она в конце концов вытащила одну — десятку мечей.

— Тебе могло выпасть вот это.

Там был изображен лежащий на земле мертвый парень, весь утыканный клинками.

— Уловила, — сказала я, и Эмброуз усмехнулся. — А что означает восьмерка?

— Восьмерка означает ловушку. Неспособность вырваться из ситуации. Также может означать клевету или обвинение. Необходимость собрать все свое мужество, чтобы спастись от чего-то.

Я снова посмотрела на королеву, думая о том, что наговорила в зале Совета. Мои слова определенно сочтут угрозами. А ловушка? Уж не светит ли мне провести всю жизнь за канцелярской работой?

— Ладно. — Я снова вздохнула. — Что там дальше? Следующая карта выглядела лучше прочих — шестерка мечей. Группа людей в лодке, на веслах, плывут по залитой лунным светом воде.

— Путешествие.

— Я только что вернулась из путешествия. Даже, можно сказать, из нескольких. — Я бросила на Ронду подозрительный взгляд. — Господи, надеюсь, это не духовное путешествие, в некотором роде?

Эмброуз снова засмеялся.

— Роза, я хотел бы, чтобы для тебя каждый день раскладывали Таро.

Ронда будто не слышала его замечания.

— Если бы это были кубки, может быть. Но мечи материальны. Они означают действие. Поистине кругосветное путешествие.

Куда, черт побери, могу я отправиться? Может, это означает, что я вернусь в Академию, как намекала Татьяна? Или, чем черт не шутит, несмотря на все мои нарушения и нападки на ее королевское величество, меня в конце концов назначат стражем? К кому-то не при дворе?

— Похоже, ты в поиске. Это может быть комбинация физического и духовного путешествий. — Толкование прозвучало так, словно она не знает, что сказать, и пытается скрыть это за красивыми словами. — И последняя... — Брови гадалки сошлись к переносице. — Ее смысл скрыт от меня.

Я взглянула на карту.

— Паж кубков. По-моему, все понятно. Это паж с... э-э... кубком.

— Обычно я улавливаю смысл... Карты говорят со мной. Но эта молчит.

— Единственное, что неясно, кто здесь изображен, парень или

девушка.

Человек на карте был молод, но по волосам и неопределенным чертам лица его пол не угадывался. Голубые трико и туника тоже ни о чем не говорили. Утешал лишь вид залитого солнцем поля, на фоне которого он располагался.

— Это может быть кто угодно, — пояснила Ронда. — Это карта самого низшего разряда из тех, на которых представлены люди: король, королева, рыцарь и паж. Кем бы ни был паж, это человек надежный и творческий. Оптимист. Возможно, карта говорит, что некто отправится в путешествие вместе с тобой, или о том, ради кого это путешествие состоится.

Если до этого я испытывала к картам хоть какое-то доверие, теперь оно исчезло. Как верить, если полученное предсказание может означать что угодно? Обычно Ронда замечала мой скептицизм, но сейчас все ее внимание сосредоточилось на карте.

— Но что непонятно... вот это облако вокруг. Зачем? Оно не имеет смысла.

От искреннего, казалось бы, недоумения в ее тоне меня пробрала дрожь. Я всегда говорила себе, что это сплошное жульничество, но если она все выдумывает, то почему бы ей не выдумать что-нибудь и по поводу пажа кубков? Обман выглядит не слишком убедительным, если эта последняя карта вроде как ее саму ставит в тупик. Мысль, что, возможно, какая-то мистическая сила мешает ей понять, поколебала мое циничное недоверие.

Наконец она со вздохом подняла взгляд.

— Сожалею, но это все, что я могу сказать. Может, остальные карты понятнее.

Я пробежала взглядом по картам. Пустой кубок. Враг. Обвинения. Ловушка. Путешествие.

— Кое-что из этого я уже знаю. Остальное лишь порождает новые вопросы.

— Ну, так обычно и бывает. — Она понимающе улыбнулась.

Я поблагодарила ее, втайне радуясь тому, что этот спектакль, по крайней мере, бесплатный. Эмброуз увел меня, и я попыталась стряхнуть навешанное гаданием настроение. В моей жизни хватало проблем и без дурацких карт.

— Как ты? — спросил он, когда мы вышли на воздух. Солнце поднялось выше — скоро этот бурный день закончится и королевский двор погрузится в сон. — Я не повел бы тебя к ней, если бы знал, как сильно ты расстроишься.

— Нет-нет, дело не в картах. Или, скорее, не только в картах. Тут еще всякие другие вещи происходят... и, наверное, об одной из них тебе следует знать.

Когда мы сегодня только встретились, мне не хотелось разговаривать о постановлении Совета, но как вампир он имел право знать о переменах. Я и рассказала ему. Он слушал меня с бесстрастным лицом, только темнокоричневые глаза расширялись все шире.

— Тут какая-то ошибка, — сказал он, когда я закончила. — Не могут они так поступить. Не могут они так поступить с шестнадцатилетними ребятами.

— Ну да, мне тоже так казалось, но, по-видимому, они настроены достаточно серьезно, раз вышвырнули меня оттуда, когда я... так сказать... подвергла сомнению правильность их решения.

— Могу себе представить, как ты «подвергла сомнению». Все это приведет к тому, что еще больше вампиров откажутся становиться стражами, хотя... Конечно, молодежи легче «промывать мозги».

— Чувствительная для тебя тема? — спросила я. В конце концов, он тоже не захотел становиться стражем.

Он покачал головой.

— Отказаться от этой работы и остаться в данном обществе почти невозможно. Меня спасают только влиятельные друзья, которых у этих ребят нет. Они станут изгоями. Вот к чему все это приведет — либо к гибели подростков, либо к тому, что они будут вышвырнуты из своей среды.

Интересно, что это за «влиятельные друзья»? Но сейчас было не время выслушивать историю его жизни.

— Ну, эту королевскую суку, похоже, не заботят последствия собственного решения.

Внезапно его задумчивый, отрешенный взгляд стал напряженным, почти сердитым.

— Не называй ее так, — сказал он. — Это не ее вина.

Ничего себе! Это сюрприз. До сих пор мне прибило лишь привлекательного, очаровательного, всегда дружелюбного Эмброуза.

Разумеется, это ее вина! Ты что, забыл? Она верховная правительница мороев!

— Совет тоже голосовал, не она одна, — еще более сердито ответил он.

— Да, но она поддержала это постановление. Именно она решила исход голосования.

— Для этого должна быть причина. Ты не знаешь королеву так, как я. Ей такие вещи не по душе.

У меня чуть не вырвалось: «Ты в своем уме?» Только тут я вспомнила о его отношениях с коровой. Если слухи об их любовной связи соответствуют действительности — при одной мысли о чем меня начинало выворачивать, — стоит ли удивляться что он волнуется за нее? Еще я порадовалась тому, что действительно не знаю Королеву так, как Эмброуз. Следы укусов на его шее указывали на вполне определенный тип интимных отношений.

— Что бы между вами ни происходило, меня это не касается, — ответила я, — но она использует ваши отношения, чтобы обмануть тебя, внушить, будто не такая, как на самом деле. Она и со мной так поступала, и я поддалась. А в действительности все сплошной обман.

Его лицо окаменело.

— Не верю. Как королева, она часто оказывается в очень сложных ситуациях. Вот увидишь, она отменит это постановление.

Я не успела ответить, потому что в голове зазвучал голос Лиссы, очень настойчивый.

«Роза, ты должна это увидеть. Только пообещай, что не будешь устраивать никаких беспорядков».

Одновременно она показала мне, куда нужно идти.

На лице Эмброуза отразилось беспокойство.

— С тобой все в порядке?

— Да. Меня зовет Лисса. — Я вздохнула. — Послушай, не хочу ссориться с тобой. Очевидно, мы по-разному оцениваем ситуацию... но, думаю, по главному вопросу придерживаемся одного мнения.

— Что этих ребят нельзя посылать на смерть? Да, в этом я полностью согласен с тобой. — Мы улыбнулись друг другу, и взаимное недовольство растаяло. — Я поговорю с ней, Роза. Выясню, как все обстоит на самом деле, и расскажу тебе, идет?

— Идет. — Я была не очень-то склонна верить человеку, имеющему интимные отношения с Татьяной, но кто знает? Может, эти отношения глубже, чем мне казалось. — Спасибо. Рада была повидаться с тобой.

— Я тоже. А теперь иди... иди к Лиссе.

Подгонять меня не требовалось. Наряду с настойчивым призывом Лисса передала мне еще одно сообщение: *«Это касается Дмитрия».*

Поэтому я летела как на крыльях.

Двадцать три

Чтобы найти Лиссу, никакая связь не требовалась; возле нее и Дмитрия собралась толпа.

Первой моей мыслью было — может, тут собираются кого-то побить камнями или учинить еще какое-нибудь средневековое безобразие? Потом стало ясно, что люди, собравшиеся в плотный кружок, просто наблюдают за чем-то. Я протолкалась между ними, не обращая внимания на сердитые взгляды, и остановилась в первом ряду.

Лисса и Дмитрий бок о бок сидели на скамье, а напротив них — три мороя с Гансом во главе. Черт! Стражи стояли вокруг — напряженные, готовые в любой момент вмешаться, если дела пойдут плохо. Без единого слова я поняла, что происходит. Это были следственные мероприятия — допрос и одновременно испытание — с целью определить, кем теперь является Дмитрий.

Вообще-то они выбрали чрезвычайно странное место — внутренний дворик со статуей древней королевы, в котором по иронии судьбы не так давно работали мы с Эдди. Неподалеку возвышалась церковь, где зрители могли укрыться в случае необходимости. Распятая как таковая не причиняют вреда стригоям, но они не способны войти в культовое здание, так что, учитывая близость церкви и утреннее солнце, это, наверное, было самое безопасное время и место для общения с Дмитрием должностных лиц.

Одним из них был Рич Тарус, родственник Адриана по материнской линии; он голосовал за постановление о снижении возрастного ценза. Поэтому я мгновенно невзлюбила его — в особенности за тот высокомерный тон, которым он обращался к Дмитрию. В руках он сжимал папку, к которой металлическим держателем был прищиплен листок бумаги — видимо, со списком вопросов.

— Солнце слепит тебя?

— Нет, — спокойно, сохраняя полное самообладание, ответил Дмитрий.

Меня он не замечал, и я была рада этому. Так хотелось просто смотреть на него, любоваться хорошо знакомыми чертами лица!

— Ты можешь смотреть на солнце?

Глаза Дмитрия на мгновение вспыхнули. Думаю, никто, кроме меня, не заметил этого — или не понял, что это означает. Вопрос был глупый, и мне

показалось — может быть, только показалось! — что Дмитрию захотелось рассмеяться. Он, однако, сдержался — как обычно.

— Если долго глядеть на солнце, можно и ослепнуть, — ответил он. — Я готов сделать то же самое, что любой из присутствующих.

Ричу, похоже, этот ответ не понравился, но логика была безупречна. Он поджал губы и перешел к следующему вопросу.

— Солнце обжигает тебе кожу?

— В данный момент нет.

Лисса обвела глазами толпу и заметила меня. Наша связь работает в одну сторону, но иногда мне кажется, что она каким-то образом ощущает мое присутствие. Возможно, она чувствует мою ауру, которая, как утверждают пользователи духа, у «отмеченных поцелуем тьмы» выглядит очень необычно. Она еле заметно улыбнулась мне и вернулась к делу.

Дмитрий, бдительный как никогда, заметил ее реакцию, проследил, куда только что был обращен ее взгляд, увидел меня и слегка запнулся, отвечая на следующий вопрос Рича:

— Ты замечал, что твои глаза иногда становятся красными?

— Я... — Несколько мгновений Дмитрий смотрел на меня, а потом резко повернулся к Ричу. — Мне тут нечасто приходится смотреться в зеркала. Думаю, мои охранники могли бы заметить, но никто из них ничего такого не говорил.

Один из стоящих вокруг стражей негромко фыркнул, изо всех сил стараясь сохранить бесстрастное выражение лица — уж очень глупо был построен допрос. Имени этого человека я не помнила, но, прежде бывая при дворе, видела, как они с Дмитрием смеялись и болтали. Если старый друг начинает верить, что Дмитрий снова дампир, это хороший знак.

Морой рядом с Ричем повел по сторонам сердитым взглядом, стараясь определить источник звука, но безрезультатно. Допрос продолжился. На этот раз Дмитрия спросили, согласится ли он пойти в церковь, если они его об этом попросят.

— Хоть сейчас. Или завтра на утреннюю службу, если хотите.

Рич сделал очередную пометку; может, спрашивал себя, удастся ли ему уговорить священника окропить Дмитрия святой водой.

— Это все делается, чтобы отвлечь внимание, — прошептал на ухо знакомый голос. — Напускают туману. Так тетя Таша говорит.

Рядом со мной стоял Кристиан.

— Без этого не обойтись. Они должны убедиться, что он не стригой.

— Да, но они только что подписали этот закон о снижении возрастного ценза стражей. Королева распорядилась немедленно заняться Дмитрием,

едва распустила заседание. Потому что это сенсация, способная переключить на себя внимание. Только таким образом и удалось в конце концов очистить зал. *«Эй пойдём, посмотрим это шоу!»*

Я почти слышала, как Таша говорит все это. Тем не менее доля правды в этих словах присутствовала. Меня раздирали противоречивые чувства. Я хотела, чтобы Дмитрий получил свободу, снова стал тем, кем был прежде. Однако мне не нравилось, что Татьяна занимается его судьбой ради собственной политической выгоды, а не потому, что считает правильным. Возможно, это самое грандиозное событие в нашей истории, и к нему следует относиться соответственно. Решение участи Дмитрия не должно превращаться в шоу с целью отвлечь внимание от несправедливого закона.

Сейчас Рич просил Лиссу и Дмитрия подробно описать, что с ними происходило в ночь нападения. Было похоже, что они делают это уже не в первый раз. В поведении и облике Дмитрия не было и намека на угрозу, но я по-прежнему ощущала в нем ту же мрачность, чувство вины и мучительные переживания из-за того, что он творил в качестве стригоя. Однако когда он слушал, как Лисса излагает свою версию происшедшего, его лицо расцвело от изумления, благоговения, поклонения.

В моей душе вспыхнула ревность. В его чувствах к ней не было ничего романтического, но это не имело значения. Так или иначе, но он отверг меня, а на нее смотрел как на богиню. Утверждал, что никогда больше не захочет разговаривать со мной, но для нее поклялся сделать все, что угодно. И снова возникло ощущение чудовищной ошибки. Я не верила, что он больше не может любить меня — после всего, что было между нами, после того, какие чувства мы испытывали друг к другу.

— Они, похоже, сильно сблизились, — с подозрением заметил Кристиан.

Я не стала говорить ему, что он зря беспокоится, хотелось послушать рассказ Дмитрия.

Понять, как на самом деле происходило его изменение, мог далеко не каждый, главным образом потому, что дух как стихия для многих все еще оставался непонятен. Рич выпросил у Дмитрия все, до чего додумался, а потом предоставил слово Гансу. Тому, как человеку сугубо практическому, никакие пространные объяснения не требовались. Он был человеком действия. Зажав в руке кол, он попросил Дмитрия дотронуться до него. Стоящие вокруг стражи напряглись — видимо, на тот случай, если Дмитрий вырвет у Ганса оружие и начнет буйствовать.

Вместо этого Дмитрий спокойно протянул руку и положил пальцы на острие. Все как один затаили дыхание, ожидая, что он вскрикнет от боли,

поскольку стригой не могут прикасаться к зачарованному серебру. Дмитрий, однако, проделал это со скупаящим видом.

Потом он еще больше поразил всех — убрал руку и повернулся к Гансу.

— Порежь меня им, — предложил он, кивая на свое предплечье, которое не прикрывал короткий рукав тенниски.

Ганс вопросительно выгнул бровь.

— Кол нанесет тебе рану независимо от того, кто ты.

— Но я не перенес бы этого, если бы оставался стригоем. — Его лицо исполнилось решимости — это снова был тот Дмитрий, которого я не раз видела в бою и который никогда не отступал. — Не жалею меня.

Ганс решился не сразу, поскольку никак не ожидал такого развития событий. В конце концов он принял решение и с силой провел кончиком кола по коже Дмитрия. Острие проникло глубоко, хлынула кровь. Некоторые морей, не привыкшие к виду крови, представленной им не в качестве напитка, разволновались при виде такой жестокости. Зрители все как один подались вперед.

Судя по выражению лица Дмитрия, он испытывал боль, но зачарованное серебро не просто ранит стригоя — оно жжет. Я не раз царапала стригоев колом и слышала, как они кричат от боли. Дмитрий же лишь прикусил губу. Клянусь, в его глазах даже вспыхнуло выражение гордости.

Когда стало очевидно, что никакой другой реакции не последует, к нему потянулась Лисса. Я почувствовала ее намерения: она хотела исцелить его.

— Подождите, — сказал Ганс. — Стригой способен сам исцелить себя в считанные минуты.

Нужно отдать должное Гансу — он сумел сделать два вывода из одного и того же действия. Дмитрий бросил ему благодарный взгляд, и тот кивнул в ответ. Ганс поверил, поняла я! Несмотря на свои недостатки, Ганс действительно думал, что Дмитрий снова стал дампиром. Никогда в жизни не забуду ему этого, сколько бы он ни держал меня на канцелярской работе.

Итак, все мы стояли и смотрели, как бедный Дмитрий истекает кровью. Тягостное зрелище, зато тест оказался превосходный. Всем стало очевидно, что порез не собирается затягиваться сам собой. В конце концов Лисса настояла на том, чтобы исцелить его, и в толпе усилились перешептывания — в основном от удивления, а на лицах снова появилось восторженное благоговение перед «богиней».

— Может, у кого-то еще есть вопросы? — обратился к толпе Рич.

Все молчали, замороженные увиденным.

— Я, — ответила я и подошла к ним. Ну кто-то же должен был помочь следствию.

«Нет, Роза», — прозвучал в голове умоляющий голос Лиссы.

На лице Дмитрия тоже возникло неудовольствие; впрочем, как и почти у всех, сидящих рядом. Во взгляде Рича ясно отражалось недавнее воспоминание о том, как я в зале Совета назвала Татьяну ханжой и сукой. Плевать! Я уперла руки в боки. Это был шанс заставить Дмитрия признать меня.

— Когда ты был стригоем, — начала я, подчеркивая слово «был» и тем самым давая понять, что все это в прошлом, — ты имел очень обширные связи. Тебе было известно местонахождение множества стригоев в России и США.

Дмитрий вглядывался в мое лицо, пытаясь понять, к чему я клоню.

— Да.

— Тебе и теперь известно это?

Лисса нахмурилась, подумав, что я могу неумышленно навести на мысль, будто Дмитрий до сих пор в контакте с другими стригоями.

— Да. За исключением тех, кто успел перебраться в другое место.

На этот раз он ответил без задержек — то ли разгадал мою тактику, то ли верил, что «логика Розы» к чему-нибудь путному да приведет.

— Ты готов поделиться этой информацией со стражами? — продолжала я. — Готов указать все пристанища стригоев, чтобы мы могли нанести им удар?

Это вызвало в толпе горячий отклик: все принялись обсуждать упреждающие поиски стригоев и другие связанные с этим проблемы, причем мнения заметно разделились. Одни считали мое предложение самоубийственным, другие, наоборот, полезным.

Глаза Дмитрия вспыхнули — пусть не тем восхищением, с которым он смотрел на Лиссу, но меня это не заботило. Этот взгляд был хорошо мне знаком, я видела его раньше, в те моменты, когда мы так хорошо понимали друг друга, что даже не нуждались в словах. Та же связь между нами ожила и сейчас, вызванная чувством одобрения и благодарности.

— Да, — громким, сильным голосом ответил он. — Я могу рассказать все, что знаю о планах стригоев и их местонахождении. И готов вместе с вами встретиться с ними лицом к лицу или остаться в стороне — как вам будет угодно.

— Это может оказать нам бесценную помощь. — Ганс с самым заинтересованным видом наклонился вперед в своем кресле. Я мысленно

добавила ему несколько баллов — оказывается, он тоже сторонник нанесения упреждающих ударов по стригоям.

Рич вспыхнул — хотя, может, просто перегрелся на солнце. Пытаясь установить, насколько хорошо Дмитрий переносит солнечный свет, морой и сами уже чувствовали себя не очень хорошо.

— Подождите! — воскликнул он, перекрикивая нарастающий шум. — Мы никогда не поддерживали эту тактику. Кроме того, он ведь может солгать...

Его протест прервал женский крик. Из толпы внезапно вырвался моройский мальчик лет шести и бросился к нам. Кричала его мать. Я остановила ребенка, схватив за руку: я-то не боялась, будто Дмитрий причинит ему вред, а вот у женщины от страха мог случиться сердечный приступ.

— У меня есть вопросы! — заявил мальчик, заметно храбрясь.

Мать потянулась к нему, но я жестом остановила ее.

— Подождите секундочку. — Я улыбнулась мальчику. — Что ты хочешь спросить? Давай, смелее. Я не допущу, чтобы с ним что-нибудь случилось, — заверила я женщину, которая с испуганным лицом смотрела на Дмитрия.

Она не могла знать, в состоянии ли я чему-то помешать, но осталась на месте.

— Это неле... — Рич закатил глаза.

— Если ты стригой, — прервал его мальчик, — тогда почему у тебя нет рогов? Мой друг Джеффри говорит, что у стригоев есть рога.

На мгновение взгляд Дмитрия задержался на мне, и снова между нами проскочила искра взаимопонимания. Потом, сохраняя спокойное, серьезное выражение лица, он посмотрел на мальчика и ответил:

— У стригоев нет рогов. Но даже если бы и были, это не имеет значения, потому что я не стригой.

— У стригоев красные глаза, — вмешалась я. — По-твоему, у него красные глаза?

Мальчик наклонился вперед, вглядываясь.

— Нет. Карие.

— Что еще ты знаешь о стригоях? — спросила я.

— У них, как и у нас, есть клыки.

— У тебя есть клыки? — почти пропела я, обращаясь к Дмитрию.

С ним наверняка уже обсуждали это, но когда спрашивает ребенок... Впечатление совсем другое.

Дмитрий улыбнулся — широко, просто потрясающе, и это застало

меня врасплох; он очень редко улыбался так. Даже когда он по-настоящему радовался, это была всего лишь полуулыбка. Сейчас же он улыбался от души, обнажив все зубы, точно такие, как у людей и вампиров. Никаких клыков.

На мальчика эта демонстрация явно произвела впечатление.

— Хватит, Джонатан, — с беспокойством сказала его мать. — Ты спросил, а теперь пойдем.

— Стригой очень сильные, — продолжал Джонатан, явно проявляя задатки будущего юриста. — Ничто не может причинить им вред.

Я не стала поправлять его — из опасения, что он захочет увидеть, как сердце Дмитрия пронзают колом. Можно только удивляться, почему Рич не додумался до проверки такого рода.

— Ты очень сильный? — Джонатан тем временем вперил в Дмитрия острый взгляд. — Тебе можно причинить вред?

— Конечно можно, — ответил Дмитрий. — Я сильный, но тем не менее множество вещей могут причинить мне вред.

И потом, будучи Розой Хэзевей, я сказала то, чего, наверное, говорить не следовало.

— Ударь его и увидишь.

Мать Джонатана снова вскрикнула, но быстрый маленький негодяй увернулся от нее, подбежал к Дмитрию и, прежде чем кто-либо успел остановить его — хотя я могла бы успеть, — ткнул маленьким кулачком в колено.

Дмитрий немедленно откинулся назад, сжал руками колено и застонал, как бы от сильной боли.

Кое-кто в толпе засмеялся. Один из стражей подошел к Джонатану, взял его за руку и увел обратно к матери, уже близкой к истерике. По пути через толпу мальчишка оглянулся на Дмитрия.

— Не такой уж он сильный. Не думаю, что он стригой.

Это вызвало новую волну смеха. Третий морой, участвующий в допросе, но до этого помалкивавший, фыркнул и встал.

— Я увидел достаточно. Не думаю, что он должен расхаживать тут без охраны, но он не стригой. Поместите его куда-нибудь в приличное место и приставьте к нему караульных, пока не будет принято окончательное решение.

— Но... — начал было Рич.

— Нечего и дальше тратить время впустую. — Морой отмахнулся от него. — Уже жарко, и я хочу спать. Не утверждаю, будто понимаю, что произошло, но сейчас это наименьшая из наших проблем — когда одна

половина Совета жаждет оторвать другой головы из-за этого постановления о снижении возрастного ценза стражей. Во всяком случае, то, что мы видели сегодня, очень обнадеживает... Даже можно сказать, что это чудо, способное изменить всю нашу жизнь. Я доложу ее величеству.

Толпа потихоньку расходилась, на лицах людей было удивление. Постепенно до всех доходило, что если случившееся с Дмитрием — правда, то все наши представления о стригоях должны претерпеть коренные изменения. Стражи, конечно, остались с Дмитрием. Как только он и Лисса встали, я ринулась к ним, горя желанием порадоваться нашей победе. Когда крошечный кулачок Джонатана «свалил» Дмитрия, он еле заметно улыбнулся мне, и мое сердце подскочило — значит, я права, его чувства ко мне не исчезли. Однако сейчас, буквально в мгновение ока, взаимопонимание между нами растаяло. Когда Дмитрий увидел, что я приближаюсь, его лицо приняло холодное, настороженное выражение.

«Роза, — мысленно воззвала ко мне Лисса. — Уходи. Оставь его в покое».

— Черта с два! — вслух ответила я ей, одновременно адресуясь к нему. — После той поддержки, которую я только что тебе оказала, ты все-таки не хочешь разговаривать со мной!

— Мы прекрасно обошлись бы и без тебя, — сухо ответил Дмитрий.

— Правда? — Я просто ушам своим не верила. — Ты, похоже, был очень признателен мне всего несколько минут назад, когда я выдвинула идею, как бы ты мог помочь в борьбе со стригоями.

Дмитрий посмотрел на Лиссу и сказал негромко:

— Я не хочу ее видеть.

— А придется! — воскликнула я. Некоторые люди из рассеивающейся толпы остановились и обернулись на шум. — Ты не можешь вот так просто отмахнуться от меня.

— Заставь ее уйти, — пробормотал Дмитрий.

— Я не...

«Роза! — закричала Лисса в моей голове, и я умолкла; пронизывающий взгляд нефритовых глаз заставил меня смутиться. — Ты хочешь помочь ему? Если ты будешь стоять здесь и кричать на него, он лишь еще сильнее расстроится! Этого ты хочешь? И хочешь, чтобы на глазах у людей он вышел из себя и накричал на тебя? Его должны видеть спокойным и нормальным. Это правда — ты только что помогла ему, но если ты сейчас не уйдешь, то погубишь все».

С бешено бьющимся сердцем я потрясенно смотрела на них. Слова Лиссы прозвучали лишь в голове, но с тем же успехом она могла выбрать

меня вслух. Во мне все кипело, страшно хотелось наговорить им обоим гадостей, но правда ее слов оказалась сильнее моей злости. Если я устрою сцену, это не поможет Дмитрию. Справедливо ли, что они прогоняют меня? Справедливо ли, что они держатся заодно, как бы не замечая сделанного мной вот только что? Нет. Но я не дам своей уязвленной гордости разрушить то, чего сама же достигла. Люди должны принять Дмитрия, это главное.

Я одарила их взглядом, в который вложила все свои чувства, и поспешно удалилась. Теперь Лисса сочувствовала мне, но я мысленно отключила нашу связь. Пока с меня хватит!

Выйдя с церковного двора, я почти сразу столкнулась с Даниэллой Ивашковой. Под горячим солнцем ее идеальный макияж уже немного потек, из чего я сделала вывод, что она тоже наблюдала спектакль с допросом Дмитрия. Поблизости находились две ее приятельницы, но они отстали и болтали между собой. А она остановилась передо мной. Борясь с раздражением, я напомнила себе, что она-то ничего плохого мне не сделала, и вымученно улыбнулась.

— Здравствуйте, леди Ивашкова.

— Даниэлла, — дружелюбно ответила она. — Никаких титулов.

— Простите. Никак не привыкну.

Она кивнула на удаляющихся в сопровождении стражей Дмитрия и Лиссу.

— По-моему, ты очень помогла ему. Бедняга Рич сильно расстроен.

Ах да, Рич ведь приходится ей родственником!

— Ой! Прощу прощения! Я не хотела...

— Не извиняйся. Рич мой дядя, но в данном случае я верю тому, что говорят Василиса и господин Беликов.

Хоть я и сильно злилась на Дмитрия, меня покорило то, что она не назвала его стражем. Ладно, ее можно простить — ведь она все-таки на нашей стороне.

— Вы... Вы верите, что Лисса исцелила его? Что стригоя можно возродить?

Наверное, тех, кто поверил, не так уж мало, осознала я. У нас теперь целая толпа свидетелей, и за Лиссой уже тянется вереница поклонников. А ведь я почему-то была убеждена, что мнение королевских мороев всегда отличается от моего.

— Мой собственный сын — пользователь духа. — На лице Даниэллы возникла неуверенная улыбка. — Принять это было нелегко, но когда это удалось, уже было гораздо легче свыкнуться со всякими другими вещами,

которые прежде казались невозможными.

— Наверное, — согласилась я.

За ее спиной я заметила моряка, стоящего под деревьями. Он смотрел в нашу сторону, и я поняла, что где-то уже видела его. Однако Даниэлла снова заговорила, отвлекая меня.

— Кстати, об Адриане... он искал тебя. Теперь времени осталось совсем немного, но примерно через час родственники Натана устраивают вечеринку с коктейлями, и Адриан хотел, чтобы ты тоже пришла.

Еще одна вечеринка! Они что, ничем больше при дворе не занимаются? Кровавая бойня, чудо с возрожденным стригоем — все это ерунда, просто еще один повод для вечеринки!

Наверное, я была у Ронды, когда Адриан искал меня. Интересно. Передавая мне это приглашение, Даниэлла намекала на то, что и она поддерживает сына. К сожалению, меня это не радовало. Родственники Натана — Ивашковы, и они вряд ли будут так же дружелюбны.

— Королева тоже там будет?

— Нет, у нее назначены другие встречи.

— Вы уверены? Никаких неожиданных визитов?

Она засмеялась.

— Уверена. Говорят, вам не следует обеим оказываться в одно и то же время в одном и том же месте.

Представляю, какие разговоры идут по поводу моего выступления в Совете, и особенно удачно, что отец Адриана тоже там присутствовал.

— Это уж точно — после того сегодняшнего. То, что она сделала... — Начавший было угасать гнев снова вспыхнул. — Это непростительно.

Станный парень под деревьями все еще маячил там. Интересно, что ему надо?

Даниэлла никак не отзывалась на мое утверждение, и невольно возник вопрос: а в этом деле она на чьей стороне?

— Королева по-прежнему тепло относится к тебе.

— С трудом верится, — усмехнулась я.

Трудно испытывать теплые чувства к тому, кто публично накричал на тебя, а я сумела к концу нашей перебранки вывести Татьяну из себя.

— Это правда. Все забудется, и ты даже пока не утратила шанс быть назначенной к Василисе.

— Вы это серьезно? — воскликнула я.

Глупо, конечно. Даниэлла Ивашкова не выглядела человеком, склонным шутить такими вещами, однако верилось все равно с трудом — помня о том, что я наговорила Татьяне.

— После всего, что недавно произошло, они дорожат каждым хорошим стражем. Кроме того, она не хочет ссориться с тобой.

— Да? Ей не удастся подкупить меня! Если она воображает, что, отпустив Дмитрия на свободу и соблазняя работой, в которой я заинтересована, заставит меня передумать, то это не так. Она лживая интриганка...

Я резко смолкла. Мои слова прозвучали так громко, что приятельницы Даниэллы во все глаза уставились на меня. И мне вовсе не хотелось ругаться — пусть Татьяна этого и заслуживала — в присутствии Даниэллы.

— Извините, — сказала я, стараясь быть вежливой. — Передайте Адриану, что я приду на вечеринку. Но вы действительно хотите этого? После того как я прошлой ночью испортила церемонию? И после... всего того, что я еще сделала?

Она покачала головой.

— То, что произошло на церемонии, вина не только твоя, но и Адриана. Однако что было, то было, и Татьяна выкинула это из головы. Предстоящая вечеринка — простое развлечение, и если Адриан хочет, чтобы ты пришла, то я хочу, чтобы он был счастлив.

— Я приведу себя в порядок и через час буду у вас.

— Чудесно. — У нее хватило такта проигнорировать мою недавнюю вспышку. — Знаю, он будет рад услышать это.

Я не стала ей говорить, что своим появлением на вечеринке Ивашковых мне хочется досадить Татьяне, поскольку едва ли такие побуждения украсили бы меня в глазах Даниэллы. И, по правде говоря, я была совсем не против повидаться с Адрианом: в последнее время мы мало общались по-настоящему.

Как только Даниэлла и ее приятельницы ушли, я решила, что пора разобраться еще кое с кем, и направилась прямо к морю, который так и торчал поблизости.

— Итак. — Я уперла руки в боки. — Кто ты такой и что тебе надо?

Он был всего на несколько лет старше меня; казалось, моя решительная поза не произвела на него никакого впечатления. Он криво улыбнулся, и я снова попыталась вспомнить, откуда его знаю.

— У меня сообщение для тебя, — ответил он. — И кое-какие подарки.

И протянул мне большую сумку. Заглянув внутрь, я обнаружила там лэптоп, кучу проводов и несколько листов бумаги.

— Что это? — Я недоверчиво посмотрела на парня.

— Тебе нужно поторопиться... и не говори об этом никому. В записке все сказано.

— Нечего тут со мной в шпионские игры играть! Я и шагу не сделаю, пока ты...

Стоп! Я видела его в Академии, примерно в то время, когда оканчивала учебу, всегда где-то в тени. Внезапно осознав, откуда в нем эта самоуверенность и одновременно умение не бросаться в глаза, я застонала:

— Ты работаешь на Эйба!

Двадцать четыре

Парень ухмыльнулся.

— Ты так говоришь, будто это плохо.

Я нахмурилась и снова заглянула в сумку.

— Что происходит?

— Я всего лишь посланец. Выполняю поручения мистера Мазура.

— Это изящный способ сказать, что ты шпионишь для него? Разузнаешь грязные секреты, чтобы он мог использовать их против людей и продолжать играть в свои игры?

Эйб, казалось, знает все обо всех — в особенности о королевских политиках. Как такое возможно, если не иметь повсюду глаза и уши? Скажем, при дворе? Вполне допускаю, что он напичкал и мою комнату микрофонами.

— «Шпионишь» — грубое слово. — Парень, однако, не отрицал самого факта. — Кроме того, он прилично платит. И он хороший босс. — Сделав свое дело, посланец собрался уходить, но перед этим выдал последнее предупреждение: — Как я уже сказал — время поджигает. Прочти записку как можно скорее.

Клянусь, я чуть не бросила в него этой сумкой! Мысль, что я дочь Эйба, уже стала для меня привычной, но это вовсе не означало, что я жажду участвовать в его идиотских интригах. От этого внезапного подарка я ровно ничего хорошего не ждала.

Тем не менее я унесла сумку к себе и вывалила содержимое на постель. Там, в частности, лежали несколько листов бумаги, и к ним прилагалось отпечатанное на машинке сопроводительное письмо.

Роза,

надеюсь, Тэд сумеет доставить тебе все это своевременно. И еще надеюсь, что ты не слишком нагрубишь ему. Я передаю тебе все это по поручению человека, который хочет обсудить с тобой одну безотлагательную проблему. Однако этот разговор никто не должен слышать. Лэптоп и спутниковый модем в сумке обеспечат конфиденциальность — если ты будешь находиться в помещении одна. Прилагаю пошаговую инструкцию, как настроить систему. Ваш разговор состоится в 7 утра.

Подпись отсутствовала, но она была бы лишней. Отложив письмо, я посмотрела на путаницу кабелей. До семи оставалось меньше часа.

— Ну, ты даешь, старик!

К чести Эйба, приложенные инструкции были доступны даже полному дилетанту. Единственная проблема состояла в том, что их было много — подробно описывалось, куда нужно вставить каждый кабель, какой пароль ввести, как настроить модем и тому подобное. Я подумала: а что, если просто плюнуть на все это? Тем не менее, когда такой человек, как Эйб, употребляет слово «безотлагательно», это наводит на мысль, что не стоит торопиться отмахиваться от него.

Итак, собравшись с духом, я взялась за эту техническую акробатику и стала послушно выполнять инструкции. На это ушло почти все имеющееся в моем распоряжении время, но я сумела-таки подключить модем, камеру и вошла в защищенную программу, которая должна была обеспечить мне видеоконференцию с таинственным знакомым Эйба. Закончив всего за несколько минут до назначенного времени, я замерла в ожидании, глядя на черное окно в центре экрана и пытаясь вычислить, во что ввязываюсь.

Ровно в семь окно ожило, и на экране возникло лицо — то, которое я прекрасно знала, но никак не ожидала увидеть.

— Сидни? — удивленно воскликнула я. Изображение слегка подрагивало, как это часто бывает со связью через Интернет, но не было сомнений: с экрана улыбалось лицо моей подруги, если ее можно так назвать. — Сидни Сейдж.

— Доброе утро, — сказала она, подавляя зевок и улыбаясь обычной для нее сухой улыбкой.

Судя по слегка взлохмаченным светлым волосам, она только что встала с постели. Даже при низком разрешении на ее щеке отчетливо мерцала золотистая татуировка в виде лилии. У всех алхимиков есть такая. Она нанесена с помощью чернил и моройской крови и наделяет своего носителя хорошим здоровьем и долголетием. Кроме того, в нее подмешано немного магии принуждения, чтобы тайное сообщество алхимиков ненароком не проболталось о вампирах.

— Вечер, — ответила я. — Не утро.

— Обсудим ваше путаное расписание как-нибудь в другой раз. Я здесь не ради этого.

— А ради чего ты здесь? — спросила я, все еще не придя в себя от изумления при виде ее. Алхимики не очень-то любят свою работу, и хотя Сидни относилась ко мне лучше, чем к большинству мороев и дампиров, она не из тех людей, кто склонен просто дружески болтать по телефону

(или видео). — Постой... Ты не можешь быть в России. Нет, если сейчас у вас утро...

Я попыталась вспомнить разницу во времени. Да, в России сейчас солнце уже село или почти село.

— Я вернулась на родину. Получила назначение в Новый Орлеан.

— Класс! — Сидни ужасно не нравилось в России, но мне казалось, что ее будут держать там, пока не закончится интернатура. — Как тебе это удалось?

— Ну, Эйб оказал мне любезность, можно так выразиться. — Ее суховатая улыбка сменилась выражением неловкости. — Без него ничего не получилось бы.

— Ты заключила с ним сделку? — Видимо, Сидни действительно ненавидела Россию, а влияние Эйба действительно велико, раз он способен вмешиваться в работу даже человеческих организаций. — Что ты пообещала ему взамен? Свою душу?

Правда, в разговоре с таким религиозным человеком, как Сидни, шутка подобного рода не выглядела особенно удачной. А впрочем, она наверняка думает, будто морой и дампиров пожирают души, так что, может, мое замечание не так уж неуместно.

— В том-то и дело, — ответила она. — Он обещал, что обратится ко мне, если ему что-нибудь от меня понадобится.

— Козел.

— Почему? Меня никто не заставлял! — воскликнула она. — И на самом деле сейчас я собираюсь сделать любезность тебе.

— Как все это связано со мной?

Вообще-то я хотела расспросить ее подробнее об этой открытой сделке с дьяволом, но побоялась, что она отсоединится.

Она вздохнула, откинув с лица волосы.

— Мне нужно спросить тебя кое о чем. Клянусь, я тебя не выдам... Мне просто нужно знать правду, чтобы мы не тратили время зря.

— Ладно...

«Пожалуйста, не спрашивай меня о Викторе», — мысленно взмолилась я.

— Ты в последнее время никуда не проникала незаконно?

Проклятье! Я изо всех сил старалась сохранить бесстрастное выражение лица.

— Что ты имеешь в виду?

— У алхимиков недавно украли кое-какие документы, — с деловым видом пояснила она. — И все просто помешались, пытаясь вычислить, кто

это сделал и зачем.

Я мысленно испустила вздох облегчения. Отлично. Речь не о «Тарасто». Слава богу, есть, по крайней мере, хоть одно преступление, в котором я не замешана. Но потом до меня в полной мере дошел смысл ее слов, и я сердито уставилась на нее.

— Погоди-ка. Вас обокрали, и ты подозреваешь меня? Мне казалось, я не вхожу в твой список исчадий ада.

— Все вампиры входят в мой список исчадий ада. — Полуулыбка Сидни вернулась, но было непонятно, шутит она или нет. Вдобавок улыбка тут же погасла — видимо, все это было очень важно для нее. — И поверь мне, если кто-то и мог выкрасть у нас документы, то это ты. Ведь это нелегко. Даже практически невозможно.

— Это комплимент?

Видимо, я должна чувствовать себя польщенной?

— Конечно, — презрительно продолжала она, — украли только бумажные копии документов, что по меньшей мере глупо. В наше время все хранится в оцифрованном виде. Непонятно, зачем кому-то понадобилось рыться в громоздких шкафах, битком набитых папками.

Я без труда привела бы ей множество причин, по которым кому-то может понадобиться делать это, но сейчас важнее было выяснить, почему я у нее подозреваемая номер один.

— Глупо, да. И почему ты решила, что это сделала я?

— Из-за того, что конкретно украдено — информация о морое по имени Эрик Драгомир.

— Что?

— Она же твоя подруга. Я имею в виду его дочь.

— Да... — Я едва не утратила дар речи. — У вас есть файлы на мороев?

— У нас есть файлы на всех, — с оттенком гордости заявила она. — Когда я попыталась вычислить того, кто в состоянии это сделать и одновременно может иметь причины интересоваться семьей Драгомир, тут и всплыло твое имя.

— Я тут ни при чем. Я даже не подозревала, что у вас есть такие документы. Это правда! — от души заявила я, видя, что Сидни не спускает с меня подозрительного взгляда.

— Как уже было сказано, я тебя не выдам, — заверила она меня. — Просто хочу знать. Если это ты, наши люди перестанут впустую тратить время, роя в неверных направлениях. — Потом самодовольства у нее чуточку поубавилось. — И... если это сделала все-таки ты... я постараюсь

отвлечь внимание от тебя. Это и будет моя ответная услуга Эйбу.

— Не знаю, как мне тебя убедить, но это не моя работа! Более того — теперь я сама хочу знать, кто это сделал. Что украдено? Все касающееся его?

Она прикусила губу. Необходимость расплатиться с Эйбом могла вынудить ее действовать тайком от своих людей, но, видимо, существовали пределы того, как далеко она готова зайти.

— Брось! У вас же есть оцифрованные дубликаты, и, следовательно, ты должна точно знать, что украдено. Это касается моей близкой подруги, не забывай. — Меня озарило. — Можешь прислать мне копии?

— Нет, — тут же ответила она. — Это абсолютно исключено.

— Тогда, пожалуйста... просто намекни, что там было! Лисса — моя лучшая подруга. Я не могу допустить, чтобы с ней что-то произошло.

Я собралась с духом, ожидая услышать новый отказ. Судя по виду Сидни, она была не расположена идти мне навстречу. Интересно, есть у нее друзья? Может она понять мои чувства?

— В основном кое-какие материалы по части его биографии, — ответила она наконец. — А еще итоги некоторых наших наблюдений.

— Наблюдае... — Я оборвала себя на полуслове; стоит ли вникать в то, как именно и в какой степени алхимики шпионят за нами? — Еще что-нибудь?

— Финансовые документы. — Она нахмурилась. — В особенности о больших вкладах на один банковский счет в Лас-Вегасе. Эти вклады он старался держать в тайне, ради чего ездил в такую даль.

— Лас-Вегас? Я только что была там... Впрочем, какое это имело значение?

— Знаю, — ответила она. — Я просматривала видеозаписи ваших приключений в «Часе колдовства». И отчасти еще и поэтому заподозрила тебя. Такое дело вполне в твоём духе. — Она помолчала. — Тот парень с тобой... высокий морой с темными волосами... это твой бойфренд?

— Ну... да.

— Симпатичный. — Это признание явно стоило ей огромных усилий.

— Симпатичный для злобного создания ночи?

— Конечно. — Последовала новая напряженная пауза. — Это правда, что вы сбежали туда, чтобы пожениться?

— Что? Нет! Даже и до вас дошли эти слухи? — Я едва не расхохоталась, до того нелепо это звучало. Однако сейчас нужно было сосредоточиться на деле. — Значит, Эрик имел счет в Вегасе, куда переводил деньги?

— Не собственно его счет. Он был открыт на имя одной женщины.
— Какой женщины?
— О ней ничего не известно, даже имени.
— Оригинально, — пробормотала я. — И зачем он делал это?
— Мы не знаем, да и что за важность? Мы просто хотим выяснить, кто проник в наш архив и выкрал документы.

— По этому поводу могу сказать одно: это точно не я. — Под ее пристальным, изучающим взглядом я вскинула руки. — Брось! Если бы я интересовалась им, то просто расспросила бы Лиссу. Или выкрала наши записи.

— Ладно. Я верю тебе, — после долгой паузы произнесла она.

— В самом деле?

— Тебя это не устраивает?

— Устраивает. Просто я не ждала, что ты так легко дашь себя убедить.

Она вздохнула.

— Мне нужно узнать больше об этих документах, — настойчиво продолжала я. — Нужно выяснить, что это за женщина. Если бы ты могла предоставить мне другие файлы...

— Нет. — Сидни покачала головой. — Давай на этом закончим. Ты и так знаешь слишком много. Эйб хотел, чтобы я избавила тебя от неприятностей, и я это сделала, а тем самым выполнила свою часть соглашения.

— Не думаю, что ты так легко отделаешься от Эйба. Вы ведь не оговаривали, что он может обратиться к тебе только один раз?

Она не ответила, но, судя по выражению карих глаз, сама думала об этой возможности.

— Доброй ночи, Роза. Или с добрым утром. Как угодно.

— Постой! Я...

Экран потемнел.

— Проклятье!

Я резко вырвала ни в чем не повинный лэптоп.

Все, все в этом разговоре поражало — начиная с самого факта появления Сидни и заканчивая сообщением о том, что кто-то выкрал документы алхимиков, касающиеся отца Лиссы. Кому есть дело до покойника? И зачем вообще красть эти записи? Чтобы узнать что-то? Или, напротив, скрыть какую-то информацию? Правда, последнее глупо и бессмысленно, поскольку остались копии.

Чистя перед сном зубы и глядя на себя в зеркало, я снова и снова прокручивала в уме состоявшийся разговор. Зачем это было сделано? И

кем? Мне и без того хватало в жизни проблем, но ко всему, связанному с Лиссой, следовало относиться серьезно. Но прямо сейчас все равно ничего не выяснить, это ясно. И я заснула с тем же вихрем кружащихся в голове вопросов.

На следующее утро я взглянула на ситуацию спокойнее, но ответов на вопросы по-прежнему не было. Обдумала, передавать ли суть дела Лиссе, и решила, что да, нужно сказать. Если кто-то собирал информацию насчет ее отца, она имела право знать об этом; кроме того, это не какие-нибудь пустяки вроде слухов о его...

Я как раз мыла голову, когда одна мысль заставила меня вздрогнуть. Ночью я устала и была слишком удивлена, чтобы сложить вместе разрозненные куски. Тот тип в «Часе колдовства», который говорил, что отец Лиссы часто бывал в Лас-Вегасе и устраивал вечеринки с присутствием женщин. Теперь Сидни заявляет, что у него там был крупный счет в банке — и тоже на имя некой женщины. Совпадение? Может быть. Однако с течением времени я все меньше и меньше верила в совпадения.

Приведя себя в порядок, я отправилась к Лиссе. Но уйти мне удалось не слишком далеко. Развалившись в кресле, в вестибюле ждал меня Адриан.

— Не рановато для тебя? — по привычке поддразнила я его.

Я думала, он улыбнется в ответ, но он совсем не выглядел веселым. Можно даже сказать, что вид у него был несвежий и помятый — волосы не уложены, одежда необычно нарядная для этого времени дня, но мятая, вокруг висит густой запах гвоздичных сигарет.

— Скорее поздновато, я еще не ложился. Все ждал кое-кого.

— Ждал... О господи!

Вечеринка! Я совсем забыла о вечеринке, на которую меня пригласила его мать. Эйб и Сидни полностью заморочили мне голову.

— Адриан, прости меня. — Я села на ручку его кресла, но он даже не прикоснулся ко мне.

— Плевать! Наверное, пора уже перестать удивляться. Похоже, я все время обманывал сам себя.

— Нет, нет! Я хотела пойти, но потом... Ты не поверишь...

— Не надо оправдываться. — Голос Адриана звучал устало, глаза покраснели. — Мама сказала, что видела тебя на допросе Дмитрия.

— Но я вовсе не из-за этого не пошла на вечеринку! Там был парень...

— Перестань! Суть в том, Роза, что у тебя нашлось время присутствовать при допросе — и даже посетить Дмитрия в камере, если правда то, что я слышал. А вот провести время со мной, как ты обещала...

или хотя бы прислать записку... — Он развел руками. — От тебя требовалось одно: сообщить, что ты не можешь прийти. Я целый час ждал тебя в доме родителей и только потом сдался.

Я хотела сказать, что он мог бы и сам связаться со мной; но, если честно, с какой стати он должен был это делать? Ведь это я сама пообещала Даниэлле, что приду. И это только моя вина, что я так и не объявилась.

— Адриан, мне очень жаль. — Я стиснула его руку, но он не среагировал. — Правда, я собиралась пойти, но...

— Нет, — снова прервал он меня. — С тех пор, как Дмитрий вернулся... Даже не так. С тех пор как тобой завладела идея вернуть его, ты отдалась от меня. Что бы ни происходило между нами, на самом деле ты никогда не отдавалась полностью нашим отношениям. Мне хотелось верить твоим словам. Хотелось думать, что ты готова... Но это не так.

Возражения замерли на губах. Он был прав. Я говорила, что дам ему шанс, что буду встречаться с ним. Даже играла необременительную роль его девушки, однако все это время часть моей души была отдана Дмитрию. Я и сама понимала это, но продолжала вести двойную жизнь. Невольно припомнилось, как все происходило с Мейсоном. Я точно так же обходилась с ним, и из-за этого он погиб. Я не знаю собственного сердца, и от меня всем одни неприятности.

— Мне очень жаль, — повторила я. — Я действительно хотела, чтобы у нас с тобой что-то получилось...

Даже мне самой эти слова не показались убедительными. Адриан наградил меня понимающей улыбкой.

— Не верю я в это. И ты тоже. — Он встал и провел рукой по волосам, отчего его прическа, правда, лучше выглядеть не стала. — Если бы ты действительно хотела быть со мной, то нашла бы способ.

Ужасно не хотелось видеть его таким мрачным. И больше всего не хотелось быть причиной его огорчения.

— Адриан, подожди. — Я пошла за ним к двери. — Давай еще поговорим.

— Не сейчас, маленькая дампирка. Мне нужно поспать. Сейчас у меня нет сил играть в эти игры.

Наверное, я могла пойти следом, могла уговорить его остаться. Но какой смысл? Мне нечего было сказать ему. Он прав во всем, и, пока в голове у меня такая путаница, я не должна ему навязываться. Да и мало будет толку от разговоров, пока он в таком состоянии.

И все же, когда он вышел наружу, я не смогла удержаться.

— Прежде чем ты уйдешь... и, поверь, я понимаю, почему ты должен

уйти... хочу тебя кое о чем спросить. Кое о чем, связанном не с нами, а с... Лиссой.

— Всегда тебе что-нибудь нужно. — Все же он остановился и с бесконечно усталым вздохом оглянулся через плечо. — Давай, только быстро.

— Кто-то залез в архивы алхимиков и выкрал информацию об отце Лиссы. По большей части это обычные биографические сведения, но были и документы о том, что он тайно делал вклады на банковский счет в Лас-Вегасе. На имя какой-то женщины.

— И? — Адриан ожидал продолжения.

— И я пытаюсь понять, зачем это кому-то понадобилось. Не хочу, чтобы кто-то совал нос в дела этой семьи. Есть у тебя хоть какая-то идея, почему ее отец так поступал?

— Ты же слышала, что говорил тот тип в казино. Ее отец часто бывал там. Может, он имел карточные долги и таким образом погашал их.

— В семье Лиссы всегда имелись деньги, — заметила я. — Ее отцу было незачем залезать в долги. И почему кого-то это настолько заботит, чтобы выкрадывать информацию?

— Не знаю. — Адриан вскинул руки. — В такую рань я больше ничего придумать не способен. Мозги не в том состоянии, чтобы вникать в чужие интриги. Однако не думаю, чтобы все это чем-то угрожало Лиссе.

— Ладно. — Я кивнула, подавляя разочарование. — Спасибо.

Адриан пошел прочь, а я стояла и смотрела ему вслед. Он жил неподалеку от Лиссы, но я не хотела давать ему повод думать, будто иду за ним. Когда он исчез из вида, я потихоньку двинулась следом, но негромкий звон колоколов заставил меня остановиться. Внезапно меня охватило сомнение — куда пойти?

Я хотела рассказать Лиссе о том, что узнала от Сидни. В виде исключения, Лисса в эти минуты одна, что открывает прекрасную возможность поговорить. Но сейчас воскресное утро, о чем мне напомнили колокола. В церкви вот-вот начнется обедня. Возникло одно подозрение, и все произошедшее, даже встреча с Адрианом, не могло отвлечь меня от желания его проверить.

Поэтому я припустила к церкви, в прямо противоположную сторону от дома Лиссы. Двери уже закрыли, но некоторые опоздавшие тихонько прокрадывались внутрь. Я вошла с ними и остановилась, оглядываясь. В воздухе клубился ладан, после солнечного света глаза поначалу ничего не видели, кроме неяркого мерцания свечей в темноте. Эта церковь была гораздо больше академической, и людей собралось столько, сколько я уже

давно не видела одновременно. Большинство сидений были заняты.^[8]

Но не все.

Мое подозрение подтвердилось. На одной из задних скамей обнаружился Дмитрий. Конечно, рядом с ним находились несколько стражей, но это было все. Даже в битком набитой церкви никто не решился занять место рядом с ним. Вчера Рич спрашивал Дмитрия, согласится ли он войти в церковь, и тот пошел даже дальше, сказав, что готов присутствовать на воскресной службе.

Священник уже начал говорить, поэтому я пробралась до скамьи Дмитрия и опустилась на нее так тихо, как могла. Правда, это все равно привлекло внимание находящихся поблизости людей; они были потрясены, увидев меня рядом с бывшим стригоем, который снова стал дампиром. Я ловила на себе взгляды, слышала перешептывания.

Стражи устроились на некотором расстоянии от Дмитрия. Когда я села рядом, выражение его лица свидетельствовало о том, что он и удивлен, и не удивлен этим.

— Не начинай, — сказал он негромко. — Не здесь.

— Даже не мечтай об этом, товарищ, — пробормотала я. — Я здесь исключительно ради спасения души.

Он, конечно, не поверил в мое благочестие. Правда, на протяжении всей службы я не проронила ни слова: кое-какие понятия о приличиях есть и у меня. Спустя несколько минут Дмитрий заметно расслабился: видимо, поверил, что я собираюсь вести себя хорошо. Он переключил внимание на песнопения и молитвы, а я получила возможность незаметно разглядывать его.

В Академии Дмитрий часто ходил в церковь; по его словам, это умиротворяло его. Он всегда говорил, что хотя совершаемые им убийства имеют своей целью уменьшение количества зла на свете, он испытывает потребность приходить сюда, чтобы подумать о своей жизни и в надежде получить прощение за грехи. Глядя на него, я осознала, что сейчас эта необходимость стала для него острее, чем когда-либо.

У него было удивительно ясное выражение лица. Обычно он старался скрыть свои эмоции, и то, что сейчас они так открыто выступили наружу, даже немного пугало. Он был целиком и полностью поглощен словами священника и, по-видимому, принимал речь о грехах очень близко к сердцу, снова и снова проигрывая в уме те жуткие дела, которые совершал, когда был стригоем. Судя по отчаянию на его лице, можно было подумать, что в душе он берет на себя ответственность за все прегрешения мира, о которых говорил священник.

На мгновение среди печали и чувства вины промелькнула искра надежды. Нет, мне лишь показалось. Надежда ведь подразумевает, что есть хоть какой-то шанс спастись. На лице Дмитрия я видела страстное желание и тоску; ему ужасно хотелось верить, что, оказавшись в этом священном месте и слушая проповедь, он хотя бы отчасти искупит свои грехи, но... Нет, он не верил в это. То, чего он так страстно желал, казалось недостижимым.

Было больно видеть его таким. Он полагал, что для него надежда утрачена навсегда. Как можно жить с таким ощущением? Я не представляла себе мира без надежды.

Я также никогда не представляла себе, что буду ссылаться на проповедь, но когда все встали, чтобы получить причастие, обратилась к Дмитрию со следующими словами:

— Тебе не кажется, что если уж сам Бог готов простить тебя, то тебе самому и подавно следует себя простить?

— И долго ты вынашивала этот довод?

— Нет, меня только сейчас озарило. Неплохо, правда? Спорю, ты думал, что я пропускаю все мимо ушей.

— Ты никогда ничего не пропускаешь мимо ушей. И ты наблюдала за мной.

Интересно. Раз он знает, что я наблюдала за ним, значит, он наблюдал за тем, как я наблюдаю? Это поражало воображение.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Потому что он не относится к делу. Я не должен прощать себя, даже если Бог прощает. И я не уверен, что Он прощает.

— Священник только что сказал: Бог прощает всё. По-твоему, священник лжет? Это было бы кощунство.

Дмитрий застонал. Никогда не думала, что буду получать удовольствие, терзая его, но сейчас выражение его лица изменилось — его мучила не только утрата надежды, но и моя дерзость. Такое знакомое, сто раз виденное выражение, что оно отчасти даже согревало, как ни безумно это звучит.

— Роза, кощунствуешь здесь только ты. Извращаешь саму суть веры ради достижения своих целей. Ты никогда не верила в Бога и сейчас не веришь.

— Я верю, что мертвого можно вернуть к жизни, — очень серьезно ответила я. — Доказательство этого сидит рядом со мной. Если уж такое возможно, то тебе нужно сделать лишь шаг, чтобы простить себя.

В его взгляде появилось ожесточение. Скорее всего, он молился, чтобы

очередь к причастию продвигалась быстрее и он мог поскорее отделаться от меня. Мы оба понимали, что ему придется дожидаться конца службы. Если бы он ушел раньше, кое у кого могли возникнуть подозрения, что он все еще стригой.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — сказал он.

— Неужели? — прошептала я, наклонившись к нему.

Огоньки свечей бросали отблески на его волосы. По-видимому, бритву ему уже не боялись давать, поскольку сейчас лицо его было гладко выбрито и прекрасные черты отчетливо видны.

— Я точно знаю, о чем говорю, — продолжала я, стараясь не поддаться его очарованию. — Знаю, что ты через многое прошел и делал ужасные вещи — некоторые прямо у меня на глазах. Но все это в прошлом. И главное, ты не мог себя контролировать. Совершенно очевидно, что ничего такого ты никогда больше делать не будешь.

Странное, загнанное выражение скользнуло по его лицу.

— Откуда тебе знать? Может, монстр еще здесь. Может, во мне осталось что-то от стригоя.

— Тогда ты должен окончательно одолеть его! Для этого нужно жить полной жизнью, а не просто исполняя рыцарский обет защищать Лиссу. Нужно открыть себя тем, кто тебя любит. Никакой стригой на это неспособен. Вот как ты сумеешь спасти себя.

— Никто не может любить меня, потому что я неспособен ответить тем же, — пробормотал он.

— Может, стоит попытаться? Вместо того, чтобы утопать в жалости к себе!

— Это не так-то просто.

— Прок... — Я чуть не выругалась в церкви! — Ничто и никогда не было для нас просто! Наша жизнь и до того злополучного нападения не была простой, но мы же справлялись! Можем справиться и сейчас. Вместе мы способны преодолеть все. Ты веришь в Бога? Прекрасно! Но гораздо важнее, чтобы ты верил в нас.

— Нет никаких «нас», я уже говорил тебе.

— Ты же знаешь — у меня в одно ухо влетает, в другое вылетает.

Мы переговаривались тихо, но, думаю, по нашему виду было ясно, что между нами происходит спор. Остальные прихожане были слишком заняты, чтобы обращать внимание, а вот стражи Дмитрия не спускали с нас глаз. Я снова вспомнила, о чем говорили и Майкл, и Лисса: вывести Дмитрия из себя на людях означает оказать ему дурную услугу. Проблема состояла в том, что само мое присутствие выводило его из себя, и неважно,

о чем я стала бы с ним говорить.

— Напрасно ты пришла, — вырвалось у него. — Для нас обоих лучше избегать друг друга.

— Забавно! Когда-то ты говорил, что мы всегда будем вместе.

— Я хочу, чтобы ты держалась от меня подальше, — словно не слыша, сказал он. — Не хочу, чтобы ты снова и снова пыталась вернуть чувства, которых больше нет. Они в прошлом. И никогда уже не вернуться. Никогда. Для нас лучше вести себя как посторонние. Для тебя самой лучше.

Чувства сострадания и любви в моей душе сменились нарастающей яростью.

— Если ты указываешь мне, что делать, а что нет, то, по крайней мере, имей мужество заявить это прямо в лицо!

Он так стремительно повернулся, что у меня мелькнула мысль: в нем и правда еще осталось что-то от стригоя. Его лицо выражало... что? Не подавленность, как раньше. И не злость. Скорее... отчаяние, огорчение и, может быть, даже страх. И еще казалось, что он испытывает острую, мучительную боль.

— Не хочу видеть тебя, — сказал он, сверкая глазами. Эти слова ранили меня, но что-то в его тоне вызывало трепет. Это не был холодный, расчетливый стригой. Это не был сломленный человек за решеткой. Это был мой прежний инструктор, мой возлюбленный; уж если он нападал, то делал это с энергией и страстью. — Сколько раз мне придется повторять это? Ты должна держаться от меня подальше.

— Но я знаю — ты не причинишь мне вреда.

— Я уже причинил тебе вред. Почему ты не понимаешь этого? Сколько раз я должен повторять одно и то же?

— Ты говорил... Ты говорил раньше... до того, как все это произошло... что любишь меня. — Мой голос предательски задрожал. — Как можно просто перечеркнуть это?

— Потому что слишком поздно! И так легче, чем если мне придется без конца вспоминать, как я обошелся с тобой!

Он сорвался, его голос разнесся по церкви. Священник и люди перед ним ничего не заметили, но те, кто стоял к нам ближе, обернулись. Стражи напряглись, и я снова призвала себя к порядку. Неважно, как сильно я злилась на Дмитрия; неважно, как сильно оскорбленной и обманутой чувствовала себя из-за того, что он прогоняет меня... Все равно, я не могла рисковать тем, что люди подумают, будто он опасен. Он явно не собирался никому ломать шею, но был заметно расстроен. Вдруг кто-нибудь примет его огорчение и боль за что-то дурное?

Я отвернулась, пытаюсь утихомирить разбушевавшиеся эмоции. Когда я вновь повернулась, наши взгляды встретились, и будто искра проскочила между нами. Дмитрий мог сколько угодно игнорировать это, но наша связь — глубинное притяжение душ — никуда не делась. Мне страстно захотелось прикоснуться к нему — и не просто случайно задеть. Захотелось обнять его, прижать к себе, заверить, что вместе мы одолеем все. Не отдавая себе в этом отчета, я потянулась к нему. Он отпрянул, словно от змеи, и все его стражи рванули вперед, готовые схватить его.

Однако он не сделал ничего дурного. Просто смотрел на меня таким взглядом, от которого вся кровь заледенела в жилах: с удивлением и почти отвращением.

— Роза, пожалуйста, прекрати. И ради бога, держись подальше от меня, — сказал он, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие.

Я вскочила, переполненная обидой и злостью. Возникло чувство, что еще минута — и произойдет взрыв.

— Это еще не конец, — пробормотала я. — Я так просто не откажусь от тебя.

— Я уже отказался от тебя, — так же тихо ответил он. — Иногда любовь уходит. Моя ушла.

Я недоверчиво смотрела на него. Впервые со времени своего возвращения он упомянул о том, что любви больше нет. Ранее его протесты сводились к тому, что его мучают угрызения совести из-за прошлых грехов, которые оставили в его душе шрамы, лишив способности любить. Но теперь...

«Я уже отказался от тебя. Иногда любовь уходит. Моя ушла».

Я попятилась. Его слова жгли, как пощечина. Судя по его лицу, он понимал, какую боль причинил мне. Но я не стала вглядываться — развернулась, быстро пошла по проходу и выбежала за дверь, опасаясь, что, задержись я хоть на мгновение, все в церкви увидят, что я плачу.

Двадцать пять

После этого мне не хотелось видеть никого. Стремясь побыстрее оказаться в своей комнате, я не чуяла земли под ногами и не замечала людей вокруг. Снова и снова звучали в сознании слова Дмитрия: *«Иногда любовь уходит. Моя ушла»*. Это было хуже всего, что он до сих пор говорил. Не поймите меня неправильно: все остальное было нелегко. Когда он заявлял, что будет избегать меня, что наших прежних отношений не вернуть, это тоже было ужасно и все же оставляло крошечную надежду, что раз он заботится обо мне, искра нашей любви еще не угасла.

Но... любовь уходит.

Это было что-то совсем иное. Казалось, сами мы умерли, наши останки рассыпались в прах и ветер унес их, будто сухие листья. Боль в груди была нестерпима, и я скорчилась на постели, обхватив себя руками, как будто это могло ее уменьшить. Не получалось смириться с его словами — с тем, что после всех выпавших на его долю испытаний любовь ко мне ушла.

Всю остальную часть дня я намеревалась провести у себя, съезжившись во мраке под одеялом. Сидни, мои волнения из-за отца Лиссы и даже она сама — все это напрочь вылетело из головы. Она занималась своими делами, но время от времени через нашу связь я ощущала ее призыв: *«Приходи ко мне!»*

Поскольку я не реагировала, она начала беспокоиться. Внезапно я испугалась, что она — или кто-нибудь другой — может прийти сюда, разыскивая меня. Вскочив, я решила уйти, сама не зная куда; просто чувствовала потребность двигаться. Обошла всю дворцовую усадьбу, выискивая места, где не бывала прежде. Фонтанов и статуй тут оказалось гораздо больше, чем мне казалось, однако их красота сейчас была мертва для меня. Вернувшись к себе несколько часов спустя, я чувствовала лишь усталость от долгой ходьбы. Ну и ладно. По крайней мере, я сумела избежать всяких разговоров.

Сумела ли? Было поздно, и мне уже полагалось лежать в постели, когда в дверь постучали. Я заколебалась. Кого это принесло так поздно? Чего я хочу — отвлечься или и дальше лелеять свое одиночество? Я знала одно — это не Лисса. Господи! Скорее всего, это Ганс, пожелавший узнать, почему я не появилась на работе. Стук не смолкал, и после долгих размышлений я решила открыть дверь.

Это оказался Адриан.

— Маленькая дампирка... — Он устало улыбнулся. — У тебя такой вид, будто ты только что встретила с призраком.

Нет, не с призраком. Поверьте, я всегда узнаю призраков, когда встречаюсь с ними.

— Просто... Просто я не ожидала увидеть тебя после того, что произошло утром...

Он вошел и сел на постель. Было приятно видеть, что он привел себя в порядок — переоделся и уложил волосы. Запах сигарет по-прежнему ощущался, но после того, как я с ним обошлась, он имел право следовать своим дурным привычкам.

— Ну, я и сам не ожидал, что приду, — признался он. — Но ты... ну... ты заставила меня кое о чем задуматься.

Я тоже села на постель, на приличном расстоянии от него.

— Насчет нас?

— Нет. Насчет Лиссы.

— А-а...

Я обвиняла Дмитрия в эгоизме, но чем лучше я сама, воображающая, будто Адриан не может думать ни о чем, кроме любви ко мне?

Взгляд его зеленых глаз был задумчив.

— Я все время думал о твоих словах... ну, о ее отце. И ты была права... насчет карточного долга. У него хватило бы денег заплатить любой долг. Не было никакой необходимости держать это в секрете. Ну, я пошел и спросил маму.

— Что? — воскликнула я. — Об этом никто не должен был знать...

— Да-да, я так и понял, что твоя информация сверхсекретная. Не беспокойся. Я сказал ей, что мы слышали разговоры об этом в Вегасе... О тайных вкладах отца Лиссы.

— И что она ответила?

— То же, что и я. Ну, на самом деле сначала она рассердилась на меня. Сказала, что Эрик Драгомир был хорошим человеком и что не следует сплетничать о покойном. Предположила, что, возможно, он действительно имел карточные долги, но даже если так, не стоит об этом думать, поскольку он сделал много добра.

— Она права, — сказала я.

Может, документы украли именно с целью опорочить его репутацию? Правда, распространять слухи о покойном бессмысленно, но, может, у кого-то возникло желание бросить тень на всю семью Драгомир, чтобы не осталось шансов изменить закон о голосовании в пользу Лиссы? Я хотела

высказать все это Адриану, но он опередил меня, сообщив нечто еще более поразительное.

— Потом наш разговор услышал папа и сказал что-то вроде: «Скорее всего, он переводил деньги своей любовнице. Он был симпатичный мужчина, склонный пофлиртовать. И любил дамочек». — Адриан закатил глаза. — Он так и сказал — «любил дамочек». Папа такой козел! Выражается, будто воспитывался сто лет назад!

Не отдавая себе в этом отчета, я схватила его за руку.

— Что еще он сказал?

— Ничего. — Адриан не стал отнимать руку. — Мама рассердилась и сказала ему то же, что раньше мне, — что некрасиво распространять бездоказательные слухи.

— Думаешь, это правда? Думаешь, у отца Лиссы была любовница? И ей он посылал эти деньги?

— Не знаю, маленькая дамписка. Хочешь честно? Мой отец тот еще тип, знаешь ли. Он собирает любые сплетни и даже сам распускает их. В смысле, нам известно, что папа Лиссы любил вечеринки, из чего легко сделать далеко идущие выводы. Наверное, у него был какой-то грязный секрет. Черт, у всех нас он есть! Может, тот, кто украл документы, хотел сыграть на этом.

Я изложила ему свою теорию насчет того, что это может быть опасно для Лиссы.

— Или совсем наоборот — документы украли в ее же интересах, чтобы какая-то неприятная правда не вышла наружу, — добавила я, подумав.

Адриан кивнул.

— В любом случае, не думаю, что опасность так уж велика.

Он начал подниматься, но я потянула его обратно.

— Адриан, стой... Я... Я хочу извиниться. То, как я с тобой обращалась, что я делала... это было нечестно по отношению к тебе. Прости.

— Сердцу не прикажешь. — Он опустил взгляд.

— Суть в том... Я и сама не знаю, что чувствую. Звучит по-идиотски, да, но это правда. Я не могу забыть Дмитрия. Глупо было думать, что меня никак не затронет его возвращение. Но теперь я осознала...

Я запнулась. *«Любовь уходит, — невольно вспомнилось. — Моя ушла».*

— Теперь я осознала, что у нас с ним все кончено. Я не говорю, что это так вот сразу пройдет. Потребуется время, и я солгала бы и тебе, и себе,

если бы сказала, что это не так.

— Ну-ну, это уже интересно, — подбодрил Адриан.

— Неужели?

— Да, маленькая дамписка. — В его глазах мелькнула улыбка. — Иногда твои слова имеют смысл. Продолжай.

— Я... Ну... Как я уже говорила... Утверждать, будто я скоро... будто я когда-нибудь забуду его, было бы пустыми словами. Но ты мне тоже не безразличен... Думаю, я даже немного люблю тебя. И хочу попытаться снова. Правда хочу. Мне нравится, что ты есть в моей жизни, но, возможно, прежде я слишком торопилась. Ты имеешь все основания отвергнуть меня — после того, как я морочила тебе голову, но если согласен попробовать еще раз...

Он так долго молчал, вглядываясь в мое лицо, что у меня перехватило дыхание. Я сказала, что думала: он действительно имел право порвать со мной... и тем не менее эта мысль приводила в ужас.

Наконец он притянул меня к себе и откинулся на постель.

— Роза, я по-прежнему хочу тебя. Я не могу без тебя с тех пор, как впервые увидел на лыжной базе.

Я придвинулась ближе к Адриану и прижалась головой к его груди.

— У нас получится, я знаю. А если я снова все испорчу, ты бросишь меня.

— Если бы это было так легко! — Он засмеялся. — Ты забываешь: я человек привычки. Я привык к тебе. Такое чувство, что как бы плохо ты со мной ни обращалась, я все равно буду возвращаться. Просто будь со мной честна, идет? Рассказывай правду о своих чувствах. Если не можешь разобраться в своих отношениях с Дмитрием, рассказывай мне, и мы будем разбираться вместе.

Мне хотелось сказать ему, что он может не беспокоиться по поводу Дмитрия независимо от моих чувств, поскольку тот отказался от меня и повторил это бесчисленное число раз. При желании я могла бы и дальше гоняться за Дмитрием, но толку-то? Любовь уходит... Эти слова все еще обжигали, и говорить об этом было бы слишком больно. Но сейчас, когда я лежала рядом с Адрианом, который так добр ко мне, какой-то частью истерзанной души я осознавала, что верно и обратное: любовь приходит. Я предприму еще одну попытку с ним. Непременно.

— Кто бы знал, что ты можешь быть таким мудрым, — со вздохом сказала я. — Все считают тебя неглубоким, безрассудным и... и...

Он поцеловал меня в лоб.

— И?

— Даже смешным...

— Смешным? Могу себе вообразить. И остальное тоже... но только в виде исключения.

Сейчас мы лежали совсем близко друг к другу, и я приподняла голову, разглядывая его — высокие скулы, волосы, искусно приведенные в состояние художественного беспорядка. Да, он, несомненно, хорош, но мне вспомнились слова Даниэллы: в конце концов наши пути разойдутся, хотим мы того или нет. Наверное, это моя судьба — терять тех, кого люблю.

Я притянула его к себе и поцеловала со страстью, удивившей даже саму меня. Если я и усвоила что-то о жизни и любви, так это что они очень хрупки и в любой момент могут оборваться. Осторожность, конечно, штука хорошая — но нельзя ради нее допустить, чтобы жизнь проходила впустую. Прямо сейчас я совсем не собиралась терять время.

Я еще не успела ничего обдумать, а мои руки уже стягивали с Адриана рубашку; он, не задавая никаких вопросов и не колеблясь, делал то же самое с моей одеждой. Может, иногда он вел себя мудро и с пониманием, но тем не менее оставался... ну Адрианом. Сейчас он был в своей стихии, делал то, к чему всегда стремился, не тратя времени на раздумья. А он очень, очень долго хотел меня.

И он действовал очень умело, вот почему я оказалась раздета гораздо быстрее, чем он. Жаркие губы страстно целовали меня в шею, но он был очень осторожен, чтобы не поцарапать клыками тонкую кожу. Я подобной нежности не проявляла, впиваясь ногтями в его обнаженную спину. Его губы соскользнули ниже, к ключицам; одной рукой он ловко снял с меня лифчик.

Пока мы стягивали друг с друга джинсы, я поразились реакции собственного тела. Мне удалось убедить себя в том, что после Дмитрия я никогда больше не захочу секса, но сейчас? О, сейчас я жаждала его. Может, это была психологическая реакция на то, что Дмитрий отверг меня. Может, импульсивное желание жить одним днем. Или любовь к Адриану. Или просто вожделение.

Что бы это ни было, я чувствовала себя беспомощной под его руками и губами, которые, казалось, стремились исследовать каждый участок моего тела. Остановился он лишь раз — когда снял с меня все, и я лежала рядом с ним полностью обнаженная. На нем самом оставались лишь трусы — до них я еще не успела добраться. Шелковые, естественно, — что другое мог носить Адриан? Он обхватил ладонями мое лицо, в его глазах полыхало желание — и отчасти изумление.

— Какая ты, Роза Хэзевей? Ты реальна? Или снишься мне? Я боюсь,

что прикосновение к тебе разбудит меня и ты исчезнешь.

Это было знакомое мне состояние поэтического транса, в которое он иногда впадал; оно наводило на мысль, что порожденное стихией духа безумие отчасти поразило и его.

— Прикоснись и узнай, — ответила я, притягивая его к себе.

Он больше не колебался. Последняя одежда была сброшена, я вся пылала от прикосновения к его телу и ощущения скользящих по коже рук. Логика, разум... все это больше не имело значения. Ни одной мысли, просто мы двое и яростное желание слиться воедино...

— Ох, дерьмо!

Это прозвучало почти неразборчиво, поскольку мы как раз целовались. Я едва сумела отодвинуться. Утратить ощущение его близости — это было потрясение для меня и уж тем более для него. Он изумленно смотрел, как я отползала от него и в конце концов умудрилась сесть.

— Что... Что случилось? Ты передумала?

— Нужно предохраняться... У тебя есть презервативы?

Несколько мгновений он переваривал мои слова, а потом вздохнул.

— Роза, только ты способна в такое мгновение вспомнить об этом.

Да, нельзя сказать, что это был подходящий момент. Но уж лучше вспомнить об этом сейчас, чем потом. Несмотря на неистовое желание — а оно никуда не делось, поверьте, — перед моим внутренним взором внезапно возник пугающе живой образ сестры Дмитрия, Каролины, с которой я встречалась в Сибири. У нее был полугодовалый малыш. Очаровательный, как почти все малыши, но, ей-богу, как же ей приходилось нелегко! Она работала официанткой, а дома все внимание уделяла сыну. Пока она была на работе, за ним приглядывала мать Дмитрия. Малышу все время что-нибудь требовалось: покормить, перепеленать, проследить, чтобы он не затолкал в рот какой-нибудь мелкий предмет и не задохнулся. Сестра Каролины, Соня, тоже должна была вот-вот родить, и по тому, как развивались события с младшей сестрой Дмитрия, Викторией, я не удивилась бы, если бы вскоре забеременела и она. Маленькая небрежность способна круто изменить жизнь.

Я была абсолютно уверена, что, по крайней мере, сейчас, в таком юном возрасте, ребенка не хочу. С Дмитрием беспокоиться было не о чем, поскольку мужчины-дампиров бесплодны. Но с Адрианом? Это была проблема, а еще одну порождал тот факт, что, хотя венерические заболевания редкость среди представителей обеих наших рас, я не первая девушка, с которой был Адриан. И не вторая. И не третья...

— Так есть они у тебя? — нетерпеливо спросила я.

Даже чувство ответственности не могло заглушить во мне жажду секса.

— Да. — Адриан тоже сел. — У меня в спальне.

Мы уставились друг на друга. Его спальня находилась далеко, в той части двора, где жили морой.

Он придвинулся, обнял меня и принялся покусывать мочку моего уха.

— Риск очень невелик.

Я закрыла глаза и прислонилась к нему. Обхватив меня за бедра, он поглаживал их.

— Ты что, врач? — спросила я.

Он негромко рассмеялся и поцеловал в чувствительное местечко за ухом.

— Нет. Просто готов рискнуть. Ты же не станешь утверждать, что не хочешь этого?

Я открыла глаза и отодвинулась, чтобы иметь возможность его видеть. Он был прав. Я хотела этого. Очень, очень сильно хотела. И какая-то пожираемая вожделением часть моего существа — очень значительная, между прочим, — пыталась склонить меня на свою сторону. Риск и впрямь невелик. И ведь есть же люди, которые пытаются завести ребенка и не могут? У моего желания были убойные аргументы, и тем более удивительно, что победила логика.

— Я не готова рисковать, — сказала я.

— Ладно. — Теперь Адриан пристально разглядывал меня. — Тогда в другой раз, а сегодня проявим... ответственность.

— Это все, что ты способен сказать?

— А чего еще ты ждешь? — Он недоуменно посмотрел на меня. — Ты же сказала «нет».

— Но ты... Ты мог бы принудить меня.

— Ты хочешь, чтобы я тебя принудил? — В его глазах отражалось потрясение.

— Нет. Конечно нет. Просто в голову пришло, что... ну, что ты мог бы.

Адриан обхватил мое лицо ладонями.

— Роза, я жульничаю в картах и покупаю спиртное несовершеннолетним. Но я никогда, никогда не стану заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. В особенности это...

Я прервала поток его слов, прижавшись к нему и снова целуя. Наверное, от удивления он среагировал не сразу, но потом, пусть и неохотно, оттолкнул меня.

— Маленькая дампирка, — сухо сказал он, — это плохой способ

проявлять ответственность.

— Нельзя просто так взять и оборвать все это. И при этом мы можем проявить ответственность.

— Вся эта болтовня о...

Он резко смолк, когда я откинула волосы и подставила ему обнаженную шею. Говорить ничего не требовалось; он понял.

— Роза... — неуверенно сказал он, но я видела вспыхнувшее на его лице выражение страстного желания.

Пить кровь — не то же самое, что заниматься сексом, но этого жаждут все вампиры, и я слышала, что в состоянии эротического возбуждения это доставляет им гораздо большее удовольствие. Одновременно это находится под запретом и случается, по слухам, очень редко. Отсюда происходит выражение «кровавая шлюха», обозначающее дампирку, позволяющую пить свою кровь во время секса. Это позор, если дампирка вообще позволяет пить свою кровь, но я уже делала это прежде. Я отдавала свою кровь Лиссе, когда мы сбежали из Академии и у нее не было другого источника; Дмитрию, когда он был стригоем. Это было изумительно.

— Роза, ты отдаешь себе отчет в том, что предлагаешь? — уже более уверенно спросил он.

— Да, — твердо ответила я, нежно проведя пальцем по его губам и слегка прикоснувшись к клыкам. А потом повторила то, что он сам недавно говорил мне: — Ты же не станешь утверждать, что не хочешь этого?

Он хотел! В мгновение ока его рот коснулся моей шеи, и клыки вонзились в кожу. Я вскрикнула от неожиданной боли и тут же сладострастно застонала, когда в меня потекли эндорфины, всегда сопровождающие укусы вампира. Утонченное блаженство! Он с силой подтянул меня к себе, прижал спиной к груди. Я чувствовала его руки, снова скользящие по телу, его губы, впившиеся в горло. Но сильнее всего было ощущение, что я растворяюсь в чистом, безмятежном экстазе. Потрясающий кайф!

Когда он оторвался от меня, я как будто утратила часть себя. Как будто стала... неполной. Ничего не соображая, я снова потянулась к нему. Он мягко отвел мои руки и улыбнулся, облизывая губы.

— Поберегись, маленькая дампирка. Я и так слишком увлекся. Еще чуть-чуть, и ты, наверное, могла бы отрастить крылья и улететь.

Это и впрямь казалось хорошей идеей. Спустя несколько мгновений, однако, всепоглощающее блаженство отступило. Я все еще чувствовала себя замечательно, просто головокружительно, но разум постепенно возвращался, и сквозь счастливый туман начали пробиваться разумные

мысли — или почти разумные. Убедившись, что я достаточно «протрезвела», Адриан расслабился и откинулся на постели. Я свернулась калачиком рядом. Он выглядел таким же удовлетворенным, как и я.

— Это был лучший в мире не-секс, — пробормотал он.

Я лишь сонно улыбнулась в ответ. Было уже поздно, и чем глубже в кровь проникали эндорфины, тем сильнее тянуло в сон. Тоненький голосок в глубине сознания шептал, что пусть я сама хотела этого и стремилась доставить удовольствие Адриану, все равно это было неправильно. На самом деле я поступила так не из любви, а чтобы не позволить печали и смятению полностью завладеть собой.

Нет, это неправда, решила я, и вскоре недовольный голосок смолк, сморенный усталостью. Я заснула, прижавшись к Адриану, и спала так крепко и сладко, как никогда в жизни.

Не было ничего удивительного в том, что я выбралась из постели, приняла душ и даже высушила волосы, не разбудив Адриана. Мы с друзьями не раз тратили значительную часть утра, пытаясь его поднять, но, пьяный или трезвый, он всегда спал крепко.

С волосами я возилась дольше обычного. След свежего вампирского укуса на шее был замечен, поэтому я распустила волосы, чтобы его прикрыть. Убедившись, что отпечатки клыков надежно закамуфлированы, я задумалась, что делать дальше. Спустя примерно час в Совете начнется обсуждение вопросов о снижении возрастного ценза стражей, участии мороев в сражениях и голосе Драгомиров в Совете. Я предпочла бы не пропускать дебаты по таким важным для нашего мира вопросам — при условии, конечно, что меня вообще пустят в зал.

Будить Адриана, однако, мне не хотелось — он так мирно спал на моей постели. Вдобавок если я разбужу его, то мне придется ждать, пока он не приведет себя в порядок. Лисса — я ощущала это через нашу связь — сидела одна за столиком в кафе. Мне хотелось позавтракать вместе с ней, и я решила, что Адриан сам может позаботиться о себе. Я оставила ему записку о том, куда пошла, попросила перед уходом запереть дверь и закончила множеством поцелуев.

На полпути к кафе, однако, я почувствовала, что мои планы позавтракать с Лиссой находятся под угрозой. К ней уже подсел Кристиан.

— Ну-ну... — пробормотала я.

При том что творилось вокруг, я уделяла личной жизни Лиссы мало внимания. После событий на складе я не удивилась, увидев их вместе, хотя, судя по ее чувствам, романтика пока не вернулась. Сейчас они пытались

наладить хотя бы дружеские отношения, но им нелегко было перешагнуть через терзавшие обоих недоверие и ревность.

Кто-кто, а я была далека от желания мешать, если дело касается любви. Рядом с офисом стражей имелось другое кафе, где можно получить кофе и пончики — конечно, если никто там не вспомнит, что формально я все еще на испытательном сроке и совсем недавно устроила сцену в королевском зале.

Не слишком надеясь на успех, я тем не менее решила предпринять попытку и направилась туда, поглядывая на затянутое облаками небо. Добравшись до кафе, я обнаружила, что мне не грозит привлечь к себе всеобщее внимание. Там было кое-что поинтересней: Дмитрий.

Он пришел в сопровождении охранников. Я, конечно, обрадовалась, что он получил некоторую свободу передвижений, но разозлилась из-за того, что ему якобы требуется присмотр. По крайней мере, сегодня здесь не собралась огромная толпа. Пришедшие позавтракать не могли его не заметить, но задерживались немногие. На этот раз с ним были пять охранников — уже гораздо меньше. Добрый знак. Он сидел за столиком один, с кофе и недоеденным пончиком, и читал роман в мягкой обложке. Голову даю на отсечение, что это был вестерн.

Двое охранников сидели у стен, один у входа и еще двое за ближайшими столиками. Но эти меры предосторожности казались бессмысленными — полностью поглощенный своей книгой, Дмитрий не обращал внимания ни на охранников, ни на случайных зрителей. Или просто умело демонстрировал свое безразличие. Он выглядел совершенно безобидно, но мне припомнились слова Адриана. Осталось ли в нем что-нибудь от стригоя? Какая-то часть темной силы? Сам Дмитрий уверял, что да и что именно эти следы мрака в душе лишают его способности любить.

Каким-то сверхъестественным образом мы с ним всегда ощущали присутствие друг друга. В любой набитой людьми комнате я без труда находила его. Когда я подходила к стойке, он оторвался от книги, которой был так увлечен, и на мгновение наши взгляды встретились. Его лицо сохраняло бесстрастное выражение... и тем не менее возникло чувство, будто он чего-то ждет.

Меня, вздрогнув, осознала я. Несмотря на все, несмотря на нашу ссору в церкви, он по-прежнему думал, что я буду преследовать его, навязывая свою любовь. Почему? Он что, считает меня полной тупицей? Или хочет... сам хочет, чтобы я подошла к нему? Возможно ли это?

Как бы то ни было, я решила, что с меня хватит. Он причинил мне слишком много боли. Если на самом деле его просьбы держаться подальше

были частью изощренной игры с моими чувствами, то я в этом больше не участвую. Я бросила на него высокомерный взгляд, подошла к стойке, заказала чай и шоколадный эклер. Подумала и заказала второй эклер. Вполне возможно, что сегодня мне больше не удастся поесть.

Я вообще-то собиралась завтракать снаружи, однако, глянув сквозь затемненные стекла, различила обрушившийся на сосны ливень. Черт! Может, плюнуть на непогоду и перебежать со своей едой в какое-нибудь другое место? Нет, я не позволю ему до такой степени запугать себя. Заметив столик подальше от Дмитрия, я направилась туда, старательно не глядя на него.

— Привет, Роза! Будешь сегодня в Совете?

Я резко остановилась. Это произнес, дружески улыбаясь мне, один из охранников Дмитрия. Имени его я не помнила, но при каждой мимолетной встрече он вел себя приветливо. Не хотелось выглядеть грубой, и поэтому я ответила ему... хотя это означало задержаться рядом с Дмитрием.

— Да. Вот только перекушу немного.

— Думаешь, тебя туда пустят? — спросил другой охранник, тоже с улыбкой.

Может, они издеваются надо мной за вспышку ярости в зале Совета? Но нет. Их лица выражали одобрение.

— Отличный вопрос, — призналась я и откусила кусок эклера. — Но я решила, что стоит попытаться. Как и попытаться на этот раз вести себя хорошо.

Первый страж засмеялся.

— От всей души надеюсь, что ты не станешь этого делать. Что бы ты ни учинила, все будет мало — за то, что они приняли этот дурацкий закон о возрастном цензе.

— Что за возрастной ценз? — спросил Дмитрий. Я неохотно перевела на него взгляд; как всегда, дыхание у меня перехватило.

«Прекрати, Роза! — выбрала я себя. — Ты сердишься на него, не забыла? И теперь у тебя есть Адриан».

— Королевские морои приняли постановление о том, что шестнадцатилетние дампирьы могут сражаться со стригоями не хуже восемнадцатилетних, — ответила я и откусила еще кусок.

Дмитрий так резко вскинул голову, что я чуть не подавилась.

— Как это шестнадцатилетние могут сражаться со стригоями?

Его охранники слегка напряглись, но и только. Я с трудом проглотила то, что было во рту, и ответила, почти опасаясь его реакции.

— Согласно постановлению, теперь дампирьы будут оканчивать школу

в шестнадцать.

— Когда это произошло?

— Всего лишь вчера. Тебе никто не рассказывал?

Я оглядела охранников. Один из них пожал плечами. Может, они и верили, что он действительно дампир, но, по-видимому, еще не готовы были запросто болтать с ним. А кроме них он общался только с Лиссой и следователями.

Дмитрий нахмурился, обдумывая новости.

— Нет.

Я в молчании доедала эклер, тем самым поощряя его говорить дальше, что он и сделал.

— Это безумие. Даже если оставить в стороне вопрос морали, они просто не готовы сражаться в столь юном возрасте. Это для них самоубийство.

— Знаю. Таша выдвигала очень серьезные аргументы против этого постановления. И я тоже.

Дмитрий бросил на меня недоверчивый взгляд — надо думать, в серьезность моих аргументов он не верил, тем более что двое охранников снова улыбнулись.

— Голоса разделились почти поровну?

Он выглядел таким серьезным и сосредоточенным — настоящий страж. Это его настроение нравилось мне гораздо больше, чем депрессия или склонность гнать меня прочь.

— Да. Если бы Лисса могла голосовать, постановление не прошло бы.

— А-а... — сказал он, вертя в руках кофейную чашку. — Кворум.

— Тебе известно об этом? — удивилась я.

— Старый моройский закон. Что пытаются предпринять противники нового постановления? Склонить Совет на свою сторону? Или добиться, чтобы Лисса получила право голосовать от имени семьи Драгомиров?

— И то, и другое, и много чего еще.

— Так не годится. — Он покачал головой и заправил прядь волос за ухо. — Надо сосредоточиться на чем-то одном, бросив на это все силы. Самый умный вариант — Лисса. Драгомиры должны быть представлены в Совете, и я видел, как люди смотрели на нее, когда меня выставили на всеобщее обозрение. — В его словах ощущался лишь легкий оттенок горечи, говорящий о том, как он воспринимал это действо, и тут же тон снова стал сугубо деловым. — Если разбрасываешься, то не добьешься ничего.

Я принялась за второй эклер, забыв о своем прежнем намерении

игнорировать Дмитрия. Не хотелось, чтобы он отвлекся от темы, которая, по-видимому, по-настоящему заинтересовала его — первый раз его глаза загорелись прежним огнем. Ну, если не считать тех моментов, когда он клялся всю жизнь преданно служить Лиссе и уговаривал меня держаться от него подальше. Такой Дмитрий мне нравился — прежний Дмитрий, всегда готовый рисковать жизнью ради правого дела. Честное слово, легче было видеть его раздраженным, снова и снова повторяющим, чтобы я не приближалась к нему. Такой, как сейчас, он пробуждал множество воспоминаний — да и выглядел чертовски привлекательно, что, как мне казалось, я уже научилась не замечать. Весь в пылу возмущения, он казался сексуальнее, чем когда-либо. Когда мы вместе сражались или занимались любовью, в нем всегда кипела эта неумная энергия. Таким он и должен быть: сильным и ответственным. Я радовалась за него, но... Это зрелище очень больно било по нервам — теперь, когда я понимала, что потеряла его.

Если Дмитрий и догадывался о моих чувствах, то не подавал вида. Он глядел прямо на меня, и, как обычно, сила его взгляда обволакивала и подчиняла.

— Когда в следующий раз увидишься с Ташей, попроси ее прийти ко мне, хорошо? Нужно обсудить все это.

— Значит, Таша может быть твоим другом, а я нет? — вырвалось у меня.

Я вспыхнула, смущенная тем, что ляпнула это при охранниках. Дмитрию тоже, по-видимому, не нравилось присутствие зрителей. Он поднял глаза на одного из охранников.

— Можно нам поговорить наедине?

Они обменялись взглядами и отступили, все как один. Не очень далеко и по-прежнему со всех сторон окружая Дмитрия. Тем не менее теперь наш разговор никто не мог слышать. Дмитрий снова посмотрел на меня. Я села.

— Ты и Таша находитесь в совершенно разных ситуациях. Она может присутствовать в моей жизни, не создавая проблем. Ты — нет.

— Тем не менее, — ответила я, сердито тряхнув волосами, — я, видимо, могу присутствовать в твоей жизни, когда это тебе удобно — скажем, выполнять поручения или передавать сообщения.

— Похоже, тебе это не так уж и нужно, — сухо заметил он, мотнув головой в сторону моего правого плеча.

В первый момент я даже не сообразила, что произошло. Ах! Тряхнув волосами, я обнажила шею — и след укуса. Только бы не покраснеть! Мне нечего смущаться. Я перебросила волосы обратно.

— Не твое дело, — прошептала я, надеясь, что охранники ничего не заметили.

— Вот именно, — с победоносным видом заявил он. — Ты должна жить собственной жизнью, подальше от меня.

— Ох, ради бога! — воскликнула я. — Ты когда-нибудь прекратишь...

И внезапно смолкла, поскольку, казалось, в кафе ворвалась целая армия.

Или почти армия. Мгновение назад тут были только Дмитрий, я и его охранники, а в следующее мгновение помещение заполнили стражи. И не просто какие-то стражи — все в черно-белой форме, которую обычно надевают в официальных случаях, но маленькая красная пуговица на воротнике каждого свидетельствовала о том, что они прикомандированы к особому отряду охраны королевы. Их было не меньше двадцати.

Смертоносные и беспощадные, лучшие из лучших. На протяжении всей истории не раз бывало, что убийцу, пытавшегося напасть на монарха, молниеносно хватала королевская стража. Подлинная ходячая смерть — и сейчас они со всех сторон окружили нас. Мы с Дмитрием вскочили, не понимая, что происходит, но не сомневаясь, что нужно защищаться. Между нами стоял его столик с креслами вокруг, но мы мгновенно заняли боевую позицию, как положено в окружении врагов: спиной к спине.

Охранники Дмитрия, в повседневной одежде, казалось, изумились не меньше нас; тем не менее, следуя чести мундира, они тут же присоединились к своим высокопоставленным собратьям. Никаких больше улыбок и шуток. Мне хотелось грудью защитить Дмитрия, но в данной ситуации это было невозможно.

— Ты немедленно пойдешь с нами, — сказал один из королевских стражей. — В случае сопротивления мы применим силу.

— Оставьте его в покое! — закричала я, скользя взглядом по их лицам. Темная ярость взорвалась внутри. Неужели они все еще не верят? Почему по-прежнему преследуют его? — Он ничего плохого не сделал! Почему у вас никак не укладывается в голове, что теперь он самый настоящий вампир?

Страж, который говорил, вскинул брови.

— Я обращаюсь не к нему.

— Вы... Вы здесь из-за меня?

Что такого ужасного я натворила? Мелькнула безумная мысль, что королева узнала о нашей с Адрианом ночи и жутко разозлилась. Неужели из-за этого стоило посылать за мной дворцовых стражей? Может, я в своих выходах и впрямь зашла слишком далеко?

— Почему? — требовательно спросил Дмитрий. Рослый, красивый, иной раз такой привлекательный, сейчас он был напряжен и излучал угрозу.

Не обращая внимания на его слова, страж не сводил с меня взгляда.

— Не вынуждай меня повторяться: ты спокойно идешь с нами или мы тебя заставим.

В его руках блеснули наручники.

— Вы сошли с ума! — Я широко распахнула глаза. — Никуда я не пойду, пока не объясните, какого черта...

В этот момент они, видимо, решили, что добром я не пойду. Двое королевских стражей ринулись ко мне, и хотя я не училась видеть в них врагов, наработанные рефлексy включились мгновенно. Я не понимала происходящего, но знала точно — я не допущу, чтобы меня волокли силой, будто какую-нибудь преступницу. В одного стража я швырнула свое кресло, другого хотела ударить, но лишь едва задела, поскольку он был выше; однако именно высокий рост не дал ему сразу схватить меня; сумев увернуться, я с силой ударила его по ногам. Он заворчал — значит, удар достиг цели.

Вокруг раздавались крики. Работники кафе забились за стойку, как будто боялись, что сейчас начнется автоматная стрельба. Клиенты вскочили со своих мест, роняя еду и посуду, и бросились к выходам, но те оказались заблокированы стражами, и это вызвало новую волну криков.

Тем временем в схватку вступили другие стражи. Хотя я и сумела нанести несколько приличных ударов, противников у меня было слишком много. Один вцепился в мое запястье и попытался защелкнуть наручники, но в этот миг чьи-то руки схватили меня с другой стороны и с силой дернули к себе.

Это был Дмитрий.

— Не прикасайтесь к ней, — бросил он.

Его голос звучал так, что я задрожала бы от страха, обращайся он ко мне. Он задвинул меня за спину таким образом, что с другой стороны меня защищал стол. Стражи ринулись на нас со всех сторон, и Дмитрий стал расправляться с ними с той смертоносной грацией, за которую когда-то его называли богом. Он не убивал их, просто выводил из строя. Если кто-то обольщался насчет того, что возвращение из состояния стригоя и прозябание в тюрьме ослабили его боевые навыки, он ужасно ошибался. Дмитрий был могуч от природы; ему удавалось побеждать даже в тех случаях, когда силы были неравны, и одновременно пресекать мои попытки вмешаться в схватку. Может, королевские стражи и лучшие из лучших, но Дмитрий... Мой бывший возлюбленный и инструктор был вне всяких

категорий и полностью использовал свое мастерство, чтобы защитить меня.

— Держись позади! — приказал он мне. — Они тебя не схватят.

Сначала я была потрясена его яростным стремлением защитить меня — хотя мне претило стоять в стороне. Это зрелище завораживало — одновременно и пугающе грозное, и прекрасное. Человек-армия, защищающий свою возлюбленную и наводящий ужас на врагов...

Потом меня словно ударило.

— Прекратите! — закричала я. — Я пойду с вами!

Поначалу в пылу сражения никто меня не услышал. Стражи не оставляли попыток проскользнуть Дмитрию за спину, но он, казалось, чувствовал их и отпихивал креслом или тем, что еще подворачивалось под руку, одновременно продолжая раздавать удары. Кто знает? Может, он и впрямь был в состоянии в одиночку справиться с целой армией.

Вот только я не могла допустить этого.

Я схватила его за руку.

— Хватит! Не надо больше драться!

— Роза...

— Остановитесь!!!

По-моему, это был самый громкий вопль в моей жизни; во всяком случае, он разнесся по всей комнате — а может, даже и по всей дворцовой усадьбе.

Схватка прекратилась не сразу, но многие стражи сбавили темп. Из-за стойки выглядывали перетрусившие работники кафе. Дмитрий не расслаблялся, по-прежнему готовый отразить любой удар, и мне пришлось особо обратиться к нему.

— Остановись, — теперь уже почти прошептала я, поскольку внезапно стало очень тихо. — Не надо больше. Я пойду с ними.

— Нет! Я не допущу, чтобы они тебя схватили.

— Мне нужно пойти с ними, — умоляюще сказала я.

Он тяжело дышал, но оставался собранным и готовым к новой атаке. Наши взгляды встретились; искры по-прежнему проскакивали между нами, от него ко мне, и обратно мгновенно передавались сотни сообщений. Я от всей души надеялась, что он поймет меня правильно.

Один из стражей на пробу сделал шаг вперед — для чего ему пришлось обойти своего лежащего без сознания коллегу, — и Дмитрий снова напрягся. Я не стала вклиниваться между ними, просто схватила Дмитрия за руку, продолжая смотреть ему в глаза.

— Пожалуйста, больше не надо.

И наконец он понял, что я пытаюсь ему внушить. Люди все еще

боялись его, никто не мог с уверенностью сказать, кто он такой. Лисса говорила, что его нормальное, спокойное поведение развеет страхи. Но это? Сражение с целой армией стражей? Это не добавит ему баллов за хорошее поведение. С этим беспокойством я немного опоздала, но стоило постараться минимизировать урон. Нельзя допустить, чтобы его снова посадили под замок — да к тому же из-за меня.

Его глаза выражали несогласие: нет, он готов сражаться и дальше, пока не рухнет без сил, но до того не позволит им схватить меня.

Я покачала головой и сжала его руку на прощание. На длинных, изящных пальцах — точно таких, как мне помнилось, — все еще ощущались мозоли, заработанные годами тренировок. Отпустив его руку, я повернулась к тому стражу, который заговорил первым и которого я посчитала старшим в этой команде.

— Я спокойно пойду с вами. — Вытянув вперед руки, я медленно двинулась к стражу. — Только, пожалуйста, не сажайте его снова под замок. Он просто подумал... что мне грозит опасность.

И лишь когда наручники сомкнулись на запястьях, до меня начало доходить, что дела мои и впрямь плохи. Стражи помогли друг другу подняться, их командир сделал глубокий вдох и объявил то, что пытался сказать с самого начала. Я напряглась, ожидая услышать имя Виктора.

— Роза Хэзевей, ты арестована за преступление общегосударственного масштаба.

Этого я никак не ожидала, но кротко спросила, надеясь хотя бы не усугубить свою вину:

— Какого рода преступление?

— Убийство ее величества королевы Татьяны.

Двадцать шесть

Возможно, у судьбы скверное чувство юмора, но в итоге я оказалась в той самой камере, где раньше сидел Дмитрий.

После предъявления мне обвинения я спокойно пошла со стражами. Фактически я была в шоке — услышанное казалось слишком невероятным. Меньше всего я думала о том, что обвиняют меня, не чувствовала по этому поводу ни гнева, ни возмущения, поскольку все затмевал сам факт смерти Татьяны.

И она не просто мертва. Убита.

Убита?

Как такое могло произойти? Как такое могло произойти здесь? Королевский двор — одно из самых безопасных мест в мире, и в особенности для монаршей особы. Ее охранял тот самый отряд, который накинудся на нас с Дмитрием. Ни один стригой не мог добраться до нее на территории дворцовой усадьбы, а я была уверена, что Татьяна ее не покидала. С учетом постоянной внешней угрозы убийство во внутреннем кругу дампинов и мороев было делом почти неслыханным. Конечно, иногда такое случалось, конфликты неизбежны в любом сообществе, но, за редчайшими исключениями, дальше жарких споров в Совете дело не заходило. Вот почему Виктору вынесли такой суровый приговор — ужаснее его преступлений никто и вообразить не мог.

До сегодняшнего дня.

«Переварив» кажущуюся немыслимой идею того, что Татьяна мертва, я обрела способность задать себе более насущный вопрос: почему я? Почему обвиняют именно меня? Я, конечно, не юрист, но уверена — ни один суд не обвинит меня всерьез только потому, что я обозвала ее ханжой и сукой.

Я пыталась расспросить охранников у камеры, но они молчали, сохраняя каменное выражение лица. В конце концов, охрипнув от крика, я повалилась на койку и проникла в сознание Лиссы, рассчитывая получить больше информации.

Лисса и сама прикладывала отчаянные усилия, пытаясь выяснить все, что можно. Вместе с Кристианом она находилась в охваченном суматохой вестибюле одного из административных зданий. Повсюду сновали дампиры и морой; одни в ужасе от крушения самих государственных основ, другие — рассчитывая половить рыбку в мутной воде. Лисса и

Кристиан стояли в самом центре этого водоворота.

Хотя формально Лисса уже была взрослой, на деле кто-нибудь из старших при дворе всегда опекал ее — обычно Присцилла Вода, а время от времени сама Татьяна. По объективным причинам ни та ни другая больше не могли заботиться о юной принцессе Драгомир. Многие королевские морои с уважением относились к Лиссе, это правда, но к кому обратиться теперь, она не знала.

Чувствуя, что она волнуется, Кристиан сжал ей руку.

— Тетя Таша наверняка в курсе того, что происходит, — сказал он. — Рано или поздно она появится. И не допустит, чтобы с Розой что-нибудь случилось.

Лисса чувствовала в его словах оттенок неуверенности, но не стала обсуждать это. Таша, может, и захочет, чтобы со мной ничего не случилось, но она ведь не всемогуща.

— Лисса!

Голос Адриана заставил обоих резко обернуться. Он только что вошел вместе с матерью и выглядел так, будто прибыл сюда прямиком из моей спальни, — во вчерашней одежде, со взлохмаченными волосами. Его помятый вид еще более подчеркивал элегантность и собранность Даниэллы — живого воплощения деловой леди, тем не менее не утратившей женственности.

Наконец-то появились люди, которые, возможно, что-то знают!

— Слава богу! — воскликнула Лисса, бросаясь к ним. — Никто не объясняет нам, что произошло... только и известно, что королева мертва, а Роза под арестом. — Она устремила на Даниэллу умоляющий взгляд. — Ведь это какое-то недоразумение.

Та похлопала девушку по плечу, пытаясь успокоить — насколько это было реально в нынешних обстоятельствах.

— Боюсь, что нет. Татьяну убили сегодня ночью, и Роза — главный подозреваемый.

— Но она никогда не сделала бы этого! — воскликнула Лисса.

— То, что она раскричалась на Совете, еще не доказывает, что она убийца, — добавил Кристиан. Мы с ним рассуждали одинаково; это почти пугало. — Равно как и ее появление на «Вахте смерти».

— Ты прав, всего этого недостаточно для предъявления обвинения, но и не говорит в ее пользу, согласишься. По-видимому, имеется другое доказательство ее вины.

— Интересно, какое? — спросила Лисса.

— Не знаю, — извиняющимся тоном ответила Даниэлла. —

Расследование еще не закончено. Предстоит слушание, где представят это доказательство, а Розе зададут вопросы относительно ее местопребывания, возможных мотивов... ну, всякого такого. — Она окинула взглядом мечущихся вокруг людей. — Если, конечно, до этого вообще дойдет. Такого не случилось... на протяжении веков. Вся власть до избрания нового монарха принадлежит Совету. Однако повсюду царит хаос, люди напуганы, и я не удивлюсь, если Совет объявит военное положение.

Кристиан с надеждой посмотрел на Лиссу.

— Ты видела Розу вчера вечером? Она была с тобой?

— Нет. — Лисса нахмурилась. — По-моему, она была в своей комнате.

В последний раз я видела ее позавчера днем.

— Жаль. — Даниэлу это сообщение не обрадовало. — Если она была одна, у нее нет алиби.

— Она была не одна.

Все трое обратили взгляды на Адриана. Это были его первые слова после того, как он окликнул Лиссу. До сих пор она почти не замечала его, не давая и мне возможности в него взглянуть, лишь отметила нехарактерный для него неопрятный вид. Выражение тревоги и огорчения делали его старше, чем на самом деле. Исследуя его ауру, она обнаружила обычное для пользователя духа золотое сияние, но и в нем, и в других цветах темнели вкрапления тьмы. И еще аура мерцала, что свидетельствовало о нестабильности. Все случившееся обрушилось на него слишком неожиданно, но, уверена, при первой же возможности он прибегнет к таким средствам восстановить душевное равновесие, как сигареты и спиртное. Обычно он так и поступал.

— Что ты сказал? — резко спросила Даниэлла.

— Она была не одна. Я всю ночь провел с ней.

Лисса и Кристиан изо всех сил старались сохранить нейтральное выражение лица, однако Даниэлла явно была в шоке — естественная реакция матери на прямое упоминание о сексуальной жизни ее отпрыска.

— Ох, не начинай! — сказал Адриан, тоже заметив, как изменилось ее лицо. — Твои моральные устои, твои взгляды... в данный момент все это не имеет никакого значения. — Он кивнул в сторону охваченных паникой людей, громко вопящих, что Виктор Дашков наверняка прячется где-то поблизости и намерен убить их всех. — Я был с Розой. Это доказывает, что она никого не убивала. С твоим материнским беспокойством насчет моей личной жизни разберемся позже.

— Меня вовсе не это беспокоит! — Тем не менее Даниэлла почти утратила самообладание. — Если у них есть твердое доказательство ее

вины, ты окажешься замешан во всем этом! Ты тоже можешь попасть под подозрение.

— Татьяна была моей тетей! — воскликнул Адриан. — Зачем, ради всего святого, нам с Розой убивать ее?

— Потому что королева не одобряла ваших отношений. А Роза не одобряла поддержанного королевой постановления о снижении возрастного ценза стражей, — сказал Кристиан. Лисса сердито посмотрела на него. — Что? Я просто формулирую то, что любому в голову придет. И мы все слышали — люди выдумывают такое, что даже для Розы все-таки чересчур.

Веские доводы, ничего не скажешь.

— Когда? — Даниэлла схватила Адриана за рукав. — Когда ты был с Розой? Когда пришел к ней?

— Не знаю... Не помню...

— Адриан! — Она сильнее вцепилась в него. — Будь же наконец серьезен! Если дальше так пойдет, то это для тебя жизненно важно. Если ты пришел к ней после того, как Татьяну убили, тогда ты тут точно ни при чем. Если же ты был с ней до этого...

— Тогда у нее есть алиби, — прервал он мать. — И проблема закрыта.

— Надеюсь, это так, — пробормотала Даниэлла. На молодежь она больше не смотрела. Колесики лихорадочно крутились в ее голове — она старалась придумать, как защитить сына. То, что произошло со мной, она воспринимала как несчастный случай; предметом ее первостепенной тревоги, естественно, был Адриан.

— Нужно срочно найти тебе адвоката, — наконец решила она. — Я поговорю с Дамоном еще до слушания. И Руфус тоже должен быть в курсе. Проклятье! — По-видимому, леди Ивашкова ругалась нечасто, поскольку Адриан вскинул брови. — Мы непременно должны выяснить, когда точно ты пришел туда.

Весь вид Адриана по-прежнему выражал тоску; казалось, он рухнет под ударами судьбы, если в ближайшее время не подкрепит свои силы никотином или алкоголем. Это было невыносимо — видеть его в таком состоянии и к тому же знать, что я всему причиной. Он далеко не слабый человек, но некоторые черты собственной натуры, отягощенной влиянием стихии духа, мешают ему справляться с такими ситуациями. И все же, несмотря на беспокойство, он сумел вспомнить кое-что, способное помочь его обезумевшей от волнения матери.

— Когда я входил в здание, в вестибюле кто-то был... швейцар, скорее всего. Консьержа, правда, на месте не оказалось.

— Вот оно! — Даниэлла просияла. — То, что нужно. Дамон выяснит, в какое точно время ты пришел туда, и все подозрения с тебя будут сняты.

— И таким образом он сможет защитить меня, если дело обернется плохо?

— Конечно.

— А что насчет Розы?

— Что насчет нее?

Адриан по-прежнему выглядел так, словно вот-вот рассыплется на части, но в его зеленых глазах появилось серьезное, сосредоточенное выражение.

— Если выяснится, что тетю Татьяну убили до того, как я пришел туда, и Розу одну бросят на растерзание волкам, будет Дамон защищать ее?

— Ох, ну дорогой... — промямлила его мать. — Дамон вообще-то такими делами не занимается...

— Займется, если ты попросишь его об этом, — безжалостно заявил Адриан.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, — устало ответила она. — Говорят, есть серьезное доказательство против нее. Если наша семья выкажет сочувствие убийце...

— Она не убийца! Ты ведь встречалась с Розой, она нравится тебе. Можешь ты, глядя мне в глаза, сказать: «Пусть выкручивается как сумеет с той тухлой защитой, которую ей предоставят»? Можешь?

Даниэлла побледнела и, клянусь, буквально съежилась. Не думаю, что она привыкла выслушивать такие отповеди от своего беспечного сына. И хотя его слова звучали разумно и здраво, в голосе и позе сквозило такое безумное отчаяние, что это пугало. Не знаю, чем оно было вызвано — воздействием стихии духа или его собственными чувствами.

— Я... Я поговорю с Дамоном, — сказала наконец Даниэлла, нервно сглотнув.

— Спасибо. — Адриан шумно выдохнул и как будто слегка успокоился.

После этого его мать растворилась в толпе, оставив сына с Лиссой и Кристианом. Они были почти так же поражены, как Даниэлла.

— Дамон Тарус? — спросила Лисса.

Адриан кивнул.

— Кто это? — поинтересовался Кристиан.

— Кузен мамы. Наш семейный адвокат. Тот еще жук. Неприятный тип, но, правда, может вытащить кого угодно из чего угодно.

— Неплохо, — заметил Кристиан. — Но сумеет ли он что-то

противопоставить этому так называемому убедительному доказательству?

— Не знаю. Правда не знаю. — Адриан рассеянно сунул руку в карман, где обычно держал сигареты, но их там не оказалось. Он вздохнул. — Я не знаю, что это за доказательство, и даже не знаю, как умерла Татьяна. Слышал лишь, что сегодня утром ее обнаружили мертвой.

Лисса и Кристиан нахмурились, но моя подруга первой решилась взять на себя роль вестника беды.

— Кол, — сказала она. — Ее нашли в постели с серебряным колом в сердце.

Адриан промолчал, даже лицо его не дрогнуло. Лиссе пришло в голову, что за разговорами о невиновности, доказательстве и адвокатах все как-то упускали из вида тот факт, что Адриан приходился Татьяне внучатым племянником. Он не одобрял некоторых ее решений, часто отпускал шуточки у нее за спиной, тем не менее она была членом его семьи, он знал ее всю жизнь. Ее смерть должна была огорчить его сильнее, чем всех прочих. Даже я испытывала противоречивые чувства: ненавидела королеву за то, как она поступила со мной, но никогда не желала ей гибели. Все-таки иногда она разговаривала со мной... по-человечески. Не всегда же это было притворством — на обеде у Ивашковых, например, она вела себя искренне. И казалась усталой, задумчивой и больше всего озабоченной тем, чтобы обеспечить подданным мир и безопасность.

Полная сочувствия и печали, Лисса провожала взглядом уходящего Адриана, когда Кристиан мягко прикоснулся к ее плечу.

— Пошли. Мы узнали, что требовалось, и просто путаемся здесь под ногами.

Лисса позволила ему вывести себя из здания; ее переполняло чувство беспомощности. Заходящее оранжевое солнце окрашивало в теплый золотистый цвет каждый лист, каждое дерево. В воздухе висел шум голосов, испуганные люди торопились сообщить друг другу новости. Некоторые были уже в трауре, с залитыми слезами лицами. Интересно, насколько они искренни? Даже в разгар трагедии королевские морой не забывают о своем стремлении к власти.

И каждый раз, услышав мое имя, Лисса все больше наливалась гневом. В этом чувстве всегда мало хорошего, но этот гнев был особенно опасен: он напоминал мне черный дым, клубящийся в ее душе и способный довести до взрыва. В этом сказывалось дурное влияние стихии духа.

— Просто поверить не могу! — воскликнула Лисса. При этих словах Кристиан поспешно увел ее туда, где никто не мог их слышать, но она даже не заметила. — Как можно думать такое о Розе? Это подстроено, не иначе.

— Знаю, знаю. — Он тоже умел распознавать опасные признаки влияния стихии и пытался ее успокоить. Дойдя до маленького, заросшего травой участка в тени большого орехового дерева, они уселись на землю. — Мы знаем, что она этого не делала. И докажем это. Нельзя наказывать человека за то, чего он не совершал.

— Ты не знаешь их, — проворчала Лисса. — Если с ней захотят расправиться, они пойдут на все.

Почти безотчетно я перетянула на себя немного тьмы, надеясь, что ей станет легче. К несчастью, сама я от этого разозлилась еще больше.

Кристиан засмеялся.

— Ты забываешь — я вырос среди них и ходил в школу с их детьми. Но впадать в панику рано, пока мы не выясним больше, договорились?

Сейчас Лисса чувствовала себя лучше и слабо улыбнулась Кристиану.

— Не помню, чтобы ты прежде был таким благоразумным.

— Это потому, что все по-разному понимают слово «благоразумный». Боюсь, что ранее ты не всегда меня правильно понимала, вот и все.

Лисса рассмеялась.

— Думаю, тебя часто неправильно понимают.

Их взгляды встретились; его улыбка стала теплее и мягче.

— Надеюсь, это не будет неправильно понято, иначе я рискую схлопотать пощечину.

С этими словами он наклонился и запечатлел на ее губах поцелуй. Без малейших колебаний Лисса ответила ему, полностью отдавшись сладостному порыву. К несчастью, я воспринимала все ее эмоции. Когда они оторвались друг от друга, сердце Лиссы гулко колотилось, щеки пылали.

— И какое же определение ты этому дашь? — спросила она, все еще чувствуя прикосновение его губ.

— Это означает «прости меня».

Она отвернулась, нервно вырывая пучки травы. Потом вздохнула и подняла на него взгляд.

— Кристиан... у тебя было что-то с Джил? Или с Мией?

— Что? — Он удивленно посмотрел на нее. — Как ты могла такое подумать?

— Ты проводил с ними много времени.

— На свете есть лишь одна девушка, которая мне нужна. — Прикованный к Лиссе взгляд кристально-голубых глаз не оставлял сомнений в том, кого он имеет в виду. — Ни о какой близости с другой не может быть и речи. Несмотря ни на что, даже на историю с Эйвери...

— Кристиан, я очень сожалею об этом...

— Ты не должна...

— Нет, я сожалею...

— Проклятье, ты дашь мне догово...

— Нет, — подтвердила Лисса, наклонилась и сама поцеловала его.

Все ее тело запылало: и для нее Кристиан был единственным на свете желанным мужчиной.

Ну, по-видимому, Таша была права: только я могла снова свести их вместе. Но неужели ради этого мне непременно надо было угодить под арест!

Я выскользнула из головы Лиссы — чтобы оставить их наедине и избавить себя от зрелища того, как они милуются. В данный момент для меня они не могли ничего сделать, пусть порадуются своему воссоединению. Им оставалось только ждать, пока появится новая информация, а их способ ждать все же гораздо менее вреден для здоровья, чем тот, который наверняка выбрал Адриан.

Я лежала на койке и глядела в потолок. Повсюду вокруг — лишь металл и серые стены; это буквально сводило с ума. Ни телевизора, ни хоть какой-нибудь книжки, чтобы отвлечься. Прямо как зверь в клетке. Камера, казалось, становилась все меньше и меньше. Оставалось лишь прокручивать в сознании то, что выяснилось благодаря Лиссе, и анализировать каждое слово. Конечно, вопросов возникало множество, но мысленно я все время возвращалась к разбирательству, о котором говорила Даниэлла. Что это вообще такое? Когда оно состоится?

Ответ на последний вопрос я получила спустя несколько часов.

К этому времени я впала в состояние, близкое к оцепенению, и не сразу осознала, что у входа в камеру стоит Майкл. Вскочила с койки и увидела, что он отпирает дверь. В душе вспыхнула надежда.

— Что случилось? — воскликнула я. — Меня отпускают?

— Увы. — Он надел на меня наручники. Я не сопротивлялась. — Мне поручено доставить тебя на разбирательство дела.

В коридоре было полно стражей — точь-в-точь как недавно, когда эту камеру занимал Дмитрий. Мы с Майклом шли рядом и, слава тебе господи, всю дорогу разговаривали; он не вышагивал с каменным лицом, храня это их жуткое молчание, что, по-видимому, было обычным способом обращения с заключенными.

— Что такое «разбирательство»? Суд?

— Нет-нет, суд так быстро не происходит. Будут решать, передавать ли твое дело в суд.

— Не понимаю, к чему еще и это. По мне, пустая трата времени, — заметила я.

После камеры было необыкновенно приятно вдыхать свежий, влажный воздух.

— Будет потрачено впустую гораздо больше времени, если ты предстанешь перед судом, а там выяснится, что дела как такового нет. Сейчас будут представлены имеющиеся доказательства, и судья — ну или кто-то, выступающий в роли судьи, — решит, есть ли основания передавать твое дело в суд. Это как бы предварительное разбирательство, а выносит окончательный вердикт и назначает наказание суд.

— Почему так долго пришлось ждать этого их разбирательства? Я целый день проторчала в камере!

Он засмеялся, но отнюдь не весело.

— Это еще быстро, Роза. Очень быстро. Иные ждут дни или даже недели, и все это время подозреваемый находится за решеткой.

— В таком случае почему они так торопятся?

— Не знаю. Уже почти лет сто не убивали ни одного монарха. Люди в панике, и Совет хочет как можно скорее восстановить порядок. У них уже есть грандиозные планы относительно похорон королевы — это будет настоящий спектакль, направленный на то, чтобы отвлечь внимание общественности. Это разбирательство — тоже попытка восстановить порядок.

— Что? Каким это образом?

— Чем скорее убийцу найдут и осудят, тем скорее к обществу вернется ощущение безопасности. Они так уверены в твоей виновности, что торопятся проверить все это как можно быстрее. Они хотят, чтобы ты оказалась виновна. Считают, что если похоронят ее, уже зная убийцу, то люди смогут спать спокойно, пока они выбирают нового монарха.

— Но я не...

Я оборвала себя. Какой смысл отрицать?

Впереди уже вырисовывалось здание суда. Когда я была здесь в связи с процессом по делу Виктора, оно казалось отталкивающим и даже угрожающим, но причиной тому была боязнь воспоминаний, которые Виктор пробуждал во мне. Сейчас... сейчас на кону стояло мое будущее. И даже более того. Моройский мир наблюдает, ждет и надеется, что я — убийца, от которого безопаснее избавиться раз и навсегда.

— Как думаешь, — нервничая, спросила я Майкла, — мое дело передадут в суд?

Он не отвечал. Один из стражей распахнул перед нами дверь.

— Майкл! Неужели меня действительно будут судить за убийство? —
настойчиво повторила я.

— Да, — сочувственно ответил он. — Я практически уверен в этом.

Двадцать семь

Вступая в зал суда, я переживала один из самых сюрреалистических моментов своей жизни — и не только потому, что обвиняемой была я сама. Просто мне все время вспоминался суд над Виктором, и мысль, что сейчас я окажусь на его месте, казалась слишком странной, почти непостижимой.

Когда человека вводят в зал суда под усиленной охраной, все взгляды — и, поверьте, туда набилось множество людей — естественным образом обращаются на него, поэтому я постаралась не выглядеть пристыженной или смущенной. Шла уверенно, с высоко поднятой головой. И снова на меня что-то нашло: перед моим внутренним взором возник образ Виктора. Он тоже входил сюда с вызывающим видом, и тогда это потрясло меня — что человек, совершивший подобное преступление, может так себя вести. Неужели все эти люди то же самое думают обо мне?

На возвышении в передней части зала сидела незнакомая мне женщина. У мороев принято в случае необходимости назначать какого-нибудь юриста на должность судьи — для проведения разбирательства и тому подобного. На самом суде — по крайней мере, в таком серьезном деле, как дело Виктора, — председательствовала королева. Именно она выносила окончательный вердикт. Сейчас решение о том, передавать ли мое дело в суд, будут принимать члены Совета.

Меня провели к передним рядам, за барьер, отделяющий ключевых игроков от аудитории, и дали понять, чтобы я села рядом с мороем средних лет в очень официальном и одновременно очень модном черном костюме. В светлых волосах поблескивали редкие серебряные пряди, и выглядел он весьма внушительно. Я предположила, что это Дамон Тарус, мой адвокат, но он не сказал мне ни слова.

Майкл тоже сел рядом, и я порадовалась, что на роль приставленного непосредственно ко мне охранника избрали именно его. Оглянувшись, я увидела Даниэлла и Натана Ивашковых, сидящих среди других высокопоставленных мороев. Адриан, однако, устроился не со своей семьей, а гораздо дальше, с Лиссой, Кристианом и Эдди. Лица моих друзей были исполнены тревоги.

Судья — пожилая, седовласая моройка, которая, однако, выглядела так, словно все еще могла и сама надрать кому нужно задницу, — потребовала внимания, и я снова повернулась лицом вперед. В зал входили члены Совета, и она одно за другим объявляла их имена. Для них были

подготовлены два ряда скамей, по шесть в каждом, и тринадцатая позади, возвышающаяся над остальными. Конечно, занятыми оказались лишь одиннадцать мест, и я постаралась не заводиться — ведь Лисса определенно должна была сесть на двенадцатое.

Когда члены Совета устроились, судья повернулась лицом к нам и заговорила громким, звучным голосом, разнесшимся по всему залу.

— Приступаем к слушанию, в процессе которого предстоит решить, достаточно ли доказательств для...

Суматоха у двери заставила ее смолкнуть; зрители вытягивали шеи, сисясь разглядеть, что происходит.

— В чем дело? — требовательно спросила судья. Один из охранников приоткрыл дверь, просунул в нее голову, поговорил с кем-то, стоящим в коридоре, и вернулся в зал.

— Прибыл адвокат обвиняемой, ваша честь.

Судья посмотрела на Дамона, потом на меня и обратила недовольный взгляд на охранника.

— У нее уже есть адвокат.

У стража сделался комично беспомощный вид. Если бы за дверью находился стригой, он знал бы, что делать, а как поступить в случае такого необычного нарушения протокола? Судья вздохнула.

— Хорошо. Кто бы это ни был, пусть войдет. Нужно уладить это дело.

В зал вошел Эйб.

— О господи! — вырвалось у меня.

И тем самым я тоже нарушила протокол, но до этого никому не было дела — жужжание голосов тут же наполнило зал. По крайней мере, половина зрителей пришли в ужас, поскольку знали, кто такой Эйб и какая у него репутация. Вторая половина, похоже, была просто ошеломлена его появлением.

На нем красовался серый кашемировый костюм, заметно светлее, чем мрачный черный костюм Дамона. Из-под него выглядывала рубашка, такая ослепительно белая, что, казалось, она светится — в особенности по контрасту с темно-красным шелковым галстуком. Мелькали и другие аксессуары красного цвета — торчащий из кармана платок, рубиновые запонки. Естественно, костюм был дорогой и прекрасно скроен — не хуже, чем у Дамона. Однако Эйб не выглядел так, словно носит траур. Он даже не походил на человека, пришедшего в суд, — скорее можно было подумать, что он просто заглянул сюда по пути на вечеринку. И конечно, аккуратно подстриженная черная бородка никуда не делась, а в ушах, как обычно, блестели золотые серьги в виде колец.

Он направился к судье; та успокоила зал, вскинув руку.

— Ибрагим Мазур, — констатировала она, покачивая головой; в ее голосе отчетливо слышались удивление и осуждение. — Это несколько... неожиданно.

Эйб отвесил ей почтительный поклон.

— Счастлив снова встретиться с тобой, Паула. Ты не постарела ни на день.

— Мы не в загородном клубе, мистер Мазур. И, пока вы здесь, обращайтесь ко мне соответствующим образом.

— Ах! Конечно. — Он подмигнул ей. — Мои извинения, ваша честь. — Он оглянулся и задержал взгляд на мне. — Вот и она. Извините за опоздание. Давайте начнем.

— Что происходит? — Дамон поднялся. — Кто вы такой? Я ее адвокат.

— По-видимому, это какая-то ошибка. — Эйб покачал головой. — Перелет сюда занял определенное время, что объясняет, почему в мое отсутствие вас назначили общественным защитником.

— Общественным защитником? — Дамон побагровел от возмущения. — Я один из самых известных адвокатов американских мороев.

— Известный, общественный... — Эйб пожал плечами, покачиваясь с носков на пятки. — Тут я не судья. Извините на невольный каламбур.

— Мистер Мазур, — вмешалась судья, — вы адвокат?

— Я един во многих лицах, Паула... ваша честь. Кроме того, какое это имеет значение? Ей нужен человек, который будет представлять ее в суде.

— И у нее уже есть такой человек! — воскликнул Дамон. — Это я.

— Больше нет, — заявил Эйб тем же любезным тоном, не переставая улыбаться.

Однако я заметила в его глазах то опасное мерцание, которое наводило ужас на его врагов. Он был само спокойствие, а Дамон выглядел так, словно его вот-вот хватит удар.

— Ваша честь...

— Хватит! — произнесла судья своим звучным голосом. — Пусть девушка сама решает. — Взгляд ее карих глаз остановился на мне. — Кого вы предпочитаете видеть своим представителем в суде?

— Я...

Внезапно все внимание переключилось на меня. До сих пор я наблюдала за драматическим соперничеством этих двоих, словно за партией в теннис, и вот сейчас мяч угодил мне в голову.

— Роза...

Я вздрогнула, слегка повернулась и прямо у себя спиной увидела прокравшуюся туда Даниэллу Ивашкову.

— Роза, — повторила она шепотом, — ты понятия не имеешь, что за человек этот Мазур. — «О, да неужели?» — подумала я, а она продолжала: — Не стоит иметь с ним никакого дела. Дамон — лучший из лучших. Его было нелегко заполучить.

Она вернулась на свое место. Я переводила взгляд с одного своего потенциального адвоката на другого. Мне был ясен ход мыслей Даниэллы. Адриан настаивал, чтобы она уговорила Дамона защищать меня, и она сделала это. Отказаться от его услуг означало бы оскорбить ее, а этого мне не хотелось — ведь она одна из немногих среди королевских мороев, кто был любезен со мной. Кроме того, если весь этот процесс — ловушка, подстроенная королевскими мороями, то совсем неплохо иметь одного из них на своей стороне: такой расклад даст мне больше шансов выпутаться.

И тем не менее... Вот он, Эйб, стоит и смотрит на меня с этой многозначительной улыбкой. Он определенно умеет добиваться своего — главным образом силой личного обаяния и репутации. И все же, если реально существует какое-то доказательство моей вины, обаяния против него мало. Да, Эйб хитер, и не зря его прозвали Змеем, он способен сделать невозможное возможным; и ради меня, конечно, потянет за все свои ниточки.

И все же он не адвокат.

С другой стороны, он мой отец.

И хотя пока мы едва знали друг друга, он проделал огромный путь, чтобы добраться сюда, и, облачившись в серый костюм, явился защищать меня. Хватит ли для этого отцовской любви? Справится ли он с ролью адвоката? И в конечном счете правда ли, что родная кровь — не вода? Я не знала. На самом деле мне не нравилась эта поговорка. Может, она применима к людям, но для вампиров не имеет смысла.

Как бы то ни было, Эйб вперил в меня пристальный взгляд темно-карих глаз, так похожих на мои собственные. «Доверься мне», — казалось, пытался сказать он. Могу ли я доверять ему? Если бы здесь была мать, ей я доверилась бы — а она, это я точно знала, доверяла Эйбу.

— Я выбираю его. — Со вздохом я кивнула на Эйба и добавила, понизив голос: — Не подведи меня, Змей.

Улыбка Эйба стала шире. В зале послышались потрясенные возгласы, Дамон яростно запротестовал. Может, вначале Даниэлле и пришлось уламывать его заняться мной, но теперь это стало для него делом чести. Мой отказ он воспринимал как пятно на своей репутации.

Однако я сделала выбор, и судья, хоть и с досадой, пресекла все дальнейшие споры по этому поводу. Попросила Дамона удалиться, Эйба занять его место и начала со стандартной вступительной речи, объясняя, по какому поводу мы здесь собрались, и так далее, и тому подобное. Слушая ее, я наклонилась к Эйбу.

— Во что ты втянул меня? — шепотом спросила я.

— Я? Во что ты сама втянула себя? Другие отцы вытаскивают детей из полицейских участков, куда те попадают за потребление алкоголя раньше дозволенного возраста, а я?

До меня начало доходить, почему людей злит, когда в опасной ситуации я отпускаю шуточки.

— На кону мое треклятое будущее! Они хотят, чтобы я предстала перед судом и была признана виновной!

Его лицо утратило всякий намек на юмор, стало решительным и смертельно серьезным. По спине пробежал озноб.

— Клянусь, — ответил он тихим, ровным голосом, — что этого никогда, никогда с тобой не случится.

Судья снова переключила внимание на нас и обвинителя, женщину по имени Айрис Кейн. Не из королевской семьи, но того же поля ягода. Хотя, может, это особенность всех юристов.

Сначала последовало детальное описание того, как была убита королева — как ее нашли сегодня утром в постели, с серебряным колом в сердце и выражением ужаса на лице. Кровь повсюду: на ночной рубашке, на простыне, на теле... Собравшимся продемонстрировали фотографии, что вызвало самую разную реакцию — удивление, страх и панику. А некоторые... некоторые плакали. Кто-то просто от ужаса перед сложившейся ситуацией, но многие наверняка потому, что любили Татьяну или, по крайней мере, симпатизировали ей. Временами она держалась холодно и непреклонно, но по большей части ее царствование протекало в атмосфере мира и справедливости.

После демонстрации фотографий вызвали меня. Предварительное разбирательство проходит не так, как рассмотрение дела в суде. Нет никакого перекрестного допроса свидетелей. Юристы просто по очереди встают и задают вопросы, а судья поддерживает порядок.

— Мисс Хэзевей, — начала Айрис, опустив обращение «страж», — когда этой ночью вы вернулись в свою комнату?

— Точное время не помню... — Я сосредоточилась на ней и Эйбе. — Где-то около пяти утра. Может быть, в шесть.

— С вами кто-нибудь был?

— Нет, ну... да. Позже. — О господи! Вот оно! — Ммм... Ко мне пришел Адриан Ивашков.

— В какое время? — спросил Эйб.

— В этом я тоже не уверена. Спустя несколько часов после моего возвращения, так мне кажется.

Эйб очаровательно улыбнулся Айрис, которая шелестела своими бумагами.

— Убийство королевы произошло между семью и восемью, это точно известно. Роза была не одна — конечно, необходимо, чтобы господин Ивашков подтвердил это.

Я бросила быстрый взгляд на зрителей. Даниэлла побледнела как мел. Сбывался ее ночной кошмар: в дело оказался втянут Адриан. Позади нее я разглядела самого Адриана, неестественно спокойного, и от всей души понадеялась, что он не пьян.

Айрис с победоносным видом подняла лист бумаги.

— У нас есть заверенные показания швейцара, утверждающего, что господин Ивашков вошел в дом примерно в девять двадцать.

— Удивительная точность, — заметил Эйб таким тоном, будто она сказала что-то забавное. — Консьерж подтверждает это?

— Нет, — холодно ответила Айрис. — Но это и не требуется. Швейцар запомнил время, потому что как раз собирался уйти на перерыв. Когда произошло убийство, мисс Хэзевей была одна. У нее нет алиби.

— Ну, это вытекает из довольно сомнительных фактов, — заметил Эйб.

Однако по поводу времени никаких больше обсуждений не последовало. Свидетельство было зафиксировано в официальном протоколе. Мне не нравилось, как идет допрос, но после услышанного благодаря Лиссе примерно этого и следовало ожидать. Отсутствие алиби — это, конечно, плохо, но я разделяла сомнения Эйба. Предъявленного до сих пор явно недостаточно, чтобы отдать меня под суд. Насчет Адриана никаких вопросов больше задано не было — тем самым он оставался в стороне.

— Имеется вещественное доказательство, — провозгласила Айрис, на этот раз с крайне самодовольным видом.

Она понимала, что отсутствие у меня алиби на время убийства еще ничего не значит, но сейчас не сомневалась, что попала в «яблочко».

Это оказался серебряный кол.

Ей-богу, в прозрачном пластиковом контейнере лежал серебряный кол, блестящий в ярком свете, кроме острия, темного от запекшейся крови.

— Этим колом была убита королева, — заявила Айрис. — Колом мисс Хэзевей.

Эйб рассмеялся, правда-правда.

— Ох, оставьте! У стражей огромный запас совершенно идентичных колов.

— Где в данный момент ваш кол? — Будто не слыша его, Айрис посмотрела на меня.

Я нахмурилась.

— У меня в комнате.

Она повела взглядом по залу.

— Страж Стоун?

Поднялся высокий дампир с пышными черными усами.

— Да?

— Вам было поручено провести обыск комнаты и вещей мисс Хэзевей?

— Вы обыскивали мою... — гневно начала я, но взгляд Эйба заставил меня закрыть рот.

— Верно, — ответил страж.

— Вы обнаружили какой-нибудь серебряный кол? — спросила Айрис.

— Нет.

С тем же самодовольным видом она повернулась к нам; Эйб, однако, выглядел так, словно находил эту новую информацию еще более нелепой, чем предыдущая.

— Это ничего не доказывает. Она могла потерять кол, не заметив этого.

— Потерять его в сердце королевы?

— Мисс Кейн! — предостерегающе сказала судья.

— Прошу прощения, ваша честь, — вкрадчиво ответила Айрис и снова обратилась ко мне: — Мисс Хэзевей, у вашего кола есть какие-нибудь характерные особенности? Что-то, позволяющее отличить его от других?

— Д-д-да.

— Можете описать, что это?

Мною овладело дурное предчувствие.

— Узор, выгравированный возле острия. Геометрический.

Стражи иногда делают гравировку. Я нашла этот кол в Сибири и с тех пор хранила его. Точнее говоря, Дмитрий прислал кол мне, когда он выпал из его груди.

Айрис направилась туда, где сидели члены Совета, и прошла мимо,

демонстрируя каждому контейнер. Потом она показала его и мне.

— Это ваш узор? Ваш кол?

Действительно, это был он. Я открыла рот, собираясь сказать «да», но потом поймала взгляд Эйба. Ясное дело, открыто он не мог говорить со мной, но его мысль была ясна. *«Будь осторожна, прояви хитрость»*. Как поступил бы на моем месте такой скользкий тип, как он?

— Это... Узор очень похож, — наконец ответила я. — Но с уверенностью я не могу сказать, мой ли это кол.

Улыбка Эйба показала мне, что я ответила правильно.

— Конечно не можете, — заявила Айрис, как будто ничего другого не ожидала, и отдала контейнер судебному клерку. — Однако теперь, когда Совет убедился, что узор соответствует описанию, и, по словам мисс Хэзевей, кол похож на принадлежащий ей, позвольте обратить ваше внимание на то, — она с победоносным видом подняла очередную бумагу, — что на нем обнаружены ее отпечатки пальцев.

Вот оно. То самое «неопровержимое доказательство».

— А какие-нибудь другие отпечатки пальцев есть? — спросила судья.

— Нет, ваша честь. Только ее.

— Это ничего не означает. — Эйб пожал плечами. Возникло ощущение, что если бы я встала и призналась в убийстве, он и тогда заявил бы, что это еще не доказательство. — Кто-то надел перчатки и украл у нее кол. На нем есть отпечатки ее пальцев, потому что он принадлежит ей.

— Это слишком притянута за уши, вам не кажется? — спросила Айрис.

— Это скорее ваши доводы притянуты за уши, — возразил он. — Как она могла проникнуть в королевскую спальню? При такой-то охране?

— Ну, на эти вопросы можно будет получить ответы в суде, — сказала Айрис. — Однако, учитывая обширные записи в личном деле мисс Хэзевей касательно ее незаконных проникновений в самые разные места и других нарушений дисциплины, лично у меня нет сомнений, что она могла найти способ пробраться туда.

— У вас нет доказательств. Нет даже версии.

— В этом нет необходимости — на данном этапе, — ответила Айрис. — Представленного материала достаточно для передачи дела в суд. А мы ведь даже не упоминали о том, что мисс Хэзевей выражала королеве свое недовольство законом о снижении возрастного ценза в присутствии огромного количества свидетелей. Если угодно, могу представить расшифровку стенограммы, где, кстати, приведены и другие, весьма эмоциональные высказывания мисс Хэзевей, сделанные публично.

В сознании вспыхнуло воспоминание. Я стою с Даниэллой и зло выкрикиваю — на глазах множества свидетелей, — что королеве не удастся подкупить меня никаким назначением. Глупо с моей стороны — так же, как без официального приглашения являться на «Вахту смерти» или сетовать на то, что королеву защищают гораздо лучше, чем Лиссу, которую захватили в плен стригой. Можно сказать, я сама дала Айрис массу материала для обвинения.

— И еще, — продолжала она. — Нам также известно, что королева крайне неодобрительно относилась к связи мисс Хэзевей и Адриана Ивашкова, в особенности после того, как они покинули двор с намерением пожениться. — Я открыла рот, чтобы возразить, но Эйб снова остановил меня взглядом. — Есть масса других свидетельств неоднократных публичных столкновений ее величества и мисс Хэзевей. Хотите, чтобы я представила письменные доказательства этого, или, может быть, перейдем к голосованию?

Вопрос был обращен непосредственно к судье. Я не очень-то разбираюсь в законах, но все выглядело чертовски убедительно. Меня определенно можно рассматривать как подозреваемую в убийстве, вот только...

— Ваша честь? — обратилась я к судье; по-моему, как раз в тот момент, когда она собиралась сделать заявление. — Могу я высказаться?

Она на мгновение задумалась.

— Не вижу причин для отказа. Для нас важны все свидетельства.

Ах, мои действия на свой страх и риск явно не входили в планы Эйба! Он устремился к барьеру, рассчитывая дать мне мудрый совет попридержать язык, но двигался недостаточно быстро.

— Хорошо, — заговорила я, стараясь, чтобы моя речь звучала как можно разумнее, и изо всех сил сдерживая свой норов. — Вы представили здесь много такого, что и впрямь выглядит подозрительно, это я понимаю. — У Эйба сделался страдальческий вид. Никогда прежде не видела его таким — он редко терял контроль над ситуацией. — Только вот какая штука — все это выглядит слишком подозрительно. Если бы я намеревалась кого-то убить, то действовала бы не так глупо. По-вашему, я оставила бы кол в ее груди? По-вашему, я не сообразила бы надеть перчатки? Бросьте! Прямо-таки обидно слышать такое. Если я настолько хитроумна, как вы тут меня представили, почему я повела бы себя так по-идиотски? Поверьте, если я и впрямь задумала бы это, то действовала бы гораздо лучше. Вам никогда и в голову не пришло бы заподозрить меня. Seriously, не надо делать из меня дуру.

— Роза... — начал Эйб с предостерегающими нотками в голосе.

Я предпочла не услышать.

— Все эти ваши доказательства так нарочито очевидны! Черт, тот, кто все это подстроил, мог с таким же успехом нарисовать стрелку, указывающую на меня, а ведь кто-то точно все это подстроил, но вы слишком глупы, чтобы хотя бы рассмотреть этот вариант. — Почувствовав, что говорю слишком громко, я понизила голос. — Вам нужен легкий и быстрый результат. И в особенности вам нужно, чтобы виновным оказался тот, у кого нет ни связей, ни влиятельной семьи, способной защитить его... — Наверное, это было несправедливо, учитывая присутствие здесь Эйба. — Потому что так у вас заведено. Взять хотя бы этот закон о снижении возрастного ценза. Никто не встал на защиту дампиров, потому что ваша жестокая система не позволяет этого.

Внезапно до меня дошло, что я сильно отклонилась от темы и, подвергая критике новый закон, только увеличиваю основания считать меня виновной. Пришлось взять себя в руки.

— Ммм... так или иначе, ваша честь... я пытаюсь сказать, что представленных доказательств недостаточно, чтобы обвинить меня и передать дело в суд. Я никогда не спланировала бы убийство так скверно.

— Спасибо, мисс Хэзевей, — сказала судья. — Очень... содержательная речь. Можете занять свое место, пока Совет будет голосовать.

Мы с Эйбом вернулись на свою скамью.

— О чем, черт побери, ты думаешь? — прошептал он.

— Я сказала все как есть. Просто защищала себя.

— Не стоило делать этого. Ты же не адвокат.

Я искоса взглянула на него.

— И ты тоже, старик.

Судья спросила Совет, кто считает представленные доказательства достаточными для признания меня подозреваемой и передачи дела и суд. Вскинулись одиннадцать рук. Вот так, в мгновение ока все завершилось.

Наша связь донесла до меня тревогу и смятение Лиссы. Когда мы с Эйбом встали, я оглянулась на зал. Зрители расходились, обсуждая то, свидетелями чего только что стали. Светло-зеленые глаза Лиссы были широко распахнуты, лицо смертельно побледнело. Адриан рядом с ней тоже выглядел расстроенным, но в его устремленных на меня глазах я видела любовь и решимость. А позади них стоял...

Дмитрий.

Я понятия не имела, что он тоже присутствует здесь. Взгляд его

темных, бездонных глаз был прикован ко мне; на бесстрастном лице этот взгляд казался напряженным и пугающим. Перед моим внутренним взором возникло зрелище, как он расшвыривал во все стороны стражей; что-то подсказывало мне, что, попроси я об этом, он сделал бы то же самое снова. Пробился бы ко мне через забитый людьми зал и приложил бы все силы, чтобы спасти меня.

Прикосновение к руке отвлекло меня от Дмитрия. Мы с Эйбом уже начали продвигаться к дверям, но проход впереди был забит людьми, и это вынудило нас остановиться. И в это время кто-то незаметно сунул мне в руку клочок бумаги. Оглянувшись, я увидела, что на одном из крайних кресел сидит Эмброуз и смотрит прямо перед собой. Я хотела спросить его, что все это значит, но внутренний голос остановил меня. Поскольку затор в проходе еще не рассосался, я торопливо развернула листок, стараясь, чтобы Эйб не заметил этого.

Клочок был настолько маленький, что изящный почерк читался с трудом.

Роза!

Если ты читаешь это, значит, произошло нечто ужасное. Наверное, ты ненавидишь меня, и я не виню тебя. Я могу лишь просить поверить — предложенный мной закон о снижении возрастного ценза лучше для твоего народа, чем то, что планируют некоторые другие. Есть морой, которые предпочли бы заставлять всех дампинов служить, независимо от того, хотят они или нет, используя с этой целью магию принуждения. Новый закон притормозит деятельность этой фракции.

Однако я пишу тебе, чтобы сообщить тайну, в которую должно быть посвящено как можно меньше людей. Василисе необходимо занять ее место в Совете, и это можно сделать. Она не последняя из Драгомиров. Есть еще один, незаконный ребенок Эрика Драгомира, не знаю, сын или дочь. Больше мне ничего не известно, но если ты найдешь этого ребенка, Лисса обретет власть, которую заслуживает. Несмотря на твои недостатки и взрывной темперамент, ты единственная, кто, как мне кажется, может справиться с этой задачей. Займись ею, не теряя времени.

Татьяна Ивашкова

Я смотрела на клочок бумаги, слова кружились перед глазами, но

смысл намертво запечатлелся в сознании. Она не последняя из Драгомиров. Есть еще один...

Если это правда, если у Лиссы есть сводный брат или сестра... это изменит все. Она получит голос в Совете. Она больше не будет одинока. Если это правда. Если письмо действительно от Татьяны. Кто угодно мог поставить ее имя на клочке бумаги. Тем не менее я содрогнулась при мысли о том, что получила письмо от умершей. Если бы я позволила себе увидеть призраков вокруг, оказалась бы среди них и Татьяна, не знающая покоя, жаждущая мести? Я не могла заставить себя снять блокирующие стены и выяснить это. Пока нет. Должны быть другие способы получить ответ. Записку передал мне Эмброуз. Нужно расспросить его... вот только движение по проходу возобновилось. Охранник подтолкнул меня, понуждая идти дальше.

— Что это? — спросил Эйб, как всегда настороженный и подозрительный.

Я торопливо сложила бумажку.

— Ничего.

Судя по брошенному на меня взгляду, он не поверил. Я задумалась, нужно ли рассказать ему. «Тайна, в которую должно быть посвящено как можно меньше людей...» Ну, даже если его стоит включить в число этих людей, то уж никак не здесь. Я постаралась стряхнуть с себя оцепенение; записка, конечно, поставила передо мной новую серьезную проблему — но не настолько серьезную, как та, с которой я имела дело в данный момент.

— Ты говорил, что мне не придется идти в суд, — сказала я Эйбу, чувствуя, что снова начинаю заводиться. — А ведь я пошла на такой большой риск, выбрав тебя!

— Никакого риска не было. Тарус тоже не смог бы ничего изменить.

Беспечная позиция Эйба еще больше разозлила меня.

— Ты что, с самого начала знал, что разбирательства нам не выиграть? Майкл говорил то же самое. Приятно, когда в тебя так верят!

— Это не имеет никакого значения, — уклончиво ответил Эйб. — Важно только то, что произойдет дальше.

— И что произойдет дальше?

Он одарил меня этим своим хитрым взглядом.

— Тебе пока не о чем беспокоиться.

Один из стражей потянул меня за руку, говоря, что нужно идти. Упираясь, я наклонилась к Эйбу.

— Черта с два я не стану беспокоиться! Речь идет не о чем-нибудь — о моей жизни! — воскликнула я, прекрасно зная, что меня ждет дальше.

Тюрьма до суда и потом снова тюрьма — если меня признают виновной. — Это серьезно! Я не хочу идти в суд! Не хочу провести всю оставшуюся жизнь в какой-нибудь дыре вроде «Тарасто».

Охранник потянул сильнее, и Эйб вперил в меня пронизывающий взгляд, от которого кровь застыла в жилах.

— Ты не пойдешь в суд. Ты не будешь сидеть в тюрьме, — прошипел он так тихо, что охранник не услышал. — Я этого не допущу. Понимаешь?

Я покачала головой. Столько всего на меня обрушилось! И я понятия не имела, что с этим делать.

— Даже твои возможности не безграничны, старик.

Его улыбка вернулась.

— Тебя ждет много неожиданностей. Кроме того, Роза, убийц королей не сажают в тюрьму, это всем известно.

Я фыркнула.

— Ты в своем уме? Конечно сажают. Что, по-твоему, делают с убийцами? Отпускают на свободу и грозят пальчиком, дескать, больше так не делай?

— Нет, — ответил Эйб, прежде чем повернуться и уйти. — Их казнят.

Благодарности

Множество благодарностей всем друзьям и родным, которые оказывали мне огромную поддержку, когда я работала над этой книгой; в особенности моему изумительному, терпеливому мужу. Знаю, без вас я ни за что не справилась бы! Особая благодарность моей приятельнице Джен Лигот с ее глазом-алмазом.

Что касается издательской деятельности, я, как всегда, благодарна за тяжкую работу моему агенту Джиму Маккарти, равно как и всем прочим сотрудникам литературного агентства «Dystel & Coderish», включая Лорен Абрамо, способствующую распространению «Академии вампиров» по всему миру. Спасибо также работникам издательства «Пингвин» — Джессике Ротенберг, Бену Шренку, Кейси Макинтайр и многим другим, которым этот цикл в огромной степени обязан своим очарованием. Мои издатели за пределами США также делают все возможное для того, чтобы как можно больше людей познакомились с историей Розы, и я не устаю поражаться возрастающему международному резонансу. Огромное спасибо за все ваши труды.

И напоследок я обращаюсь к своим читателям, чей неизменный энтузиазм все еще потрясает меня. Спасибо за то, что вы читаете эти книги и любите моих героев так же сильно, как я.

---

notes

Примечания

1

Фрисби — «летающая тарелка», пластиковый диск для спортивной игры.

Твистер — модная групповая игра. Нужно расстелить на полу игровое поле и выбрать ведущего, который будет крутить стрелку и оглашать «вердикт». Например, ведущий говорит: «Правая рука на зеленое» — игроки ставят правую руку на зеленое, «Левая нога на синее» — все встают левой ногой на синее и так далее. Выигрывает тот, кто сможет устоять даже в самой неудобной позе. Победа может зависеть не только от ловкости и гибкости, но и от стратегии.

Фэрбенкс — город в штате Аляска.

GPS — глобальная система навигации и определения положения.

Стрип — название двухмильного продолжения улицы Фримонт на окраине Лас-Вегаса, где находится больше трехсот отелей, множество казино и ресторанов.

«Том Коллинс» — коктейль из джина с лимоном, сахаром и содовой водой.

Четвертое июля — День независимости, основной государственный праздник США, отмечаемый 4 июля в честь принятия в этот день 1776 года Декларации независимости. Один из самых популярных и любимых праздников в стране; в этот день устраиваются фейерверки, проводятся концерты под открытым небом, на домах вывешивают государственные флаги.

В Америке, в отличие от России, в русских православных общинах в церквях сидят.